БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О. БИСМАРК

МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ТОМ ВТОРОЙ

ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ

БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

О. БИСМАРК

МЫСЛИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Перевод с немецкого
под редакцией проф. Л. С. Ерусалимского

ТОМ
II

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА - 1940

* * *

Русский перевод второго тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» сверен по немецкому изданию: *Otto Furst von Bismarck,* Gedaiiken und Erinnerungen, Neue Ausgabe, Zweiter Band, Stuttgart und Berlin, 1922.

Отмеченные звездочкой (*) подстрочные примечания, за исключением специально оговоренных, принадлежат Бисмарку. Необходимые для понимания текста слова, вставленные немецким издателем или редакцией русского перевода, заключены в квадратные скобки [ ],

В переводе второго тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» на русский язык принимали участие Я. *А. Горкина* и *Р. А. Розенталь.*

Примечания составили *В. В. Альтман* и *В. Д. Вейс.*

В редактировании русского перевода второго тома книги Бисмарка «Мысли и воспоминания» и примечаний к нему принимали участие: *В. М. Турок, В, А. Гиндин, В. С. Троянкер* и по главам XIX — XXIII *Б. Г. Вебер.*

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ШЛЕЗВИГ-ГОЛЬШТЕЙН

I

Моим преемником в Париже был назначен граф Роберт фон дер Гольц, последовательно занимавший с 1855 г. [1] посты посланника в Афинах, Константинополе и Петербурге. Я ожидал, что служба дисциплинирует его, что, перейдя от литературной деятельности к служебной, он станет практичнее, трезвее, что, наконец, назначение на самый важный в то время прусский дипломатический пост удовлетворит его честолюбие; но мои ожидания оправдались не сразу и не вполне. В конце 1863 г. я счел себя вынужденным объясниться с ним путем обмена письмами, которые, к сожалению, не вполне уцелели; у меня сохранился лишь отрывок его письма от 22 декабря, послужившего непосредственным поводом к этой переписке, в копии же моего ответа нехватает начала. Но даже и в таком виде этот ответ сохранил свою ценность как иллюстрация тогдашней обстановки и обусловленного ею развития событий.

«Берлин, 24 декабря 1863 г,

...Что касается датского вопроса[2], то недопустимо, чтобы у короля было два министра иностранных дел, т. е. чтобы человек, стоящий на важнейшем посту, в злободневном вопросе решающего значения защищал непосредственно перед королем политику, противоречащую политике министра. Нельзя еще более усиливать и без того чрезмерное трение нашей государственной машины. Я готов терпеть всякое возражение, если оно исходит из такого компетентного источника, каким являетесь вы; но официально я ни с кем не могу разделить обязанности королевского советника в этом вопросе, и если бы его величество предложил мне нечто подобное, мне пришлось бы выйти в отставку. Я сказал это королю при чтении одного из ваших последних донесений: его величество нашел мою точку зрения естественной; и я не могу ее не придерживаться. Никто не ожидает от вас таких донесений, которые были бы только отражением взглядов министра; но ваши — это уже не донесения в обычном

смысле слова; они носят характер министерских докладов; в них вы рекомендуете королю политику, противоположную той, какая принята им самим в совете со всем министерством и которой он следует вот уже месяц. Резкая, чтобы не сказать враждебная, критика этого решения является уже не донесением посланника, а как бы новой министерской программой. Столь противоположные взгляды, не принося никакой пользы, могут, во всяком случае, принести *вред,* ибо они могут вызвать сомнения и нерешительность, а по моему мнению, любая политика лучше политики колебаний.

Я целиком возвращаю вам обвинение в том, что «весьма простая сама по себе проблема прусской политики» затемняется датским делом и туманными представлениями о нем. Вопрос сводится к тому, являемся ли мы великой державой или одним из союзных германских государств, и надлежит ли нам, в качестве первой, подчиняться самому монарху или же нами будут управлять профессора, окружные судьи и провинциальные болтуны, как это, конечно, допустимо во втором случае. Погоня за призраком популярности «в Германии», которой мы занимаемся с сороковых годов, стоила нам нашего положения в Германии и в Европе. Нам не удастся восстановить его, если мы отдадимся на волю течения, надеясь в то же время управлять им; мы вернее достигнем цели, твердо став на собственные ноги и будучи *прежде всего* великой державой, а *потом уже* союзным государством. Австрия во вред нам всегда считала это правильным для себя и не откажется ради разыгрываемой ею комедии симпатий к Германии от своих союзов с прочими европейскими державами, если она вообще состоит с кем-либо в союзных отношениях. Если мы зайдем, по ее понятиям, слишком далеко, то она еще некоторое время будет делать вид, что продолжает итти вместе с нами, или будет, по крайней мере, заявлять об этом, но 20 процентов немцев в составе ее населения не могут в конечном счете заставить Австрию итти с нами вопреки ее собственным интересам. Она покинет нас при первом удобном случае и сумеет обеспечить своему [политическому] направлению надлежащее положение в Европе, как только мы свернем с этого пути. Политика Шмерлинга[3], подобие которой кажется вам идеалом для Пруссии, потерпела фиаско. Наша политика, против которой вы так горячо восставали весной, вполне оправдала себя в польском вопросе, тогда как политика Шмерлинга принесла Австрии горькие плоды. Разве не величайшая наша победа, что Австрия, два месяца спустя после предпринятой ею попытки реформы[4], радуется, когда об этом не вспоминают, что она шлет своим бывшим друзьям ноты, идентичные нашим, и вместе с нами грозно предупреждает свое любимое детище, большинство Союзного сейма, что она не потерпит засилья этого боль-

шинства? Мы добились нынешним летом уничтожения брегенцской коалиции [5], к чему тщетно стремились 12 лет. Австрия приняла нашу программу, над которой открыто издевалась в октябре прошлого года; вместо Вюрцбурга [6], она добивается союза с Пруссией, принимает нашу помощь, и если мы отвернемся от нее в настоящую минуту, то свергнем министерство. До сих пор еще не было случая, чтобы венской политикой до такой степени руководили en gros et en detail [в общем и в частностях] из Берлина. Кроме того, у нас заискивает Франция; Флери предлагает больше того, на что может [пойти] король; в Лондоне и в Петербурге наш голос имеет такой вес, какого он не имел за все последние 20 лет; и все это через восемь месяцев после того, как вы предсказывали крайне опасную для нас изолированность в результате нашей польской политики. Если мы повернемся теперь спиной к великим державам и бросимся в объятия политики мелких государств, запутавшихся в сетях демократии ферейнов, то мы поставим этим монархию в самое жалкое положение и внутри и за пределами страны. Не мы, а нами руководили бы тогда; нам пришлось бы опираться на такие элементы, которыми мы не в состоянии овладеть и которые неизбежно враждебны нам; тем не менее мы должны были бы отдать себя на их гнев и милость. Вы полагаете, что в «германском общественном мнении», в палатах, газетах и т. п. заключено нечто такое, что может поддержать нас и помочь нам в нашей политике, направленной на достижение единства и гегемонии. Я считаю это коренным заблуждением, продуктом фантазии. Мы укрепимся не на основе политики, опирающейся на палаты и прессу, а на основе великодержавной политики вооруженной руки, мы не располагаем излишком сил, чтобы растранжиривать их в ложном направлении на пустые фразы и Августенбурга. Вы преувеличиваете значение датского вопроса; вас ослепляет то, что этот вопрос стал общим боевым кличем демократии, которая руководит прессой и ферейнами и раздувает этот сам по себе не столь уж важный вопрос. Год тому назад кричали о двухгодичном сроке службы [7], восемь месяцев тому назад — о Польше [8], теперь — о Шлезвиг-Гольштейне. Припомните, как вы сами оценивали положение Европы летом. Вы боялись всевозможных опасностей для нас, вы не скрывали в Киссингене вашего мнения о несостоятельности нашей политики; разве со смертью датского короля все эти опасности внезапно исчезли и разве бок о бок с Пфордтеном, Кобургом [9] и Августенбургом, опираясь на болтунов и аферистов из прогрессистской партии [10], мы внезапно оказались бы теперь достаточно сильными, чтобы бросить вызов всем четырем великим державам? Или эти державы стали вдруг так добродушны и бессильны, что мы, не опасаясь их, можем смело пойти на любые осложнения?

Вы указываете, что если бы мы могли осуществить программу Гагерна [11] без имперской конституции, то это было бы «изумительной» политикой. Я не вижу, как могли бы мы этого добиться, если бы нам пришлось побеждать Европу *в союзе* с вюрцбуржцами, находясь в зависимости от их поддержки. Одно из двух: либо другие правительства честно пришли бы нам на помощь, и борьба привела бы к тому, что в Германии прибавился бы еще один великий герцог [12], еще один вюрцбуржец, который, заботясь о своем вновь обретенном суверенитете, голосовал бы в Союзном сейме против Пруссии; либо же нам пришлось бы — и это более вероятно — вырвать почву из-под ног у наших союзников *посредством* имперской конституции и при этом рассчитывать все же на их верность. Если бы это не удалось, как приходится предполагать, мы оскандалились бы; если бы это удалось, мы достигли бы единства с имперской конституцией.

Вы говорите о государственном комплексе с 70-ю миллионами населения и миллионом солдат [13], о том, что, сплотившись, он должен противостоять Европе; следовательно, вы допускаете, что Австрия будет душой и телом предана политике, которая доставит гегемонию Пруссии; и все же вы ни в малой степени не доверяете государству, которое включает в себя 35 из этих 70 миллионов[14]. Я также не доверяю ему; но я нахожу целесообразным, чтобы Австрия была в данное время заодно с нами; настанет ли когда-нибудь час разлуки и кто ее вызовет, — покажет будущее. Вы спрашиваете: когда же, наконец, нам придется воевать, на что нам реорганизация армии? А из ваших собственных донесений видно, насколько нужно Франции, чтобы весной была война, видна также возможность революции в Галиции. Россия держит наготове на 200 тысяч человек больше, чем ей нужно в Польше; между тем, у нее нет денег для необоснованных вооружений; следовательно, она ожидает, по всей вероятности, войны; я ожидаю войны в сочетании с революцией. Вы говорите, далее, что нам вовсе не угрожает война; я никак не могу согласовать это с вашими собственными донесениями за последние три месяца. При этом я вовсе не боюсь войны — как раз напротив; и в то же время я отношусь равнодушно к революционерам или консерваторам, вообще ко всякой фразе. Очень скоро вы, быть может, убедитесь, что война входит и в мою программу; но ваш путь, который ведет к ней, я считаю неправильным с государственной точки зрения. Если вы оказываетесь при этом заодно с Пфордтеном, Бейстом, Дальвигом [15] и прочими нашими противниками разных наименований, то это показывает, что политика, которую вы защищаете, не революционная и не консервативная, а просто неправильная для Пруссии политика. Если энтузиазм пивных импонирует Лондону и Парижу, то это меня

радует, это льет воду на нашу мельницу, но это еще не значит, что он импонирует и мне: он не даст нам в борьбе ни одного выстрела и мало денег. Вы называете лондонский договор революционным; трактаты, заключенные в Вене [16], были в десять раз революционнее и в десять раз несправедливее по отношению ко многим князьям, сословиям и государствам; европейское право создается именно европейскими трактатами. Однако если бы мы захотели приложить к ним мерку нравственности и справедливости, то пришлось бы пожалуй все их уничтожить.

Если бы вы были здесь, на моем месте, то я уверен, вы скоро убедились бы в невозможности той политики, которую рекомендуете мне, считая ее столь исключительно «патриотичной», что отказываетесь ради нее от дружбы. Я могу только сказать на это: la critique est aisee [критиковать легко]. Нетрудно, угождая толпе, порицать правительство, в особенности, когда этому правительству пришлось разворошить кой-какие осиные гнезда; если успех докажет, что правительство действовало правильно, порицание прекратится, если же оно потерпит фиаско в том, что вообще не подвластно человеческому разуму и воле, то можно будет приписывать себе славу своевременного предупреждения о том, что правительство находится на ложном пути. Я очень ценю ваши политические способности, но и себя я не считаю дураком; я готов услышать от вас, что это самообольщение. Может быть, вы будете лучшего мнения о моем патриотизме и моем уме, если я скажу вам, что уже две недели действую в духе предложений, высказанных вами в вашем донесении № —; с некоторым трудом я побудил Австрию созвать гольштейнские сословия, если мы проведем это во Франкфурте; прежде всего нам необходимо проникнуть в страну. Вопрос о порядке престолонаследия будет обсуждаться в Союзном сейме с нашего согласия, хотя, считаясь с Англией, мы не голосуем за это. Я оставил Зидова [17] без инструкций, он не создан для выполнения щекотливых инструкций.

Быть может, последуют еще и другие фазы, не столь уже чуждые вашей программе; но могу ли я решиться свободно высказывать вам мои сокровенные мысли, после того как вы объявили мне войну на политическом поприще и довольно откровенно высказываете намерение бороться с нынешним министерством и его политикой и хотите, таким образом, устранить его? Я сужу при этом лишь на основании содержания ваших собственных писем ко мне, не обращая внимания на сплетни и на все то, что мне передают по поводу ваших словесных и письменных заявлений на мой счет. И все же, дабы не пострадали государственные интересы, я, как министр, обязан быть безусловно и до конца откровенным в моей политике с нашим послом в Париже. Неизбежные в моем положении трения с министрами и советниками короля, с дво-

ром, тайными влияниями, палатами, прессой, иностранными дворами не должны осложняться тем, чтобы дисциплина в моем ведомстве уступала место соперничеству между министром и посланником и чтобы мне приходилось восстанавливать необходимое единство дипломатической службы, идя на дискуссию в переписке. Я редко имею возможность писать так много, как сегодня, в сочельник, когда все чиновники отпущены, и никому, кроме вас, я не написал бы и вчетверо меньшего письма. Я делаю это потому, что не решаюсь писать вам официально и через канцелярию в том высокомерном тоне, в каком написаны ваши донесения. Я не надеюсь убедить вас, но полагаюсь на вашу собственную служебную опытность и на ваше беспристрастие, и думаю, вы согласитесь со мною, что одновременно можно вести только одну политику, и это должна быть та политика, относительно которой достигнуто единодушие между министерством и королем. Если вы хотите изменить ее и вместе с тем свергнуть министерство, то вам следует действовать здесь, в палате и прессе, во главе оппозиции, с теперешним же вашим постом это несовместимо; тогда и мне придется держаться вашего же принципа, что в борьбе между патриотизмом и дружбой решает патриотизм. Но могу вас уверить: мой патриотизм — такое крепкое и чистое чувство, что дружба, даже если она стушевывается рядом с ним, может быть все же очень сердечной»[18].

II

Из всех возможных вариантов урегулирования датского вопроса, которые сулили герцогствам некоторое облегчение по сравнению с наличными условиями, я считал наилучшим присоединение герцогств к Пруссии, что и высказал однажды в совете тотчас после кончины Фридриха VII[19]. Я напомнил королю, что все его ближайшие предки, не исключая даже брата, добивались того или иного приращения владений государства: Фридрих-Вильгельм IV присоединил Гогенцоллерн и область Яде; Фридрих-Вильгельм III — Рейнскую провинцию; Фридрих-Вильгельм II — Польшу; Фридрих II — Силезию; Фридрих-Вильгельм I — Переднюю Померанию (Altvorpommern), великий курфюрст — Восточную Померанию (Hinterpommern), Магдебург, Минден и т. д. Я советовал ему итти по их стопам. Мое заявление не было внесено в протокол. Когда я осведомился о причине этого у тайного советника Костенобля, которому было поручено составление протоколов, он сказал, что, как предполагал король, мне будет приятнее, если мои слова не будут включены в протокол. Его величество, кажется, думал что я сказал это после возлияний Бахусу[20] за завтраком, и что я буду рад, если об этом не будет больше речи. Я настоял,

однако, на включении, что и было исполнено. Слушая мою речь, кронпринц воздел руки к небу, как бы сомневаясь, в здравом ли я уме; мои коллеги хранили молчание.

Если бы оказалось невозможным достигнуть максимума, то мы могли бы, несмотря на все акты отречения Августенбургов[21], пойти на возведение этой династии на престол и на создание нового второстепенного государства при условии обеспечения прусских и немецко-национальных интересов, в основном — в соответствии с позднейшими февральскими условиями[22], военной конвенцией, Килем в качестве союзной гавани и каналом между Северным и Балтийским морями.

Если бы тогдашняя европейская ситуация и воля короля сделали и это недостижимым без того, чтобы Пруссия не оказалась изолированной от всех великих держав, включая Австрию, тогда встал бы вопрос, каким путем — в форме ли персональной унии или как-либо иначе — можно было бы достигнуть временного решения, которое должно было все же несколько улучшить положение герцогств. С самого начала я неуклонно имел в виду аннексию, не теряя из виду и других возможностей. Я считал себя обязанным, во что бы то ни стало, не допустить создания такой ситуации, которую наши противники выдвигали в качестве программы перед общественным мнением: борьба и война Пруссии за создание нового великого герцогства, проводимая во главе газет, ферейнов, добровольческих отрядов и союзных государств, кроме Австрии, без всякой уверенности, что союзные правительства, невзирая на опасности, пойдут по этому пути до конца. К тому же развивавшееся в этом направлении общественное мнение, да и президент Людвиг фон Герлах[23] питали ребяческую веру в помощь, которую Англия окажет изолированной Пруссии. Гораздо скорее, чем с Англией, можно было бы добиться сотрудничества с Францией, если бы мы захотели заплатить цену, в которую оно, вероятно, обошлось бы нам. Ничто ни разу не поколебало меня в убеждении, что Пруссия, опираясь только на оружие и на союзников 1848 г., на общественное мнение, ландтаги, ферейны, добровольческие отряды и небольшие армейские контингенты в их тогдашнем состоянии, затеяла бы безнадежное предприятие и нашла бы среди великих держав, в том числе и в лице Англии, только врагов. Министра, который снова вступил бы на ложный путь политики 1848, 1849, 1850 гг., неизбежно подготовившей бы новый Ольмюц[24], я счел бы шарлатаном и предателем. Но пока Австрия была с нами, отпадала вероятность коалиции других держав против нас.

Хотя единство Германии и не могло быть создано решениями ландтагов, газетами и стрелковыми празднествами, все же либерализм оказывал давление на князей и делал их более склонными к уступкам в пользу империи. Дворы колебались в своих

настроениях, между желанием, наперекор давлению либералов, укрепить позиции князей обособленной партикуляристской и автократической политикой, и между опасением, как бы мир не был нарушен какой-либо внешней или внутренней силой. Ни одно из германских правительств не оставляло никаких сомнений на счет своего *германского* образа мыслей. Но единодушия в вопросе о том, каким образом должно быть создано будущее Германии, не было ни между правительствами, ни между партиями. Невероятно, чтобы на том пути, на который при новой эре[25], первоначально под влиянием своей супруги, вступил император Вильгельм, можно было когда-либо побудить его — как регента, а впоследствии короля — сделать то, что было необходимо для достижения единства — порвать с Союзом и использовать прусскую армию для германского дела. Но, с другой стороны, невероятно также и то, что его удалось бы направить на путь, приведший к датской, а тем самым и к богемской войне[26], если бы он не пережил предварительно стремлений и не осуществил попыток в либеральном направлении и не принял, таким образом, на себя соответствующих обязательств. Быть может, не удалось бы даже удержать его от участия во Франкфуртском съезде князей (1863), если бы либеральное прошлое не оставило и у государя некоторой потребности в популярности среди либералов. Потребность эта была ему чужда до Ольмюца, но с тех пор она стала естественным психологическим следствием стремления искать на поприще германской политики удовлетворения и исцеления от раны, которую нанесли здесь его прусскому чувству чести. Гольштейнский вопрос, датская война, Дюппель и Альзен[27], разрыв с Австрией и разрешение германской проблемы на поле битвы[28] — на всю эту, связанную с риском систему, он, вероятно, не пошел бы, не будь того тяжелого положения, к которому привела его новая эра.

Конечно, еще в 1864 г. стоило немалого труда расторгнуть узы,которыми под влиянием своей либеральничавшей супруги он был связан с этим лагерем. Не вдаваясь в исследование запутанных юридических вопросов престолонаследия, он твердил: «Я не имею никаких прав на Гольштейн». Мои доводы, что Августенбурги не имеют никаких прав в отношении герцогской и шаумбургской доли[29], никогда этих прав не имели и что дважды — в 1721 и в 1852 гг. — они отказались от королевской части наследства, что Дания в Союзном сейме[30] голосовала обычно вместе с Пруссией, что герцог Шлезвиг-Гольштейнский, опасаясь перевеса Пруссии, пойдет вместе с Австрией, — все эти доводы не произвели никакого впечатления. Если приобретение этих омываемых двумя морями провинций и мой исторический экскурс на заседании совета в декабре 1863 г.[31] не остались без влияния на династическое чувство государя, то, с другой

стороны, на него действовала и мысль о неодобрении, которое встретит король, отрекшись от Августенбурга, у своей супруги, кронпринца и кронпринцессы, у различных династий и у всех тех, кто составлял тогда, по его представлению, общественное мнение Германии.

Общественное мнение образованных кругов среднего сословия Германии было, несомненно, в пользу Августенбурга; здесь проявлялась та же неспособность к здравому суждению, которая еще ранее допустила подмену германских национальных интересов полонизмом, а позднее искусственным воодушевлением в пользу баттенберговской болгарщины [32]. Махинации печати при обеих этих несколько схожих ситуациях дали, к сожалению, полный эффект, а публика со свойственной ей глупостью была к ним, как всегда, восприимчива. Склонность к критике правительства была в 1864 г. на уровне суждения: «Мне новый бургомистр не по душе, ей-ей» [33]. Я не знаю, остался ли еще теперь кто-либо, кто считал бы разумным, чтобы после освобождения герцогств из них было создано новое великое герцогство с правом голоса в Союзном сейме и естественным призванием бояться Пруссии и держать руку ее противников; но в то время приобретение герцогств Пруссией считалось бесчестным всеми теми, кто с 1848 г. выдавал себя за выразителей национальных идей. Мое уважение к так называемому общественному мнению, т. е. к шумихе, создаваемой ораторами и газетами, никогда не было особенно велико, но что касается внешней политики, оно упало еще ниже в результате обоих случаев, которые я сопоставил выше. Насколько сильно, благодаря влиянию супруги и фракции карьеристов Бетман-Гольвега [34], образ мыслей короля был до этого времени проникнут шаблонным либерализмом, показывает то упорство, с каким он держался за противоречившую прусским стремлениям к национальному единству австро-франкфуртско-августенбургскую программу. Логически обосновать эту политику перед королем было бы невозможно. Не подвергая химическому анализу ее содержание, он воспринял ее, как принадлежность старого либерализма с точки зрения прежней критики престолонаследника и советников королевы в духе Гольца, Пурталеса и пр. Забегая несколько вперед, привожу основные места письма Бетман-Гольвега королю от 15 июня 1866 г., представлявшего собой последнее проявление партии «Еженедельника» [35]:

«То, чего вы, ваше величество, всегда опасались и избегали, то, что предвидели все проницательные люди, тот факт, что наш серьезный конфликт с Австрией будет использован Францией для увеличения ею своих владений за счет Германии (где?) *, стало теперь очевидно всему миру из *программы Луи-*

* Замечание Бисмарка на полях. *(Прим. нем. изд.)*

Наполеона[36]... Все Рейнские земли вместо герцогств — это было бы для него не плохой меной, ибо «les petites rectifications des frontieres» [«незначительные исправления границ»], на что он претендовал раньше, разумеется, не удовлетворят его. А он — всемогущий повелитель Европы... Против инициатора этой (нашей) политики я не питаю враждебных чувств. Я охотно вспоминаю, что в 1848 г. я шел с ним рука об руку, стремясь поддержать короля. В марте 1862 г. я посоветовал вашему величеству избрать кормчего с консервативным прошлым, у которого было бы достаточно честолюбия, смелости и ловкости, чтобы снять государственный корабль с подводных камней, куда его занесло; я назвал бы господина фон Бисмарка, если бы полагал, что он сочетает с этими качествами осторожность и последовательность мышления и действия, отсутствие которых с трудом прощается и юности, представляя собой у зрелого мужа величайшую опасность для государства, которым он руководит. В самом деле, деятельность графа Бисмарка с самого начала была исполнена противоречий... Будучи издавна решительным защитником русско-французского союза, он связывал помощь, которую в интересах Пруссии следовало оказать России против польского восстания, с политическими проектами, которые должны были отдалить от него оба государства. Когда в 1863 г., со смертью датского короля, на его долю выпала самая счастливая возможность, какая только может оказаться уделом государственного деятеля, он пренебрег тем, чтобы поставить Пруссию во главе единодушно поднимавшейся Германии (в резолюциях) *, объединение которой под руководством Пруссии было его целью. Он еще более тесно связался с Австрией, принципиальной противницей этого плана, а позднее стал ее непримиримым врагом. Принца фон Августенбурга, к которому вы, ваше величество, благоволили и от которого можно было тогда добиться всего, он третировал **, чтобы вскоре после этого провозгласить его права, устами графа Бернсторфа, на Лондонской конференции[37]. Венским договором[38] он возлагает затем обязательство на Пруссию принять окончательное решение о судьбе освобожденных герцогств лишь по соглашению с Австрией***? и позволяет устанавливать там такие порядки, которые явно предвещают «аннексию»...

Многие считают эти и подобные им внутренне противоречивые мероприятия, постоянно приводившие к обратным результатам, ошибкой, вызванной необдуманностью. Другим они кажутся шагами человека, который идет на авантюры и сваливает все в одну кучу, чтобы воспользоваться случайной добычей,

* Вставка Бисмарка. *(Прим. нем. изд.)*

** Ср. письмо принца от 11 декабря 1863 г.

*** Почему не [сказать]: Он обязывал Австрию лишь по соглашению с Пруссией и т. д.?

или же ходами игрока, который после каждого проигрыша повышает ставку и в конце концов идет «va banque».

Все это плохо, но еще хуже в моих глазах то, что граф Бисмарк, действуя так, поставил себя тем самым в противоречие с образом мыслей и целями своего короля и в высшей степени ловко, шаг за шагом, подводил его все ближе к противоположной цели, пока, наконец, возвращение не стало казаться невозможным. Между тем долг министра заключается, по моему разумению, прежде всего в том, чтобы быть верным советником своего государя, предоставлять средства для выполнения его намерений и, это главное, сохранять его образ незапятнанным в глазах мира. Прямота, справедливость и рыцарский дух вашего величества известны всему миру и снискали вам всеобщее доверие и всеобщее уважение. Граф Бисмарк добился, однако, того, что благороднейшие слова вашего величества, обращенные к собственной стране, не оказывают никакого влияния, так как им не верят; он добился того, что любое соглашение с другими державами стало невозможным, ибо первая предпосылка такого соглашения — доверие — разрушена политикой интриг... Еще не прозвучал ни один выстрел, еще возможно соглашение при одном условии: не прекращать вооружений, более того, если это нужно, удвоить их, чтобы победоносно встретиться с противниками, стремящимися уничтожить нас, или же с честью выйти из запутанного положения. Но никакое соглашение невозможно, пока этот человек стоит рядом с вашим величеством и обладает вашим полным доверием, похитив у вашего величества доверие всех других держав...»

III

Когда король получил это письмо, он уже освободился из сетей повторенных в нем аргументов благодаря Гаштейнскому договору от 14—20 августа 1865 г.[39] С какими трудностями мне еще пришлось бороться во время переговоров, предшествовавших этому договору, какую осторожность нужно было соблюдать, показывает следующее мое письмо к его величеству:

«Гаштейн, 1 августа 1865 г.

Всемилостивейший король и государь.

Вы, ваше величество, великодушно простите меня, если, быть может, преувеличенная забота об интересах высочайшей службы заставляет меня вернуться к сообщениям, которые ваше величество только что милостиво сделали мне. Мысль о разделе хотя бы лишь управления герцогствами, если бы она стала известна в августенбургском лагере, вызвала бы сильнейшую бурю в

дипломатических кругах и в печати; в этом увидели бы начало окончательного раздела и не сомневались бы, что те части страны, которые станут предметом исключительно прусского управления, будут потеряны для Августенбурга. Я полагаю, вместе с вашим величеством, что ее величество королева будет держать эти сообщения втайне; но если бы из Кобленца[40] в расчете на родственные отношения намекнули на что-либо подобное королеве Виктории[41], кронпринцу с супругой, а равно и в Веймаре или Бадене[42], то уже один тот факт, что тайна не была бы нами соблюдена, как я по его настоянию обещал графу Бломе[43], мог бы вызвать недоверие императора Франца-Иосифа и привести к провалу переговоров. Но за этим провалом должна почти неизбежно последовать война с Австрией. Соблаговолите,ваше величество,приписать не только моей заботе об интересах высочайшей службы, но и моей преданности вашей высочайшей особе мою уверенность, что ваше величество с иными чувствами и с более чистым сердцем решилось бы на войну с Австрией, если бы необходимость ее вытекала из самой природы вещей и монаршего долга. Иначе обстояло бы дело, если бы осталось ощущение, что преждевременная огласка предполагаемого решения удержала императора от согласия на последнюю приемлемую для вашего величества меру. Быть может, моя забота нелепа, но даже если бы она была справедлива, и, вы, ваше величество, не пожелали бы считаться с ней, я счел бы, что бог направляет сердце вашего величества, и не менее радостно нес бы мою службу, но для успокоения совести почтительнейше представил бы на усмотрение вашего величества, не прикажете ли вы мне вернуть телеграммой фельдъегеря из Зальцбурга +)[44]. Внешним предлогом могла бы послужить министерская почта, и завтра мог бы вместо этого курьера своевременно отправиться другой или тот же самый. Копию того, что я телеграфировал Вертеру[45] относительно переговоров с графом Бломе, всеподданнейше препровождаю. Я почтительнейше полагаюсь на испытанную милость вашего величества, уповая, что если вы не одобрите моих опасений, то припишете их искреннему стремлению служить не только долга ради, но и ради личного удовлетворения вашего величества.

С глубочайшим благоговением до последнего вздоха остаюсь вашего величества всеподданнейший

фон Бисмарк».

Против обозначенного +) места король написал на полях:

«Согласен. — Я потому упомянул об этом деле, что за последние 24 часа о нем больше не упоминалось, и я считал, что оно уже не принимается в расчет после того, как имел место фактический раздел и вступление во владение. Моим сообще-

нием королеве я стремился постепенно *подготовить* переход ко вступлению во владение, которое развилось бы мало-помалу из административного раздела. Между тем я смогу изобразить это так и позднее, когда действительно воспоследует раздел владений, чему я все еще не верю, ибо Австрия должна этому слишком сильно противодействовать, после того как она *слишком* далеко зашла в своих выступлениях *в пользу* Августенбурга и против присоединения, правда, одностороннего.

В. 1/8.65».

«Для верности следовало бы приказать курьеру привезти обратно *все* письма, включая и письмо королеве, так как я поручил ему тотчас же сдать его на Потсдамском вокзале, почему он, считая его срочным, может, пожалуй, послать *одно* это письмо по почте из Зальцбурга»*.

После Гаштейнского договора и вступления во владение Лауецбургом—первого территориального приобретения империи при короле Вильгельме — в его настроении наступил, по моим наблюдениям, психологический перелом; он начал находить вкус в завоеваниях, хотя преобладающим оставалось чувство удовлетворения тем, что это территориальное приращение, Кильская гавань, военная оккупация (Stellung) Шлезвига и право постройки канала через Гольштейн, было приобретено в мире и дружбе с Австрией.

Я считаю, что право располагать Кильской гаванью воспринималось его величеством как нечто более важное, чем вновь приобретенные живописные окрестности Рацебурга[46] с его озером. Германский флот и Кильская гавань, как предпосылка его создания, принадлежали с 1848 г. к числу идей, вызывавших наибольший энтузиазм, стимулировавший и укреплявший стремления к германскому единству. Но пока ненависть ко мне моих парламентских противников была сильнее, чем интерес к германскому флоту, и мне казалось, что прогрессистская партия предпочла бы видеть вновь приобретенные права Пруссии на Киль, а следовательно, и надежды на наше будущее морское могущество в руках аукциониста Ганнибала Фишера[47], а не в руках министерства Бисмарка[48]. Право жаловаться на правительство, упрекать его за разбитые германские надежды доставило бы депутатам большее удовлетворение, чем уже достигнутые успехи на пути к осуществлению этих надежд. Я приведу здесь несколько мест из речи, которую я произнес 1 июня 1865 г. по поводу чрезвычайных ассигнований на флот:

«Вероятно, ни один вопрос не вызывал за последние 20 лет такого единодушного интереса общественного мнения Герма-

* Приписка сделана рукой короля карандашом. *(Прим. нем. изд.)*

нии, как именно вопрос о флоте. Мы были свидетелями того, как ферейны, печать, ландтаги выражали свои симпатии этому делу, и эти симпатии проявились в сборах относительно крупных сумм. Правительство и консервативную партию упрекали в медлительности и скупости, с которыми они действовали в этом направлении; особую активность развили либеральные партии. Мы полагали поэтому, что доставим вам большую радость настоящим законопроектом...

Я не ожидал от доклада комиссии косвенной апологии Ганнибалу Фишеру, распродавшему германский флот с молотка. И с этим германским флотом вышла неудача потому, что в германских областях — как в высших правящих кругах, так и в низших — партийные страсти оказались сильнее сознания общности. Наш флот избегнет, надеюсь, этой участи. Некоторой неожиданностью было для меня, далее, то, что в докладе отведено столь значительное место технике. Я не сомневаюсь, что многие из вас понимают в морском деле больше меня и бывали на море чаще меня, но большинство из вас, милостивые государи, не таковы; а я, должен сказать, не решился бы все же составить себе мнение о технических деталях флота, которое обосновывало бы мое голосование и могло бы послужить мотивом для отклонения законопроекта о флоте. Поэтому я могу не заниматься опровержением соответствующей части ваших возражений... Ваши сомнения относительно того, удастся ли мне приобрести Киль, более непосредственно касаются моего ведомства. Ведь мы обладаем в герцогствах больше того, что представляет собой Киль, мы совместно с Австрией обладаем в герцогствах полным суверенитетом, и я не знаю, кто и как мог бы отнять у нас этот залог, настолько превосходящий по своей ценности объект наших стремлений, кроме как в результате неудачной для Пруссии войны. Но если принимать во внимание эту возможность, то ведь мы точно так же можем потерять *любую* находящуюся в нашем владении гавань. Наше владение является, правда, совместным с Австрией владением. Тем не менее это — владение, и за отказ от него мы имели бы право поставить определенные условия. Одна из таких и притом непременных условий, без выполнения которого мы не откажемся от этого владения, — переход Кильской гавани в будущем в единоличную собственность Пруссии...

При наличии прав, которыми мы и Австрия обладаем и которые являются неприкосновенными, пока ни одному из господ претендентов не удастся доказать нам, что он обладает преимуществом по сравнению с правом, перешедшим к нам от короля Христиана IX Датского, при наличии прав, которые мы и Австрия осуществляем на началах полного суверенитета — я не вижу, что могло бы воспрепятствовать окончательному выполнению наших условий, — если только мы не потеряем терпения, а

будем спокойно выжидать, найдется ли кто-либо, кто предпримет осаду Дюппеля, когда там находятся пруссаки...

Если вы все же сомневаетесь в возможности осуществления наших намерений, то я уже рекомендовал в комиссии выход: лимитируйте заем таким образом, чтобы требуемые суммы подлежали уплате лишь в том случае, если мы действительно будем обладать Килем, и скажите: «Нет Киля, нет денег!» Я думаю, вы не отказали бы в этом другим министрам, кроме тех, которые в настоящее время удостоены доверия его величества короля...

Доверие населения к мудрости короля достаточно велико, чтобы люди сказали себе: если страна должна при этом (в результате введения двухгодичной военной службы) погибнуть или понести ущерб, то король этого не потерпит. Именно из-за прежних традиций они недооценивают значения конституции. Я убежден, что вера в мудрость короля не обманет их; но я не могу отрицать, что на меня производит тягостное впечатление, когда я вижу, как в великом национальном вопросе, который уже 20 лет занимает общественное мнение, собрание, слывущее в Европе воплощением разума и патриотизма Пруссии, не может подняться выше тактики бессильного отрицания. Это, милостивые государи, не то оружие, с помощью которого вы вырвете скипетр из рук королевской власти, это также не то средство, которое обеспечит нашим конституционным учреждениям силу и возможность дальнейшего развития, в которых они нуждаются».

Требования, касающиеся флота, были отклонены.

Оглядываясь назад на эти события, я вижу в них печальное доказательство того, до каких пределов нечестности и полной утраты патриотизма доводит у нас партийная ненависть политические партии. Пусть нечто подобное имело место и еще где-либо, но я не знаю другой страны, в которой единое национальное чувство и любовь к общей родине создавали бы разгулу партийных страстей столь слабые препятствия, как у нас. Считающиеся апокрифическими слова, вложенные Плутархом в уста Цезаря о том, что лучше быть первым в жалкой горной деревушке, нежели вторым в Риме [49], всегда производили на меня впечатление чисто немецкой идеи. Слишком многие среди нас поступают в общественной жизни именно так, и ищут деревушку, а если не могут найти ее географически, то фракцию, или же подфракцию и клику, где они могли бы быть первыми.

Этот образ мыслей, который можно в зависимости от вкуса назвать эгоизмом или независимостью, проявлялся во всей германской истории, начиная от мятежных герцогов эпохи первых императоров [50] и кончая бесчисленными, непосредственно подчиненными империи князьями, имперскими городами, имперскими деревнями, аббатствами, рыца-

рями[51], и это обусловливало слабость и беззащитность империи. Покамест эта склонность находит более яркое выражение в разъединяющей нацию партийной системе, нежели в правовой или династической обособленности. Партии отличаются друг от друга не столько своими программами и принципами, сколько теми лицами, которые стоят, подобно кондотьерам[52], во главе каждой из них и стараются завербовать себе возможно большую свиту из депутатов и карьеристов-журналистов, рассчитывающих притти к власти вместе со своим вождем или вождями. Принципиальные программные различия, которые вынуждали бы фракции ко взаимной борьбе и вражде, не настолько сильны, чтобы объяснить страстную борьбу, которую эти фракции считают нужным вести друг против друга, — борьбу, которая приводит к тому, что консерваторы и свободные консерваторы[53] оказываются в различных лагерях. Внутри той же консервативной партии многие опять-таки, вероятно, полагают, что они не согласны с «Kreuzzeitung»[54] и ее окружением. Но определить принципиальную разграничительную линию в программе и достаточно убедительно сформулировать ее было бы трудно даже вождям и их сподручным, очень напоминающим религиозных фанатиков (и не только мирян), которые избегают, как правило, необходимости отвечать или уклоняются от ответа, когда их спрашивают об отличительных особенностях различных вероисповеданий и толков и о том, какая опасность грозит спасению их душ, если они не будут достаточно рьяно бороться с тем или иным отклонением инаковерующего. В той мере, в какой партии группируются не только в зависимости от тех или иных экономических интересов, они борются в интересах соперничающих друг с другом вождей фракций и в соответствии с их личной волей и их видами на карьеру. Вопрос сводится не к различию в принципах, а к тому, Кифин ты или Павлов?[55]

На память о Гаштейнском договоре осталось следующее письмо короля.

«Берлин, 15 сентября 1865 г.

Сегодня совершается акт вступления во владение герцогством Лауенбургским — результат моего правления, которое осуществляется вами со столь удивительной и необычайной осмотрительностью и проницательностью. За четыре года, которые истекли с тех пор, как я поставил вас во главе правительства, Пруссия заняла положение, достойное ее истории и обещающее ей и в дальнейшем счастливую и славную будущность. Стремясь дать внешнее доказательство признательности, которую я так часто имел случаи выражать вам в связи с вашими выдающимися заслугами, я настоящим возвожу вас и

ваше потомство в графское достоинство; это отличие навсегда останется свидетельством того, как высоко я ценил вашу деятельность на пользу отечества.

Благосклонный к вам король *Вильгельм».*

IV

Переговоры, происходившие между Берлином и Веною и между Пруссией и прочими германскими государствами после Гаштейнской конвенции и до начала войны, известны из опубликованных документов [56].

В южной Германии споры и борьба с Пруссией отходят отчасти на второй план, уступая свое место германским патриотическим чувствам; в Шлезвиг-Гольштейне все те, кто не добился осуществления своих желаний, начинают мириться с новым порядком вещей, лишь вельфы [57] неустанно продолжают чернильную войну в связи с событиями 1866 г.

Невыгодная конфигурация, которая в результате Венского конгресса выпала на долю Пруссии в награду за испытанное ею напряжение и проявленные ею усилия [58], могла быть терпима только в одном случае: если бы мы могли быть уверены в государствах старой союзной системы времен Семилетней войны [59], которые были вклинены между обеими частями монархии. Я усиленно старался склонить к этому Ганновер и дружески расположенного ко мне графа Платена [60] и мог уже надеяться, что удастся заключить по крайней мере договор о нейтралитете, когда граф Платен 21 января 1866г. вел со мной в Берлине переговоры о браке ганноверской принцессы Фредерики с нашим юным принцем Альбрехтом. Нам удалось добиться согласия наших дворов на этот брак, оставалось только устроить личное свидание между молодыми людьми и узнать, какое впечатление они произведут друг на друга.

Но уже в марте или апреле в Ганновере под ничтожным предлогом был объявлен призыв резервистов. Это было результатом влияния на короля Георга,в частности,его сводного брата, австрийского генерала принца Сольмса, который приехал в Ганновер и достиг перелома в настроении короля преувеличенными сообщениями о силе австрийской армии, в составе которой было, по его словам, 800 тысяч человек совершенно готовых к бою. К тому же, он предложил, как я узнал из интимных ганноверских источников, увеличение территории за счет, по крайней мере, Минденского округа [61]. На мой официальный запрос о причинах вооружений Ганновера мне ответили, что по экономическим соображениям осенние маневры будут проведены весною. Это звучало почти насмешкой.

Еще 14 июня я беседовал в Берлине с кургессенским наследным принцем Фридрихом-Вильгельмом и посоветовал ему от-

правиться с экстренным поездом в Кассель[62], чтобы обеспечить нейтралитет Гессенского курфюршества или хотя бы его армии либо путем влияния на курфюрста, либо независимо от него. Принц отказался отправиться ранее того часа, когда, согласно расписанию, должен был отойти обычный поезд. Я доказывал ему, что в таком случае он опоздает и не успеет предотвратить войну между Пруссией и Гессеном и обеспечить этим дальнейшее существование курфюршества. В случае победы Австрии он всегда мог бы сослаться на vis major [непреодолимую силу] и мог бы даже получить за свой нейтралитет какие-нибудь части прусской территории; но если мы победим после того, как он откажется соблюдать нейтралитет, дни курфюршества будут сочтены; гессенский престол стоит экстренного поезда. Принц прекратил беседу, сказав: «Мы с вами, вероятно, еще свидимся как-нибудь в этом мире, а 800 тысяч доброго австрийского войска тоже еще скажут свое слово». Не имело успеха и предложение короля курфюрсту, сделанное в самом дружественном тоне еще из Горзица 6 июля и из Пардубица 8 июля и сводившееся к тому, чтобы он заключил союз с Пруссией и отозвал свои войска из враждебного лагеря.

Наследный принц Августенбургский, отклонив так называемые февральские условия, также упустил благоприятный момент. Из рядов вельфов[63] распространялась недавно следующая версия: тот, от кого она исходила, утверждает, будто принц сообщил ему,что на аудиенции у короля Вильгельма он обязался пойти на уступки, которых от него требовали, а король обещал возвести его в герцоги с тем, чтобы на следующий день это было оформлено министром-президентом. На другой день я явился будто бы к принцу, но. сказал ему, что меня ждет у подъезда экипаж и что я должен немедленно ехать в Биарриц[64] к императору Наполеону; принцу было якобы предложено оставить в Берлине уполномоченного, и его сильно удивило, когда он прочел на утро в берлинских газетах, будто он отклонил прусские предложения.

Это — неуклюжий вымысел как в основном, так и в частностях. Переговоры, происходившие с наследным принцем, изложены Зибелем[65] на основании документов. Я могу добавить к этому кое-что по моим воспоминаниям и сохранившимся у меня бумагам. Король никогда ни к какому соглашению с наследным принцем не приходил, я никогда не был у принца на дому и никогда не упоминал при нем ни о Биаррице, ни о Наполеоне. В 1864 г. я уехал 1 октября в Баден, а оттуда 5-го числа в Биарриц. В 1865 г. я приехал прямо туда 30 сентября, а в 1863 г. я не был в Биаррице вовсе. С принцем я беседовал два раза. К нашему первому разговору (18 ноября 1863 г.) относится следующее его письмо:

«Позвольте мне, ваше превосходительство, обратиться к вам с несколькими строками, вызванными статьей, появившейся в № 282 «Kreuzzeitung» (от 3 декабря), о которой я узнал задним числом. В этой статье сообщается, между прочим, будто я сказал одному из депутатов, что «господин фон Бисмарк не является моим другом». В точности я не могу восстановить сказанных мною тогда слов, так как дело идет о фразе, случайно брошенной в разговоре. Весьма возможно, что я выразил свое сожаление по поводу того, что политические взгляды вашего превосходительства на нынешнюю стадию шлезвиг-гольштейнского вопроса не совпадают с моими, как я не преминул откровенно высказать это вам лично во время моего последнего пребывания в Берлине. Но я вполне уверен, что не произносил слов, приведенных в газете, так как твердо поставил себе за правило отделять политическое от личного. Поэтому я искренне сожалею, что подобное известие проникло в печать.

Я считаю себя тем более обязанным заявить вам это, так как не могу не признать лойяльности, с какой ваше превосходительство открыто сказали мне в Берлине, что, хотя вы лично и убеждены в моем праве и в справедливости моих попыток добиться его осуществления, но ввиду обязательств, принятых на себя Пруссией, и ввиду общего мирового [политического] положения вы не можете дать мне никаких обещаний.

Примите и пр.

Гота, и декабря 63 г. *Фридрих».*

16 января 1864 г. его величество писал мне:

«Мой сын еще сегодня вечером пришел ко мне, передал просьбу наследного принца Августенбургского — принять его письмо ко мне от господина Замвера[66]—и просил меня ради этого посетить его soiree [вечер], где я мог бы совершенно незаметно встретиться в отдаленной комнате с почтеннейшим З[амвером]. Я отказался сделать это, не прочтя письма принца, и поручил сыну прислать мне это письмо. Оно было доставлено, и при сем я его прилагаю. Письмо не содержит ничего особенного, кроме как в заключительной части, где он меня спрашивает, не могу ли я подать некоторую надежду почтеннейшему З[амверу]. Быть может, вы могли бы поручить еще завтра заготовить ответ, который я мог бы вручить почтеннейшему З[амверу]. Даже если бы я захотел повидать его инкогнито у моего сына, то все же я не мог бы подать ему никакой другой надежды, кроме той, которая будет (читай: уже) намечена в соглашении (Punctation) [67] и сводится к тому, что после победы будет видно, какие основы следует заложить на будущее, и что надо выждать решения во Франкфурте] на/М[айне] относительно наследования.

В.»

А 18 января:

«Сообщаю вам, что я все же решился встретиться в течение 6—10 минут с Замвером у моего сына и в его присутствии. Я говорил с ним в духе намеченного ответа, но еще несколько *холоднее* и *очень серьезно*. Прежде всего я определенно указал ему, что принц ни в коем случае не должен вторгаться в Шлезвиг. Подробности устно.

В.»

В памятной записке от 26 февраля 1864 г. кронпринц охарактеризовал следующие требования Пруссии как обоснованные существом дела: Рендсбург — союзная крепость [68], Киль — прусская морская база, вступление в Таможенный союз [69], сооружение канала между обоими морями и военная, а также морская конвенция с Пруссией; он надеялся, что принц с готовностью пойдет на это.

После того как прусские уполномоченные 28 мая 1864 г. заявили на Лондонской конференции, что германские державы домогаются превращения Шлезвиг-Гольштейна в самостоятельное государство под суверенитетом наследного принца Августенбургского, я имел с последним 1 июня 1864 г. у себя на дому беседу, продолжавшуюся с 9 до 12 часов вечера и предпринятую с тем, чтобы убедиться, могу ли я рекомендовать королю поддержать его кандидатуру. Беседа вращалась, главным образом, вокруг пунктов, намеченных кронпринцем в памятной записке от 26 февраля. Подтверждения надежды его королевского высочества, что наследный принц с готовностью согласится на эти требования, я не нашел. Сущность заявлений последнего изложена Зибелем по документам [70]. Особенно горячо возражал он против уступки территорий для постройки укреплений; по его мнению, для этого достаточно и одной квадратной мили. Я должен был притти к заключению, что наши требования отклонены, а дальнейшие переговоры бесполезны, на что принц, повидимому, намекал, сказав на прощание: «Мы с вами, вероятно, еще свидимся» — не в том угрожающем смысле, в котором через два года произнес эти же слова принц Фридрих Гессенский, а с интонацией, выражавшей его колебания. Я снова увидел наследного принца лишь на другой день после битвы при Седане [71] в мундире баварского генерала.

30 октября 1864 г., после того как мир с Данией был заключен, были сформулированы условия, при которых мы сочли бы, что создание нового государства Шлезвиг-Гольштейна не угрожает интересам Пруссии и Германии. 22 февраля 1865 г. эти условия были сообщены в Вену. Они совпадали с условиями, которые рекомендовал кронпринц.

V

Один из проектов, санкционирования которых я требовал, ныне [72], после долгих колебаний осуществляется: я говорю о канале из Северного моря в Балтийское [73]. В интересах германского морского могущества, которое могло бы в то время развиваться лишь под эгидой Пруссии, я, да, впрочем, не я один, придавал большое значение сооружению этого канала, а также обладанию и укреплению обоих его устьев. Когда мы добились права свободно располагать этой территорией, стремление перерезать разделяющий оба моря перешеек было в результате почти болезненного увлечения флотом в 1848 г. все еще очень живо, хотя временами и ослабевало. Мои попытки оживить интерес к этому делу встретили противодействие со стороны комиссии государственной обороны, председателем которой был кронпринц, а фактическим руководителем — граф Мольтке [74]. В качестве члена рейхстага он заявил 23 июня 1873 г., что каналом можно будет пользоваться только летом и что его военное значение будет сомнительно; за те 40—50 миллионов талеров, которые потребуются на его сооружение, лучше построить второй флот. Доводы, которые выдвигались против меня в борьбе за то или иное решение короля, имели значение не столько по существу, сколько благодаря авторитету, каким пользовались у его величества военные круги. Эти доводы, в конечном счете, сводились к тому, что столь дорогое сооружение, как канал, потребует для своей защиты в военное время такого количества войск, какого мы не в состоянии будем без ущерба для дела выделить из состава армии. Приводилась цифра в 60 тысяч человек, которых пришлось бы держать наготове для защиты канала на случай присоединения Дании к неприятельскому десанту. Я возражал против этого, указывая, что, даже не имея канала, мы, во всяком случае, вынуждены были бы прикрывать Киль и его сооружения, Гамбург и дорогу, ведущую оттуда на Берлин. Под чрезмерным бременем других дел, отвлеченный борьбой, которую мне пришлось вести в 70-х годах в разнообразных направлениях, я не мог растрачивать время и силы, чтобы преодолеть у императора противодействующее влияние со стороны этого ведомства; дело осталось под спудом. Я приписываю это противодействие прежде всего ревности военных, с которой мне пришлось выдержать борьбу в 1866, 1870 [75] и в последующие годы, тяготившую меня сильнее, чем почти всякая другая борьба.

Стремясь добиться согласия императора, я выдвигал на первый план не столько выгоды торгово-политического характера, сколько более доступные ему соображения военного харак-

тера. Военный флот Голландии имеет то преимущество, что даже самые большие суда могут пользоваться каналами, расположенными во внутренних частях страны. Для нас же аналогичная потребность в сообщении по каналу еще более насущна из-за наличия датского полуострова и распределения нашего флота по двум морям, отделенным одно от другого. Если бы наш флот в полном составе имел возможность произвести нападение из Нильской гавани, устьев Эльбы или, в случае удлинения канала, из залива Яде так, чтобы неприятель, блокирующий наши берега, не знал об этом заранее, то последний был бы вынужден иметь в каждом из двух морей эскадру, равную всему нашему флоту. Руководствуясь этими и иными мотивами, я находил, что для обороны наших берегов сооружение канала было бы полезнее, чем употребление необходимых для его постройки денежных средств на возведение крепостей и увеличение количества судов, так как в отношении укомплектования последних личным составом мы не располагаем неограниченными ресурсами. Я стремился, чтобы от низовьев Эльбы канал был продолжен в западном направлении достаточно далеко и чтобы таким образом устья Везера, [залив] Яде, а по возможности и устья Эмса были бы превращены в своего рода ворота для вылазок, за которыми неприятелю, блокирующему наши берега, пришлось бы [зорко] следить. Продолжение канала в западном направлении обошлось бы относительно дешевле, нежели преодоление гольштейнской возвышенности (Landrucken), так как здесь имеется возможность выбрать более ровную трассу, между прочим, — в обход высокой гесты [76] у мыса между Везером и устьями Эльбы.

Учитывая угрозу блокады, предположительно — французской, нам было до сих пор выгодно, чтобы английский нейтралитет прикрывал Гельголанд. Французская эскадра не могла иметь там склада угля, но была вынуждена либо возвращаться за ним время от времени, и притом довольно часто, во французские гавани, либо — заставлять курсировать взад и вперед значительное количество транспортных судов. Теперь [77] нам предстоит защищать скалу собственными силами, если мы стремимся на случай войны помешать обосноваться здесь французам.

Каковы были основания, ослабившие к 1885 г. сопротивление комиссии государственной обороны, мне неизвестно; быть может, граф Мольтке убедился, наконец, в том, что мысль, с которой он раньше носился, о союзе Германии с Данией — неосуществима.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Фактическая неточность: с 1854 г.

[2] *Датский вопрос* — спорный между Данией и Германией вопрос об обладании Шлезвигом и Гольштейном. С конца XVIII века датские короли систематически предпринимали попытки заменить личную унию между Данией и герцогствами окончательным их подчинением. По постановлению Венского конгресса 1814—1815 гг. Гольштейн (а также Лауенбург) был оставлен в датском владении, но в то же время, в отличие от Шлезвига, включен и в состав Германского союза. В первой половине XIX века в герцогствах развернулась борьба немецкого населения Шлезвиг-Гольштейна против датской власти, связанная с общим движением за воссоединение Германии. Внешне эта борьба переплеталась со спором о праве престолонаследия. По датскому закону, в случае отсутствия мужского потомства престол переходил по женской линии, между тем как в Гольштейне права наследования передавались по мужской линии, хотя бы и в ее боковых ответвлениях. Особую остроту вопрос о престолонаследии приобрел в 1848 г., когда умер Христиан VIII, король датский, оставив единственного сына — Фридриха VII. Вскоре после смерти Христиана VIII вспыхнувшая в Европе революция распространилась и на Шлезвиг-Гольштейн. В герцогствах было создано временное правительство, во главе которого стал принц Августенбургский, претендовавший, в силу гольштейнского права наследования, на герцогский престол. Временное правительство заявило о вступлении герцогств в Германский союз. Разразившаяся в связи с этим война между Пруссией и Данией закончилась Берлинским миром 2 июля 1850 г. Под давлением держав и в частности царской России Пруссия была вынуждена согласиться на восстановление в герцогствах положения, существовавшего до войны. Был установлен общий порядок престолонаследия для Дании и герцогств, в силу которого наследным принцем был признан, в соответствии с датскими настояниями, Христиан Глюксбургский. В 1852 г. Англия, Россия и Франция так называемым Лондонским протоколом от 8 мая санкционировали власть Дании над герцогствами. 13 ноября 1863 г. в Дании была принята конституция, по которой Шлезвиг окончательно включался в Данию. Одновременно со смертью Фридриха VII (15 ноября) пресеклась основная линия датского королевского дома и на датский престол вступил Христиан IX Глюксбургский. Шлезвиг-Гольштейн же признал своим герцогом Фридриха VIII Августенбургского. Австрия и Пруссия в соответствии с Лондонским протоколом 1852 г. потребовали удаления принца Августенбургского, но затем, в январе 1864 г., предъявили Дании ультиматум об отмене недавно принятой конституции. Отказ Дании вызвал войну, закончившуюся Венским миром 30 октября 1864 г., по которому Шлезвиг и Гольштейн перешли в совместное владение Пруссии и Австрии. Учрежденная прусским правительством комиссия признала, что историческое право наследования Шлезвиг-Гольштейна принадлежало датскому королю, а не Августенбургам, и было приобретено по праву войны Пруссией и Австрией. По Гаштейнской конвенции, заключенной между Пруссией и Австрией в августе 1865 г., Австрия получила в свое управление Гольштейн, а Пруссия — Шлезвиг. Годом позже, в 1866 г., вопрос о герцогствах послужил поводом к австро-прусской войне.

[3] Антон фон *Шмерлинг* (1805—1893) был австрийским государственным министром, т. е. стоял во главе австрийского правительства, с декабря 1860 г. по июль 1865 г.

4 В 1863 г. Австрией была предложена реформа Германского союза, сводившаяся к решительному усилению ее роли среди германских государств. В этих целях, по инициативе Австрии, 17 августа 1863 г. во Франкфурте на Майне был созван *съезд германских князей*. Прусский король, по настоянию Бисмарка, отказался от участия в съезде; другие участники съезда, после того как Пруссия отклонила приглашение на съезд, заняли сдержанную позицию. В результате это очередное мероприятие Австрии в ее борьбе с Пруссией за гегемонию в Германии потерпело крах.

5 В австрийском городе *Брегенце* 11 октября 1850 г. состоялась встреча австрийского императора и королей баварского и вюртембергского, решивших объединенно выступить против «союза», к которому стремится Пруссия. *(Прим. нем. изд.)*

6 В баварском городе *Вюрцбурге* в ноябре 1859 г. происходила конференция представителей средних и малых германских государств, выработавшая проект реформы Германского союза под главенством Австрии; этот проект осуществлен не был.

7 «Год тому назад», т. е. в 1862 г. Здесь имеется в виду так называемый *«конституционный конфликт»* между прусским правительством и ландтагом в 1862—1866 гг. Поводом к возникновению конфликта явилась начатая в 1859 г. военная реформа, включавшая удлинение срока военной службы до двух лет (подробнее об этом см. в т. I, гл. XIV).

8 Во время польского восстания 1863 г. Пруссия была единственной европейской державой, решительно поддержавшей царское правительство. Заключенной в феврале 1863 г. *«конвенцией Альвенслебена»* она даже обязалась оказать России военную помощь для подавления восстания. Пруссия должна была сосредоточить на всей восточной границе войска, которым предоставлялось право в случае необходимости перейти русскую границу; такое же право предоставлялось и русским войскам в отношении перехода прусской границы для преследования польских повстанцев. Конвенция практически реализована не была.

9 Барон Карл-Генрих-Людвиг *Пфордтен* (1811—1880) — баварский посланник при Союзном сейме во Франкфурте, *Кобург* — Эрнст II, герцог Саксен-Кобург-Готтский (1818—1893) принадлежали к числу представителей второстепенных германских государств, выступавших против Пруссии.

10 *Прогрессистская партия* — левобуржуазная политическая партия в Пруссии, сложившаяся в 1861 г., решительно выступавшая против политики Бисмарка. Основными требованиями прогрессистов были: всеобщее избирательное право, ответственное министерство, ежегодное утверждение контингента армии. В 1866 г. партия раскололась: одна ее часть, принявшая название национал-либералов, поддержала внешнюю политику Бисмарка; другая осталась в оппозиции к нему и после образования Германской империи.

11 Имеется в виду представленный в период революции 1848—1849 гг. гессенским политическим деятелем и председателем германского Франкфуртского национального собрания бароном Генрихом-Вильгельмом Гагерном (1799—1880) проект воссоединения Германии на началах имперской конституции и во главе с прусским королем в качестве императора. Австрию предполагалось оставить вне этой империи,

ограничившись только заключением с ней тесного союза. После австро-итальянской войны 1859 г. Гагерн изменил свою позицию и начал ориентироваться на Австрию.

12 Т. е. великий герцог Шлезвиг-Гольштейнский.

13 Имеется в виду вся Германия в целом, т. е. все германские государства, вместе взятые.

14 Т. е. Австрия.

15 Граф Фридрих-Фердинанд *Вейст* (1809—1886) был в это время министром-президентом Саксонии; барон Рейнгардт *Дальвиг* (1802—1880)—Министром-президентом, министром иностранных дел и министром внутренних дел в великом герцогстве Гессенском; оба — политические деятели враждебных Пруссии германских государств, как и упоминавшиеся уже выше Пфордтен и Кобург.

16 Имеются в виду решения, принятые на *конгрессе европейских государств в Вене* (ноябрь 1814г.—июнь 1815 г.),заседавшем после разгрома наполеоновской Франции. Конгресс установил основы той реакционной политической системы, которая господствовала в Европе на протяжении ряда десятилетий. Конгресс закрепил территориально-политическую раздробленность Германии организацией Германского союза. Говоря о «несправедливости по отношениию ко многим князьям» и т. д., Бисмарк имеет в виду тот ущерб, который понесли многие мелкие владетельные германские государи из-за того, что в соответствии с решениями Венского конгресса их земли были переданы более крупным государствам.

17 Рудольф фон *Зидов* — прусский посланник при Союзном сейме во Франкфурте.

18 См. ответ Гольца на это письмо с заметками Бисмарка на полях в Bismarck-Jahrbuch, V, S. 238 ff. *(Прим. нем. изд.)*

19 Датский король Фридрих VII умер 15 ноября 1863 г,

20 Бахус, или Вакх, — бог вина в греческой и римской мифологии (у греков обычно именовался Дионисом).

21 В 1852 г. решением Лондонской конференции держав (см. прим. 2) отец принца Фридриха Августенбургского герцог Христиан (1798—1869) был вынужден передаточным актом от 30 декабря 1852 г. уступить свои владения датскому правительству за 2 250 тысяч прусских талеров. В этот же акт была включена статья, в которой Христиан обязывался не препятствовать закону о престолонаследии, основанному на датском порядке престолонаследия по женской линии. Указанный закон впоследствии (в 1863 г.) привел на датский престол Христиана Глюксбургского. Сила этого вынужденного акта оспаривалась. Брат герцога и сын его, наследный принц Фридрих, в форме специальных протестов отстаивали свои права. После смерти Фридриха VII в 1863 г. Христиан Августенбургский актами от 16 ноября и 25 декабря 1863 г. отрекся от своих прав на Шлезвиг-Гольштейн в пользу старшего сына, претендовавшего на титул Фридриха VIII.

22 В феврале 1865 г. Пруссия предъявила выдвинутому ранее Союзным сеймом и поддерживаемому на данном этапе Австрией и Пруссией

претенденту на датский престол принцу Августенбургскому условия образования отдельного Шлезвиг-Гольштейнского государства и признания суверенитета герцога Шлезвиг-Гольштейнского наряду с включением нового государства в Германский союз. Эти условия предусматривали особые права Пруссии. Так, Шлезвиг-Гольштейн заключает с Пруссией нерасторжимый оборонительно-наступательный союз; военные силы Шлезвиг-Гольштейна поступают в распоряжение Пруссии, а флот включается в состав прусского флота. На территории Шлезвиг-Гольштейна Пруссия получает ряд стратегических пунктов. Шлезвиг-Гольштейн навсегда включается в прусскую таможенную систему; управления почты и телеграфа также сливаются.

[23] Людвиг фон *Герлах* (1795—1877), брат генерала Леопольда Герлаха; один из основателей реакционной «Крестовой газеты» («Kreuzzeitung»). Бисмарк называет его президентом, имея в виду официальное положение, какое занимал Герлах, состоя председателем (президентом) суда в Магдебурге.

[24] В городе *Ольмюце* (Моравия) 29 ноября 1850 г. было заключено соглашение между Пруссией, Россией и Австрией. Пруссия была вынуждена иод давлением России отказаться от попыток объединить Германию под своей гегемонией и соглашалась на восстановление Союзного сейма, прекратившего свое существование в 1848 г.

[25] *«Новой эрой»* называют период, когда у власти в Пруссии находилось министерство, возглавлявшееся князем Гогенцоллерн-Зигмарингеном. Это министерство было образовано в 1858 г. с установлением регентства принца Вильгельма (будущего прусского короля и германского императора — Вильгельма I) и пробыло у власти до 1862 г., до «конституционного конфликта».

[26] *Датская война* — война Пруссии и Австрии против Дании в 1864 г.; *Богемской войной* Бисмарк называет австро-прусскую войну 1866 г., так как ее военные действия развернулись на территории Богемии.

[27] *Дюппель* — селение в Шлезвиге, сильно укрепленная позиция, взятая прусскими войсками 18 апреля 1864 г. *Альзен* — остров в проливе Малый Бельт, был важной военной базой датчан во время войны 1864 г.; взят прусскими войсками 29 июня 1864 г. После падения Альзена датское правительство было вынуждено подписать 1 августа 1864 г. предварительный мирный договор, по которому Шлезвиг, Гольштейн и Лауенбург были переданы Пруссии и Австрии.

[28] Имеется в виду австро-прусская война 1866 г.

[29] В 1721 г. владения герцога Августенбургского были им утеряны в результате захвата Данией; в 1852 г. герцог Августенбургский отказался от своих владений (см. прим. 21).

[30] В соответствии с решениями Венского конгресса 1814—1815 гг. датский король как владетель герцогств Гольштейна и Лауенбурга был включен в состав Германского союза, образованного в 1815 г. Поэтому в единственном общем органе Германского союза, Союзном сейме, в числе посланников германских государств был и представитель Дании.

[31] Точнее, 2 и 3 января 1864 г. *(Прим. нем. изд.)*

[32] Немецкий принц Александр Баттенбергский (1857—1893) в 1879 г. был возведен на болгарский престол при содействии русского правительства и управлял с помощью русских генералов. Вынужденный под влиянием недовольства его политикой в Болгарии изменить эту политику, он в 1883 г. восстановил упраздненную им за два года

перед тем конституцию. Под давлением русского правительства Александр Баттенбергский в 1886 г. отрекся от престола. Александр Баттенбергский пользовался симпатией среди некоторых кругов Германии. Бисмарк считает, что проявление симпатии к Александру Баттенбергскому, а также и к польскому национально-освободительному движению (называемому Бисмарком полонизмом) не соответствует германским интересам.

33 Цитата из трагедии Гете «Фауст», часть первая, сцена вторая.

34 Фракцией карьеристов *Бетман-Гольвега* Бисмарк называет близкую к королеве Августе группу, возглавлявшуюся Морицем Бетман-Гольвегом (1795—1877), политическим деятелем, временами склонным пойти навстречу либералам. Термины «фракция» и «партия» Бисмарк употребляет не только в общепринятом значении, но и в смысле придворных и иных группировок.

35 *Партия «Еженедельника»* — элементы, группировавшиеся вокруг выходившего в Берлине в 1851—1861 гг. органа весьма умеренного либерализма: «Прусский еженедельник для обсуждения политически злободневных вопросов» («Preussisches Wochenblatt zur Besprechung politischer Tagesfragen»).

36 Имеется в виду программное заявление, сделанное Наполеоном III в письме к министру иностранных дел, опубликованном 11 июня 1866 г.

37 Граф Альберт *Вернсторф* (1809—1873) был представителем Пруссии на Лондонской конференции в мае 1864 г., на которой великие державы, опасаясь усиления Пруссии и Австрии, сделали во время датской войны безуспешную попытку уладить шлезвиг-гольштейнский вопрос.

38 Венским мирным договором 30 октября 1864 г. была закончена война Пруссии и Австрии против Дании.

39 14—20 августа 1865 г. в Гаштейне (курорт в Австрии) между Пруссией и Австрией была заключена конвенция о разделе управления герцогствами Шлезвиг и Гольштейн, приобретенными по мирному договору с Данией от 30 октября 1864 г. По этой конвенции Шлезвиг поступал в управление Пруссии, а Гольштейн — Австрии. Город Киль был превращен в союзную гавань. Небольшое герцогство Лауенбург целиком отходило во владение к Пруссии, уплатившей за него Австрии 2 500 тысяч датских риксдалеров.

40 *Кобленц* — главный город Рейнской провинции Пруссии при слиянии рек Рейна и Мозеля; в тот период служил, главным образом, резиденцией королевы Августы.

41 Дочь английской королевы Виктории, тоже Виктория, была с 1858 г. замужем за сыном прусской королевы Августы, кронпринцем Фридрихом (будущим королем Пруссии и императором Германии Фридрихом III).

42 *Веймар* — главный город великого герцогства Саксен-Веймар-Эйзенахского. *Баден* — главный город великого герцогства Баденского.

43 Граф Густав *Бломе* (1829—1906), австрийский дипломат, в 1865 г, вел переговоры и участвовал в заключении Гаштейнской конвенции.

[44] *Зальцбург* — провинция в Австрии; в этой провинции, близ главного ее города Зальцбурга, находится Гаштейн.

[45] Барон Карл *Вертер* (1809—1894), прусский посланник в Вене, был уполномоченным Пруссии при заключении в Вене 30 октября 1864 г. мирного договора между Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Данией — с другой.

[46] *Рацебург* — город со старинным замком, резиденция герцогов Лауенбургских.

[47] Речь идет о продаже кораблей общегерманского флота, к созданию которого приступили после революции 1848 г. Восстановленный в 1851 г. Союзный сейм поручил в 1852 г. ольденбургскому государственному советнику Ганнибалу Фишеру продать корабли с аукциона.

[48] Ср. речь от 1 июня 1865г., Politische Reden, II, 356 (во втором издании — S. 374). *(Прим. нем. изд.)*

[49] См. *Плутарх*, Жизнь Цезаря, гл. XI. *Апокрифический*—недостоверный.

[50] Речь идет о происходивших в эпоху первых императоров, созданной в 962 г. Германо-Римской империи, местных восстаниях герцогов Баварии, Франконии и др. Эти восстания были направлены против централизации власти в Германии.

[51] Имперские князья, имперские города, имперские деревни, аббатства, имперские рыцари были подчинены непосредственно императору Германо-Римской империи, а не отдельным владетельным государям ее; они пользовались рядом существенных прав, имели право голоса в имперском сейме и т. д.

[52] *Кондотьеры* — наемные военачальники в средневековой Италии; вместе со своим войском нанимались на службу то к одному, то к другому итальянскому городу или князю.

[53] *Консерваторы* («Немецко-консервативная партия») и *свободные консерваторы* («Имперская партия») — политические партии в Германии во второй половине XIX и начале XX века. Свободные консерваторы откололись от консерваторов в 1866 г. Консерваторы были партией преимущественно крупного землевладельческого дворянства Восточной Пруссии и пользовались влиянием среди помещиков Саксонии, южнонемецких зажиточных крестьян и части разорявшегося ремесленничества, а также среди евангелического духовенства (отсюда — «Крестовая газета» в качестве центрального органа). Свободные консерваторы опирались на силезских крупных помещиков и промышленников; кроме того, эа ними шла часть чиновничества и офицерства. При столь незначительном различии в социальной базе борьба свободных консерваторов против консерваторов и откол их от последних не мог носить глубоко принципиального характера. Раскол произошел по вопросам, связанным с образованием Северогерманского союза, с прусскими присоединениями в результате войны 1866 г. и т. д. Своим отколом от консерваторов свободные консерваторы лишь порывали с правой оппозицией Бисмарку, отражавшейся на страницах «Крестовой газеты».

[54] *«Kreuzzeitung»* («Крестовая газета»)—распространенное название газеты «Neue Preussische Zeitung» («Новой прусской газеты»), в заго-

ловке которой было воспроизведено изображение железного креста. Центральный орган консервативной партии; основана в Берлине в 1848 г.

35 Из евангелия, I послание к коринфянам, 1, 12—13. Кифа и Павел — апостолы. Упоминаемый Бисмарком стих — послание апостола Павла — гласит: «Я разумею то, что у вас говорят иные: я Павлов, я Апполосов, я Кифин, а я Христов. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или в Павлово имя БЫ крестились?»

56 1 июня 1866 г. Австрия заявила о передаче ею своего спора с Пруссией на рассмотрение Союзного сейма. Пруссия, объявив это противоречащим Гаштейнской конвенции, силой удалила австрийские войска из Гольштейна. 10 июня Бисмарк разослал германским правительствам проект реформы Германского союза, причем на первом месте значилось исключение Австрии из этого Союза. 14 июня Австрия потребовала объявления Союзным сеймом войны Пруссии, поскольку последняя нарушила Гаштейнскую конвенцию. Пруссия объявила тогда Германский союз распавшимся. Австрию поддержали союзные с нею средне-германские государства. Пруссия заняла территории Ганновера, Саксонии, Кургессена и Нассау и выступила против Австрии. Последняя объявила войну Пруссии 17 июня; Пруссия и поддержавшая ее Италия объявили войну Австрии 18 июня.

57 *Вельфы* — немецко-ганноверская партия правового порядка («Deutsch-Hannoversch Rechtspartei»), образовавшаяся в 1866 г. после того, как Ганновер был присоединен к Пруссии. Целью партии было восстановление прав ганноверского королевского дома (принадлежавшего к так называемой ганноверской линии древнего немецкого княжеского рода Вельфов, откуда и происходит название партии) и самостоятельного значения Ганновера в Германском союзе.

58 По решению *Венского конгресса* европейских государств (1814—1815 гг.) карта Германии подверглась существенным изменениям. Владения Пруссии составили две крупные, разобщенные между собой части: Вестфалия и Рейнская провинция были отделены Ганноверскими и Кургессенскими землями от остальных прусских владений. Эту разоб ценность Бисмарк имеет в виду, говоря о невыгодной конфигурации. Своим замечанием по поводу этой «награды», «выпавшей на долю Пруссии», Бисмарк напоминает о заслугах Пруссии в борьбе с Наполеоном.

59 В *Семилетней войне* (1756—1763) Ганновер и Кургессен выступали на стороне Пруссии.

60 Граф Адольф *Платен-Галлермунд* (1814—1889)—ганноверский дипломат.

61 *Минденский округ,* расположенный на северо-востоке прусской Вестфалии, граничил с ганноверскими владениями.

62 *Кассель* — резиденция курфюрстов Гессен-Кассельских.

63 Erinnerungen und Erlebnisse des kgl. hannoverschen General-Major Dammers, Hannover 1890, S. 94—95. *(Прим. нем. изд.)*

64 *Биарриц* — курорт во Франции, на берегу Бискайского залива; здесь в это время находился Наполеон III.

63 *Sybel,* Begrimdung des Deutschen Reiches, Bd. III, S. 337 ff. *(Прим. нем. изд.)*

[66] Карл-Люциан *Замвер* (1819—1882) — шлезвиг-гольштейнский политический деятель, юрист и журналист, советник герцога Фридриха Августенбургского.

[67] Подписано 16 января Рехбергом (Австрия) и Вертером (Пруссия).

[68] *Рендсбург* — крепость на реке Эйдере, в районе будущего Кильского канала.

[69] *Германский Таможенный союз,* созданный в 1834 г., охватывавший почти все германские государства, кроме Австрии, находился под фактической гегемонией Пруссии.

[70] *Sybel,* Begrundung des Deutschen Reiches, Bd. III, S. 337 ff. *(Прим. нем. изд.)*

[71] Во время франко-прусской войны в битве при *Седане* прусские войска 1 сентября 1870 г. нанесли поражение французской армии; вместе с императором Наполеоном III армия сдалась в плен.

[72] Т. е. в начале 90-х годов XIX в.

[73] Канал из Северного моря в Балтийское — *Нильский канал,* официально названный при его открытии в 1895 г. каналом императора Вильгельма,— проходит через территорию Шлезвига и Гольштейна. Построен в 1887—1895 гг. Имеет большое стратегическое значение.

[74] Moltkes Reden, Gesammelte Schriften, VII, S. 25 ff. *(Прим. нем. изд.)*

[75] Т. е. во время австро-прусской войны 1866 г. и франко-прусской войны 1870—1871 гг.

[76] *Гесты* — название расположенных на немецком побережье Северного моря обширных, несколько возвышенных песчаных пустошей.

[77] Т. е. после того, как остров Гельголанд в 1890 г. был приобретен Германией у Англии.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

НИКОЛЬСБУРГ

30 июня 1866 г. вечером его величество с главной квартирой [1] прибыл в Рейхенберг [2]. В этом городе с населением в 28 тысяч человек было размещено 1 800 пленных австрийцев, охраняли же его лишь 500 прусских нестроевых солдат, вооруженных старыми карабинами; всего в нескольких милях от города стояла саксонская кавалерия. За одну ночь она могла достичь Рейхенберга и захватить короля и всю главную квартиру. О пребывании нашей квартиры в Рейхенберге было известно из опубликованных телеграмм. Я позволил себе обратить на это внимание короля, вследствие чего нестроевым солдатам было приказано поодиночке, незаметно отправиться в замок, где расположился король. Военные были недовольны моим вмешательством; чтобы доказать им, что я заботился не о *моей* безопасности, я выехал из замка, куда его величество пригласил меня, и поселился в городе. Это было уже зародышем того недовольства военных мною, которое вытекало из ведомственной зависти и было связано с моим личным положением при его величестве; недовольство это во время похода и французской войны продолжало развиваться.

После битвы под Кениггрецом [3] ситуация была такова, что наше сочувственное отношение к первой же попытке Австрии вести мирные переговоры казалось не только возможным, но и необходимым ввиду вмешательства Франции. Вмешательство это началось с того, что в ночь с 4 на 5 июля в Гориц (Hofricz) * [4] поступила телеграмма на имя его величества, в которой Луи-Наполеон сообщал, что император Франц-Иосиф уступил ему Венецию [5], и просил его о посредничестве. Блестящий успех, одержанный войсками короля, заставляет Наполеона отказаться от своей первоначальной сдержанности. Вмешательство было вызвано нашей победой,

---

* Так пишет генеральный штаб, выговаривается же Horsitz.

после того как Наполеон рассчитывал до этого момента на наше поражение и на то, что мы будем нуждаться в помощи. Если бы с нашей стороны победа под Кенигтрецем была полностью использована энергичными действиями генерала фон Этцеля и преследованием разбитого неприятеля свежими силами нашей кавалерии, то при господствовавшей у нас, а тогда еще и у короля умеренности миссия генерала Габленца в прусскую главную квартиру [6] привела бы уже, вероятно, не только к заключению перемирия, но и к соглашению об основах будущего мира. Умеренность в отношении условий мира [была, впрочем, такова], что и тогда уже добивались от Австрии большего, чем это было целесообразно, и оставили бы нам в качестве будущих союзников всех прежних членов Союза [7], но умалив и оскорбив их всех. По моему совету, его величество ответил императору Наполеону уклончиво, но все же отказываясь от какого бы то ни было перемирия без гарантий относительно мира.

Я спрашивал позднее генерала фон Мольтке в Никольсбурге [8], что бы он сделал, в случае военного вмешательства Франции. Его ответ гласил: оборонительная тактика против Австрии, ограничивающаяся линией Эльбы, а тем временем — ведение войны против Франции.

Это мнение еще более укрепило меня в моем решении рекомендовать его величеству заключить мир на основе территориальной целостности Австрии. Я был того мнения, что, в случае французского вмешательства, нам следовало бы либо немедленно заключить с Австрией мир на умеренных условиях, а по возможности — и союз, с тем, чтобы напасть на Францию, либо же полностью парализовать Австрию быстрым наступлением и содействием конфликту в Венгрии, а быть может, также в Богемии [9], а покуда держаться только оборонительно против Франции, а не против Австрии — согласно Мольтке. Я был убежден, что война против Франции, которую Мольтке хотел, по его словам, вести в первую очередь и быстро, была бы не так легка; что хотя у Франций и было бы мало сил для наступления, но при обороне в собственной стране она стала бы вскоре, как показывает исторический опыт, достаточно сильной, чтобы затянуть войну, так что мы, пожалуй, не смогли бы победоносно обороняться на Эльбе против Австрии, если бы нам пришлось вести войну, вторгнувшись на французскую [территорию], имея у себя в тылу враждебные нам Австрию и Южную Германию. Эта перспектива заставила меня напрячь силы ради достижения мира.

Участие Франции в войне имело бы тогда своим последствием немедленное вступление в борьбу на территории Германии, быть может, всего лишь 60000 французских солдат, а быть может, и того меньше. Но этого добавления к наличному

составу южногерманской союзной армии было бы достаточно, чтобы установить здесь единое и энергичное руководство, вероятно, под французским верховным командованием. Одна лишь баварская армия ко времени перемирия достигла будто бы 100000 человек; вместе с другими имевшимися в распоряжении германскими войсками [10] — сами по себе это были неплохие, храбрые солдаты,—и вместе с 60 000 французов против нас выступила бы с юго-запада армия в 200 000 человек под единым крепким французским командованием вместо прежнего робкого и разъединенного. Этой армии мы в направлении [от] Берлина не могли противопоставить никаких равноценных военных сил, не ослабляя себя чрезмерно против Вены. Майнц был занят союзными войсками под командой баварского генерала графа Рехберга; раз уже французы вступили бы туда, было бы нелегким делом удалить их оттуда.

Под давлением французского вмешательства и в то время, когда еще нельзя было предвидеть, удастся ли ограничить его сферой дипломатии, я принял решение дать совет королю обратиться с призывом к венгерской нации. Если бы Наполеон вступил, как указано выше, в войну, а позиция России оставалась бы сомнительной, но особенно в том случае, если бы холера усилилась в нашей армии, наше положение могло бы стать настолько тяжелым, что мы были бы вынуждены взяться за любое оружие, которое могло бы предоставить в наше [распоряжение] развязанное национальное движение не только в Германии, но и в Венгрии и Богемии, — лишь бы не потерпеть поражения.

II

12 июля в походной квартире в Чернагоре состоялся военный совет, или, как предпочитают называть его военные, доклад генералов, — я сохраняю для краткости и общедоступности первое название, употребленное также и Рооном*, хотя фельдмаршал Мольтке и заметил в статье, переданной им 9 марта 1881 г. профессору Трейчке, что в обеих войнах военный совет никогда не созывался.

На эти совещания, происходившие под председательством короля сначала регулярно, а затем с более или менее продолжительными промежутками,- меня в 1866 г. приглашали, когда я бывал в пределах досягаемости. В тот день обсуждалось направление дальнейшего наступления на Вену; я несколько запоздал, и король разъяснил мне, что речь идет

* В письме к своей супруге от 7 февраля 1871 г. (Denkwurdigkeiten, III[4], 297).

о том, чтобы овладеть укреплениями флоридсдорфской линии [11] и таким путем подойти к Вене, и что ввиду характера этих сооружений необходимо подвезти тяжелые орудия из Магдебурга *, а это потребует двух недель. После того как будет пробита брешь, надлежало взять укрепления штурмом, причем ожидаемые потери оценивались предположительно в 2 тысячи человек. Король затребовал мое мнение по этому вопросу. Первым моим впечатлением было, что мы не можем терять двух недель, без того чтобы не приблизить еще в большей степени опасность *французского* вмешательства **. Я высказал мои опасения и заявил: «Мы не можем потерять две недели в пассивном ожидании без того, чтобы французский арбитр не получил опасного перевеса». Я поставил вопрос, необходимо ли вообще штурмовать флоридсдорфские укрепления, не можем ли мы их обойти. При повороте на 25° влево можно было бы взять направление на Прессбург [12] и перейти в этом месте Дунай с меньшими затруднениями. В таком случае австрийцы либо приняли бы сражение южнее Дуная в невыгодном для них положении, фронтом на восток, либо заранее отступили бы в Венгрию; тогда Вена могла бы быть взята без боя. Король потребовал карту и высказался в пользу этого предложения; к выполнению было приступлено, как мне казалось, нехотя, но все же оно осуществлялось.

Согласно труду генерального штаба, стр. 522, лишь 19 июля последовал следующий приказ главной квартиры:

«Намерение его величества короля — сконцентрировать армию на позициях за Руссбахом... На этих позициях армия должна быть прежде всего в состоянии отбить нападение, которое неприятель в количестве около 150 тысяч человек может предпринять из Флоридсдорфа; затем она должна с тех же позиций либо осуществить разведку и атаковать флоридсдорфские укрепления, либо же, оставив корпус для наблюдения за Веной, выступить, возможно быстрее, в направлении Прессбурга... Обе армии выдвигают свои авангарды и разведывательные части к Руссбаху, в направлении на Волькерсдорф и Дейч-Ваграм. Одновременно с этим продвижением должна быть сделана попытка овладеть внезапной атакой Прессбургом и обеспечить там на случай надобности переправу через Дунай».

---

* В трудах генерального штаба, стр. 484, под 14 июля значится: «В Дрезден было протелеграфировано [распоряжение] полковнику Мертенсу держать наготове 50 направленных туда (следовательно, еще не поступивших) тяжелых орудий, чтобы можно было, не теряя времени, отослать их по железной дороге, как только последует соответствующий приказ. За Лунденбургом железная дорога была разрушена; генералу фон Гиндерзину было поэтому поручено собрать в названном пункте парк транспортных средств».

** Ситуация напоминала ту, что была в 1870 г. под Парижем.

Для наших дальнейших отношений с Австрией мне было важно по возможности предотвратить оскорбительные для нее воспоминания, насколько это удавалось без ущерба для нашей германской политики. Победоносное вступление прусских войск в неприятельскую столицу, конечно, было бы весьма отрадным воспоминанием для наших военных, но для нашей политики в этом не было надобности: самолюбие Австрии было бы тем самым, как и уступкой нам любого из исконных владений, уязвлено. Не представляя для нас крайней необходимости, это причинило бы излишние затруднения нашим будущим взаимоотношениям. Я уже тогда не сомневался, что завоеванное в этом походе нам придется защищать в дальнейших войнах, как достижения двух первых силезских войн Фридриху Великому пришлось защищать в более жарком огне Семилетней войны [13]. Что французская война последует за австрийской, вытекало из исторической логики даже в том случае, если бы мы могли предоставить императору Наполеону те небольшие компенсации, которые он ожидал от нас за свой нейтралитет [14]. И в отношении России можно было сомневаться, какова будет реакция, если там ясно представят себе, какое усиление заключается для нас в национальном развитии Германии. Как сложатся дальнейшие войны за сохранение добытого, не поддавалось предвидению, но во всех случаях важно было следующее: будет ли настроение, в каком мы оставим наших противников, непримиримым и окажутся ли раны, которые мы нанесем их самолюбию, неисцелимыми. В этом соображении заключалось для меня политическое основание скорей предотвращать, нежели поощрять триумфальное вступление в Вену на манер Наполеона [15]. В положениях, подобных тому, каким было в то время наше, политически целесообразно не ставить после победы вопроса, что можно выжать из неприятеля, но добиваться лишь того, что составляет политическую необходимость. Недовольство военных кругов моим образом действий я считал проявлением ведомственной военной политики, которой я не мог предоставить решающего влияния на [общую] политику государства и ее будущее.

III

Когда пришлось определить свое отношение к телеграмме Наполеона от 4 июля, король сделал следующий набросок мирных условий: реформа союза под руководством Пруссии, приобретение Шлезвиг-Гольштейна, австрийской Силезии, пограничной полосы Богемии, восточной Фрисландии, замена враждебных нам монархов Ганновера, Кургессена, Мейнингена и Нассау их наследниками [16]. Позднее появились и другие стремления, отчасти возникшие у самого короля, отчасти же заро-

дившиеся под посторонними влияниями. Король хотел аннексировать части Саксонии, Ганновера, Гессена, но особенно — возвратить своему дому Ансбах и Байрейт [17]. Его сильному и обоснованному родовому чувству дорого было возвращение франконских княжеств.

Я вспоминаю, что на одном из первых придворных празднеств в моем присутствии в 30-х годах — на костюмированном балу у него, тогда еще принца Вильгельма, я видел его в костюме курфюрста Фридриха I. Выбор костюма, отличного по своему стилю от всех других, служил выражением родового чувства, происхождения, и, вероятно, мало кто носил этот костюм изящнее и непринужденнее, чем всего лишь 37-летний в то время принц Вильгельм, облик которого в этом костюме запечатлелся у меня навсегда. Крепкий династический родовой дух был, пожалуй, еще резче выражен у императора Фридриха III, но, несомненно, королю в 1866 г. тяжелее было отказаться от Ансбаха и Байрейта, чем даже от австрийской Силезии, немецкой Богемии и частей Саксонии. К приобретениям за счет Австрии и Баварии я подходил с масштабом вопроса, останутся ли тамошние жители верны прусскому королю и будут ли они подчиняться его распоряжениям в случае войны и отступления прусских властей и войск, и мое впечатление было не таково, чтобы население этих местностей, сжившееся с баварскими и австрийскими условиями, пошло в своих настроениях навстречу гогенцоллерновским склонностям.

Древнее родовое владение бранденбургских маркграфов к югу и востоку от Нюрнберга, будучи превращено в прусскую провинцию с Нюрнбергом в качестве главного города, вряд ли стало бы такой частью страны, которую Пруссия в случае войны могла бы обнажить от своих войск, поставив ее под защиту династической преданности населения. За короткий период, когда страна была во владении Пруссии, преданность эта не пустила глубоких корней, несмотря на умелое управление Гарденберга [18], а затем была в баварские времена забыта в той мере в какой ее не вызывали в памяти события вероисповедной жизни, что случалось редко и было мимолетно. Хотя баварские протестанты и чувствовали себя порой ущемленными, однако вызванное этим раздражение никогда не проявлялось в форме воспоминаний о Пруссии. Но даже и к урезанному таким образом баварскому племени от Альп до Верхнего Пфальца при той горечи,которая осталась бы у него в результате изувечения королевства, приходилось бы всегда относиться, как к элементу, с которым было бы трудно достигнуть примирения и который при присущей ему силе представлял бы опасность для будущего единства. Тем не менее в Никольсбурге мне не удалось добиться того, чтобы мои взгляды

на условия подлежащего заключению мира стали приемлемыми для короля. Поэтому пришлось допустить, чтобы господин фон дер Пфордтен, который прибыл туда 24 июля, уехал, ничего не добившись. Мне не оставалось ничего другого, как ограничиться критикой его поведения накануне войны. Ему было боязно полностью отказаться от опоры на Австрию, хотя он охотно освободился бы и от венского влияния, если можно было бы достичь этого, не подвергая себя опасности; но поползновений [в духе] Рейнского союза [19], реминисценций, связанных с положением, которые занимали мелкие германские государства под французским протекторатом с 1806 до 1814 г., у этого честного и ученого, но политически неискушенного немецкого профессора [20] не было.

Те же возражения, что и по отношению к франконским княжествам, я делал его величеству и по отношению к австрийской Силезии, одной из самых верных императору провинций, населенной к тому же преимущественно славянами, а также относительно богемских территорий — Рейхенберга, Эгерталя, Карлсбада, которые король хотел удержать, по настоянию принца Фридриха-Карла [21], в качестве своего рода гласиса у подножия Саксонских гор. Позднее дело осложнилось тем, что Карольи [22] категорически отклонил какую бы то ни было территориальную уступку, даже предложенную мною в переговорах с ним уступку небольшого округа Браунау [23], обладание которым было связано с нашими железнодорожными интересами. Я предпочел отказаться даже от этого, так как упорство угрожало оттянуть заключение мира и обострить опасность французского вмешательства.

Желание короля сохранить за собой Западную Саксонию, Лейпциг, Цвикау и Хемниц, чтобы установить связь с Байрейтом, натолкнулось на заявление Карольи, что он должен настаивать на целостности Саксонии, как на conditio sine qua non [совершенно обязательном пункте] мирных условий. Эта разница в отношении к союзникам объясняется личной симпатией к королю саксонскому и поведением саксонских войск после сражения при Кениггреце, когда при отступлении они составили самую стойкую и наиболее боеспособную военную единицу. Другие германские войска, поскольку они участвовали в бою, сражались храбро, но они вступили в бой поздно и практически не добились успеха, [в результате чего] в Вене господствовало впечатление, не обоснованное обстоятельствами дела, будто союзники, в частности Бавария и Вюртемберг, оказали недостаточную поддержку.

В труде генерального штаба под 21 июня значится:

«В Никольсбурге уже несколько дней велись переговоры, ближайшей целью которых было заключение пятидневного

перемирия. Прежде всего надлежало выиграть время для дипломатии *. Теперь, когда прусская армия вступила в Мархфельд [24], непосредственно предстояла новая катастрофа».

Я спросил Мольтке, считает ли он нашу [операцию], предпринятую у Прессбурга, опасной или же не внушающей опасений. До сих пор наша репутация оставалась незапятнанной. Если можно с уверенностью рассчитывать на благоприятный исход, то следовало бы дать произойти сражению и установить начало перемирия на полдня позже; победа, естественно, укрепила бы наше положение при переговорах. В противном случае лучше было бы отказаться от этого предприятия. Он ответил мне, что считает исход сомнительным, а операцию — рискованной; впрочем, на войне все опасно. Это заставило меня рекомендовать его величеству такое соглашение о перемирии, согласно которому военные действия должны были прекратиться в воскресенье, 22-го числа, в полдень и не могли быть возобновлены до полудня 27-го числа. Генерал фон Франзеки получил 22-го утром, в $7^1/_2$ часов, извещение о наступающем в тот же день перемирии и приказание сообразовать с этим свои действия. Сражение, которое он вел под Блуменау [25], должно было быть поэтому прервано в 12 часов.

IV

Тем временем у меня шли конференции с Карольи и Бенедетти, которому благодаря неповоротливости нашей военной полиции в тылу армии удалось в ночь с 11 на 12 июля добраться до Цвиттау [26] и появиться внезапно перед моей постелью. На этих конференциях я выяснил условия, на которых мир был достижим. Бенедетти заявил, что увеличение Пруссии максимум на 4 миллиона душ в Северной Германии при сохранении линии Майна в качестве южной границы не повлечет за собой французского вмешательства, и указал, что такова основная линия наполеоновской политики[27]. Он, несомненно, надеялся образовать южногерманский союз в качестве филиала Франции. Австрия выступила из Германского союза и готова была полностью признать порядки, которые король введет в Северной Германии, при условии сохранения целостности Саксонии. Эти условия заключали в себе все, что нам было нужно: свободу действий в Германии.

По приведенным выше соображениям, я твердо решил превратить принятие австрийских предложений в вопрос доверия кабинету. Положение было затруднительным; всех генералов объединяло нежелание прервать наше до сих

* Но ведь перед лицом французского вмешательства дипломатия должна была еще больше дорожить временем, чем военное командование.

пор победное шествие, а король чаще и с большей готовностью шел в те дни навстречу влиянию военных, нежели моему. Я был единственным человеком в главной квартире, который нес в качестве министра политическую ответственность и который обязательно должен был составить себе то или иное мнение о ситуации и принять то или иное решение, не имея возможности ссылаться впоследствии на чей-либо посторонний авторитет в виде ли коллегиального решения или приказов свыше. Как сложится будущее и каков будет в зависимости от этого приговор света, я, как и всякий иной, не мог предвидеть, но из всех, кто был налицо, один лишь я был по закону обязан иметь, высказывать и отстаивать свое мнение [28]. Я составил себе это мнение в упорном размышлении о нашем будущем положении в Германии и наших будущих отношениях с Австрией, готов был нести за него ответственность и отстаивать его перед королем. Мне было известно, что в генеральном штабе меня называют «Квестенберг в лагере», и отождествление меня с валленштейновским придворным военным советником не слишком льстило мне. [29]

23 июля под председательством короля собрался военный совет, на котором предстояло решить, следует ли на предложенных условиях заключить мир или же продолжать войну. Ввиду мучившего меня недомогания оказалось необходимым провести совещание в моей комнате. Я был при этом единственным штатским в мундире. Я изложил мое убеждение, высказавшись в том смысле, что необходимо заключить мир на предложенных Австрией условиях, но остался в одиночестве; король согласился с военным большинством. Нервы мои не выдержали овладевавших мною днем и ночью чувств, я молча встал, прошел в смежную спальню и разразился там судорожными рыданиями. Рыдая, я слышал, как военный совет в соседней комнате был прерван. Тогда я принялся за работу и письменно изложил доводы, которые говорили, по моему мнению, в пользу заключения мира. Я просил короля, в случае его нежелания последовать моему совету, сделанному со всей ответственностью, освободить меня от моих обязанностей министра при продолжении войны. С этой запиской [30] я отправился днем позже на устный доклад.. В приемной я застал двух полковников с донесениями о распространении холеры среди их людей, из числа которых едва половина была способна к несению службы *. Эти страшные цифры укрепили меня в моем решении превратить [вопрос] о согласии на австрийские условия

---

* В ходе кампании 6 427 человек погибло от эпидемии. [Это число лишь тогда приобретает все свое значение, если противопоставить ему потери на полях сражения: число убитых достигло всего лишь 4 450 человек: ср. *v. Lettow-Vorbzck,* Geschiclite des Krieges von 1866, Bd. II, S. 685. *Прим. нем. изд.*]

в вопрос доверия кабинету. Наряду с заботами политического характера, у меня было опасение, что в том случае, если операции будут перенесены в Венгрию, болезнь, при знакомых мне особенностях этой страны, станет вскоре непреодолимой. [Тамошний] климат, в особенности в августе, опасен, недостаток воды — острый; селения с относящимися к ним угодьями в несколько квадратных миль разбросаны на большие расстояния, к тому же — изобилие слив и дынь. Мне мерещилась, в качестве предостерегающего примера, наша кампания 1792 г. в Шампани, когда не французы, а дизентерия вынудила нас отступить [31].

Руководствуясь моей запиской, я развил перед королем политические и военные доводы против продолжения войны.

Нам следовало бы избежать, чтобы Австрии была нанесена тяжелая рана, чтобы у нее надолго осталась большая, чем это нужно, горечь и потребность в реванше. Мы, наоборот, должны сохранить возможность снова сблизиться с теперешним нашим противником и при всех случаях видеть в австрийском государстве фигуру на европейской шахматной доске, а в возобновлении отношений с ним — такой шахматный ход, который мы должны оставлять себе открытым. Если бы Австрии был нанесен серьезный ущерб, то она сделалась бы союзницей Франции и каждого из [наших] противников; даже свои антирусские интересы [32] она принесла бы в жертву тому, чтобы взять реванш у Пруссии.

С другой стороны, я не мог себе представить приемлемого для нас в будущем [33] устройства земель, составлявших австрийскую монархию, если бы она оказалась разрушенной венгерскими и славянскими восстаниями или надолго попала бы в зависимое положение. Чем заполнить *то* пространство Европы, которое занимает до сих пор австрийская монархия от Тироля до Буковины? Новые образования на этом пространстве могли бы быть только надолго революционными по своей природе. Немецкая Австрия ни целиком, ни частично не нужна была нам, мы не достигли бы укрепления прусского государства приобретением таких провинций, как австрийская Силезия или куски Богемии; слияние немецкой Австрии с Пруссией не удалось бы, Веной нельзя было бы управлять из Берлина как [его] придатком.

Если бы война была продолжена, то полем военных действий оказалась бы, вероятно, Венгрия. Если бы мы у Прессбурга перешли Дунай, австрийская армия не могла бы удержать Вену, но вряд ли отступила бы к югу, где она оказалась бы между прусскими и итальянскими войсками и, приблизившись к Италии, снова пробудила бы у итальянцев их упавший и связанный Луи-Наполеоном боевой дух. Она отступила бы на восток и продолжала бы сопротивление в Венгрии хотя бы

лишь в надежде на предполагавшееся вмешательство Франции и подготовляемое Францией охлаждение (Desinteressierung) Италии. Впрочем, зная Венгрию, я и с чисто военной точки зрения считал неблагодарной задачей продолжать там войну, а успехи, которые могли быть достигнуты — не соответствующими одержанным нами ранее победам и могущими, следовательно, ослабить наш престиж, совершенно независимо от того, что затяжка войны могла бы расчистить пути французскому вмешательству. Мы должны были быстро заключить мир, прежде чем Франция выиграла бы время для дальнейшего дипломатического выступления [в пользу] Австрии.

Против всего этого король не возражал но достигнутые условия [34] он объявил неудовлетворительными, не формулируя, однако, определенно своих требований. Ясно было лишь, что с 4 июля его требования возросли. Не может же главный виновник остаться ненаказанным тогда мы скорей могли бы простить и тех, кто был совращен, говорил он, настаивая на упомянутых выше территориальных уступках со стороны Австрии. Я возражал: не судейские обязанности должны мы выполнять, но делать германскую политику; борьба и соперничество Австрии с нами заслуживает нисколько не большего наказания, чем наша борьба с Австрией; *наша задача заключается в том, чтобы создать или подготовить германское национальное единство под главенством короля прусского.*

Переходя к германским государствам, король говорил о различных приобретениях за счет урезки владений всех [своих] противников. Я повторил, что мы не должны заниматься карающим правосудием, а делать политику. Я хотел бы избежать, чтобы в [системе] будущих союзных отношений оказались такие искромсанные владения, династии и население которых были бы склонны, по свойственной людям слабости, вернуть с посторонней помощью то, что им прежде принадлежало. Это были бы ненадежные союзники. То же самое имело бы место и в том случае, если бы, желая компенсировать Саксонию, потребовали у Баварии, примерно, Вюрцбург или Нюрнберг — план, который к тому же вступил бы в конкуренцию с династическим пристрастием его величества к Ансбаху. Мне пришлось также бороться против планов, которые клонились к увеличению великого герцогства Баденского, к аннексии баварского Пфальца и к расширению за счет территорий по нижнему Майну. При этом предполагалось, что ашаффенбургский округ Баварии может послужить Гессен-Дармштадту компенсацией за утрату Верхнего Гессена в результате установления майнской границы. Впоследствии в Берлине из всех этих планов обсуждалось лишь требование о передаче Пруссии расположенных на правом берегу Майна баварских владений, включая город Бай рейт, причем возник вопрос, пройдет ли граница

по северному — красному, или южному — белому Майну. У его величества, как мне казалось, над всем преобладало культивируемое военными кругами нежелание прервать победное шествие армии. Противодействие, которое, согласно моим убеждениям, я считал себя обязанным оказать взглядам его величества относительно использования военных успехов и его стремлению продолжать победное шествие, привело короля в такое возбуждение, что дальнейший разговор между нами сделался немыслимым. Под впечатлением, что мой совет отвергнут, я вышел из комнаты с намерением просить короля разрешить мне в качестве офицера вступить в мой полк. Вернувшись в свою комнату, я был в таком настроении, что мне пришло на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа. Я не обернулся, когда услышал, как отворили дверь, хотя и предполагал, что вошел кронпринц, мимо комнаты которого я прошел по коридору. Я почувствовал, что он положил мне руку на плечо и сказал: «Вы знаете, что я был против войны, вы считали ее необходимой и несете ответственность за это. Если вы теперь убеждены, что цель достигнута и что теперь следует заключить мир, я готов помочь вам и поддержать ваше мнение у отца». Затем он отправился к королю и вернулся полчаса спустя в том же спокойном и дружелюбном настроении, но со словами: «Это стоило мне большого труда, но все же отец согласился». Это согласие получило свое выражение в помете, примерно, следующего содержания, начертанной карандашом на полях одной из последних поданных мною записок: «После того как мой министр-президент покинул меня на виду у неприятеля, а я здесь не в состоянии заместить его, я обсудил этот вопрос с моим сыном, и так как последний присоединился к мнению министра-президента, то я вынужден, как это мне ни больно, после столь блестящих побед, одержанных армией, вкусить горьких плодов и принять столь постыдный мир». Думаю, я не ошибаюсь в передаче точного текста, хотя документ этот мне в данное время и недоступен; смысл был во всяком случае тождествен приведенному выше и означал, несмотря на резкость выражений, радостное избавление от невыносимого для меня напряжения. Я с удовлетворением воспринял согласие короля на то, что признавал политически необходимым, не придавая особого значения не слишком обязательной форме, в какую это согласие было облечено. В сознании короля преобладающими были в то время военные впечатления, и потребность продолжить столь блестящее до тех пор победное шествие была, пожалуй, сильнее всех политических и дипломатических соображений.

Упомянутая [собственноручная] помета короля, переданная мне кронпринцем, оставила во мне, в качестве осадка, лишь воспоминание о сильном душевном волнении, которое мне при-

шлось причинить моему престарелому государю, чтобы добиться того, что я считал необходимым в интересах отечества, если должен был продолжать нести возложенную на меня ответственность. Еще и поныне эти и подобные им события не вызывают во мне никаких иных впечатлений, кроме тягостного воспоминания о том, что мне приходилось так огорчать государя, которого я любил.

V

После того как прелиминарии с Австрией были подписаны, явились уполномоченные Вюртемберга, Бадена и Дармштадта. Вюртембергского министра фон Фарнбюлера я первоначально отказался принять, так как раздражение против него было у нас сильнее, чем против Пфордтена. В политическом отношении он был более ловок, чем последний, но вместе с тем меньше стеснял себя заботами о германском национальном [деле]. Его настроение к началу войны выразилось [в формуле]: «Vaevictis!» [«Горе побежденным»][35] и объяснялось штутгартскими[36] связями с Францией и в частности пристрастием к Франции королевы голландской, урожденной принцессы вюртембергской[37].

Она удостаивала меня, пока я был во Франкфурте[38], вниманием, поощряла меня в моем сопротивлении политике Австрии и выражала свое антиавстрийское настроение тем, что выделяла меня в доме своего посла фон Шерфа демонстративно и почти невежливо по отношению к австрийскому послу-президенту барону Прокешу. Это было то время, когда Луи-Наполеон еще питал надежду на союз с Пруссией против Австрии и уже замышлял итальянскую войну[39]. Я оставляю открытым вопрос, определялась ли политика королевы голландской уже тогда одним лишь пристрастием к наполеоновской Франции или же, занимая определенную позицию в прусско-австрийском споре, явно третируя моего австрийского коллегу и выказывая предпочтение мне, она руководилась только беспокойной потребностью заниматься политикой вообще. Во всяком случае после 1866 г. я нашел столь милостивую ко мне прежде государыню среди ожесточеннейших противников той политики, которой я держался в предвидении разрыва, совершившегося в 1870 г. В 1867 г. мы впервые были заподозрены в официальных французских заявлениях в том, что имеем виды на Голландию; в частности министр Руэр[40] в речи против Тьера (16 марта 1867 г.) указал, что Франция не потерпит нашего продвижения к «Зюдерзее» («Zuider-See»)[41]. Мало вероятно, чтобы француз самостоятельно открыл Зюдерзее и чтобы даже орфография этого названия была дана правильно во французской прессе без посторонней помощи; можно лишь догадываться,

что мысль об этом водном пространстве Голландии является отрыжкой французского недоверия. Даже нидерландское происхождение г-на Друэна де Люиса[42] не дает мне оснований поверить в столь точное знание его коллегой географии за пределами Франции.

Относя вюртембергскую политику к категории Рейнского союза (Rheinbundkategorie), я решил сначала отклонить прием господина фон Фарнбюлера в Никольсбурге. Беседа, состоявшаяся при посредничестве принца Фридриха Вюртембергского, брата командующего нашим гвардейским корпусом, и весьма благосклонной к нам великой княгини Елены, также оказалась политически бесплодной. Лишь впоследствии, в Берлине, я вел переговоры с фон Фарнбюлером. Его живая восприимчивость к политическим впечатлениям любой ситуации выразилась тогда в том, что он был первым из южногерманских министров, с кем я имел возможность заключить договор о союзе, характер которого известен.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Главная квартира* —обозначение главнокомандующего армией вместе со всеми состоящими при нем учреждениями и лицами.

[2] *Рейхенберг* (чешск. Либерец) — город в Богемии.

[3] Близ крепости Кенигтрец в Богемии 3 июля 1866 г. прусская армия одержала крупную победу над соединенными австро-саксонскими войсками. Битва под Кенигтрецем (иначе называемая битвой при Садове — по имени небольшой деревушки близ Кенигтреца) решила исход австро-прусской войны.

[4] *Гориц* (чешск. Гожице) — местечко в Богемии.

[5] *Венецианская область* была последним крупным владением Австрии в Италии. 4 июля 1866 г., после поражения при Кенигтреце, Австрия, желая получить содействие Наполеона в деле прекращения военных действий против нее со стороны Италии, предложила уступить ему Венецианскую область, которую он в свою очередь должен был передать Италии. Однако Италия, заключившая с Пруссией 8 апреля 1866. г. союз, отвергла предложение о перемирии, и 8 июля ее войска вступили в Венецианскую область.

[6] Австрийский генерал фон *Габленц* после поражения австрийцев у Кенигтреца вел с прусским командованием переговоры о заключении перемирия.

[7] В *Германский союз,* основанный после Венского конгресса 1814—1815 гг., входили все германские государства, в том числе и южногерманские— Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт, которые остались вне основанного в 1866 г. *Северогерманского союза,* когда Германский союз прекратил свое существование. Говоря о будущих союзниках Пруссии, Бисмарк имеет в виду членов Северогерманского союза.

[8] Этот вопрос не мог быть обращен к *Мольтке* впервые в *Никольсбурге,* куда главная квартира была переведена 18 июля. Ответ Мольтке в том смысле, в каком он передан в тексте, подтверждаемый письмом Мольтке Бисмарку от 8 августа 1866 г., укрепил Бисмарка в намерении предложить королю создание венгерского легиона. Приказ об этом последовал 14 июля. Ср. *v. Lettow Vorbeck,* Geschichte des Krieges von 1866, Bd. II, S. 597 f. *(Прим. нем. изд.)* В Никольсбурге 25 июля 1866 г. были подписаны предварительные условия мира. Окончательный мирный договор был подписан в Праге 23 августа того же года.

[9] Т. е. поддерживая национальную борьбу венгров и чехов против австрийского правительства.

[10] Т. е. войсками Германского союза, по требованию Австрии выступившими против Пруссии.

[11] Село *Флоридсдорф,* ныне городской район Вены, во время австро-прусской войны 1866 г. было превращено в предмостное укрепление. После разгрома австрийцев у Кениггреца во Флоридсдорф были переброшены находившиеся в Италии войска эрцгерцога Альбрехта. Однако сражения во Флоридсдорфе не произошло.

[12] *Прессбург* (Братислава) — город в Моравии. Между Прессбургом и Веной лежит равнина Мархфельд.

[13] *Первая Силезская война* — 1740—1742 гг.; *вторая* — 1744 — 1745 гг., *третья Силезская война,* называемая чаще *Семилетней войной* (1756 — 1763 гг.), закончились сохранением Силезии за Пруссией.

[14] Речь идет о прирейнских территориях, уступки которых потребовал у Бисмарка 26 июля французский посол Бенедетти в качестве компенсации Франции за ее согласие на значительное увеличение прусских владений.

[15] *Наполеон I* дважды занимал Вену: с ноября 1805 по январь 1806 г. и с мая по октябрь 1809 г.

[16] Ср. *v. Sybel,* Die Begrundung des Deutschen Reichs, Bd. V, 220, по собственноручной заметке короля. В качестве требований там упомянуты сверх того возмещение военных расходов Австрией, признание требований Пруссии в отношении наследования брауншвейгского престола; среди подлежащих передаче областей австрийская Силезия не упоминается. *(Прим. нем. изд.)* Кроме того, Пруссия возражала против того, чтобы наследником Брауншвейгского герцогства был признан Георг V, король ганноверский, являвшийся ярым врагом Пруссии. Вопрос о престолонаследии возник в Брауншвейге в 1866 г. в связи с тем, что со смертью находившегося тогда в преклонном возрасте герцога Вильгельма должна была прекратиться Брауншвейг-Вольфенбюттельская линия и по старинным законам на престол должен был вступить ближайший родственник герцога, последнего в роде.

[17] *Ансбах и Байрейт*—княжества, в средние века входившие в состав Франконского герцогства. С XIV в. принадлежали курфюрсту бранденбургскому (Бранденбургское маркграфство вошло «впоследствии в Прусское королевство; маркграфы Бранденбурга в начале XVIII в. стали королями Пруссии). В декабре 1791 г. Ансбах-Байрейтский маркграф уступил оба княжества прусскому королю Фридриху-Виль-

гельму III. В 1806 г. Пруссия была вынуждена передать княжества Наполеону, который уступил их Баварии (Ансбах в 1806 г., а Байрейт в 1810 г.). По Венскому миру 1815 г. они были оставлены во владении баварского короля.

18 В 1792—1800 гг. князь Карл-Август *Гарденберг* в качестве прусского министра управлял княжествами Ансбах и Байрейт.

19 *Рейнский союз* был учрежден Наполеоном I в 1806 г.; в него вошли Баден, Вюртемберг, Бавария и ряд других южных и западных германских государств. В 1807 г. в Рейнский союз вошли Саксония, Вестфалия и еще шесть государств. Ряд мелких германских государств был поделен между членами союза. Наполеон назывался протектором Рейнского союза. Полностью находясь под французским влиянием, союз этот был, по существу, вассалом Франции в Германии. Рейнский союз распался в 1814 г.

20 Состоявший в это время председателем баварского совета министров и посланником при Союзном сейме Людвиг *Пфордтен* был профессором права.

21 *Фридрих-Карл* — принц Прусский (1827—1885).

22 Граф Алоиз *Карольи* (1825—1889) — австрийский посол в Пруссии, вел переговоры в Никольсбурге.

23 Подразумевается Браунау близ прусско-силезской границы. *(Прим. нем. изд.)*

24 *Мархфельд* — большая равнина, на которой расположена Вена.

25 *Блуменау* —деревня в Австрии северо-западнее Прессбурга; во время наступления прусской армии на Вену 22 июля 1866 г. близ нее произошло сражение между прусскими частями под командованием генерала Франзеки и австрийской бригадой Монделя. На этом участке пруссаки не могли добиться успеха вплоть до момента перемирия, заключенного к 12 часам того же дня.

26 В моравском городке Цвиттау находилась в это время прусская гласная квартира.

27 Эти данные v. Lettow-Vorbeck (II, 636) считает несовместимыми с сообщением Бенедетти от 15 июля («Ma mission en Prusse», S. 186 ff). Он упускает из виду, что Бисмарк здесь говорит лишь о *последней* фазе переговоров, когда Бенедетти твердо обещал согласие Фракции на прусские аннексии в Германии. Блюменталь в письме от 24 июля («Tagebucher», стр. 47) также рассматривает приращение населения в 4 миллиона и союзную гегемонию в Северной Германии как обеспеченный трофей победы. В качестве прусского требования на случай отказа Пруссии от главенства в Южной Германии это появляется в депеше Бисмарка Гольцу от 17 июля, Зибель, V, стр. 277f. Бенедетти передал согласие Наполеона на это требование 18 июля, когда возвратился из Вены в Никольсбург. *(Прим. нем. изд.)*

28 Бисмарк использовал победу над Австрией для ликвидации конфликта с прусским ландтагом. Открывшаяся 5 августа сессия ландтага значительным большинством голосов приняла решение, освобождавшее Бисмарка от ответственности за произведенное без законного утверждения бюджета расходование средств на реорганизацию и увеличение армии.

[29] Речь идет об одном из персонажей трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн». Ее герой, Альбрехт Валленштейн (1583—1634), был известным полководцем времен Тридцатилетней войны, ведшим независимую от императора политику. Явившегося к нему придворного Квестенберга встречают в лагере Валленштейна с иронией:

«Имею честь представить: Квестенберг,
Министр и камергер — высокий гость,
С приказами от нашего монарха.
Военных покровитель и патрон.
(Общее молчание)

[30] Частью напечатано у *Sybel,* V, 294 сл. и у v. Lettow-Vorbeck, II, 679 сл. *(Прим. нем. изд.).*

[31] Вторгшиеся в пределы революционной Франции прусские войска после сражения у Вальми (20 сентября 1792 г.) вынуждены были отступить.

[32] Имеются в виду противоречия Австрии и России на Балканах.

[33] Т. е. после военного разгрома Австрии Пруссией.

[34] В результате заключенного 26 июля 1866 г. предварительного мирного договора в Никольсбурге.

[35] По римскому историку Титу Ливию (V, 48), эти слова были произнесены вождем галлов Бренном; при этом он бросил свой меч на весы, на которых взвешивалось золото, предназначенное для уплаты галлам, одержавшим победу над римлянами. Смысл этого выражения, ставшего поговоркой, сводится к следующему: судьба побежденных зависит только от победителя.

[36] Штуттгарт являлся столицей королевства Вюртемберг.

[37] София, дочь короля Вильгельма I Вюртембергского, была женой короля Голландии Вильгельма III.

[38] Бисмарк был посланником Пруссии при Союзном сейме во Франкфурте с 1851 по 1859 г.

[39] *Итальянская война* (австро-итальянская война) происходила с 29 апреля по 11 июня 1859 г. между Австрией и Сардинским королевством, вокруг которого происходило воссоединение Италии в единое самостоятельное государство. Франция выступила в этой войне на стороне Италии. В результате войны Франция получила Савойю и Ниццу, а Ломбардская область Италии была освобождена от австрийского владычества.

[40] Евгений Руэр (1814—1884), видный французский политический деятель, министр, прозванный «вице-императором».

[41] Зюдерзее — залив на Северном море, глубоко врезающийся в территорию Нидерландов (Голландия). Название — голландское,

[42] *Эдуард Друэн де Люис* (1805—1881) — французский государственный деятель времен Наполеона III — министр иностранных дел; по его инициативе Франция обратилась к Пруссии в 1866 г. с требованием компенсации за нейтралитет в австро-прусской войне. Немецкий издатель проф. Коль замечает: «В какой степени Друэн де Люис нидерландского происхождения, мне не удалось выяснить; родился он в Париже. С 1833 по 1836 г. он был в Гааге секретарем французского посольства».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

СЕВЕРОГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ

I

Внешне я занят был в Берлине взаимоотношениями Пруссии с вновь приобретенными провинциями[1] и прочими северогерманскими государствами, по существу же настроениями иностранных держав, взвешивая, какова будет их возможная позиция по отношению к нам. Наше внутреннее положение представлялось мне, да вероятно и всякому, временным, незрелым. Влияние расширения Пруссии и предстоявших переговоров о Северогерманском союзе[2] и его конституции приводило к тому, что наше внутреннее развитие казалось чем-то столь же неустановившимся, какими были тогда и наши взаимоотношения с германскими и внегерманскими государствами в силу европейской ситуации, при которой война была прервана. Я был твердо уверен, что на пути к нашему дальнейшему национальному развитию как интенсивному, так и экстенсивному — по ту сторону Майна, неизбежно придется вести войну с Францией и что в нашей внутренней и внешней политике мы ни при каких условиях не должны упускать из виду этой возможности. Луи-Наполеон не только не видел никакой опасности для Франции в некотором расширении Пруссии в северной Германии, но считал это даже средством против объединения и национального развития Германии. Он полагал, что ее непрусские составные части будут тогда тем сильнее ощущать потребность в защите Франции. У него были связанные с Рейнским союзом реминисценции, и он стремился воспрепятствовать развитию в направлении единой Германии. Он думал, что это ему по силам, так как не знал национального настроения того времени и судил о положении вещей по своим южногерманским школьным воспоминаниям[3] и по дипломатическим донесениям, которые основывались лишь на министерских и спорадически-династических настроениях. Я был убежден, что они утратят свое значение; исходил я из того, что единая Германия — лишь вопрос вре-

мени и что Северогерманский союз только первый этап на пути к его разрешению, но что вместе с тем не следует слишком рано пытаться вводить в надлежащие рамки враждебное отношение Франции и, быть может, России, стремление Австрии к реваншу за 1866 г. и прусско-династический партикуляризм короля. Я не сомневался, что германо-французскую войну придется вести до того, как осуществится построение единой Германии. Отсрочить эту войну до того момента, когда наша армия окрепнет в результате распространения прусского военного законодательства[4] не только на Ганновер, Гессен и Гольштейн, но и на южногерманские государства, как я тогда уже мог рассчитывать на основании связей с ними[5],— эта мысль владела мною в то время. Учитывая успехи французов в Крымской войне[6] и в Италии[7], я преувеличивал опасность войны с Францией. Я представлял себе, что Франция в состоянии выставить большее количество войска и что порядок, организация и искусство вождения войск стоят там выше, нежели это оказалось в 1870 г. Храбрость французского солдата, подъем национального духа и оскорбленное тщеславие доказали в полной мере, что они именно таковы, как я и ожидал встретить в случае германского нашествия на Францию, исходя из опыта событий 1814 и 1792 гг.[8] и войны за испанское наследство в начале прошлого столетия[9], когда вторжение неприятельских войск неизбежно вызывало явления, напоминающие потревоженный муравейник. Легкой я себе французскую войну не представлял никогда, совершенно независимо от таких союзников, которых Франция могла обрести в австрийском стремлении к реваншу и в русской потребности в равновесии. Мои попытки оттянуть эту войну до тех пор, пока результаты нашего военного законодательства и нашей системы военного обучения не распространились полностью на все нестаропрусские части страны[10], была, следовательно, вполне естественной, и эта цель далеко еще не была достигнута в 1867 г., когда возник Люксембургский вопрос[11]. Каждый год отсрочки войны увеличивал нашу армию более чем на 100 тысяч обученных солдат[12]. Как в вопросе об индемнитете[13] — по отношению к королю, так и в конституционном вопросе — в прусском ландтаге я вынужден был, однако, демонстрировать перед заграницей полное национальное единение и отсутствие каких-либо наличных или предстоящих затруднений со стороны нашего внутреннего положения, тем более, что нельзя было учесть, кто будет союзником Франции в войне против нас. Переговоры и попытки к сближению, между Францией и Австрией в Зальцбурге[14] и других местах вскоре после 1866 г., могли, под руководством господина фон Бейста, увенчаться успехом, и уже само по себе приглашение этого озлобленного саксонского министра в ру-

ководители венской политики[15] приводило к заключению, что она вступит на путь реванша.

Поведения Италии после проявленной ею по отношению к Наполеону уступчивости,которую мы наблюдали в 1866 г., нельзя было предвидеть, поскольку имело место французское давление. Генерал Говоне испугался, когда во время переговоров с ним в Берлине весной 1866 г.[16] я выразил пожелание, чтобы он запросил свое правительство, можно ли, даже вопреки недовольству Наполеона, рассчитывать на верность Италии заключенному договору. Он сказал, что подобный запрос в тот же день был бы протелеграфирован в Париж с просьбой указать, «что следует ответить?» Судя по тому, как держала себя Италия во время войны, я не мог рассчитывать на ее общественное мнение как на надежную опору не только из-за личной дружбы Виктора-Эммануила к Луи-Наполеону, но и в соответствии с симпатиями, возвещенными Гарибальди от имени общественного мнения Италии. Не только по моим спасениям, но и с точки зрения общественного мнения Европы союз Италии с Францией и Австрией не представлял собой ничего невероятного[17].

От России едва ли можно было ожидать активной поддержки подобной коалиции. Дружественное влияние в отношении России, которое я имел возможность оказывать во время Крымской войны на решения Фридриха-Вильгельма IV[18], снискало мне благоволение императора Александра, и его доверие ко мне возросло в бытность мою посланником в Петербурге[19]. Но воздействие дружественных чувств императора к королю Вильгельму и благодарности за нашу политику в польском вопросе в 1863 г.[20] начало тем временем уравновешиваться в тамошнем кабинете под руководством Горчакова сомнениями относительно того, насколько полезно для России столь значительное усиление Пруссии. Если верно сообщение, сделанное Друэн де Люисом графу Фицтуму фон Экштедт *, то Горчаков предлагал в июле 1866 г. императору Наполеону совместно протестовать против уничтожения Германского союза, но получил отказ. Будучи застигнут врасплох, император Александр после миссии Мантейфеля[21] принял в общем и obiter [на ходу; не вникая в подробности] результат никольсбургских прелиминариев; ненависть к Австрии, овладевшая со времени Крымской войны русским «обществом», нашла первоначально удовлетворение в поражениях Австрии; но этому настроению противостояли интересы России, связанные с влиянием царя в Германии и с угрозой этому влиянию со стороны Франции.

Я допускал, правда, что в борьбе с коалицией, которую Франция могла бы образовать против нас, мы могли бы рас-

* *London,* Gastein und Sadowa, Stuttgart 1890, S. 248.

считывать на русскую поддержку; однако, лишь в том случае, если бы мы имели несчастье потерпеть поражения, в результате чего в более определенной форме встал бы вопрос, может ли Россия допустить соседство победоносной франко-австрийской коалиции на своих польских границах. Неудобство подобного соседства увеличилось бы, возможно, еще более, если бы вместо враждебного Ватикану итальянского королевства[22] само папство стало бы третьим членом коалиции двух католических великих держав. Но до наступления—в результате прусских поражений — подобной опасности я считал вероятным, что Россия была бы непрочь и во всяком случае не помешала бы, если бы превосходящая нас в количественном отношении коалиция держав разбавила наше вино 1866 г.

Со стороны Англии мы не могли ожидать активной поддержки против императора Наполеона, хотя английская политика и нуждается в сильной дружественной континентальной державе с многочисленными батальонами и удовлетворяла эту потребность, поочередно сближаясь при Питтах — отце и сыне — с Пруссией, потом — с Австрией[23], при Пальмерстоне же — до испанских браков, а затем вновь при Кларендоне — с Францией[24]. Потребностью английской политики было: либо entante cordiale [сердечное согласие] с Францией, либо обладание сильным союзником против французской враждебности. Англия готова согласиться на то, чтобы более сильная Германо-Пруссия заменила Австрию, и при ситуации осенью 1866 г. мы во всяком случае могли рассчитывать с ее стороны на платоническое доброжелательство и на нравоучительные газетные статьи; но ее теоретические симпатии едва ли превратились бы в активную поддержку на море и суше. События 1870 г. доказали, что я был прав в своей оценке Англии. С готовностью, для нас во всяком случае неприятной, в Лондоне приняли на себя защиту интересов Франции в Северной Германии и во время войны ни разу не скомпрометировали себя ради нас настолько, чтобы поставить под угрозу дружбу с Францией; напротив.

II

Главным образом, под влиянием этих соображений из области внешней политики я принял решение сообразовывать каждый шахматный ход внутри страны с тем, усиливает он или ослабляет впечатление прочности нашего государственного могущества. Я говорил себе, что нашей очередной главной целью является самостоятельность и твердость по отношению к загранице, что ради этого необходимо не только фактически устранить раскол внутри страны, но и избегать малейшего намека на нечто подобное за границей и в Германии; что лишь в том

случае, если мы достигнем независимости от заграницы, мы будем свободны и в [сфере] нашего внутреннего развития и заведем у себя тогда настолько реакционные или же настолько либеральные порядки, насколько это окажется справедливым и целесообразным; что мы можем отсрочить [разрешение] всех вопросов внутренней [политики], пока не обеспечим во-вне [осуществление] наших национальных целей. Я не сомневался в возможности дать королевской власти необходимую силу, чтобы отрегулировать наши внутренние часы, если мы предварительно достигнем во-вне свободы жить в качестве великой нации самостоятельно. До той поры я готов был платить по мере надобности blackmail [отступное] оппозиции, чтобы в первую очередь быть в состоянии бросить на чашу весов всю нашу мощь и [использовать] в дипломатии видимость этой объединенной мощи и возможность развязать в случае нужды также и революционные национальные движения против наших врагов.

На одном из заседаний комиссии ландтага мне был сделан запрос прогрессистской партией, располагавшей, повидимому, сведениями о намерениях крайней правой, готово ли правительство ввести прусскую конституцию в новых провинциях. Уклончивый ответ вызвал или воскресил бы недоверие конституционных партий. Я был убежден, что вообще не следовало тормозить развития германского вопроса сомнениями в верности правительства конституции; каждое новое проявление розни между правительством и оппозицией усилило бы внешнее сопротивление национальным новообразованиям, которого следовало ожидать от иностранных держав. Но мои попытки убедить оппозицию и ее ораторов, что им следовало бы в данное время отодвинуть внутренние конституционные вопросы на задний план, что, лишь объединившись, германская нация будет в состоянии упорядочить свои внутренние отношения по своему усмотрению, что теперь наша задача заключается в том, чтобы создать такую возможность для нашей нации, — все эти соображения не имели никакого успеха, встретившись с ограниченной и захолустной партийной политикой ораторов оппозиции. В вызванных ими прениях национальная цель выдвигалась на первый план слишком сильно не только по отношению к загранице, но и по отношению к королю, который тогда еще имел в виду в большей мере величие и могущество Пруссии, нежели конституционное единство Германии. Честолюбивые расчеты в этом направлении были ему чужды; императорский титул он еще в 1870 г. пренебрежительно называл более высоким чином, на что я ему возражал, что его величество во всяком случае уже обладает, согласно конституции, правами и компетенцией, соответствующими положению императора, и что титул «императора» содержит лишь внешнюю санкцию, в известной степени подобно тому, как если бы офицер, которому

поручено командовать полком, был бы окончательно назначен командиром. Династическому чувству больше льстило осуществлять соответствующую власть непосредственно в качестве наследного прусского короля, а не избранного и конституционным законом возведенного [на престол] императора, аналогично тому, как командующий полком принц предпочитает, чтобы его называли не господин полковник, а ваше королевское высочество, а граф в чине лейтенанта — не господин лейтенант, а господин граф. Я должен был считаться с этими особенностями моего государя, если хотел сохранить его доверие, а без короля и его доверия мой путь в германской политике был вообще непроходим.

III

Учитывая необходимость прибегнуть в самом крайнем случае в борьбе против возможного превосходства зарубежных сил также и к революционным средствам, я уже в своей циркулярной депеше от 10 июня 1866 г.[25] без всяких колебаний бросил на сковороду крупнейший из тогдашних либеральных козырей—всеобщее избирательное право, чтобы отбить охоту у монархической заграницы совать пальцы в наш национальный omelette [омлет]. Я никогда не сомневался, что стоит только немецкому народу убедиться, насколько вредным институтом является существующее избирательное право, и он найдет в себе достаточно ума и силы, чтобы освободиться от него. Не сумеет он этого сделать — в таком случае мое изречение, что, лишь сидя в седле, он научится ездить верхом[26], было заблуждением. Принятие всеобщего избирательного права было оружием в борьбе против Австрии и прочей заграницы, в борьбе за германское единство и одновременно — угрозой прибегнуть к крайним средствам в борьбе против коалиций. В подобной борьбе не на жизнь, а на смерть не разбираешь, каким оружием пользуешься и что при этом разрушаешь: единственным советником является успех в борьбе, спасение независимости во-вне; ликвидация и возмещение причиненного этим ущерба должны иметь место после заключения мира. Помимо того я и теперь еще считаю всеобщее избирательное право — не только в теории, но и на практике — справедливым принципом, если только будет устранена тайна голосования[27], тем более, что она носит такой характер, который противоречит лучшим свойствам германской крови. Влияния и зависимость, сопутствующие практической жизни людей,—богом данные реальности, игнорировать которые мы не можем и не должны. Отказываясь распространять их на политическую жизнь и кладя в основу последней веру в тайный разум всех, упираешься в противоречие между государственным правом и реальностями человече-

ской жизни. Практически это противоречие ведет к трениям, в конце концов — к взрывам; теоретически оно разрешимо лишь на пути социал-демократических сумасбродств. Их успех основывается на том факте, что разум широких масс достаточно туп и не развит и поэтому риторике ловких и честолюбивых вождей, опирающихся на собственную алчность масс, удается завлечь их в свои сети.

Противовес этому составляет влияние людей просвещенных, которое сказывалось бы сильнее, если бы выборы были открытыми, как в прусский ландтаг. Пусть большее благоразумие более интеллигентных классов имеет своей материальной основой [стремление] сохранить собственность; стремление к заработку не менее правомерно; однако, для безопасности и дальнейшего развития государства полезнее перевес тех, кто представляет собственность. Государство, управление которым находится в руках алчущих, в руках novarum rerum cupidi [стремящихся к нововведениям] и ораторов, обладающих в наибольшей степени способностью обманывать нерассуждающие массы, такое государство всегда будет обречено на стремительное развитие, что не может не нанести тяжелого вреда всему организму столь громоздкой массы, как государственная общность. Громоздкие массы, какими [в процессе] своей жизни и развития являются великие нации, могут двигаться лишь осторожно, ибо пути, по которым они устремляются навстречу неизвестному будущему, не выложены гладкими рельсами. Всякая крупная государственная общность, в которой будет утрачено осторожное и тормозящее влияние имущих, какого бы оно ни было происхождения — материального или духовного, неизбежно достигнет — подобно развитию первой французской революции[28] — такой быстроты, при которой государственная колесница будет разбита. С течением времени алчущий элемент достигает решающего перевеса уже в силу своей большей массы. В интересах самой этой массы — добиваться того, чтобы при соответствующем переломе удалось избежать опасной стремительности и чтобы государственная колесница не оказалась разбитой. Если это, тем не менее, произойдет, то исторический круговорот в относительно короткий срок неизменно приведет снова к диктатуре, к деспотизму, к абсолютизму, ибо и массы склоняются в конце концов перед потребностью к порядку. И если они не признают этого a priori [заранее], то в конце концов всегда снова убеждаются в этом под давлением разнообразных аргументов ad hominem [здесь: из личного опыта] и покупают у диктатуры и цезаризма порядок своей готовностью жертвовать даже справедливой и подлежащей сохранению мерой свободы, той мерой, которую европейские государственные общества переносят безболезненно.

Я считал бы большим несчастьем и существенным ухудшением [видов] на безопасность в будущем, если бы и мы в Германии оказались вовлеченными в вихрь этого французского круговорота. Абсолютизм был бы идеальным строем для европейских государственных образований, если бы король и его чиновники не оставались людьми, такими же, как все другие, коим не дано править со сверхчеловеческим знанием дела, разумом и справедливостью. Самые разумные и наиболее склонные к добру самодержавные правители подвержены таким человеческим слабостям и несовершенствам, как переоценка собственного разума, поддаются воздействию и красноречию фаворитов, не говоря уже о женских, законных и незаконных, влияниях. Монархия и самый идеальный монарх, дабы не начать действовать в своем идеализме во вред обществу, нуждается в критике, шипы которой помогают ему выйти на правильный путь, когда ему угрожает опасность заблудиться. Иосиф II — предостерегающий пример[29].

Критика может осуществляться лишь свободной прессой и парламентами в современном смысле. Оба [эти] корректива могут в результате злоупотреблений притупить [острие] своего влияния и даже вовсе его утратить. Предотвратить нечто подобное — одна из задач охранительной политики, и без борьбы с парламентом и прессой эта задача неразрешима. Дело политического такта и глазомера — определить границы, которых надлежит держаться в этой борьбе, чтобы, с одной стороны, не препятствовать необходимому стране контролю над правительством, а с другой — не дать этому контролю превратиться в господство.

Если монарх в достаточной степени обладает таким глазомером, то это — счастье для его страны, хотя и преходящее, подобно всякому человеческому счастью. В конституционной жизни следует предоставлять возможность ставить у кормила министров, обладающих соответствующими качествами, но одновременно и возможность оставлять [на их постах] отвечающих этой потребности министров, как вопреки случайным голосованиям большинства, так и вопреки влияниям двора и камарильи[30]. Эта цель в пределах, вообще доступных при человеческом несовершенстве, была в основном достигнута в правление Вильгельма I.

IV

Открытие ландтага предстояло непосредственно после нашего прибытия в Берлин[31], и тронная речь подверглась обсуждению в Праге. Туда прибыли депутаты консервативной фракции, которая временами сокращалась в ходе конфликта[32] до одиннадцати членов, а в результате выборов, произведен-

ных 3 июля, под впечатлением первых побед, предшествовавших Кениггрецу, увеличилась более чем на сто человек. Результат был бы еще благоприятней для правительства, если бы выборы происходили через несколько дней после решающей битвы; но и этот результат, в связи с подъемом в стране, способствовал надеждам на успех не только консервативных, но и реакционных стремлений. Благодаря расширению монархии, парламентской ситуации к началу войны и неуклюжему и самолюбивому упрямству вождей оппозиции те, кто стремился к восстановлению абсолютизма или хотя бы к реставрации в сословном смысле [33], получили исходный пункт к тому, чтобы приостановить действие и пересмотреть прусскую конституцию. Она не была рассчитана на расширившуюся Пруссию, а еще меньше — на включение в будущую германскую конституцию. Сама конституционная хартия содержала статью (118) [34], возникшую под впечатлением национальных настроений времен составления конституции и взятую из проекта 1848 г. Статья эта предоставляла право подчинить прусскую конституцию германской конституции, которую надлежало создать заново. Таким образом, представлялся случай, сохраняя формальный оттенок легальности, вырвать почву у конституции и у стремлений конфликтующего большинства к парламентскому господству, и это было подоплекой соответствующих попыток крайней правой и ее депутатов, посланных в Прагу.

Другой случай покончить с внутренним конфликтом одновременно с разрешением германского вопроса представился королю в 1863 г., когда император Александр в момент польского восстания и попытки застать [нас] врасплох, [связанной] с Франкфуртским съездом князей, в собственноручном послании энергично высказался в пользу прусско-русского союза [35]. Письмо это на нескольких листах, исписанных убористым, изящным почерком императора, с богатой аргументацией и с большим элементом декламации, чем это было свойственно его стилю, способно было вызвать в памяти слова Гамлета:

Whether 't is nobler in the mind, to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them? [36]

Для полного сходства остается лишь перевести эти строки с языка сомнения на язык утверждения: императора утомила придирчивая назойливость как западных держав, так и австропольская, и он решил обнажить меч, чтобы избавиться от нее; обращаясь к дружбе и к одинаковым [с ним] интересам короля, он призывает его к совместному действию в смысле, так сказать, расширенного понимания Альвенслебенской конвенции от февраля того же года. Королю было трудно как ответить отказом

близкому родственнику[37] и ближайшему другу,так и освоиться с решением возложить на страну бедствия большой войны и обречь государство и династию на связанные с ней опасности. Та сторона его духовной жизни, из-за которой он склонен был посетить Франкфуртский съезд князей, чувство солидарности со всеми древними княжескими домами также воспротивились в нем искушению отозваться на призыв своего друга-племянника и последовать прусско-русским династическим традициям, что должно было бы повести к разрыву связи с Германским союзом и совокупностью германских владетельных домов. В моем затянувшемся на несколько дней докладе я избегал подчеркивать ту сторону вопроса, которая приобрела бы значение для нашей внутренней политики, так как я не был того мнения, что война в союзе с Россией против Австрии и всех [других] противников, с которыми нам пришлось иметь дело в 1866 г., приблизила бы нас к выполнению нашей национальной задачи. Преодоление внутренних затруднений при помощи войн является обычным средством, особенно во французской политике. В Германии же это средство лишь тогда возымело бы действие, если бы соответствующая война лежала в плоскости национального развития. Для этого прежде всего нужно было бы, чтобы она велась без русского участия, все еще осуждаемого, хотя это и не умно, общественным мнением. Единство Германии должно было быть создано без чуждых влияний, своими собственными национальными силами. Кроме того, внутренний конфликт, под впечатлением которого король при моем вступлении в министерство дошел было до мысли об отречении, лишился значительной доли своей власти над его решениями с тех пор, как он нашел министров, готовых открыто и без уловок защищать его политику. Отныне у него сложилось убеждение, что корона, если бы дело дошло до революционного взрыва, оказалась бы сильнее: запугивание со стороны королевы и министров новой эры утратило свою силу. Но в то же время я не скрывал в моих докладах своего мнения о военном могуществе, которым обладал бы, особенно при первом натиске, германо-русский союз.

Географическое положение трех великих восточных держав таково, что каждая из них оказывается в стратегически невыгодном положении, как только на нее нападают обе другие державы, даже если ее союзником в Западной Европе является Англия или Франция. В особенно невыгодных условиях была бы Австрия, очутившись в изоляции перед лицом русско-германского нападения. В наименее тяжелых — Россия против Австрии и Германии. Но и Россия была бы в начале войны в затруднении при концентрическом движении обеих немецких держав к Бугу. Для Австрии в борьбе против обеих соседних империй, при ее географическом положении и этногра-

фической структуре, обстоятельства складываются особенно неблагоприятно потому, что французская помощь едва ли подоспела бы своевременно, чтобы восстановить равновесие. Если бы Австрия сразу же была побеждена германо-русской коалицией, если бы вражеский союз был взорван путем умно заключенного мира между тремя императорами или же хотя бы лишь ослаблен поражением Австрии, в таком случае германо-русский перевес оказался бы решающим. В территориальной структуре владений отдельных держав при допущении той предпосылки, что командование и храбрость крупных армий равноценны, заложено могущество германо-русской комбинации, если она с самого начала будет прочной. Однако все расчеты и вера в успех на войне сами по себе ненадежны и становятся еще более ненадежными, когда сила, на которую рассчитывают, не есть нечто единое, но основана на союзах.

В составленном мною проекте ответа, который не мог не получиться еще длиннее письма императора Александра II, подчеркивалось, что в силу географических условий и французских притязаний на Рейнские земли, совместная война с западными державами неизбежно должна будет превратиться в конце концов во франко-прусскую войну; что прусско-русская инициатива [при объявлении] войны ухудшит наше положение в Германии. Отдаленная от театра военных действий Россия будет в меньшей степени затронута связанными с войной страданиями, Пруссии же придется заботиться о материальном снабжении не только своих собственных, но и русских войск. Россия окажется тогда у длинного плеча рычага (если память мне не изменяет, я употребил именно это выражение), и даже если бы мы и вышли победителями, она была бы в состоянии предписывать нам, как на Венском конгрессе и даже еще более веско, каковы должны быть условия нашего мира, подобно тому, как это смогла бы в 1859 г. сделать Австрия применительно к нашим условиям мира с Францией, если бы мы вступили тогда в борьбу против Франции и Италии. Я не помню точного текста моей аргументации, хотя и видел его вновь недавно в связи с выяснением [вопросов, связанных] с русской политикой и испытал удовольствие, что был тогда в силах собственноручно, вполне разборчивым почерком заготовить для короля столь длинный проект письма — ручной труд, который едва ли особенно способствовал моему лечению в Гаштейне. Хотя король не в такой степени, как я, подчинял этот вопрос германской национальной точке зрения, все же он не поддался искушению покончить насильственным путем в союзе с Россией с заносчивостью австрийской политики и большинства ландтага и с их пренебрежением по отношению к прусской монархии. Если бы он пошел на предложение России, то при быстроте нашей мобилизации, при силах

русской армии в Польше и при тогдашней слабости Австрии в военном отношении мы, вероятно, победили бы ее — при поддержке Италии с ее тогда еще неудовлетворенными вожделениями, или помимо последней — прежде, чем Франция успела бы оказать Австрии существенную помощь. Если бы была уверенность, что последствием этой победы будет союз трех императоров[38] и что Австрии будет оказана пощада, то моя оценка ситуации могла бы быть, пожалуй, названа ошибочной. Однако ввиду расхождения интересов России и Австрии на Востоке такой уверенности не было. Едва ли вероятно — и к тому же это не соответствовало бы русской политике,— чтобы победоносная прусско-русская коалиция поступила с Австрией хотя бы с той снисходительностью, какая была соблюдена со стороны Пруссии в 1866 г. в интересах возможного сближения в будущем. Я опасался поэтому, что, в случае нашей победы, мы не сойдемся с Россией в вопросе о будущей судьбе Австрии и что Россия, даже в случае дальнейших успехов в войне с Францией, не захочет отказаться держать Пруссию на положении державы, постоянно нуждающейся в помощи на своей западной границе; менее всего можно было ожидать содействия России национальной политике в духе прусской гегемонии. Тильзит, Эрфурт, Ольмюц[39] и другие исторические воспоминания говорили: vestigia terrent [следы отпугивают][40]. Короче говоря, я не настолько доверял горчаковской политике, чтобы быть в состоянии рассчитывать на ту же гарантию, какую предоставлял нам в 1813 г. Александр I, до тех пор пока в Вене дело не дошло до обсуждения вопросов будущего — как быть с Польшей и Саксонией[41], должна ли Германия иметь независимое от решений России прикрытие против французского вторжения, должен ли быть Страсбург союзной крепостью[42]. Столь различные соображения мне пришлось взвесить, чтобы притти к выводу о тех предложениях, какие мне надлежало сделать королю, и чтобы составить проект [ответа]. Я не сомневаюсь, что придет время, когда наши архивы станут доступны публике также и применительно к этим событиям, — разве что тем временем будет осуществлено [уже] предложенное уничтожение документов, свидетельствующих о моей политической деятельности[43].

Велико было искушение для монарха, который подвергался безмерным нападкам прогрессистской партии и давлению австрийской дипломатии не только на национальной почве Франкфуртского союза князей, но и на польской—со стороны трех великих союзных держав: Англии, Франции и Австрии.

Тот факт, что король в 1868 г. не дал своим глубоко уязвленным чувствам монарха и пруссака возобладать над политическими соображениями, доказывает, как сильны были у него национальное чувство чести и здравый смысл в политике.

V

В 1866 г. король отнюдь не сразу пришел к окончательному решению вопроса, не следует ли ему собственными силами сломить парламентское сопротивление и предупредить возможность его повторения, как ни вески были соображения против этого. В предстоявшей борьбе временная отмена или пересмотр конституции и унижение оппозиции ландтага оказались бы опасным оружием против Пруссии в руках всех тех, кто остался недоволен в Германии и Австрии успехами 1866 г. В таком случае для противодействия парламенту и прессе необходимо было бы решиться водворить в Пруссии такую правительственную систему, против которой боролась вся остальная Германия. Меры, которые нам пришлось бы предпринять против прессы, не имели бы силы в Дессау[44], а Австрия и южная Германия добились бы тем временем реванша, взяв на себя оставленное Пруссией руководство на либеральном и национальном поприще. В самой Пруссии национальная партия сочувствовала бы противникам правительства. В пределах исправленных границ Пруссии мы могли бы достичь, в государственно-правовом отношении, укрепления королевской власти, но все же лишь при наличии очень оппозиционно настроенных местных элементов, к которым присоединилась бы оппозиция в новых провинциях. Мы вели бы тогда прусскую завоевательную войну, но у *национальной* политики Пруссии были бы перерезаны сухожилия. В стремлении создать германской нации путем объединения такие условия существования, которые соответствовали ее историческому значению, заключался главный аргумент, оправдывавший «братоубийственную» германскую войну[45]; ее возобновление было бы неизбежно, если бы борьба между германскими племенами продолжалась лишь в интересах усиления обособленного прусского государства (Sonderstaats).

Я не считаю абсолютизм формой правления, которая может в Германии держаться в течение длительного времени или иметь успех. Прусская конституция, если не считать нескольких переведенных из бельгийской конституции статей[46], содержащих громкие фразы,в своем основном принципе разумна. Она располагает тремя факторами — королем и двумя палатами, — каждый из которых может своим вотумом воспрепятствовать произвольным изменениям законного status quo [существующего положения]. В этом и заключается правильное разделение законодательной власти. Если последнюю эмансипировать от публичной критики прессы и парламента, то возрастет опасность, что она уклонится на ложный путь. Абсолютизм Корины так же непрочен, как и абсолютизм парламентского большинства; требование, чтобы любое изменение законного status quo

проводилось с согласия короля и парламента, правильно, и нам не нужно было улучшать что-либо существенное в прусской конституции. С этой конституцией можно править, и путь германской политики оказался бы прегражденным, если бы мы в 1866 г. изменили ее. До победы я никогда не заговорил бы об «индемнитете»; теперь, после победы, король был в состоянии великодушно предоставить его и заключить мир, не со своим народом — мир с ним никогда не нарушался, как показал ход войны,—а с той частью оппозиции, которая заблуждалась относительно своего правительства больше из национальных, чем из партийно-политических побуждений.

Примерно таковы были мысли и аргументы, с помощью которых я пытался в течение многих часов переезда из Праги в Берлин (4 августа) преодолеть препятствия, которые оставили у короля собственные воззрения, но в еще большей мере — посторонние влияния и особенно — влияние консервативной депутации. Это осложнялось тем, что с публично-правовой точки зрения стремление к индемнитету казалось королю признанием совершенной несправедливости *. Я тщетно пытался опровергнуть это словесное и юридическое заблуждение, утверждая, что предоставление индемнитета не заключает в себе ничего иного, кроме признания факта, что правительство и его коронованный глава поступали rebus sic stantibus [при наличных обстоятельствах] правильно; требование индемнитета и есть стремление к такому признанию. Конституционной жизни, тем рамкам, которые она отводит правительству, всегда свойственно, что не для всякой ситуации конституция может предписывать правительству тот или иной обязательный для него путь. Король остался при своем отрицательном отношении к индемнитету, мне же казалось необходимым перекинуть — в политическом ли, в словесном ли смысле — золотой мост парламентским противникам, из которых самое большее лишь те, кто образовал позже свободомыслящую партию[47], были настроены злонамеренно, остальные же — просто зарвались. [Это было необходимо] ради того, чтобы восстановить внутренний мир в Пруссии и продолжать германскую политику короля, опираясь на твердую прусскую базу. Многочасовая и очень напряженная для меня беседа, ибо мне все время приходилось подыскивать осторожные выражения, велась мною с королем и кронпринцем[48] в купе железнодорожного вагона. Кронпринц, правда, не поддерживал меня, но мимикой своего подвижного лица он выражал по крайней мере свое полное согласие со мной, укрепляя меня [в моих возражениях] его отцу.

* Указание Роона в его Denkwurdigkeiten («Deutsche Revue», 1891 г., Bd. I, S. 133, отдельное изд.; т. II[4], S. 482): «Для Бисмарка, когда он давал согласие, решающим было то, что он отлично знал примирительные взгляды своего монарха», — неверно.

Путем переписки, которую я вел из Никольсбурга с остальными министрами, был составлен проект тронной речи, одобренной его величеством, за исключением фразы, относящейся к индемнитету. В конце концов король нехотя согласился и на нее. Таким образом, ландтаг мог быть 5 августа открыт тронной речью, возвещавшей, что надлежит обратиться к представительству провинций за последующим утверждением правительственных мероприятий, осуществленных без [соответствующего] закона о государственном бюджете. In verbis simus facilesl [будем простыми на словах].

VI

Ближайшей нашей задачей было урегулировать наши отношения с различными германскими государствами, с которыми мы вели войну. Мы могли бы отказаться от аннексий в пользу Пруссии и добиваться компенсации за счет союзной конституции[49]. Но его величество так же мало верил в практический эффект параграфов конституции, как в старый Союзный сейм[50], и настаивал на территориальном расширении Пруссии с тем, чтобы заполнить разрыв между западными и восточными провинциями и обеспечить Пруссии прочно округленную территорию и на тот случай, если бы национальное новообразование раньше или позже потерпело неудачу. При аннексии Ганновера и Кургессена[51] дело заключалось, следовательно, в том, чтобы установить при *всех* возможных условиях крепкую связь между обеими частями монархии. Препятствия для таможенной связи между обеими частями нашей территории и позиция Ганновера в последней войне[52] снова сделали очевидной необходимость полного сосредоточения в одних руках северного территориального комплекса. Мы не могли вновь подвергать себя опасности иметь у себя в тылу при будущих войнах с Австрией или еще с кем-либо один или два вражеских корпуса хороших войск[53]. Опасение, что когда-нибудь обстоятельства могут сложиться именно так, обострилось из-за явно преувеличенных представлений короля Георга V[54] о своей миссии и о миссии своей династии. Не каждый день представляется случай предотвратить подобную опасную ситуацию, и государственный деятель, которому события дают возможность осуществить это и который их не использует, берет на себя большую ответственность, ибо международно-правовая политика и право германской нации, в *качестве таковой,* жить и дышать нераздельным [целым] не могут рассматриваться под углом зрения частно-правовых принципов. Ганноверский король направил со своим адъютантом послание королю в Никольсбург, которое я просил его величество не принимать потому, что нам надлежало руководствоваться не сенти-

ментальной, но политической точкой зрения, а самостоятельность Ганновера и его международно-правовая прерогатива посылать по усмотрению своего суверена в каждом отдельном случае свои войска за или против Пруссии несовместимы с осуществлением германского единства. Одна только незыблемость договоров, не подкрепленная соответствующим могуществом влиятельнейшего из князей, никогда не была сама по себе достаточным условием, чтобы обеспечить германской нации мир и единство в империи.

Мне удалось убедить короля отказаться от мысли вести переговоры с Ганновером и Гессеном на базе раздробления этих стран и союза с их прежними государями как князьями той их части, которая была бы им оставлена. Если бы курфюрст сохранил Фульду и Ганау[55], а Георг V — Каленберг и Люнебург с видами на брауншвейгское наследство[56], то ни ганноверцы и гессенцы, ни оба князя не оказались бы в числе довольных участников Северогерманского союза. Этот план дал бы нам недовольных союзников, склонных ради возвращения потерянного к [комбинациям вроде] Рейнского союза.

Безоговорочная преданность Австрии, проявленная Нассау[57] в непосредственной близости от Кобленца[58], также была опасным явлением, особенно ввиду возможности франко-австрийского союза, грозная перспектива которого обозначилась во время Крымской войны и польских беспорядков 1863 г. Антипатии его величества к Нассау перешли к нему по наследству от отца. Фридрих Вильгельм III проезжал обычно по герцогству, не заезжая к герцогу. Контингент герцога во времена Рейнского союза оставил по себе в Пруссии особенно дурную славу, и король Вильгельм I был настроен против уступок герцогу страстно протестовавшими делегациями бывших нассауских подданных[59], постоянно твердившими: «Избавьте нас от князя и его егерей».

Оставалось заключить мирные договоры с Саксонией и южногерманскими государствами. Господин фон Фарнбюлер проявил столь же живой темперамент, как и при подготовке к войне, и оказался первым, с кем удалось притти к соглашению[60]. Так как Вюртемберг завладел в свое время прусским Гогенцоллерном[61], то речь шла между прочим и о том, не обратить ли теперь острие копья, как того хотел король, против Вюртемберга и не потребовать ли за его счет расширения Гогенцоллерна. Я не видел в этом пользы ни для Пруссии, ни для нашего национального будущего и вообще не считал принцип возмездия разумным базисом нашей политики. Даже в том случае, когда задето наше чувство, мы должны руководствоваться не собственным недовольством, а соображениями объективного порядка. Именно потому, что на счету Фарнбюлера

значился ряд дипломатических прегрешений по отношению к нам, он был для меня полезным посредником. Согласившись забыть прошлое, я заключил союз с Вюртембергом (13 августа) и тем самым проложил путь к союзам с другими [государствами].

Не знаю, действовал ли Роггенбах[62] по поручению великого герцога Баденского, сделав мне во время мирных переговоров представление о том, что Бавария, в силу своих размеров, служит помехой делу германского объединения и скорее включится в будущую новую структуру Германии, если ее урезать. Хорошо было бы поэтому создать в Южной Германии более совершенное равновесие путем увеличения территории Бадена, присоединения к нему Пфальца и превращения Бадена в непосредственного соседа Пруссии; при этом принимались во внимание и другие возможные перемены с учетом желания Пруссии возвратить себе династические родовые земли Ансбах—Байрейт и в связи с Вюртембергом. Я не только не согласился на это предложение, но отклонил его a limine [с порога, т. е. с самого начала]. Даже если бы я рассматривал его исключительно с точки зрения пользы, то и тогда оно обнаруживало недальновидность и политическую перспективу, искаженную баденской династической политикой. Трудность заставить Баварию подчиниться против ее воли несимпатичному ей имперскому устройству нисколько не уменьшилась бы и в том случае, если бы Пфальц был отдан Бадену. Сомнительно также, чтобы пфальцское население охотно променяло свое баварское подданство на баденское. Когда одно время шла речь о том, чтобы вознаградить Гессен за его территорию севернее Майна[63] баварской землей, расположенной близ Ашафенбурга, то и тогда я получал оттуда множество протестов; хотя население этих областей было строго католическим, протесты эти сводились к тому, что если подписавшие их лица не могут остаться баварцами, то они предпочитают стать пруссаками, но быть переделанными из баварцев в гессенцев — это для них неприемлемо. Ими, повидимому, владели соображения, связанные с рангом их государей и порядком голосования в Союзном сейме, где Бавария была по своему рангу выше Гессена. В связи с этим мне памятны из времен моего пребывания во Франкфурте слова одного прусского резервиста, сказанные им резервисту мелкого государства: «Ты уж помалкивай, у тебя нет даже короля». Я не считал изменение государственных границ в Южной Германии шагом вперед по направлению к германскому единству.

Уменьшение баварской территории на севере совпало бы с тогдашним желанием короля снова овладеть всей прежней территорией Ансбаха и Байрейта. Но и этот план, как ни

привлекал он моего почитаемого и любимого государя, так же мало отвечал моим политическим воззрениям, как и баденский, и я успешно оказал ему сопротивление[64]. Осенью 1866 г. еще нельзя было предвидеть, какова будет в дальнейшем позиция Австрии. Ревность Франции была налицо, и никто не знал лучше меня, как велико было разочарование Наполеона нашими успехами в Богемии. Он твердо рассчитывал, что Австрия нас побьет, и мы окажемся вынужденными купить у него его посредничество. Если бы попытки Франции исправить эту ошибку и ее последствия при неизбежном в результате нашей победы раздражении Вены возымели успех, то перед многими германскими дворами вплотную встал бы вопрос, не начать ли им снова в союзе с Австрией своего рода вторую Силезскую войну против нас. Что Бавария и Саксония поддались бы этому соблазну, было возможно, но что урезанная по роггенбаховскому плану Бавария будет стремиться к реваншу против нас, примкнув к Австрии, это было бы уже наверное так.

VII

Такое присоединение приняло бы, пожалуй, более широкие размеры, чем вельфский легион[65], который под французским покровительством занял вскоре враждебное положение по отношению к нам. Тот факт, что в 1870 г он уже больше не всплывал на поверхность[66], если не говорить об отдельных разложившихся личностях, объясняется в значительной мере тем, что среди посвященных в подготовлявшийся в Ганновере сговор нашлись люди, которые осведомили меня вплоть до деталей об этой подготовке и предложили расстроить всю комбинацию, если им будет обеспечено содержание сообразно их прежним ганноверским должностям. На основании переписки, перехваченной в судебном порядке, я опасался, что мы будем вынуждены прибегнуть к репрессиям в борьбе с вельфскими выступлениями и что ввиду военной опасности репрессии эти не могут не оказаться суровыми. Не следует забывать, что, памятуя великое прошлое французской армии, мы были не настолько уверены в победе над Францией, чтобы не устранять самым тщательным образом всякое обстоятельство, которое могло ухудшить наше положение. Поэтому я договорился с посредниками, которые вступили со мной в более тесную связь, что их пожелания будут исполнены, если они выполнят свои обязательства. В качестве критерия я выдвинул условие, чтобы мы не оказались вынужденными расстрелять ганноверца за участие в борьбе против германских войск. И действительно, в стране не произошло никаких выступлений, и после объявления войны

отъезд вельфов во Францию морским и сухим путем был невелик: уезжали только отдельные, уже скомпрометированные лица. По поведению ганноверских воинских частей на войне трудно допустить, чтобы вельфское восстание могло принять на родине значительные размеры, по крайней мере до тех пор, пока наше наступление во Франции оставалось победоносным. Что было бы, если бы мы, побежденные и преследуемые, возвращались через Ганновер, этого я не касаюсь. Профилактическая политика должна, однако, учитывать и такие возможности. Во всяком случае, я твердо решил в продиктованных войной условиях предлагать королю всякий акт решительного отпора, какой только мог бы быть внушен инстинктом государственного самосохранения. Но даже если бы оказались необходимыми лишь отдельные тяжелые и, вероятно, кровавые репрессии, то и тогда акты насилия над германскими соотечественниками, в какой бы мере ни оправдывала их военная опасность, являлись бы для ряда поколений помехой к примирению и поводом для травли. Мне было поэтому очень важно заблаговременно предупредить возможности подобного рода.

VIII

Борьба на протяжении предыдущей зимы с королем, не желавшим войны; на протяжении похода — с военными, видевшими перед собой одну Австрию и игнорировавшими прочие державы Европы; с королем — по поводу заключения мира, а затем вновь с ним же относительно индемнитета,— так утомила меня, что мне необходим был покой и отдых. 26 сентября я прежде всего поехал к своему двоюродному брату, графу Бисмарку-Болен в Карлсбург, а от него 6 октября в Путбус, где в гостинице • серьезно заболел. Князь и княгиня Путбус оказали мне любезное гостеприимство, поместив меня в павильоне, уцелевшем возле сгоревшего замка. Преодолев первый сильный приступ болезни, я оказался в состоянии снова руководить делами путем переписки с Савиньи. В качестве последнего прусского посланника при Союзном сейме он был естественным наследником того круга ведения [Decernats], который включал в себя стоявшую на первом плане германскую политику. Он довел до конца переговоры с Саксонией, что не удалось сделать до моего отъезда. Их результат является publici juris [публично-правовым, т. е. общеизвестным], и я могу воздержаться от соответствующей критики [67]. Самостоятельность Саксонии в военных вопросах была в дальнейшем при посредничестве генерала фон Штоша расширена по личному решению его величества еще больше, чем это предусматривалось договором.

Искусная и честная политика двух последних саксонских королей[68] оправдывает эти уступки по крайней мере до тех пор, пока удается сохранить прусско-австрийскую дружбу. Историческими и вероисповедными традициями, человеческой природой и особенно династическими традициями объясняется тот факт, что тесный союз между Пруссией и Австрией, заключенный в 1879 г., оказывает концентрирующее давление на Баварию и Саксонию, тем более сильное, чем лучше будут взаимоотношения с Габсбургской династией, которых сумеет добиться немецкий элемент в Австрии — знать и простонародье. Парламентские эксцессы немецкого элемента в Австрии и их конечное влияние на династическую политику грозят ослабить в этом направлении значение немецко-национального элемента не только в Австрии. Доктринерские ошибки парламентских фракций обычно бывают на-руку лишь политиканствующим дамам и священникам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В результате австро-прусской войны 1866 г. к Пруссии были присоединены королевство Ганноверское, курфюршество Гессен-Кассельское, великое герцогство Нассау, вольный город Франкфурт-на-Майне и, отныне полностью, Шлезвиг-Гольштейн. Незначительные территории уступили Пруссии Бавария и Гессен-Дармштадт. После этих присоединений территория Пруссии достигла 347,5 тысячи квадратных километров с 24 миллионами населения.

2 *Северогерманский союз* (Der Norddeutsche Bund)—союзное государство, созданное Пруссией после победоносной войны с Австрией в 1866 г. Образованный 10 августа 1866 г. в составе 22 германских государств Северогерманский союз представлял собой важный этап на пути к воссоединению Германии под гегемонией Пруссии. Конституция Северогерманского союза, предоставлявшая Пруссии ведущую роль в Союзе, послужила впоследствии образцом для выработки конституции Германской империи, с образованием которой (1871) Союз прекратил свое существование.

3 *Луи-Наполеон* (Наполеон III) учился несколько лет в гимназии в баварском городе Аугсбурге. Его мать, королева голландская Гортензия Богарнэ, разойдясь с мужем, жила в Швейцарии, а сына поселила в Аугсбурге, где жил ее брат Евгений Богарнэ, женившийся на баварской принцессе.

4 *Прусское военное законодательство* тем отличалось от военных законодательств других германских государств, что в Пруссии законом 1814 г. была установлена воинская повинность. С тех пор всеобщая воинская повинность служила основой комплектования прусской армии. В отличие от практиковавшихся тогда найма или принудительной вербовки этот способ комплектования гарантировал регулярное ежегодное пополнение войск.

5 *Южногерманские государства* — Бавария, Баден, Вюртемберг и Гессен-Дармштадт остались вне союза, сформировавшегося только как

союз северогерманских государств. Тем не менее Бисмарк сразу же заключил с каждым из них тайный оборонительно-наступательный союз.

[6] *Крымская война* — центральная кампания Восточной войны 1853–1856 гг. между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией, Сардинией и Турцией — с другой. Закончилась поражением России и Парижским миром 1856 г.

[7] Т. е. во время войны 1859 г., обычно называемой австро-итальянской, в которой большое участие принимали французские войска.

[8] Имеется в виду вторжение войск Пруссии и Австрии на территорию революционной Франции в 1792 г. и наполеоновской Франции в 1814 г., когда коалиция европейских государств завершила борьбу против Наполеона.

[9] *Война за испанское наследство* — война, ведшаяся в начале XVIII в. коалицией европейских государств во главе с Англией и Австрией, против Франции и Испании в связи с тем, что в 1700 г. окончила свое существование династия испанских Габсбургов и возник спор о наследовании испанской короны. Война за испанское наследство закончилась мирными договорами в Утрехте (1713) и в Раштадте (1714). В войне в числе прочих участвовали: курфюрст бранденбургский, получивший после войны титул короля Пруссии, и известный австрийский полководец Евгений Савойский. В ходе войны военные действия временами велись на французской территории.

[10] Т. е. присоединенные к Пруссии после войны с Австрией в 1866 г.

[11] С 1839 г. половина великого герцогства *Люксембург* принадлежала Бельгии, а другой половиной управлял король Нидерландов, бывший одновременно и великим герцогом люксембургским. Вместе с тем герцогство входило в Германский союз до 1866 г. После уничтожения Германского союза Франция обратилась к королю Нидерландов с предложением о продаже ей Люксембурга. Однако против этого решительно запротестовала Пруссия. Конфликт между Пруссией и Францией грозил вылиться в войну. Конференция великих держав в Лондоне в 1867 г. объявила вечный нейтралитет Люксембурга.

[12] За счет призыва военнообязанных очередного возраста.

[13] *Индемнитет*—акт, освобождающий от ответственности за какое-либо действие, совершенное в нарушение законов. Здесь речь идет об индемнитете со стороны прусского ландтага, освобождавшем прусское правительство от ответственности за безбюджетное расходование средств на перевооружение, реорганизацию и увеличение армии. Именно вопрос о расходах на армию, в которых ландтаг в 1862 г. отказал и продолжал в течение четырех лет отказывать правительству Бисмарка, и послужил причиной так называемого «конституционного конфликта» 1862—1866 гг. Этот конфликт был закончен в 1866 г. После того, как реорганизованная прусская армия одержала победу над Австрией, ландтаг принял решение об индемнитете.

[14] Одним из шагов, предпринятых австрийским императором Францем-Иосифом для того, чтобы с помощью Франции добиться у Пруссии реванша за разгром в 1866 г., была встреча с французским импера-

тором Наполеоном III в Зальцбурге (город в Австрии) 16—23 августа 1867 г.

15 Барон фон *Бейст* перешел в октябре 1866 г. с саксонской службы на австрийскую в качестве министра иностранных дел. После отставки Белькреди 7 февраля 1867 г. он стал австрийским министром-президентом и руководил политикой Австрии (с 23 июня 1867 г. — с титулом государственного канцлера) до 8 ноября 1871 г. *(Прим. нем. изд.)*

16 Итальянский генерал Джузепе *Говоне* был командирован в Берлин в марте 1866 г. якобы для изучения прусской системы фортификации, а на самом деле для заключения оборонительного и наступательного договора против Австрии, который и был подписан 8 апреля 1866 г.

17 Упреки Бисмарка по адресу Италии объясняются тем, что, несмотря на соблюдение ею договора от 8 апреля 1866 г., которым Италия обязалась выступить против Австрии, как только это сделает Пруссия, Италия все же продолжала поддерживать контакт с Наполеоном III. Французский император накануне и во время войны вел секретные переговоры с Австрией по поводу Венецианской области. Предполагая получить от Австрии эту итальянскую область и передать ее Италии, он рассчитывал склонить Австрию к сепаратному соглашению с Италией и оторвать Италию от прусской политики. Италия соблюдала условия договора с Пруссией: она не прекратила военных действий и не заключила сепаратного мира с Австрией даже тогда, когда Наполеон прямо предложил Италии получить Венецию. Напротив, Пруссия в нарушение договора, без ведома Италии заключила перемирие в Никольсбурге и мир в Праге, не считаясь с тем, что итальянские притязания на Триест и Триент не были удовлетворены.

18 Во время *Восточной войны* 1853—1856 гг. Пруссия, несмотря на свои дружеские отношения с Россией, не оказала ей активной поддержки. Однако Бисмарк оказал ценную услугу России тем, что использовал против Австрии договор Пруссии с Австрией от 20 апреля 1854 г., который, по замыслу Австрии, должен был быть направлен как раз против России. Пруссия, не желая усиления Австрии, сначала затягивала подписание договора, а затем превратила его по существу в чисто оборонительный, сделав оговорку, что помощь будет ею оказана только в том случае, если будут задеты «общегерманские интересы»; таким образом, повод не мог быть найден в балканских делах. Несмотря на то, что договор облегчил выступление Австрии против России по вопросу о дунайских княжествах Молдавии и Валахии (откуда Россия была вынуждена вывести летом 1854 г. свои войска), конечный результат договора был таков, что он оказался помехой государствам, воевавшим против России: он сорвал французские военные планы переброски войск на Дунай через территории немецких государств.

19 Бисмарк был прусским посланником в России в 1859—1862 гг.

20 Имеется в виду так называемая конвенция Альвенслебена.

21 Барон Эдвин-Карл *Мантейфель* (1809—1885)—прусский генерал-фельдмаршал, в августе 1866 г. был командирован в Петербург со специальной миссией убедить русское правительство в целесообразности и необходимости переустройства Германского союза.

22 Завершившийся в 60-е годы XIX в. процесс воссоединения Италии происходил в напряженной борьбе молодого итальянского королевства против римского папы (Ватикана), претендовавшего на светскую власть.

23 *Питт-отец,* или Вильям *Питт Старший,* граф Чатам (1708—1778), английский государственный деятель, в 1756—1761 гг. (с небольшими перерывами) был фактическим премьером, находясь во главе военного ведомства и ведомства иностранных дел. В происходившей в это время Семилетней войне (1756—1763) Питт Старший использовал прусские военные силы в борьбе против Франции. *Сын Питта* — также Вильям, известный под именем *Питта Младшего* (1759—1806), с 1783 г. (с перерывом в 1801—1804 гг.) занимал до самой смерти пост премьера. Он вел ожесточенную борьбу против революционной и наполеоновской Франции; под его руководством была создана в 1805 г. так называемая Третья коалиция держав, в состав которой вошла и Австрия.

24 Виконт Генри-Джордж *Пальмерстон* (1784—1865) неоднократно занимал пост министра иностранных дел Великобритании: в 1830—1834, 1835—1841 и 1846—1851 гг. Граф Джордж Вильям *Кларендон* (1800—1870) был английским министром иностранных дел в 1853—1858 гг., т. е. во время Восточной войны 1853—1856 гг., в которой Англия и Франция выступали в качестве союзников. В этот период Пальмерстон был премьером (1855—1858). В 1846 г. отношения между Англией и Францией охладели из-за вопроса о заключавшихся в этом году браках испанской королевы Изабеллы и ее сестры — инфанты Луизы-Фернанды. В результате этих браков были заинтересованы все европейские дворы. Англия выдвигала в качестве претендента на руку королевы испанской Леопольда Саксен-Кобургского, двоюродного брата принца Альберта, супруга английской королевы Виктории. Франция же настаивала на том, чтобы будущий супруг Изабеллы был избран из принцев Бурбонского дома. В затянувшихся переговорах выдвигался ряд сложных комбинаций. В конце концов Изабелла вступила в брак со своим двоюродным братом — Франциском Ассизским, герцогом Кадисским, а Луиза-Фернанда — с герцогом Антуаном Монпансье, сыном французского короля Луи-Филиппа.

25 Эта *циркулярная депеша от 10 июня 1866 г.* содержала проект устройства нового союза немецких государств под эгидой Пруссии. В основу его была положена имперская конституция, выработанная в 1849 г. франкфуртским парламентом. Этот проект 1849 г. предусматривал палату, в которую депутаты избирались от населения на основе всеобщего, прямого и тайного избирательного права. Тайное голосование, однако, в проект Бисмарка включено не было.

26 Речь от 11 марта 1867 г. «Politische Reden», Bd. III, S. 184. *(Прим, нем. изд.)*

27 Как известно, тайная подача голосов была внесена в закон лишь по предложению Фриза, тогда как правительственный проект предусматривал открытое голосование. *(Прим. нем. изд.)*

28 Французская буржуазная революция 1789 г.

29 *Иосиф II* (1741—1790) — с 1765 г. соправитель своей матери императрицы Римско-Германской империи Марии-Терезии, а с 1780 г. — император, один из наиболее типичных представителей так называемого «просвещенного абсолютизма». Говоря о «предостерегающем

примере» Иосифа II, Бисмарк имеет в виду тот факт, что феодальная реакция вынудила Иосифа II впоследствии отменить многие проведенные им реформы, а союз князей, созданный Фридрихом II Прусским, заставил Иосифа II отказаться от притязаний на германские земли.

30 *Камарилья* (от испанского camarilla — комнатка) — безответственная группка придворных, близких к монарху и пользующихся большим влиянием на него.

31 Бисмарк прибыл в Берлин 4 августа 1866 г. вместе с королем из Никольсбурга, где 26 июля был подписан прелиминарный мирный договор с Австрией.

32 Имеется в виду «конституционный конфликт» 1862—1866 гг.

33 Т. е. к восстановлению ландтага в форме представительства не от населения в целом, а от сословий, в той форме, в какой он существовал до принятия прусской конституции 1850 г.

34 Статья 118 гласит: «Если бы в результате конституции, которая должна быть установлена для Союза немецких государств на основе проекта от 26 мая 1849 г., оказались бы необходимыми какие-нибудь изменения в ныне действующей конституции, то об этом распорядится король и эти распоряжения сообщит палатам в ближайшем их собрании. Палаты решат, находятся ли эти предварительные изменения в соответствии с конституцией союза немецких государств».

35 Ср. речь Бисмарка от 6 февраля 1888 г. —«Politische Reden», Bd. XII, S. 451. *(Прим. нем. изд.)*

36 «Что благородней для души — терпеть
Судьбы-обидчицы удары, стрелы,
Иль, против моря бед вооружась,
Покончить с ними?».
(В. Шекспир, «Гамлет», акт III, сцена 1.)

37 Супруга короля Вильгельма I, королева Августа, была дочерью русской великой княгини Марии Павловны.

38 *Союз трех императоров* — германского, австро-венгерского и русского— существовал в 1872—1878 гг. Был восстановлен в 1881 г.

39 В *Тильзите* в 1807 г., заключая союз с Наполеоном, Александр I согласился на то, чтобы более половины прусских владений было отобрано у Пруссии. В частности провинции на левом берегу реки Эльбы были отданы Наполеоном его брату Жерому, бывшие польские провинции — королю Саксонскому. Созванное в *Эрфурте* в марте—апреле 1850 г. собрание представителей Пруссии, Саксонии и Ганновера имело целью заложить основы объединения Германии под прусским руководством. Австрия, пользуясь поддержкой России, добилась роспуска так называемого эрфуртского парламента, и он не дал никаких. результатов. Прямая угроза со стороны России вынудила Пруссию к отступлению в *Ольмюце,* где в ноябре 1850 г. была подписана конвенция, по которой Пруссия отказывалась от борьбы за воссоединение Германии под прусским главенством.

40 Цитата из Горация, Послания I, 1, 74.

41 В 1814 г. Пруссия выдвинула притязания на всю Саксонию, но, несмотря на поддержку со стороны России, не получила ее. Что касается Польши, то большая часть ее территории отошла к России под видом автономного конституционного королевства («Царства польского»).

42 Вопрос о превращении Страсбурга в союзную германскую крепость обсуждался в духе переговоров, предшествовавших заключению Парижского мирного договора 20 ноября 1815 г. Однако предложение об этом было отвергнуто, и Страсбург остался в границах Франции.

43 Уничтожения документов Бисмарк, повидимому, опасался со стороны императора Вильгельма II, который сразу же по вступлении на престол резко разошелся с Бисмарком и мог в виде мести уничтожить документы, свидетельствующие о его заслугах перед Германской империей.

44 *Дессау* — расположенный неподалеку от Берлина — главный город герцогства Ангальт, занимающего место между двумя отделенными тогда друг от друга частями Пруссии. Бисмарк указывает Дессау как пример того, насколько мало действенными были бы его меры против прессы в условиях, когда даже соседний с Берлином Дессау находился вне сферы его власти.

45 Под таким названием была известна в Германии австро-прусская война 1866 г.

46 Имеется в виду *бельгийская конституция 1831 г.*

47 *Свободомыслящая партия,* была образована в 1884 г. в результате соединения прогрессистской партии и либерального союза.

48 *Кронпринц — Фридрих,* сын императора Вильгельма I, будущий император Фридрих III.

49 Т. е. взамен территориальных присоединений получить в проектировавшейся союзной германской конституции права, большие по сравнению с другими германскими государствами.

50 Под старым Союзным сеймом имеется в виду *Союзный сейм Германского союза,* созданный в 1815 г. как единственный общий для всего Германского союза орган. Он не был ни представительным учреждением, ни правительственным органом, а конференцией состоявших при нем дипломатических представителей всех государств — членов Германского союза, заседавших в городе Франкфурте-на-Майне под председательством австрийского представителя. Революция 1848 г. прекратила существование Союзного сейма. Он был восстановлен только в 1850 г. и окончательно ликвидирован с уничтожением Германского союза в 1866 г.

51 Королевство *Ганновер* и курфюршество *Гессен-Кассельское* были в числе территорий, присоединенных Пруссией в итоге войны 1866 г.

52 *Ганновер* участвовал в австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии, причем принял участие в войне не сразу.

53 Имеются в виду 20 тысяч ганноверского войска, стремившегося пробиться на юго-восток, чтобы соединиться с баварской армией.

[54] *Георг V*, король Ганновера, принадлежал к Ганноверской династии.

[55] *Фульда* и *Ганау* — города в Гессен-Нассау, отошедшие к Пруссии в 1866 г.

[55] *Люнебург* — княжество в Ганновере, древнее наследие дома Вельфов, многие линии которого назывались по имени Люнебурга. Так, короли Ганновера были представителями люнебургской линии, которая являлась одной из двух линий вельфского дома. Поэтому позже, в 1884 г., когда со смертью брауншвейгского герцога Вильгельма пресеклась старшая линия Вельфов, права на брауншвейгское наследство заявил герцог Эрнст Август Кумберлендский, сын умершего в 1878 г. ганноверского короля Георга V. Однако по предложению рейхсканцлера Бисмарка, одобренному брауншвейгским ландтагом, Союзный совет Германской империи решил, что ввиду враждебных отношений герцога Кумберлендского к союзному прусскому государству его правление в герцогстве Брауншвейгском противоречит основным принципам союзных договоров и имперской конституции.

[57] Герцогство *Нассау* выступало в австро-прусской войне 1866 г. на стороне Австрии.

[58] *Кобленц* — старинный город на Рейне, главный город Рейнской провинции Пруссии.

[59] Бисмарк называет жителей Нассау «бывшими нассаускими подданными», так как герцогство Нассау в 1866 г. вошло в состав Пруссии.

[60] После того как вюртембергское войско было разгромлено прусским близ Таубербишофсгейма 24 июля 1866 г. королевству Вюртемберг угрожало занятие пруссаками; вюртембергский министр двора и иностранных дел Фарнбюлер отправился в прусскую главную квартиру, чтобы заключить перемирие.

[61] Небольшая прусская провинция *Гогенцоллерн* расположена в южной Германии и окружена с востока, севера и запада вюртембергскими землями. Во время войны 1866 г. без труда была оккупирована вюртембергскими войсками.

[62] Барон Франц *Роггенбах* (1825—1907) — баденский государственный деятель; с 1865 г. уже находился в отставке; в период, о котором говорит Бисмарк, Роггенбах состоял советником кронпринца Фридриха, близким другом которого он вместе с тем являлся.

[63] Часть Гессена к северу от Майна вошла в состав Северогерманского союза.

[64] По мирному договору 22 августа 1866 г. Бавария потеряла лишь Герсфельдский округ и район Орба, так как некоторое исправление границ было найдено необходимым для обеспечения стратегических и торговых интересов. *(Прим. нем. изд.)*

[65] *Вельфским легионом* назывался добровольческий отряд, созданный ганноверским королем Георгом V (из династии Вельфов) в 1867 г., после присоединения Ганновера к Пруссии. Предназначенный для

вооруженной борьбы с Пруссией вельфский легион нашел пристанище во Франции, но вскоре был распущен.

[66] Во франко-прусской войне 1870—1871 гг. вельфский легион уже не выступал.

[67] Мирный договор с Саксонией был заключен лишь 21 октября 1866 г. *(Прим. нем. изд.)*

[68] Иоганна и Альберта.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ЭМССКАЯ ДЕПЕША

2 июля 1870 г. испанское министерство приняло решение о вступлении на престол наследного принца Леопольда фон Гогенцоллерна [1]. Тем самым, но лишь в форме специфически испанского дела, был дан первый международно-правовой толчок вопросу, вызвавшему впоследствии войну. Найти международно-правовой предлог для вмешательства Франции в свободу испанских королевских выборов было трудно. С тех пор как в Париже начали стремиться к войне с Пруссией, такой предлог стали нарочито искать в имени Гогенцоллерн, хотя само по себе оно не представляло для Франции ничего более угрожающего, чем всякое иное немецкое имя. Напротив, как в Испании, так и в Германии могли даже предполагать, что в силу своих личных и семейных связей принц Леопольд будет в Париже в большей мере persona grata [лицом, пользующимся благосклонностью], нежели многие другие немецкие принцы. Помню, как ночью, после сражения при Седане, я в глубоком мраке ехал верхом с несколькими нашими офицерами, возвращаясь с совершенного королем объезда вокруг Седана и направляясь в Доншери; отвечая на вопросы, обращенные ко мне, не знаю уж — кем именно из сопровождавших меня лиц, я заговорил о подготовке этой войны и упомянул при этом, что считал в свое время принца Леопольда вовсе не нежелательным будущим соседом в Испании для императора Наполеона; я думал, что он отправится в Мадрид через Париж, чтобы установить связь с императорской французской политикой, так как это являлось одним из предварительных условий, при которых ему пришлось бы править в Испании. Я сказал: *у нас* было бы гораздо больше оснований опасаться более тесного соглашения между испанской и французской короной, нежели надеяться на установление испано-германской и антифранцузской констелляции по аналогии с тем, что было при Карле V[2]; ведь испанский король мог бы вести только испанскую политику, а принц стал бы испанцем, приняв корону этой

страны. Внезапно к моему изумлению из мрака послышалось энергичное возражение принца фон Гогенцоллерна, присутствия которого я никак не предполагал; он горячо протестовал против того, что нашли возможным заподозрить его в симпатиях к Франции. Этот протест посреди поля битвы при Седане был естественен для немецкого офицера и принца [из рода] Гогенцоллернов, и мне оставалось лишь ответить, что в качестве испанского короля принц мог бы руководиться лишь испанскими интересами, а таковые требовали бы, — в частности ради укрепления нового королевского дома, — осторожного отношения к могучему соседу у Пиренеев. Я просил принца извинить меня за мнение, высказанное мною, помимо моего ведома, в его присутствии.

Этот эпизод, предвосхищающий последующее изложение, свидетельствует о том, каковы были мои взгляды на данный вопрос. Я считал этот вопрос испанским, а не германским [делом], хотя мне было бы, вероятно, радостно видеть,как немецкое имя Гогенцоллерн действенно осуществляло бы представительство монархии в Испании, и хотя я и не преминул взвесить под углом зрения наших интересов все вытекающие отсюда последствия, соблюдение чего является долгом министра иностранных дел при любом столь же важном событии в другом государстве. Сначала я думал не столько о политических, сколько об экономических выгодах, которые мог бы доставить нам испанский король немецкого происхождения. Для Испании я ждал от принца лично и от его родственных связей таких результатов, которые содействовали бы успокоению и консолидации, и у меня не было никаких оснований не желать этого испанцам. Испания принадлежит к тем немногим странам, которые по своему географическому положению и по своим политическим потребностям не имеют никаких оснований вести антигерманскую политику. Кроме того, она и в экономическом отношении как в смысле производства, так и в смысле потребления, очень подходящая страна для широкого развития [торговых] сношений с Германией. [Наличие] дружественного нам элемента в [составе] испанского правительства было бы большим преимуществом, и отвергать его a limine [с порога, т е. сразу же] не было, с точки зрения задач германской политики, никаких оснований, если не видеть соответствующего основания ь боязни, как бы не оказалась недовольной Франция. Если бы Испания в своем развитии снова заметно окрепла, чего с тех пор не наблюдалось, то факты, свидетельствующие о дружественном отношении с испанской дипломатией, могли бы оказаться полезными в мирное время; но мне казалось невероятным, чтобы при наступлении неизбежно предусматривавшейся раньше или позже германо-французской войны испанский король,как бы он этого ни хотел, оказался в состоянии проявить свои немецкие

симпатии путем нападения или демонстрации против Франции. Позиция Испании после начала войны[3], которую мы навлекли на себя услужливостью германских князей, доказала обоснованность моих сомнений. Рыцарственный Сид[4] призвал бы Францию к ответу за вмешательство в свободу выбора испанского короля и не предоставил бы чужестранцам охрану испанской независимости. Эта нация, некогда столь могущественная на воде и на суше, не может теперь держать в узде соплеменное ей население Кубы[5]; как же было ожидать от нее, чтобы из любви к нам она напала на такую державу, как Франция? Ни одно испанское правительство, а тем более король-иноземец, не обладало бы достаточной властью в стране, чтобы из любви к Германии двинуть хотя бы лишь один полк к Пиренеям. Политически я относился ко всему этому вопросу довольно равнодушно. Склонность князя Антона разрешить его мирным путем в желательном направлении была сильнее моей. Мемуары его величества румынского короля обнаруживают недостаточную осведомленность относительно отдельных деталей участия министерства в [разрешении] этого вопроса. Упомянутого там совещания министров во дворце не было. Князь Антон жил во дворце в гостях у короля и пригласил государя и нескольких министров на обед; я не думаю, чтобы за столом обсуждался испанский вопрос[6]. Если герцог де Грамон* стремится доказать, что я не занимал отрицательной позиции по отношению к испанскому предложению, то я не вижу оснований его опровергать. Точного текста моего письма маршалу Приму, о котором герцогу рассказывали, я уже более не помню; если я сам составлял его, чего я также уже более не помню, то едва ли я назвал бы гогенцоллернскую кандидатуру «une excellente chose» [«замечательной штукой»], это выражение мне не свойственно. Что я считал ее «opportune» [подходящей] не «a un moment donne» [в определенный момент], а принципиально и в мирное время, — верно. Я при этом нисколько не сомневался, что внук Мюратов[7], которого с удовольствием принимали при французском дворе, обеспечит стране благосклонность Франции.

Вмешательство Франции касалось первоначально испанских, а не прусских дел; проделанная наполеоновской политикой подтасовка, посредством которой добивались превращения этого вопроса в прусский, была, с точки зрения международного права, неправомочной и провокационной; она доказала мне, что наступил момент, когда Франция стала искать ссоры с нами и готова была ухватиться за любой предлог, который казался пригодным. Я рассматривал французское вмешатель-

---

* *Gramont,* La France et la Prusse avant la guerre, Paris, E. Dentu, 1872, p. 21.

ство прежде всего как умаление, а следовательно, — и оскорбление Испании, и ожидал, что испанское чувство чести окажет сопротивление подобному посягательству. Когда впоследствии дело приняло такой оборот, что Франция в духе своего посягательства на *испанскую* независимость начала угрожать войной *нам*, я в течение нескольких дней ожидал, что объявление войны Испанией Франции последует за объявлением войны Францией нам. Я не был подготовлен к тому, что [столь] гордая нация, как испанская, приставив ружье к ноге, будет спокойно наблюдать из-за Пиренеев, как немцы не на жизнь, а на смерть сражаются с Францией за независимость Испании и за ее право свободно избирать себе короля. Испания с ее чувством чести, проявившая такую щепетильность в вопросе о Каролинских островах[8], попросту отступилась от нас в 1870 г. Вероятно, в обоих случаях решающее значение имели симпатии и международные связи республиканских партий.

Со стороны нашего иностранного ведомства первые же и тогда уже без всякого на то права сделанные Францией запросы относительно кандидатуры на испанский престол встретили 4 июля уклончивый — в соответствии с истиной — ответ, что *министерству* об этом деле ничего неизвестно. Это было верно постольку, поскольку вопрос о согласии принца Леопольда на избрание рассматривался его величеством исключительно как семейное дело, которое нисколько не касалось ни Пруссии, ни Северогерманского союза. Речь шла здесь лишь о личном отношении [верховного]главы армии к немецкому офицеру и главы не королевско-прусского дома, а рода Гогенцоллернов к тем, кто носил имя Гогенцоллерн.

Однако во Франции искали такого повода к войне, который не имел бы, по возможности, национально-германской окраски, и надеялись обрести его на династической почве в лице выступившего претендентом на испанский престол [носителя] имени Гогенцоллерн. Преувеличенное представление о военном превосходстве Франции и недооценка национального духа Германии были, повидимому, основной причиной того, что приемлемость этого предлога к войне 'не была добросовестно и со знанием дела продумана. Германский национальный подъем, последовавший за объявлением войны Францией и ломавший, подобно потоку, все, что преграждало ему путь, был для французских политиков неожиданностью; они жили, делали свои расчеты и действовали во власти воспоминаний о Рейнском союзе, подтверждение которым они находили в позиции отдельных западногерманских министров [9] и ультрамонтанских влияниях[10]; влияния эти были связаны с надеждами на то, что победы Франции, gesta Dei per Francos [деяния божии, осуществленные через франков][11], облегчат проведение политики

Ватикана[12] в Германии при опоре на союз с католической Австрией. Ее ультрамонтанские тенденции содействовали французской политике в Германии и противодействовали в Италии, так как союз [Франции] с Италией в конце концов распался из-за отказа Франции очистить Рим[13]. В расчете на превосходство французского оружия предлог для войны был, так сказать, за волосы притянут; вместо того чтобы сделать Испанию ответственной за ее, как полагали, антифранцузские королевские выборы, придирались, с одной стороны, к германскому князю, который не отказался удовлетворить, по просьбе испанцев, их потребность и поставить (durch Gestellung) им подходящего короля, предполагая, что он будет в Париже persona grata, а с другой — к прусскому королю, отношение которого к этому делу исчерпывалось его фамилией и тем, что он был немцем. Уже то обстоятельство, что французский кабинет позволил себе потребовать у прусской политики объяснений по поводу согласия на избрание и притом в такой форме, которая в истолковании французских газет превратилась в открытую угрозу, — один этот факт был с международной точки зрения настолько неприличным, что лишал нас, по-моему, возможности отступить хотя бы на дюйм. Оскорбительный характер французских претензий усугублялся не только угрожающими выпадами французской прессы, но и парламентскими дебатами и отношением к этим манифестациям министерства Грамона-Оливье. Заявление Грамона на заседании Законодательного корпуса[14] от 6 июля:

«Мы не думаем, что уважение к правам соседнего народа обязывает нас терпеть, чтобы посторонняя держава посадила одного из своих принцев на престол Карла V... Этого не случится, мы в этом уверены... В противном случае мы сумели бы... исполнить свой долг, не проявляя ни слабости, ни колебаний».

— уже это заявление было международным и официальным [актом] угрозы с рукой на эфесе шпаги. Фраза: «La Prusse cane» [«Пруссия трусит»] прозвучала в печати как такой комментарий к парламентским прениям большого значения от 6 и 7 июля, который, с моей точки зрения, превращал любую уступку в нечто несовместимое с нашей национальной честью.

Я решил отправиться 12 июля из Варцина в Эмс[15], чтобы исходатайствовать у его величества созыв рейхстага[16] для объявления мобилизации. Когда я проезжал через Вуссов, мой друг, престарелый проповедник Мулерт, стоя у дверей пастората, дружески приветствовал меня. Я ответил из открытого экипажа фехтовальным приемом «в квартах и терциях», и он понял, что я думаю воевать. Когда я въехал во двор моей берлинской квартиры и еще до того, как я вышел из экипажа, мне подали телеграммы, из коих явствовало, что король, несмотря на французские угрозы и оскорбления в парламенте и прессе, про-

должал переговоры с Бенедетти вместо того, чтобы холодно и сдержанно направить его к министрам. Во время обеда, на котором присутствовали Мольтке и Роон, из парижского посольства было получено известие, что принц Гогенцоллерн отказался от своей кандидатуры, чтобы предотвратить войну, которой угрожала нам Франция[17]. Моей первой мыслью было уйти в отставку, так как после всех предшествовавших оскорбительных провокаций я видел в этой вынужденной уступке унижение Германии, за которое не хотел нести официальной ответственности. Чувство оскорбленной национальной чести, в результате вынужденного отступления, было во мне так сильно, что я уже решил сообщить в Эмс о моей отставке. Я считал, что это унижение перед Францией и ее хвастливыми демонстрациями хуже унижения, испытанного нами в Ольмюце, известным оправданием которого всегда будет служить общее историческое развитие предшествующего периода и наша недостаточная в то время подготовленность к войне. Франция, полагал я, учтет отречение принца как вполне удовлетворительный успех с таким чувством, что достаточно было угрожать войной, чтобы заставить Пруссию отступить даже тогда, когда в международном отношении угроза была по своей форме обидной и издевательской, а предлог для войны — первым из попавшихся под руку, равно как и с чувством, что Северогерманский союз также не заключает в себе достаточной уверенности в своем могуществе, чтобы защитить национальную честь и независимость против притязаний Франции. Я был подавлен, так как не видел, каким образом можно было бы устранить тот возрастающий ущерб, которого я опасался для нашего положения в качестве нации в результате робкой политики, если только мы не стали бы неуклюже ввязываться [в дальнейшем] в случайные конфликты и не начали бы создавать их искусственно. Войну я уже в то время считал необходимостью, уклоняться от которой с честью мы дольше не могли. [Поэтому] я телеграфировал своим в Варцин, чтобы они не укладывались и не уезжали, что я вернусь туда через несколько дней. Теперь же я [стал] думать, что мир [не будет нарушен]; но так как я не хотел представлять ту политику, которая была бы платой за мир, то я отказался от поездки в Эмс и просил отправиться туда графа Эйленбурга доложить его величеству мое мнение. В том же смысле я говорил и с военным министром фон Рооном: мы проглотили полученную от Франции пощечину и своей уступчивостью поставили себя в такое положение, что оказались бы зачинщиками, если бы начали войну, которая одна лишь может смыть позор. Мое положение стало невыносимым, хотя бы уже потому, что за время своего лечения на водах король под давлением французских угроз четыре дня подряд принимал на аудиенции французского посла и предо-

ставлял свою особу монарха бессовестной обработке со стороны этого иностранного агента, не имея компетентной помощи.

Из-за своей склонности брать государственные дела лично на себя и заниматься ими самостоятельно король попал в такое положение, представлять которое я не мог. По моему мнению, его величество должен был отклонить в Эмсе какие бы то ни было претензии неравного ему по положению французского посредника и должен был направить его в Берлин, в официальную инстанцию, которой надлежало бы испрашивать решение короля путем докладов в Эмсе или путем письменных донесений, если было бы сочтено полезным затянуть переговоры. Но у государя, как ни точно соблюдал он обычно ведомственные рамки, слишком сильна была склонность если не к личному решению, то к личному ведению переговоров по всем важным вопросам, чтобы он мог правильно использовать ту защиту, которая весьма целесообразным образом прикрывает монарха от назойливости неудобных вопросов и претензий. Вина за то, что король при столь свойственном ему сознании своего высокого положения не уклонился сразу же от назойливости Бенедетти, должна быть отнесена в значительной мере за счет того влияния, которое оказывала на него королева из расположенного по соседству Кобленца. Ему было 73 года, он был миролюбив и не желал подвергать риску новой борьбы лавры 1866 г., но когда он был свободен от женского влияния, им всегда руководило чувство чести наследника Фридриха Великого и прусского офицера. Сопротивляемость короля домогательствам со стороны супруги с ее по-женски оправдываемой боязливостью и недостававшим ей национальным чувством ослаблялась его рыцарским отношением к женщине и его монархическим отношением к королеве, в частности — к его королеве. Мне передавали, что королева Августа со слезами на глазах заклинала своего супруга перед его отъездом из Эмса в Берлин предотвратить войну, помня о Иене и Тильзите[18]. Я считаю этот рассказ правдоподобным, вплоть до слез.

Решив выйти в отставку, вопреки упрекам Роона, я пригласил 13-го его и Мольтке отобедать со мною втроем и изложил им за столом мои взгляды и намерения. Оба были подавлены и косвенно упрекали меня, что, уходя в отставку, я эгоистично использую свое преимущество по сравнению с ними, которым это не так легко сделать. Я был того мнения, что я не мог принести в жертву политике свою честь, [но] что они, профессиональные солдаты, не вольны в своих решениях и могут поэтому держаться иной точки зрения, чем ответственный министр иностранных дел. Во время нашей беседы мне сообщили, что разбирается шифрованная депеша из Эмса, за подписью тайного советника Абекена, состоявшая, если мне не изменяет па-

мять, из 200 групп. После того как мне подали расшифрованный текст, из которого явствовало, что Абекен составил и подписал телеграмму по повелению его величества, я прочел ее моим гостям, и она повергла их в такое подавленное настроение, что они пренебрегли кушаньями и напитками. При повторном рассмотрении документа я остановился на [предоставлявшемся] его величеством полномочии, коим поручалось тотчас же сообщить как нашим представителям, так и в прессу о новом требовании Бенедетти и его отклонении. Я поставил Мольтке несколько вопросов относительно степени его уверенности в состоянии наших вооружений, а соответственно и относительно времени, какого они еще потребуют при внезапно всплывшей военной опасности. Он ответил, что если уж быть войне, то он не ожидает никакого преимущества для нас от оттяжки ее наступления; даже если бы мы сначала и оказались недостаточно сильными, чтобы сразу же защитить от французского нашествия все наши владения на левом берегу Рейна, то все же очень скоро мы превзошли бы Францию в отношении нашей боевой готовности, между тем как в дальнейшем это преимущество могло бы ослабнуть; он считает, что немедленное начало войны для нас в целом выгоднее, нежели ее оттяжка.

Ввиду поведения Франции чувство нашей национальной чести вынуждало нас, по моему мнению, воевать; и если бы мы не последовали требованиям этого чувства, то утратили бы все приобретенные нами в 1866 г. преимущества на пути к завершению нашего национального развития; усилившееся в 1866 г., благодаря нашим военным успехам, германское национальное чувство [на территории] к югу от Майна, выразившееся в готовности южных государств к союзам, снова неизбежно охладело бы. Германизм, развивавшийся в южногерманских государствах наряду с партикуляристской и династической государственностью, сдерживал в известной мере политическое сознание вплоть до 1866 г. фикцией германской общности под руководством Австрии; [это объяснялось] отчасти южногерманской приверженностью к старой империи[19], отчасти — верой в ее военное превосходство над Пруссией. После того как события доказали ошибочность подобной оценки, именно беспомощность, в какой Австрия оставила при заключении мира южногерманские государства, была мотивом того политического Дамаска[20], который имел место между фарнбюлеровским[21] «Vae victis» [горе побежденным] и заключенным с полной готовностью оборонительным и наступательным союзом с Пруссией. Это были вера в развитую Пруссией германскую мощь и та притягательная сила, которая свойственна решительной и смелой политике, когда, достигнув успеха, она действует в разумных и честных границах. Этот ореол Пруссия за-

воевала. Он был бы безвозвратно или, во всяком случае, надолго утрачен, если бы по вопросу, затрагивающему честь нации, в народе распространилось мнение, что брошенное с французской стороны оскорбление — «La Prusse cane» [«Пруссия трусит»] — имеет под собой фактическое основание.

Из тех же психологических соображений, под влиянием которых я стремился в 1864 г., во время датской войны, к тому, чтобы в авангард были допущены не старопрусские, а вестфальские батальоны, не имевшие еще случая доказать под прусским водительством своей храбрости[22], из тех же соображений, которые заставляли меня сожалеть, что принц Фридрих-Карл действовал [тогда] наперекор моему желанию,—исходя из этого, я был убежден, что пропасть между севером и югом нашего отечества, созданная на протяжении истории различием династических и племенных чувств и жизненного уклада, будет заполнена действенней всего общей национальной войной против столетиями агрессивного соседа. Я помнил, что уже в краткий промежуток времени с 1813 до 1815 г., от Лейпцига и Ганау до Бель-Альянса, общая и победоносная борьба против Франции[23] сделала возможным преодоление противоположности между уступчивой политикой Рейнского союза и национально-германским подъемом периода от Венского конгресса до Майнцской следственной комиссии[24]—[это носило тогда] печать Штейна[25], Герреса[26], Яна[27], Вартбурга[28], вплоть до эксцесса Занда. Совместно пролитая кровь со времени перехода саксонцев при Лейпциге[29] [на сторону Пруссии] и до участия под английским командованием [в сражении] при Бель-Альянсе[30] сцементировала сознание, в свете которого поблекли воспоминания о Рейнском союзе. Развитие истории в этом направлении было прервано опасением, что слишком стремительный национальный порыв опрокинет существующие государственные порядки.

Этот взгляд назад укрепил меня в моем убеждении, и политические соображения по поводу южногерманских государств находили mutatis mutandis [с соответствующими изменениями] применение также и к нашим взаимоотношениям с населением Ганновера, Гессена, Шлезвиг-Гольштейна[31]. Что эта точка зрения была правильна, доказывает то удовлетворение, с каким теперь, 20 лет спустя[32], вспоминают подвиги своих сынов в 70-х годах не только гольштейнцы, но и ганзейцы[33]. Все эти осознанные и неосознанные соображения усиливали во мне ощущение, что войны можно избежать лишь за счет нашей прусской чести и доверия к ней нации.

Убежденный в этом, я воспользовался сообщенным мне Абекеном полномочием короля обнародовать содержание его телеграммы и в присутствии обоих моих гостей, вычеркнув кое-что из телеграммы, но не прибавив и не изменив ни слова, придал ей следующую редакцию:

«После того как известия об отречении наследного принца Гогенцоллерна были официально сообщены французскому императорскому правительству испанским королевским правительством, французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать снова своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество король отказался затем еще раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить послу»[34].

Совершенно иное впечатление, производимое сокращенным текстом эмсской депеши по сравнению с оригиналом, зависело не от более энергичных выражений, а лишь от формы, которая придавала этому сообщению вид чего-то окончательного, тогда как редакция Абекена показалась бы лишь фрагментом еще не закончившихся переговоров, которые должны быть продолжены в Берлине.

Когда я прочел моим гостям телеграмму в сокращенной редакции, Мольтке заметил: «Так-то звучит совсем иначе; прежде она звучала сигналом к отступлению, теперь — фанфарой, отвечающей на вызов». Я пояснил: «Если, во исполнение высочайшего повеления, я сейчас же сообщу этот текст, в котором ничего не изменено и не добавлено по сравнению с телеграммой, в газеты и телеграфно во все наши миссии, то еще до полуночи он будет известен в Париже и не только своим содержанием, но и способом его распространения произведет там на галльского быка впечатление красной тряпки. Драться мы должны, если не хотим принять на себя роль побежденного без боя. Но успех зависит во многом от тех впечатлений, какие вызовет у нас и у других происхождение войны; важно, чтобы мы были теми, на кого напали, и галльское высокомерие и обидчивость помогут нам в этом, если мы заявим *со всей европейской гласностью,* поскольку это возможно, не прибегая к рупору рейхстага, что встречаем явные угрозы Франции безбоязненно».

Эти мои объяснения вызвали в настроении обоих генералов столь радостный перелом, внезапность которого поразила меня. Они неожиданно снова обрели вкус к еде и питью и заговорили в бодром тоне. Роон сказал: «Старый бог еще жив и не даст нам осрамиться». Мольтке вышел из обычного для него состояния равнодушной пассивности, обратил радостный взор к потолку и, позабыв свойственную ему сдержанность, ударил себя в грудь и бодро сказал: «Если только мне действительно еще суждено вести наши войска в такой поход, то пусть хотя бы даже сразу после этого сам чорт забирает себе «старый скелет».

Он был тогда дряхлее, чем впоследствии, и сомневался, будет ли в состоянии перенести тягости и лишения похода.

Как сильна была у него потребность претворять на практике свои военно-стратегические склонности и способности, я наблюдал не только в этом случае, но и в дни, предшествовавшие богемской войне. В обоих случаях мой военный коллега по королевской службе, в отличие от обычно свойственной ему сухости и молчаливости, был в веселом, оживленном и, я бы сказал, радостном настроении. В ту июньскую ночь 1866 г., когда я пригласил его к себе, чтобы убедиться, нельзя ли на сутки ускорить выступление войск, он ответил на мой вопрос утвердительно и был приятно возбужден ускорением борьбы. Покидая эластичным шагом салон моей жены, он еще раз обернулся в дверях и обратился ко мне в серьезном тоне с вопросом: «Wissen Sie, dass die Sachsen die Dresdner Brticke gesprengt haben?»[35] [«Знаете, саксонцы взорвали дрезденский мост?»] В ответ на появившееся у меня выражение изумления и сожаления, он добавил: «Aber mit Wasser, wegen Staub» [«Но водой, из-за пыли»]. Наклонность к безобидным шуткам прорывалась у него при служебных отношениях, какими были наши, лишь изредка. В обоих случаях его воинственность и отважность, в противовес понятной и законной сдержанности руководящей инстанции, были мне большим подспорьем при осуществлении той политики, которую я признавал необходимой. Неудобными они оказались для меня в 1867 г. в люксембургском вопросе, в 1875 г. и позднее, когда надо было решать, следует ли anticipando [в предупредительных целях] вызвать войну, которая, по всей вероятности, рано или поздно нам предстояла, прежде чем противнику удастся подготовиться к ней полнее. Не только в люксембургский период, но и позднее, в течение двадцати лет, я постоянно боролся с теорией, дающей утвердительный ответ на этот вопрос, так как я был убежден, что даже за победоносные войны можно нести ответственность лишь в том случае, если они навязаны, и что нельзя в такой мере заглядывать в карты провидению, чтобы, исходя из собственных расчетов, предвосхищать историческое развитие. Вполне естественно, что в генеральном штабе армии не только более молодые, ретивые офицеры, но и опытные стратеги испытывают потребность проявить в деле и продемонстрировать в истории боеспособность находящихся под их командованием войск и собственную способность руководить ими. Следовало бы пожалеть, если бы это влияние воинского духа не сказывалось в армии; сдерживать его в границах, насколько того законно требует мирное преуспеяние народов, составляет обязанность политических, а не военных верхов государства. Тот факт, что генеральный штаб и его начальники, в период люксембургского вопроса, в период инсце-

нированного Горчаковым и Францией кризиса 1875 г. и вплоть до новейших времен, готовы были поддаться искушению нарушить мир, объясняется духом данного института, от которого я не хотел бы отказываться и который становится опасным лишь при монархе, лишенном глазомера и способности сопротивляться посторонним и, с точки зрения конституционной, неоправданным влияниям в политической области.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Во время революции в Испании, начавшейся в сентябре 1868 г., была изгнана из страны королева Изабелла II. Власть перешла в руки правых буржуазных партий, проведших через кортесы монархическую конституцию 6 июня 1869 г. Министерство генерала Примы предложило престол Леопольду Гогенцоллерну — сыну князя Карла-Антона Гогенцоллерн-Зигмарингена. Леопольд, принадлежавший к боковой линии рода Гогенцоллернов, был наследным принцем Загмарингена. Само княжество Загмаринген отец Леопольда, князь Карл-Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген, уступил Пруссии в 1849 г.

2 Карл V (I) — король Испании (1516—1555) из рода Габсбургов, был в 1519 г. избран императором Священной Римской империи германской нации, объединил под своей властью Германию, Испанию, Нидерланды и обширные колониальные владения в Америке.

3 Во время франко-прусской войны 1870—1871 гг. Испания формально соблюдала нейтралитет. Однако этот нейтралитет был более дружественным Франции, чем Пруссии. В октябре 1870 г. Испания склонялась даже к мысли о заключении соглашения с французским правительством Национальной обороны, но полуофициальные переговоры не дали никаких результатов.

4 *Сид* — герой испанского рыцарского эпоса.

6 *Остров Куба* был в то время колонией Испании. В 1868 г. на Кубе началось восстание под лозунгом освобождения от испанского владычества. Восстание окончилось лишь в 1878г., после частичных уступок со стороны Испании.

6 Разговор состоялся 15 марта 1870 г. после обеда в присутствии короля, кронпринца, князя Карла-Антона и его сына Леопольда, Бисмарка, Роона, Мольтке, Шлейница, Тиле и Дельбрюка; ср. Aus dem Leben Konig Karl's von Rumanien (1894), Bd. II, 70, 72; речь там идет не о совещании *министров,* но лишь о *совещании* во дворце под председательством короля и о единодушном мнении лиц, участвовавших в *совещании. (Прим. нем. изд.)*

7 Отец принца Леопольда князь Карл-Антон был сыном князя Карла Гогенцоллерна (1785—1853) и Марии-Антуанетты (1793—1847), дочери принца Андрея *Мюрата;* его мать княгиня Жозефина была дочерью великого герцога Карла-Людвига-Фридриха Баденского и его супруги Стефании (виконтессы Богарнэ), приемной дочери Наполеона I. *(Прим. нем. изд.)*

8 В августе 1885 г. Германия пыталась оккупировать Каролинские острова, которые Испания считала своим владением. Возникший кон-

фликт закончился обращением Испании и Германии к третейскому посредничеству папы, который признал права Испании на Каролинские острова при условии предоставления Германии права свободной торговли.

9 Именно барона Дальвига [министра великого герцогства Гессенского]. Ср. также ноту Грамона от 19 июля 1870 г. (Staatsarchiv, Bd. 57, № Ю772, стр. 333 f): «Великий герцог Гессенский [Людвиг III] распорядился сообщить нам, что если бы его не беспокоили майнские пушки, он был бы целиком в нашем распоряжении; он лишь ждет того дня, когда император вернет ему независимость, чтобы доказать нам свои симпатии». *(Прим. нем. изд.)*

10 *Ультрамонтаны* (от латинского ultra montes — «за горами», т. е. за Альпами, в Италии) — сторонники усиления светской власти римского папы. В Германии этот термин применялся вообще ко всем католикам, в частности к сторонникам католической партии «центра».

11 «Gesta Dei per Francos» — заглавие компилятивного труда, опубликованного в 1611 г. французским ученым Жаком Бонгаром. Труд посвящен участию французов (автор их называет «франками») в крестовых походах. В представлении Бонгара французы — избранный богом народ.

12 *Ватикан* — дворец в Риме, резиденция главы католической церкви, римского папы.

13 Наполеон III, стремясь укрепить свою популярность среди католиков во Франции, держал войска в Риме, тем самым защищая резиденцию римского папы от попыток присоединения Рима к Итальянскому королевству. В то же время для осуществления своих планов в области внешней политики он нуждался в союзе с воссоединившейся Италией.

14 *Законодательный корпус* — во Франции, во время империи Наполеона III (1852—1870), законодательный орган с весьма ограниченными правами.

15 *Эмс* — курорт в Западной Германии, недалеко от упомянутого выше Кобленца; во время событий, о которых рассказывает Бисмарк, на курорте находился прусский король Вильгельм I. По имени Эмса приведенная ниже телеграмма Вильгельма I Бисмарку названа «эмсской депешей».

16 Имеется в виду рейхстаг Северогерманского союза.

17 Принц Леопольд отказался от претензий на испанскую корону 12 июля 1870 г.

18 В *сражении под Иеной* 14 октября 1806 г. французская армия Наполеона разгромила прусскую армию. *Тильзитский мирный договор* был заключен в 1807 г. Францией с Россией (7 июля) и Пруссией (9 июля) после военных побед Наполеона. Потерпевшая поражение Пруссия потеряла по Тильзитскому миру все свои владения западнее реки Эльбы, обязывалась уплатить контрибуцию, сократить армию, участвовать в блокаде Англии и т. д.

19 Речь идет об Австрии, как преемнице средневековой Священной Римской империи германской нации, существовавшей с X века до (формально) 1806 г.

20 По христианской легенде, с гонителем христиан Савлом на пути в Дамаск (город в Сирии) произошло чудо, в результате которого он превратился в ревностного христианина и под именем Павла стал апостолом христианства.

21 *Барон Фарнбюлер* (1809—1889) — был министром иностранных дел и министром двора королевства Вюртемберг, одного из южных германских государств.

22 Часть Вестфалии была приобретена Пруссией впервые лишь в 1815 г. по решению Венского конгресса; поэтому Бисмарк противопоставляет вестфальцев жителям старопрусских областей.

23 Бисмарк говорит здесь о разгроме наполеоновской Франции коалицией европейских держав после неудачи нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Участие германских государств в этой борьбе против французского владычества происходило в обстановке подъема национально-освободительного движения, временно отодвинувшего на второй план различные династические и территориальные споры германских государств. При Лейпциге 16—18 октября 1813 г. и при Ганау 30—31 октября 1813 г. произошли сражения, заставившие Наполеона очистить территорию Германии; битва при Бель-Альянс, обычно называемая битвой при Ватерлоо, в Бельгии, 18 июня 1815 г., завершила разгром Наполеона после его бегства с острова Эльбы и кратковременного восстановления империи во Франции («Сто дней»).

24 После убийства студентом Карлом Зандом немецкого реакционного писателя и публициста, состоявшего на русской дипломатической службе, Августа Коцебу (23 марта 1819 г.) конференция министров немецких государств по инициативе Меттерниха приняла ряд решений, направленных против революционного движения. В числе прочих мер в Майнце была создана особая центральная следственная комиссия, ознаменовавшая свою деятельность преследованиями деятелей революционного и национально-либерального движения.

25 Выдающийся прусский государственный деятель барон Генрих *Штейн* (1757—1831) провел ряд значительных буржуазных реформ, как раз в период, предшествовавший 1814 г. Именно в этом году восторжествовавшая реакция вынудила его отойти от политической деятельности.

26 Якоб *Геррес* (1776—1848), вначале приверженец передовых идей французской революции конца XVIII в., затем сторонник восстановления Германской империи с помощью буржуазных реформ и, наконец, защитник воинствующего католицизма — деятель партии центра. В период, о котором говорит Бисмарк, Геррес издавал в Кобленце в 1814—1816 гг. газету «Рейнский Меркурий» («Rheinischer Merkur»), пользовавшуюся значительным влиянием. Газета была закрыта в связи с ее выступлениями против главы Священного союза — русского императора Александра I.

27 *Фридрих-Людвиг Ян* (1778—1852) — известный немецкий педагог, деятельный участник национально-освободительной борьбы против Наполеона, создатель системы физического воспитания, сочетающегося с воспитанием национального самосознания. Бисмарк сам учился в школе, в которой применялась система Яна (см. гл. I тома I «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка).

28 *Вартбург* — замок в Германии, в Тюрингии. Здесь 18 октября 1817 г. в связи с празднованием 300-летия выступления Лютера против католической церкви произошла массовая политическая демонстрация немецкого студенчества, прошедшая под национально-либеральными лозунгами.

29 Во время битвы при Лейпциге 16—18 октября 1813 г. саксонские войска, входившие в состав наполеоновской армии, неожиданно перешли на сторону антинаполеоновской коалиции европейских государств. Это оказало значительное влияние на исход сражения.

30 В битве при Бель-Альянс (Ватерлоо) 18 июня 1815 г. войска союзников сражались под верховным командованием английского фельдмаршала Веллингтона.

31 Перечисленные территории были присоединены к Пруссии в результате ее победы над Австрией в 1866 г.

32 20 лет спустя, т. е. в начале 90-х годов, когда составлялась настоящая книга.

33 Ганзейскими городами в XIX веке назывались некогда входившие в средневековый союз торговых городов Ганзу немецкие города Бремен, Гамбург и Любек, сохранившие формальную независимость. Их граждане участвовали в войне против Франции в 1870—1871 гг. наряду со всеми членами Северогерманского союза.

34 Это и есть знаменитая «эмсская депеша», которая явилась предлогом для начала франко-прусской войны 1870—1871 гг. Намеренное изменение Бисмарком первоначального текста подозревалось, в частности, немецкими социал-демократами (Вильгельм Либкнехт) уже в то время, но окончательно стало известным лишь после выхода в свет «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка. Поданная в Эмсе 13 июля 1870 г. в 3 ч. 50 м. пополудни и полученная в Берлине в 6 ч. 9 м. телеграмма после дешифровки гласила следующее:

«Его величество пишет мне: «Граф Бенедетти подошел ко мне во время прогулки и потребовал от меня в конце концов весьма настойчивым образом, чтобы я уполномочил его немедленно телеграфировать, что я обязываюсь на все будущие времена никогда не давать снова моего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Я отказал ему, наконец, довольно резко, так как a tout jamais [навсегда] нельзя и не должно брать на себя подобных обязательств. Естественно, сказал я ему, я не получил еще ничего, и так как он узнает о [происходящем] в Париже и Мадриде раньше меня, то он может убедиться, что мое правительство продолжает стоять в стороне». Несколько позже его величество получил письмо от князя. Так как его величество сказал графу Бенедетти, что ждет известия от князя, то, приняв во внимание вышеупомянутое требование, его величество согласился, по моему и графа Эйленбурга докладу, не принимать более графа Бенедетти, а лишь приказать адъютанту заявить ему, что его величество получил теперь от князя подтверждение известия, уже полученного Бенедетти из Парижа, и не имеет ничего более сообщить послу. Его величество предоставляет на усмотрение вашего превосходительства вопрос о том, не следует ли сообщить как нашим представителям, так и в прессу о новом требовании Бенедетти и об отказе короля». Перевод телеграммы сделан с текста, опубликованного в примечании немецкого издателя Коля.

35 Непереводимая игра слов: sprengen имеет по-немецки два значения: «взрывать» и «поливать».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕРСАЛЬ

I

Неприязнь, которую высшие военные круги питали ко мне со времени войны с Австрией, сохранилась у них в течение всей французской кампании, хотя ее разделяли не Мольтке и не Роон, а «полубоги», как называли в ту пору высших офицеров генерального штаба. В походе я и мои чиновники ощущали это решительно во всем, вплоть до снабжения и расквартирования. Это зашло бы, вероятно, еще дальше, если бы не корректив со стороны неизменной светской учтивости графа Мольтке. Роон в походной обстановке был не в состоянии оказывать мне содействие ни как друг, ни как коллега; он, напротив, сам в конечном счете вынужден был в Версале опереться на меня, чтобы провести в кругу короля свою точку зрения по военным вопросам.

Уже при отъезде в Кельн я случайно узнал о принятом в самом начале войны плане не допускать меня на военные совещания. Я мог заключить об этом из разговора генерала фон Подбельского с Рооном, который я невольно услышал, так как он происходил в соседнем купэ, а перегородка, которая нас разделяла, не доходила до верха. Первый громко выразил свое удовлетворение, сказав, примерно, следующее: «На сей раз, таким образом, приняты меры, чтобы у нас подобные вещи не повторялись». До отхода поезда я услышал достаточно, чтобы понять, чему именно противопоставлял генерал «сей раз»: он имел в виду мое участие в военных совещаниях во время богемской кампании и в особенности перемену в направлении марша на Пресбург вместо Вены.

Договоренность, о которой я мог судить на основании этих разговоров, стала для меня вскоре практически ощутимой: меня не только не приглашали, в отличие от 1866 г., на военные совещания, но, как правило, держали от меня в тайне все военные мероприятия и планы. Такое положение вещей, создавшееся в результате присущего нашим официальным кругам ведомственного соперничества, наносило столь очевидный вред

делу, что пребывавший по делам Красного креста в главной квартире граф Эбергард Штольберг ввиду дружеской близости, которая связывала меня с этим, к сожалению, преждевременно скончавшимся, патриотом, обратил внимание короля на недопустимость отстранения его ответственного политического советника от участия в совещаниях. По свидетельству графа, его величество ответил на это: «Он во время богемской кампании обычно привлекался [к участию] в военном совете и при этом случалось, вопреки большинству, попадал в самую точку; неудивительно, что это другим генералам досадно и что они стремятся обсуждать дела своего ведомства одни»; ipsissima verba regis [что это — подлинные слова короля] граф Штольберг подтвердил не только мне, но и ряду других лиц. Влияние, предоставленное мне королем в 1866 г., шло во всяком случае вразрез с военными традициями, поскольку министра-президента расценивали лишь по присвоенному ему в походе мундиру штабс-офицера кавалерийского полка. Так, в 1870 г. я и остался под бойкотом, как сказали бы теперь, со стороны военных.

Если теорию, которую применял по отношению ко мне генеральный штаб и которую считают нужным включить в военную науку, можно свести к тому, что министр иностранных дел вновь получает слово *только* тогда, когда *военное* командование найдет своевременным закрыть храм Януса[1], то ведь уже в самой двуликости Януса заключается предупреждение правительству воюющего государства — обращать свои взоры не только на поле брани, но и в другом направлении. Задача военного командования — уничтожение неприятельских вооруженных сил; цель войны — добиться мира на условиях, соответствующих политике, которую преследует данное государство. Определение и ограничение целей, которые должны быть достигнуты войной, и соответствующие советы монарху — все это является и остается во время войны, как и до нее, политической задачей, то или другое решение которой не может не влиять на способ ведения войны. Пути и средства всегда будут зависеть от того, чего хотят добиться: того ли результата, которого в конце концов достигают, чего-то большего или меньшего, собираются ли требовать аннексий или отказаться от них, думают ли о залогах и на какой срок.

Еще большее значение в том же отношении имеет вопрос, склонны ли *третьи державы* — и из каких мотивов — притти на помощь противнику сперва дипломатическими, а затем, быть может, и военными средствами, какие виды у сторонников подобного вмешательства на достижение своей цели при иностранных дворах, как сгруппируются стороны, если дело дойдет до конференций или конгресса, нет ли опасности, что вмешательство нейтральных держав поведет к новым войнам. Для того чтобы

судить, когда именно наступает момент, наиболее благоприятный для начала мирных переговоров, требуется такое знание европейского положения, которое для военных кругов вовсе не обязательно, такая осведомленность, которая им недоступна. Переговоры в Никольсбурге в 1866 г. доказывают, что вопрос о войне и мире подлежит и в военное время компетенции ответственного министра, руководящего политикой, и не может быть решен техническим руководством армии. Компетентный же министр может подать королю авторитетный совет только в том случае, когда ему известны положение дел и планы военного командования в каждый данный момент.

В пятой главе уже упоминалось о плане расчленения России, который лелеяла партия «Еженедельника» и который с чисто детской наивностью изложен был Бунзеном в докладной записке, представленной им министру Мантейфелю[2]. Если даже допустить нечто по тем временам невозможное и представить себе, что короля удалось бы привлечь на сторону этой утопии, если допустить, далее, что прусские войска вместе с их вероятными союзниками победоносно продвигались бы вперед, то и тогда со всей настойчивостью встал бы целый ряд вопросов, а именно: желательно ли для нас завоевание добавочных, польских территорий и польского населения, необходимо ли отодвинуть дальше на восток, дальше от Берлина, выступающую вперед границу конгрессовой Польши[3], исходную позицию русских войск, подобно тому как нужно было устранить нажим на Южную Германию со стороны Страсбурга и Вейсенбургской линии; не хуже ли было бы для нас, если бы Варшава оказалась в руках поляков, а не русских. Все это чисто политические вопросы и вряд ли кто-либо станет отрицать, что то или другое их решение не может не претендовать на полноправное влияние при определении направления, характера и объема военных операций, и поэтому в отношении советов, которые получает монарх, необходимо взаимодействие дипломатии и стратегии.

Хотя я и подчинился в Версале тому, что к решению военных вопросов меня не привлекали, тем не менее на мне, как на руководящем министре, лежала ответственность за правильное политическое использование как военной, так и внешнеполитической ситуации, и я являлся по конституции ответственным советником короля в вопросе о том, вызываются ли военным положением те или другие дипломатические шаги и не следует ли отклонить то или иное предложение прочих держав. Сведения о военном положении, которые были мне необходимы для суждения о политической ситуации, я, по мере возможности, старался получать, поддерживая доверительные отношения с некоторыми бывшими не у дел титулованными господами, которые составляли своего рода «надстройку» над главной кварти-

рой и собирались в Hotel des Reservoirs[4]; эти князья узнавали о военных событиях и планах несравненно больше ответственного министра иностранных дел и делали мне порой весьма ценные для меня сообщения, предполагая, что последние, само собой разумеется, не являлись для меня секретом. Английский корреспондент при главной квартире Россель был обычно также лучше меня осведомлен о тамошних намерениях и делах и являлся полезным для меня источником информации.

II

В военном совете только Роон защищал мой взгляд, что нам следует спешить с окончанием войны, если мы не хотим допустить вмешательства нейтральных держав и созыва ими конгресса. Он отстаивал необходимость решительного наступления на Париж с использованием тяжелой артиллерии, вопреки системе измора, которую в высоких дамских сферах считали более гуманной. Сколько на это потребуется времени, нельзя было предвидеть при нашем незнании того, в каком состоянии было продовольственное снабжение Парижа*. Осаждающие не только не подвигались вперед, но подчас даже отступали; нельзя было с уверенностью предсказать, как пойдут дела в провинции, в особенности пока не было сведений о том, где находится южная армия и армия Бурбаки. Некоторое время не знали, действует ли армия Бурбаки против нашей коммуникационной линии с Германией или же — не появится ли в низовьях Сены, прибыв туда морским путем. Ежемесячно мы теряли под Парижем около двух тысяч человек, не отвоевывали у осажденных территории и нерасчетливо затягивали тот период, в течение которого наши войска подвергались любым превратностям судьбы как в случае непредвиденных неудач на поле битвы, так и в случае появления эпидемий, вроде холеры, разразившейся в 1866 г. под Веной. Меня оттяжка решительных действий тревожила больше всего с политической точки зрения, так как я опасался вмешательства нейтральных держав. Чем дольше длилась война, тем сильнее приходилось считаться с возможностью, как бы одна из прочих держав под влиянием затаенного нерасположения и неустойчивых симпатий не склонилась к тому, чтобы проявить инициативу дипломатического вмешательства, и как бы это не привело к присоединению к ней некоторых или даже всех остальных держав. Хотя во время октябрьского турнэ господина Тьера «Европы найти не удалось»[5], тем не менее достаточно было ничтожнейшего толчка, чтобы вызвать от-

* 22 сентября Мольтке писал своему брату Адольфу, что он надеется охотиться в конце октября на зайцев в Крезо [*Moltke,* Gesammelte Schriften, Bd. IV, 198).

крытие этой потенции при любом из нейтральных дворов, а на почве республиканских симпатий — даже и в Америке, — толчка, который один кабинет дал бы другому, исходя в своей инициативе из зондирующих вопросов о будущности европейского равновесия или из филантропического ханжества, ограждавшего крепость Парижа от серьезной осады. Если бы в условиях менявшихся под Парижем перспектив, на протяжении месяцев, отмеченных формулой: «Под Парижем без перемен»[6], враждебным элементам и недоброжелательным нечестным друзьям, недостатка в которых не ощущалось ни при одном из дворов, удалось достигнуть соглашения между остальными державами или хотя бы между двумя из них и сделать нам предостережение или предложить вопрос, внушенный якобы человеколюбием, то никто не мог предвидеть, как скоро подобный почин развился бы в общую, на первых порах дипломатическую, позицию нейтральных держав. Национал-либеральные парламентарии писали друг другу в августе 1870 г., «что всякое постороннее мирное посредничество должно быть безусловно отклонено», но не поставили меня в известность, как избежать этого, если не путем быстрого захвата Парижа.

Граф Бейст сам озаботился тем, чтобы доказать, как «честно, хотя и безуспешно», пытался он добиться «коллективного посредничества нейтральных держав»*. Он напоминает, что уже 28 сентября он дал инструкцию австрийскому послу в Лондоне, а 12 октября австрийскому послу в Петербурге отстаивать мысль, что лишь коллективный демарш может рассчитывать на успех; два месяца спустя он просил передать князю Горчакову: «Le moment d'intervenir est peut-etre venu» [«Момент для вмешательства, быть может, наступил»]. Он воспроизводит депешу, направленную 13 октября, в самый критический для нас момент — за две недели до капитуляции Меца[7], графу Вимпфену в Берлин и оглашенную им там**. В этой депеше он ссылается на мой меморандум, которым я еще в начале октября обращал внимание на последствия, какие должно было повлечь за собой сопротивление Парижа с его двухмиллионным населением, продолженное вплоть до истощения запасов продовольствия, и совершенно правильно указывает, что моей целью было снять ответственность за это с прусского правительства.

«Исходя из этой предпосылки, — продолжает он, — я не могу скрыть чувства испытываемой мною тревоги, что со временем часть ответственности перед судом истории пала бы на нейтральные державы, если бы они с безмолвным равноду-

* «Aus drei Viertel-Jahrhunderten, Stuttgart 1887, Theil II, S. 361, 395 ff.

** Бросается в глаза, что граф Вимпфен счел нужным *огласить* эту инструкцию; в ней указывалось только, что в одном определенном случае ему надлежит высказаться в соответствии с инструкцией.

шием позволили создавать на их глазах угрозу неслыханного бедствия. Я вынужден поэтому просить ваше превосходительство в том случае, если в беседе с вами будет затронут этот вопрос, откровенно выразить наше сожаление, что при таком положении, когда королевско-прусское правительство предвидит возможность катастрофы, как следует из вышеприведенного меморандума, имеет место тем не менее самое решительное стремление отклонить какое бы то ни было мирное воздействие со стороны третьих держав... Не попечение о собственных интересах заставляет правительство Австро-Венгрии сетовать, что в столь серьезный момент совершенно отсутствует влияние нейтральных держав в пользу мира. Но оно не может, однако, таким же образом, как это недавно сделал санкт-петербургский кабинет, одобрить и рекомендовать полнейшее воздержание непричастной Европы. Оно, напротив, считает своим долгом заявить, что оно еще верит в общие европейские интересы и предпочло бы мир, заключенный с помощью беспристрастного воздействия нейтральных держав, истреблению дальнейших сотен тысяч людей)).

Относительно того, каково было бы это «беспристрастное посредничество», граф Бейст не оставляет ни малейшего сомнения: «mitiger les exigences du vainqueur, adoucir ramertume des sentiments qui doivent accabler le vaincu» [«умерить требования победителя, облегчить горечь чувств, которые должны удручать побежденного»][8]. Едва ли такой прекрасный знаток французской истории и французского национального характера, как граф Бейст, действительно верил, что французы испытывали бы теперь по отношению к нам меньшую горечь в результате понесенного ими поражения, если бы нейтральные державы заставили нас довольствоваться меньшим.

Вмешательство могло иметь лишь ту тенденцию, чтобы при посредстве конгресса урезать плоды нашей, немцев, победы. Эта опасность, не дававшая мне покоя ни днем, ни ночью, возбудила во мне стремление ускорить заключение мира, чтобы избежать при этом вмешательства нейтральных [держав]. До овладения Парижем это было бы неосуществимо, что нетрудно было предвидеть, учитывая традиционную преобладающую роль столицы во Франции. Пока Париж держался, до тех пор не приходилось рассчитывать и на то, чтобы руководящие круги в Туре и Бордо[9], а также в провинции расстались с надеждой на перелом, которого ждали то от новых levees en masse [массовых ополчений], проявивших себя в битве при Лизене[10], то от конечного успеха «поисков Европы», то от туманного сияния, окружавшего в германском, в частности женском, сознании при больших дворах английские — западноевропейские — крылатые слова «гуманность, цивилизация», — до тех пор было возможно, что иностранные дворы, черпавшие свою

информацию преимущественно из французских, а не из немецких сообщений, окажут содействие французам при заключении мира. Моя задача сводилась поэтому, главным образом, к тому, чтобы подписать договор с Францией раньше, чем нейтральные державы пришли бы к соглашению относительно своего влияния на заключение мира, подобно тому как в 1866 г. нам нужно было заключить мир с Австрией до того, как сказалось бы французское вмешательство в Южной Германии.

Трудно было сказать определенно, к каким решениям пришли бы в Вене и во Флоренции[11], если бы при Верте, Спихерне, Мар-ла-Туре[12] успех оказался на стороне французов или если бы мы одержали не столь блестящие победы. Когда шли перечисленные сражения, меня посещало множество итальянских республиканцев, убежденных в том, что король Виктор-Эммануил намерен был помочь императору Наполеону, и склонных бороться с этой тенденцией из опасения, как бы осуществление приписывавшихся королю намерений не привело к усилению обидной для их национального чувства зависимости Италии от Франции. Уже в 1868 и 1869 гг. мне приходилось выслушивать от итальянцев, принадлежавших не только к республиканскому лагерю, подобные же антифранцузские суждения, резко обнаруживавшие недовольство итальянцев французской супрематией над Италией. И тогда и впоследствии в Гомбурге (Пфальц), во время наступления наших войск на Францию, я отвечал этим итальянцам: до сих пор у нас нет никаких доказательств в пользу того, что итальянский король во имя дружбы с Наполеоном нападет на Пруссию; я поступил бы против своей политической совести, если бы взял на себя инициативу разрыва, которая послужила бы для Италии предлогом и основанием относиться к нам враждебно. Если бы разрыв произошел по инициативе Виктора-Эммануила, то республиканские тенденции тех итальянцев, которые не одобрили бы подобной политики, не помешали бы мне посоветовать королю, моему государю, поддержать недовольных в Италии деньгами и оружием, которые они пожелали бы получить.

Я находил войну и такой, какой она была, слишком серьезной и опасной, чтобы в борьбе, в которой на карту была поставлена не только наша национальная будущность, но и наше государственное существование, считать себя вправе отказываться от какой бы то ни было помощи при сомнительном обороте дел. Подобно тому как в 1866 г., после вмешательства Наполеона, в результате его телеграммы от 4 июля я не отступил перед помощью со стороны венгерского восстания, точно так же я счел бы приемлемой и помощь итальянских республиканцев, если бы дело шло о предупреждении поражения или о защите нашей национальной независимости. Поползновения итальянского короля и графа Бейста, заглохшие в результате наших первых

блестящих побед, могли, при застойном положении под Парижем, возродиться вновь с тем большей легкостью, что в руководящих кругах столь важного фактора, как Англия, мы не располагали сколько-нибудь надежными симпатиями, в частности такими, которые обнаруживали бы готовность проявиться дипломатически.

В России личные чувства императора Александра II, не только его дружеское расположение к своему дяде[13], но и антипатия к Франции, служили нам известной гарантией, значение которой могло быть подорвано французистым (franzosirende) тщеславием князя Горчакова и его соперничеством со мной. Было поэтому большой удачей, что тогдашняя ситуация дала нам возможность оказать России услугу в отношении Черного моря. Подобно тому как недовольство русского двора упразднением ганноверского престола[14], вызванное родственными связями королевы Марии, смягчено было территориальными и финансовыми уступками, сделанными в 1866 г. ольденбургским родственникам русской династии[15], так и в 1870 г. представилась возможность оказать услугу не только династии, но и Российской империи на почве политически неразумных и поэтому на длительный срок невозможных постановлений, которые ограничивали Российскую империю в отношении независимости принадлежащего ей побережья Черного моря. Это были самые неудачные постановления Парижского трактата[16]: стомиллионному народу нельзя надолго запретить осуществлять естественные права суверенитета над принадлежащим ему побережьем. Длительный сервитут[17] такого рода, какой был предоставлен иностранным государствам на территории России, являлся для великой державы невыносимым унижением. Для нас же это было средством развивать наши отношения с Россией.

Князь Горчаков лишь неохотно отозвался на мою инициативу, когда я стал зондировать его в этом направлении. Его личное недоброжелательство было сильнее сознания его долга перед Россией. Он не хотел от нас никаких одолжений и добивался отчуждения от Германии и благодарности со стороны Франции. Мне пришлось обратиться к содействию честного и всегда доброжелательного к нам тогдашнего русского военного уполномоченного, графа Кутузова, чтобы мое предложение возымело действие в Петербурге. С моей стороны едва ли будет несправедливостью по отношению к князю Горчакову, если я скажу, основываясь на наших с ним отношениях, продолжавшихся несколько десятков лет, что его личное соперничество со мной имело в его глазах большее значение, нежели интересы России: его тщеславие и его зависть по отношению ко мне были сильнее его патриотизма.

Для болезненного тщеславия Горчакова характерны отдельные замечания в беседах со мной во время его пребывания в Бер-

лине в мае 1876 г. Говоря о своем утомлении и о желании выйти в отставку, он сказал: Je ne puis cependant me presenter devant Saint-Pierre au ciel sans avoir preside la moindre chose en Europe» [«Между тем я не могу явиться к святому Петру на небеса, не попредседательствовав хотя бы по ничтожнейшему поводу в Европе»].

Я просил его вследствие этого председательствовать на происходившей тогда конференции дипломатов, которая имела, однако, лишь официозный характер, на что он пошел. На досуге, при слушании его длинной председательской речи, я написал карандашом: pompous [напыщенный], pompo, pomp, pom, po. Мой сосед, лорд Одо Россель, выхватил у меня этот листок и сохранил его.

Сделанное тогда же другое заявление гласило: «Si je me retire, je ne veux pas m'eteindre comme une lampe qui file, je veux me coucher comme un astre» [«Если я выйду в отставку, я не хочу угаснуть, как лампа, которая меркнет, я хочу закатиться, как светило»]. Учитывая эти высказывания, неудивительно, что его не удовлетворила его последняя роль на Берлинском конгрессе 1878 г., на который император назначил главным уполномоченным не его, а графа Шувалова, так что лишь последний, а не Горчаков, располагал голосом России.

Горчаков некоторым образом вынудил у императора согласие на свое назначение членом конгресса, что удалось ему благодаря той традиционной деликатности, с какой обращаются в России с заслуженными государственными деятелями высших рангов. Еще на конгрессе он пытался по возможности предохранить свою популярность в духе «Московских ведомостей»[18] против того, чтобы на ней отразились сделанные русскими уступки, и не участвовал под предлогом недомогания в тех заседаниях конгресса, когда они стояли на очереди, заботясь одновременно о том, чтобы его видели у окна нижнего этажа его квартиры на Унтер-ден-Линден. Он хотел сохранить возможность уверять в будущем русское «общество», что он не виновен в русских уступках: недостойный эгоизм за счет своей страны.

Кроме того, заключенный Россией мир и после конгресса оставался одним из самых выгодных, если го самым выгодным из когда-либо заключенных ею после войн с Турцией. Непосредственные завоевания России были в Малой Азии: Батум, Каре и т. д. Но если Россия действительно считала себя заинтересованной в освобождении балканских государств греческого вероисповедания из-под турецкого господства, то и в этом отношении результатом был крупный шаг вперед греческо-христианского элемента и в еще большей мере — значительное ослабление турецкого господства. Между первоначальными,

игнатьевскими, условиями Сан-Стефанского мира[19] и результатами конгресса разница в политическом отношении не имела значения, что доказала легкость отпадения южной Болгарии и присоединения ее к северной. Но если бы это и не произошло, общие достижения России после войны даже и в результате решений конгресса остались более блестящими, чем прежние.

Во время Берлинского конгресса нельзя было предвидеть того развития, в итоге которого оказалось, что, жалуя Болгарию племяннику тогдашней русской императрицы, принцу Баттенбергскому, Россия отдает ее в ненадежные руки. Принц Баттенбергский был русским кандидатом для Болгарии, и при его близком родстве с императорским домом можно было предполагать, что отношения эти будут длительными и прочными. Император Александр III объяснял отпадение своего кузена попросту его польским происхождением; «польская мать» [«Polskaja mat»][20] — было его первым возгласом, когда он разочаровался в поведении своего кузена.

Возмущение России результатами Берлинского конгресса было одним из тех явлений, которые оказывались возможными наперекор истине и разуму в условиях, когда пресса в отношении внешнеполитическом так мало понятна народу, как русская, и когда на нее с такой легкостью производят давление. Влияние, которым пользовался в России Горчаков, подстрекаемый злобой и завистью к своему бывшему коллеге, германскому имперскому канцлеру, и поддерживаемый своими французскими единомышленниками и их французскими свойственниками (Ванновский, Обручев), было достаточно сильным, чтобы инсценировать в прессе во главе с «Московскими ведомостями» видимость возмущения ущербом, нанесенным, будто бы, России на Берлинском конгрессе неверностью Германии. На самом деле на Берлинском конгрессе не было высказано ни одного русского пожелания, принятия которого не добилась бы Германия, иногда даже путем энергичных шагов (Auftreten) перед английским премьер-министром[21], несмотря на то, что он хворал и лежал в постели. Вместо того чтобы быть за это признательными, нашли соответствующим русской политике продолжать, под руководством пресыщенного жизнью, но все еще болезненно тщеславного князя Горчакова и московских газет, работать над дальнейшим взаимным отчуждением России и Германии, в чем нет надобности в интересах как одной, так и другой из великих соседних империй. Мы ни в чем не завидуем друг другу и нам нечего приобретать друг у друга, что могло бы нам пригодиться. Для наших взаимоотношений опасны лишь личные настроения, какими были горчаковские и какими являются настроения высокопоставленных военных, породнившихся путем браков с французами, или, наконец, нелады между монархами, подобные тем, какие были вызваны

уже перед Семилетней войной саркастическими замечаниями Фридриха Великого по адресу русской императрицы [22]. Поэтому личные взаимоотношения между монархами обеих стран имеют большое значение для мира между двумя соседними империями, поводом к нарушению которого могли бы оказаться лишь личные чувства влиятельных государственных деятелей, но отнюдь не расхождение интересов.

Подчиненные Горчакова по министерству говорили о нем: «И se mire dans son encrier» [«Он любуется собою, смотрясь в чернильницу»], — совсем, как Беттина [фон Арним] говорила о своем шурине, знаменитом Савиньи: «Он не может перешагнуть канавы, не полюбовавшись своим отражением». Большая часть горчаковских депеш, и притом самые содержательные, писаны не им самим, а Жомини, весьма искусным редактором, сыном швейцарского генерала, принятого императором Александром на русскую службу. Когда диктовал Горчаков, то в депешах было больше риторического подъема, но более деловой характер носили депеши, написанные Жомини. Когда Горчаков диктовал, он любил принимать определенную позу, произнося в виде вступления: «ecrivez» [«пишите»], и если секретарь [Schreiber] понимал, что от него требуют, он непременно бросал при особенно закругленных периодах восхищенные взгляды на своего шефа, который был к этому весьма чувствителен. Горчаков владел с одинаковым совершенством русским, немецким и французским языками.

Граф Кутузов был честным солдатом, которому было чуждо личное тщеславие. Первоначально он благодаря знатности своего имени был в Петербурге на виду в качестве офицера кавалергарда, но не снискал благоволения императора Николая; когда последний, как передавали мне в Петербурге, крикнул однажды перед фронтом: «Кутузов, ты не умеешь сидеть на коне, я переведу тебя в пехоту», Кутузов вышел в отставку и вновь вступил на службу лишь в Крымскую войну, получив какую-то незначительную должность. При Александре II он остался в армии и был, наконец, назначен военным уполномоченным (Militarbevollmachtiger) в Берлине, где приобрел своей прямотой и простотой немало друзей. Во время французской войны он сопровождал нас в качестве русского флигель-адъютанта прусского короля и, быть может, под влиянием несправедливой оценки его кавалерийских способностей императором Николаем, проделал верхом, верст по 50 по 70 вдень, все этапы похода, которые король и его свита проехали в экипажах. Для его простоты и для тона, установившегося на охотах в Вустергаузене[23], характерно, что Кутузов рассказывал как-то в присутствии короля о том, что его предки происходят из прусской части Литвы (Preussisch-Lithauen) и прибыли в Россию под именем Куту, на что граф Фриц Эйленбург,

со свойственным ему остроумием, заметил: «Окончание «Soff» [пьянство] вы присвоили себе значит лишь в России»,— всеобщая веселость, к которой искренне присоединился Кутузов.

Собственноручная регулярная переписка великого герцога саксонского[24] с императором Александром представляла собой наряду с добросовестными донесениями этого старого солдата еще одну возможность доставлять непосредственно царю нефальсифицированную информацию. Великий герцог, который всегда относился и продолжает относиться ко мне благосклонно, отстаивал в Петербурге хорошие отношения между обоими кабинетами.

Возможность европейского вмешательства была для меня источником тревоги и нетерпения в связи с затягивавшейся осадой. При таких ситуациях, какой была наша под Парижем[25], ни самое лучшее руководство, ни величайшая отвага не исключают превратностей войны; они могут быть вызваны всякого рода случайностями, а для таких случайностей наша позиция между количественно достаточно сильной армией осажденных и провинциальными вооруженными силами, численность и местонахождение которых с трудом поддавались контролю, предоставляла широкие возможности, даже если бы наши войска под Парижем, на западе, севере и востоке Франции были ограждены от эпидемий. Не было никакой возможности предусмотреть, как отразятся на состоянии здоровья германских войск тяготы этой необычайно суровой зимы. При таких обстоятельствах мой страх был не преувеличенным, когда бессонными ночами меня терзала забота, как бы после столь крупных успехов наши политические интересы не потерпели бы серьезного ущерба в результате нерешительности и оттяжки дальнейших действий против Парижа. На карту поставлен был всемирно-исторический исход вековой борьбы между двумя соседними народами, и грозила опасность, что она будет извращена исторически неоправданными личными, преимущественно женскими, влияниями, которые зиждятся не на политических аргументах, а на эмоциональных впечатлениях, все еще порождаемых в душах немцев импортируемыми к нам из Англии фразами о гуманности и цивилизации; ведь и во время Крымской войны из Англии исходила проповедь, остававшаяся не без влияния на настроения, согласно которой ради «спасения цивилизации» мы обязаны были взяться за оружие в пользу Турции. Решающие вопросы можно было при желании трактовать как чисто военные и использовать это как предлог, чтобы отказать мне в праве участвовать в их разрешении; они были, однако, таковы, что от их решения зависели в конечном счете дипломатические возможности, и если бы завершение французской войны оказалось несколько менее благоприятным для

Германии, то и эта грандиозная война, со всеми ее победами и энтузиазмом, не оказала бы того воздействия на наше национальное объединение, какого она могла достичь. Я никогда не сомневался, что восстановлению Германской империи должна предшествовать победа над Францией[26], и если бы нам не удалось на этот раз полностью завершить ее, то нам угрожали бы дальнейшие войны, прежде нежели было бы обеспечено наше полное единение.

III

Едва ли можно допустить, чтобы прочие генералы с *чисто военной точки зрения* могли быть иного, нежели Роон, мнения; наша позиция между численно превосходившей нас окруженной армией и французскими вооруженными силами в провинциях была стратегически угрожаемой, и трудно было рассчитывать удержать ее, не воспользовавшись ею как базой для дальнейших наступательных действий. Стремление положить этому конец было в военных кругах Версаля[27] не менее сильно, чем тревога, вызванная на родине затянувшейся осадой. Не надо было даже принимать в расчет вероятность появления болезней и непредвиденного оборота событий в результате возможной неудачи или допущенной ошибки, чтобы непроизвольно притти к тревожившим меня заключениям и поставить перед собой вопрос: не поблекнет ли на фоне кажущегося бездействия и [нашей мнимой] слабости под Парижем наша репутация и то впечатление, какое мы произвели в политическом отношении на нейтральные дворы нашими первыми быстро одержанными и крупными победами, и сохранится ли то воодушевление, в огне которого надлежало выковать прочное единство.

Сражения в провинциях под Орлеаном и Дижоном[28] закончились нашей победой, благодаря героической доблести, проявленной нашими войсками в той мере, в какой она не всегда может быть положена в основу стратегических расчетов. При одной мысли, что какая-нибудь случайность могла бы парализовать тот подъем духа, благодаря которому наши численно более слабые войска, вопреки снегу, морозу и недостатку продовольствия и боевых припасов, одержали победу над количественно превосходившими их силами французов, любой полководец, оперирующий не одними только оптимистическими предположениями, должен был бы притти к убеждению, что нам надлежит приложить все усилия, чтобы как можно скорее положить конец нашему рискованному положению, всемерно форсируя наступление на Париж.

Но чтобы активизировать наступление, нам недоставало соответствующего приказа и тяжелой осадной артиллерии, так же как в июле 1866 г. перед Флоридсдорфскими линиями. Доставка

орудий не поспевала за успехами наших войск; наши железнодорожные средства оказались недостаточными, чтобы справиться с этой задачей на поврежденных участках и на тупиках, как например в Ланьи[29].

При помощи находившегося в нашем распоряжении железнодорожного парка можно было, во всяком случае, гораздо быстрее, чем это фактически делалось, перебросить тяжелые орудия и необходимое количество тяжелых снарядов, без которых нельзя было приступить к бомбардировке. Но, как сообщили мне чиновники, до 1 500 осей были отданы под продовольственные грузы для парижан, чтобы быстро помочь им, как только они сдадутся, и эти 1 500 осей не могли быть поэтому употреблены для перевозки снаряжения. От погруженного на них сала парижане впоследствии отказались, и после моего отъезда из Франции, в результате предложенного генералом фон Шторхом его величеству в Ферриере изменения нашего договора о снабжении германских войск, оно было передано армии, которая с отвращением потребляла этот залежавшийся продукт.

Так как к бомбардировке нельзя было приступить до того, как имелось бы под рукой достаточное количество снарядов для ее эффективного и непрерывного осуществления, то, за недостатком подвижного состава, потребовалось большое число гужевых упряжек и соответственно — миллионные расходы. Мне непонятно, как можно было сомневаться, располагали ли мы этими миллионами, раз дело касалось военных нужд. Мне казалось большим шагом вперед, когда Роон, будучи уже недавно изнуренным и переутомленным, сообщил мне однажды, что теперь на него взвалили ответственность, запросив, готов ли он в недалеком будущем доставить артиллерию; он сомневается в возможности этого. Я просил его тотчас же принять возложенное на него поручение и выразил готовность перевести любую потребную на это сумму в союзную казну[30], если он собирается закупить и использовать для доставки артиллерии примерно 4 000 лошадей, которые были, по его словам, нужны для этого. Роон дал соответствующее распоряжение, и обстрел Мон-Аврона[31], которого ждали в нашем лагере с таким мучительным нетерпением и который так горячо приветствовали, был результатом перелома, которым [мы] в основном обязаны Роону. С величайшей готовностью помогал ему в деле доставки и использования орудий принц Крафт Гогенлоэ.

Если спросить, что могло побудить прочих генералов оспаривать точку зрения Роона, то трудно будет обнаружить деловые мотивы проволочек с осуществленными к концу года мероприятиями[32]. Как с военной, так и с политической точки зрения медлительность кажется бессмысленной и опасной, а что

причины этого крылись не в нерешительности нашего командования, можно заключить из быстрого и решительного ведения войны вплоть до Парижа. Представление, что Париж, хотя он и был укреплен и являлся сильнейшим оплотом противника, нельзя, подобно всякой другой крепости, подвергать нападению, пришло в наш лагерь из Англии кружным путем через Берлин вместе с фразой о «Мекке цивилизации»[33] и прочими обычными для лицемерного жаргона английского общественного мнения и пользующимися успехом оборотами, выражающими гуманные чувства, проявления которых Англия ожидает от всех других держав, но которые она не всегда обнаруживает в отношении своих противников. Из Лондона нашим руководящим сферам внушалась мысль, что Париж должен быть доведен до капитуляции не пушками, а голодом. Является ли такой путь более человечным, об этом можно спорить, равно как и о том, разразились ли бы ужасы Коммуны, если бы голод не разнуздал предварительно дикой анархии. Пусть остается открытым, действительно ли при английском воздействии в пользу гуманности измора играла роль одна лишь чувствительность, а не также и политический расчет. У Англии не было никакой практической надобности ни в экономическом, ни в политическом отношении оберегать как нас, так и Францию от ущерба и ослабления в результате войны. Во всяком случае, проволочка в деле овладения Парижем и окончания военных действий увеличивала для нас опасность, что плоды наших побед могут быть нам отравлены. Судя по доверительным сведениям из Берлина, заминка в наших операциях вызывала в компетентных кругах тревогу и недовольство, и королеве Августе приписывали влияние на своего коронованного супруга путем писем в духе гуманности[34]. Когда я намекнул королю на подобного рода известия, это вызвало с его стороны бурный взрыв гнева не в том смысле, что эти слухи неосновательны, а в форме резкой угрозы всякому, кто обнаружит подобное недовольство королевой.

Инициатива каких-либо перемен в ведении войны исходила обычно не от короля, а от генерального штаба или верховного главнокомандующего кронпринца. Что эти круги были доступны английским влияниям, если они облекались в дружественную форму с человеческой точки зрения, понятно: кронпринцесса, покойная жена Мольтке, жена начальника генерального штаба, впоследствии фельдмаршала Блюменталя, и жена наиболее влиятельного после него офицера генерального штаба фон Готберга были все англичанками.

Причины оттяжки наступления на Париж, о которых посвященные в них хранили молчание, сделались предметом публицистического обсуждения благодаря опубликованию в 1891г. в «Deutsche Revue» документов из архива графа Роона. Во всех рассуждениях, появившихся в опровержение изло-

женного Рооном, обходится [вопрос] о берлинском и английском влиянии, равно и тот факт, что 800, по другим сведениям— 1 500 осей неделями стояли с продовольствием для парижан; всюду, за исключением одной анонимной газетной статьи, обходится также вопрос, позаботилось ли своевременно военное командование о доставке осадных орудий. Я не нашел никаких оснований изменить что-либо в моих помещенных выше заметках, написанных до появления соответствующих номеров «Deutsche Revue».

IV

Принятие императорского титула королем при расширении Северогерманского союза было политической потребностью, ибо титул этот в воспоминаниях из времен, когда юридически он значил больше, фактически — меньше[35], нежели теперь, составлял элемент, взывавший к единству и централизации; я был убежден, что скрепляющее давление на наши правовые институты должно быть тем более длительным, чем сильнее прусский носитель этого давления избегал бы опасного, но присущего германскому прошлому стремления подчеркивать на глазах у других династий превосходство своей собственной. Королю Вильгельму не чужда была подобная склонность, и его сопротивление принятию титула императора стояло в некоторой связи с потребностью добиться признания превосходства именно своей родовой прусской короны в большей мере, нежели императорского титула. Императорская корона представлялась ему в свете современной должности-поручения, авторитет которой оспаривался еще Фридрихом Великим и угнетал Великого курфюрста[36]. При одном из первых обсуждений он сказал: «На что мне более высокий ранг?» — на что я ему между прочим возразил: «Ведь вы, ваше величество, не хотите же вечно оставаться средним родом «das Praesidium» [президиумом; здесь — в смысле первенства]. В выражении «Praesidium» заложена абстракция, между тем в слове «император»— большая центробежная сила».

И у кронпринца я вначале при благоприятном для нас ходе войны не всегда встречал положительный отклик на мое стремление восстановить императорский титул, которое вытекало отнюдь не из прусско-династического тщеславия, а лишь из веры в его полезность для содействия национальному единству. Его королевское высочество заимствовал у одного из политических фантазеров, которых он охотно слушал, мысль о том, будто наследство вновь пробужденной Карлом Великим «римской» империи (Kaisertums) было несчастьем Германии — чуждую, нездоровую для нации мысль. Как бы доказательно это ни было исторически, столь же непрактична была та гарантия

против подобных опасностей, которую советники принца[37] видели в титуле «король» германцев [der Deutschen]. В настоящее время не угрожало никакой опасности, что титул императора, который живет лишь в памяти народа, способствовал бы тому, чтобы силы Германии оказались чуждыми собственным интересам и стали бы служить трансальпийскому[38] честолюбию — вплоть до Апулии[39].

Пожелание принца, которое он высказал мне, вытекало из ошибочного представления, но было, по сложившемуся у меня впечатлению, вполне серьезным и деловым, и от меня ждали, чтобы было приступлено к его осуществлению. Мое возражение относительно сосуществования в таком случае королей Баварии, Саксонии, Вюртемберга с намеченным королем в Германии или королем германцев привело, к моему изумлению, к дальнейшему выводу, что названные династии должны перестать носить королевский титул и снова принять герцогский. Я высказал убеждение, что добровольно они не согласились бы на это[40] .Если же применить силу, то это не забылось бы на протяжении столетий и посеяло бы недоверие и ненависть[41].

В дневнике Геффкена[42] есть намек, что мы не знали нашей силы; применение этой силы в тогдашних условиях стало бы слабостью будущего Германии. Дневник, повидимому, писался не в ту пору, но дополнен позднее фразами, при помощи которых придворные карьеристы пытались сделать его содержание правдоподобным. В моем опубликованном всеподданнейшем докладе я высказал убеждение в подложности дневника и дал волю негодованию по отношению к интриганам и льстецам, которые осаждали столь доверчивую и благородную натуру, как император Фридрих. Когда я писал этот доклад, я и понятия не имел о том, что фальсификатора надо искать в лице Геффкена, ганзейского вельфа, которому его пруссофобство не мешало годами добиваться благосклонности прусского кронпринца, дабы иметь возможность успешнее вредить ему, его дому и его государству, а самому — быть в состоянии играть роль. Геффкен принадлежал к числу тех карьеристов, которые были озлоблены еще с 1866 г., ибо считали, что они и их значение не оценены по достоинству.

Кроме баварских уполномоченных, в Версале находился в качестве особо доверенного лица короля Людвига лично близкий ему, в качестве обершталмейстера[43],граф Гольштейн. В момент, когда вопрос об императорском титуле был в критической стадии и когда этому делу грозила неудача из-за молчания Баварии и нерасположения короля Вильгельма, граф, по моей просьбе, взял на себя доставить мое письмо своему государю, и я, чтобы не задерживать отправки, тут же написал его на только что прибранном обеденном столе, на плохой бумаге, отвратительными чернилами. Я развил в нем мысль, что бавар-

ская корона не сможет уступить прусскому королю права первенства (Praesidialrecht), относительно чего уже имеется официальное согласие Баварии, не вызывая недовольства баварского самосознания; король Пруссии — сосед короля Баварии, и при различии племенных отношений критика уступок, которые Бавария делает и [уже] сделала, усилится и станет еще более ощутимой на почве соперничества германских племен. Прусская власть (Autoritat), осуществляемая в границах Баварии, — это явление новое, и оно будет оскорбительным для баварского чувства, германский же император — это уже не иноплеменный сосед Баварии, а соотечественник: по моему мнению, король Людвиг мог бы достойным образом сделать уступки, уже сделанные им в пользу власти президиума (Autoritat des Praesidiums) лишь германскому императору, а не прусскому королю. К этой основной линии моей аргументации я присовокупил еще аргументы личного характера, напомнив о той исключительной благосклонности, которую баварская династия, когда она правила Бранденбургской маркой (император Людвиг[44]), оказывала более чем одному поколению моих предков. Я считал подобный argumentum ad hominem полезным по отношению к монарху такого направления, как король, но полагаю, что политическая и дипломатическая оценка различия между императорскими германскими и королевскими прусскими правами на первенство оказалась на чаше весов решающей. Через два часа, 27 ноября, граф отправился в Гогеншвангау и за четыре дня проделал путь, сопряженный с большими трудностями и частыми вынужденными остановками. Король, лежавший из-за зубной боли в постели, отказался сначала принять графа, но, узнав, что тот прибыл по моему поручению и с моим письмом, все же принял его. Затем он, лежа в постели, дважды, в присутствии графа, внимательно прочитал мое письмо, потребовал письменные принадлежности и написал послание королю Вильгельму, о котором я просил его и проект которого составил. Главный аргумент в пользу императорского титула был здесь воспроизведен в форме настойчивого намека на то, что Бавария может сделать обещанные ею, но еще не ратифицированные уступки *только* германскому императору, а не королю Пруссии[45]. Я нарочито употребил этот оборот, чтобы произвести давление на моего государя, [учитывая его] нерасположение к императорскому титулу. На седьмой день после своего отъезда, 3 декабря, граф Гольштейн вернулся в Версаль с этим посланием; в тот же день оно было официально вручено принцем Луитпольдом, нынешним регентом[46], нашему королю и явилось важным моментом на пути к удачному завершению сложных работ, перспективы которых неоднократно омрачались из-за сопротивления короля Вильгельма и отсутствия вплоть до того времени точно установленной баварской точки

зрения. Графу Гольштейну, проделавшему за неделю, без сна и отдыха, двойное путешествие и умело выполнившему свое поручение в Гогеншвангау, принадлежит крупная заслуга в деле завершения нашего национального объединения путем устранения внешних препятствий для [разрешения] вопроса об императорском [титуле].

Новое затруднение возникло при формулировании императорского титула, ибо его величество желал называться, — если уж принимать титул императора, — «императором Германии». На этой фазе переговоров меня поддержали, — каждый по-своему, — кронпринц, давно отказавшийся от своей идеи о короле германцев, и великий герцог Баденский, хотя ни один из них не противоречил открыто старому государю с его гневной антипатией к более высокому рангу. Кронпринц оказывал мне пассивную поддержку в присутствии своего державного отца и лишь кратко выражал при случае свое мнение, что, однако, не усиливало моей боевой позиции по отношению к королю, но скорее обостряло раздражение государя. Ибо король в большей мере склонен был делать уступки министру, чем своему сыну, добросовестно памятуя конституционную присягу и ответственность министра. Разногласия с сыном он воспринимал с точки зрения pater familias [главы рода].

На заключительном совещании 17 января 1871 г. король отклонил титул «германский император» (Deutscher Kaiser) и заявил, что он желает быть либо императором Германии (Kaiser von Deutschland), либо вообще не быть императором. Я подчеркнул, что форма имени прилагательного — «германский император» и форма родительного падежа — «император Германии» различны в смысле языка и времени. Говорили ведь римский император, а не император Рима; царь называет себя не императором России, а русским или «всероссийским» (wserossiski) императором. Последнее король резко оспаривал, сославшись на рапорты своего русского Калужского полка[47], всегда адресованные «prusskomu», что он неправильно переводил. Моему уверению, что это дательный падеж имени прилагательного, он не поверил и лишь потом дал себя убедить своему привычному авторитету в вопросах русского языка — гофрату Шнейдеру. Я напомнил далее, что при Фридрихе Великом и Фридрихе Вильгельме 11 на талерах появляется [надпись] «Borussorum rex» (король боруссов), а не «Borussiae rex» (король Боруссии[48]), что титул «император Германии» заключает в себе претензию на территориальный суверенитет (einen Landesherrlichen Anspruch) над непрусскими территориями (Gebiete), претензию, согласиться на которую владетельные князья не склонны; что в послании короля баварского упомянуто: «осуществление прав первенства (der Praesidialrechte) связано с обладанием титулом германского императора», наконец, что

этот же титул, по предложению Союзного совета[49], включен в новую редакцию статьи 11 конституции.

[Совещание] перешло к обсуждению [различия] между рангом императоров и королей, эрцгерцогов[50], великих князей и прусских принцев. Мое утверждение, что императорам в принципе не предоставляется преимущества (Vorrang) перед королями, встречено было с недоверием, хотя я имел возможность сослаться на следующий факт: Фридрих Вильгельм I при одной из встреч с Карлом VI, который все же занимал положение сеньера (Lebensherr) по отношению к курфюрсту Бранденбургскому, предъявил в качестве прусского короля претензию на равенство и настоял на ней, ради чего распорядились построить павильон, куда монархи одновременно вошли с противоположных сторон, чтобы встретиться на середине павильона.

Выраженное кронпринцем согласие с моими доводами еще больше рассердило старого государя, он ударил кулаком по столу и сказал: «Даже если бы это так и было, то теперь я приказываю, как должно быть. Эрцгерцоги и великие князья всегда имели преимущество (Vorrang) перед прусскими принцами, и так должно быть и впредь». С этими словами он встал, подошел к окну и повернулся спиной к сидящим за столом. Обсуждение вопроса о титуле не привело ни к какому ясному решению; все же можно было считать себя вправе назначить церемонию провозглашения императора (Kaiserproclamation), но король повелел, чтобы при этом речь шла не о «германском императоре», а об «императоре Германии».

Такое положение вещей побудило меня на следующее утро, до начала торжества в зеркальном зале[51], посетить великого герцога Баденского в качестве первого из присутствовавших князей, который, как предполагалось, возьмет слово после прочтения прокламации, и спросить его, как он думает обратиться к новому императору. Великий герцог ответил: «Как к императору Германии, по повелению его величества». Среди аргументов, которые я привел в защиту мысли, что заключительное «гох» императору не может быть провозглашено в *этой* форме, самым убедительным оказалась ссылка на тот факт, что постановлением рейхстага в Берлине будущий текст имперской конституции юридически уже предрешен. Этот довод попал в конституционный круг представлений эрцгерцога и заставил его вторично посетить короля. Содержание беседы великого герцога с королем осталось мне неизвестным, и поэтому я был в напряженном состоянии, пока зачитывалась прокламация. Великий герцог вышел из положения, провозгласив «гох» не «императору Германии» и не «германскому императору», а *императору Вильгельму*.

Его величество так на меня за это разгневался, что, сойдя с возвышения для князей, прошел, не глядя, мимо меня, хотя

я стоял один на свободном пространстве перед возвышением,— чтобы подать руку генералам, стоявшим позади меня[52]. В этом настроении он оставался несколько дней, пока постепенно взаимоотношения не вошли в прежнюю колею.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Изображение двуликого бога Януса находилось в древнем Риме в центре арки, которая вела на форум. Двери арки запирались лишь в мирное время; отсюда выражение «запереть храм Януса», т. е. прекратить войну.

2 Прусский посланник в Лондоне барон Бунзен в докладной записке, посланной им Мантейфелю в 1854 г., выдвигал требования восстановления Польши, расширения Австрии за счет России и т. д.

3 Царство Польское в границах, установленных Венским конгрессом 1815 г. и входившее в состав России, называлось конгрессовой Польшей.

4 Hotel des Reservoires — особняк в Версале.

5 Слова из депеши Бейста от 12 октября 1870 г. *(Прим. нем. изд.)*

6 «Под Парижем без перемен» — эти слова в течение продолжительного времени повторялись в официальных сообщениях с фронта *(Прим. нем. изд.).*

7 27 октября 1870 г. сдалась немцам осажденная ими в крепости Мец (в Лотарингии, на реке Мозель) французская армия во главе с маршалом Базеном (всего 173 тысячи человек). Капитуляция Меца — одно из наиболее значительных поражений французов за все время войны.

8 Из депеши графа Хотека от 12 октября, см. *Beust,* Aus drei Viertel-Jahrhunderten, S. 552. *(Прим. нем. изд.)*

9 После эвакуации французского правительства из Парижа (сентябрь 1870 г.) оно переехало в Тур, а затем с 9 декабря 1870 г. по март 1871 г. находилось в Бордо,

10 Лизена — небольшая река в восточной Франции, в бассейне реки Дуб. Здесь 15—17 января 1871 г. произошло сражение между прусскими и французскими войсками (называется также битвой при Бельфоре или при Монбельяре).

11 Флоренция была с 1865 до 1870 г. столицей Итальянского королевства.

12 Сражение при Берте (Нижний Эльзас) или Рансгофене, 6 августа 1870 г.; при Спихерне (франц. Спикран, в Лотарингии) в тот же день; при Мар-ла-Туре или Вионвилле (департамент Мерты и Мозеля) 16 августа 1870 г. — победы прусских войск в северо-восточной Франции в первый период войны.

13 Т. е. к прусскому королю Вильгельму I, который был братом матери Александра II, Александры Федоровны.

14 Ганноверское королевство было присоединено к Пруссии в результате австро-прусской войны 1866 г. Сестра королевы Марии Ганноверской, принцесса Александра, была замужем за сыном Николая I, великим князем Константином.

15 После австро-прусской войны 1866 г. сражавшийся на стороне Пруссии великий герцог Ольденбургский получил территорию голынтейнского округа Аренсбек. Родственные связи великих герцогов Ольденбургских с Романовыми восходят к браку второй дочери Петра I Анны Петровны (1708—1728) с герцогом Голынтейн-Готторпским.

16 *Парижский трактат 1856 г.* определил условия мира между Россией, с одной стороны, и Англией, Францией, Сардинией и Турцией — с другой, после окончания Восточной войны 1853—1856 гг. В числе прочих условий мира трактат объявлял Черное море нейтральным; державы, в первую очередь Россия, лишались права держать там военный флот, береговые укрепления подлежали срытию. В октябре 1870 г. русское правительство поставило в известность европейские державы о своем отказе от этой статьи Парижского трактата. Несмотря на протесты Англии, Лондонская конференция в январе — марте 1871 г. согласилась отменить соответствующую статью Парижского мира.

17 Сервитутом в международном праве называется ограничение суверенитета государства над его территорией в пользу какого-либо иного государства.

18 *«Московские ведомости»* — газета, выходившая с 1756 г. по 1917 г. В 60—80-х годах XIX в., когда во главе «Московских ведомостей» стоял М. Н. Катков, эта газета в области внешней политики резко выступала против политики сближения с Германией.

19 Мирный договор с Турцией в Сан-Стефано 3 марта 1878 г. был подписан с русской стороны графом Игнатьевым.

20 Мать Александра Баттенбергского, Юлия Гауке, происходила из польского дворянского рода.

21 Премьер-министром Англии в то время и ее представителем на Берлинском конгрессе был лорд Биконсфильд (Дизраэли).

22 Елизаветы Петровны.

23 Вустергаузен — местечко в Пруссии близ Потсдама, здесь находился охотничий замок прусских королей.

24 Великий герцог саксонский Карл-Александр (1818—1901). *(Прим. нем. изд.)*

25 Осада Парижа прусскими войсками началась 18 сентября 1870 г.; капитуляция города и заключение перемирия состоялись 29 января 1871 г.

26 *Франкфуртский мир,* закончивший франко-прусскую войну, был заключен 10 мая 1871 г. Его основными условиями были следующие: передача Германии значительной части Эльзаса и Лотарингии, уплата

Францией неслыханной по тому времени контрибуции в сумме 5 миллиардов франков. Для самой Германии основным политическим результатом войны было воссоединение ее отдельных государств в Германскую империю под главенством Пруссии.

27 Версаль был занят прусской армией 19 сентября 1870 г. и служил затем местопребыванием главной квартиры,

28 Сражение под Орлеаном 4 декабря 1870 г.; к западу от Дижона — 30 октября 1870 г.

29 Ланьи,—небольшой город на левом берегу Марны, станция железной дороги Париж — Шалон-на-Марне. Во время военных операций 1870 г. имел значение как конечный пункт единственной находившейся в руках немцев железнодорожной линии на Париж.

30 Т. е. на казначейство Северогерманского союза.

31 Монт-Аврон — высота к востоку от Парижа; 29 декабря 1870 г. после двухдневной бомбардировки была взята немцами. Обстрел Монт-Аврона означал переход к бомбардировке Парижа.

32 Ср. с последующим, также *v. Keudell,* Furst und Farstin Bismarck, S. 468 ff. и противоположную точку зрения у *v. Blume,* Die Beschiessung von Paris 1870-71 und die Ursachen ihrer Verzogerung (Берлин 1899), а также записки из дневника Блюменталя (Tagebticher des Generalfeldmarschalls Graf v. Bhimenthal 1866 und 1870-71).

Для характеристики положения можно привести следующие места из писем Бисмарка к жене в период войны 1870—1871 гг. (Штуттгарт и Берлин 1903):

«Версаль, 23 октября

Под Парижем дело, видимо, еще затянется. Я не знаю, имели ли генералы штаба другие намерения, но осадные орудия еще не прибыли и до ноября мы, пожалуй, не сделаем ни одного выстрела по валам». «Версаль 28/29 окт. (стр. 56 и след., во 2-м издании 617 стр.). Я должен сегодня дать письменное выражение моему возмущению по поводу мнения, о котором я тебе писал и которое напечатали многие газеты, будто я задерживал действие наших орудий против Парижа и таким образом несу вину за то, что война затянулась. Каждое утро в течение нескольких недель я надеялся быть разбуженным грохотом орудий; их имеется уже более 200, но они не стреляют и должны будут целиться не по Парижу, а лишь по некоторым фортам. Здесь какая-то интрига, подстроенная бабами, архиепископами и учеными; должно быть не обошлось без известных высоких влияний, заинтересованных, как бы это не отразилось на заграничных похвалах и славословиях. Здесь все жалуются на препятствия анонимного характера, один говорит, что транспорты с артиллерией задерживают на железной дороге, чтобы не допустить их прибытия, другой ругается на недостаточную предварительную подготовку, третий говорит, что еще слишком мало боевых припасов, четвертый, что вооружения незакончены, пятый, — что все уже на месте, только нет приказов стрелять. При этом люди мерзнут и заболевают, война затягивается, нейтральные державы вмешиваются в наши дела, так как им это надоело, а Франция вооружается сотнями тысяч ружей из Англии и Америки. Все это я проповедую ежедневно и после этого люди *утверждают,* будто я являюсь виной затяжки, которая может повлечь за собой смерть многих честных солдат, и совершается лишь для того, чтобы заслужить похвалу заграницы за

охрану «цивилизации». — «Версаль 16/18 нояб. (стр. 62, во 2-м изд. 621): Наши орудия все еще молчат, после того как доставили их в 3 раза больше, чем то количество, которое может быть одновременно использовано. С самого начала, т. е. 2 месяца тому назад, я стоял совсем не за осаду Парижа, а за другие методы войны; но после того, как наша большая армия была пригвождена здесь в течение 2-х месяцев, в течение которых энтузиазм у нас улетучивается и француз вооружается, осада должна быть проведена; но кажется, что 400 тяжелых пушек [бруммеров] с их 100 000 центнеров ядер намереваются оставить без движения до заключения мира, а после отправить их обратно в Берлин. При этом речь идет даже не о бомбардировке города, а только определенных фортов. Этого, быть может, совсем не знают те, влиянию которых следует приписать это промедление». — «Версаль, 22 нояб. (стр. 63, во 2-м изд. 622): Роон болен от досады на интриги, направленные против бомбардировки парижских фортов. Если когда-нибудь станет известно, почему наши добрые солдаты вынуждены так долго спать под огнем гранат и не могут наступать, это вызовет сильное раздражение, а известно это станет, потому что слишком много людей верит в это. Знает ли об этом король и терпит это или же его обманывают? Спорный вопрос. Я охотно верю последнему. Заговор, если он существует, восходит до самого генерального штаба, который, исключая доброго и умного старого Мольтке, вообще мне не нравится; царственное безумие от успеха ударило ему в корону... именем Мольтке прикрываются другие...»—«Версаль 7 дек. (стр. 65, во 2-м изд. 624): После блестящих побед на Луаре и на севере, наша большая парижская армия все время сидит смирно, как каменная», или будто ей, как Тору [бог грома у скандинавцев], «женское платье окутало колени» и мешает итти, бог его знает... Мольтке также — и конечно решительно—против наступления... Но добрый Роон с досады на нашу пассивность и на свои напрасные попытки привести нас в наступление совсем заболел...» — «Версаль 12 дек. (стр. 67, во 2-м изд. 625): Наконец, Роону поручен подвоз боевых припасов, и в течение восьми дней он надеется получить все необходимое. Если бы это случилось двумя месяцами раньше!» — «Версаль 24 дек. (стр. 70, во 2-м изд. 627): Наконец, можно рассчитывать на канонаду Парижа, будем надеяться, еще до наступления нового года. Чего не удалось добиться Роону и мне месячной работой, кажется, совершила буря, поднятая берлинскими газетами, и отклик, который она встретила в рейхстаге. Мольтке, очевидно, также переменил мнение с тех пор, как он получил анонимные стихи в газетах, которые показали, что принятая им система держать себя, будто дело совершенно его не касается, не нашла пощады у общественного мнения». — «Версаль, 1 янв. 1871 г. (стр. 72, во 2-м изд. 629): Монт-Аврон разрушен в один день и занят без потерь. Бывшие до сих пор противниками наступления, переубедились, почти кисло глядя на большие успехи артиллерии, так как каждый думает про себя: это мы смогли бы делать и 2 месяца тому назад, если бы дюжина влиятельных людей не препятствовала этому по различным причинам». — «Версаль 4 янв. (стр. 74, во 2-м изд. 630): Все давно могло бы быть иначе, если бы раньше стали стрелять. После блестящих успехов первых опытов с осадной артиллерией никто этого уже не оспаривает, и трудно найти кого-нибудь, кто бы признался, что когда-то был против наступления, а ведь всего прошло только 3 недели с тех пор, как из всех привлеченных к военному совету Роон был единственным правоверным и «генерал-адъютант» Бойен еще пытался убедить господ из рейхстага, что Роон из-за недостатка ума и я из озлобления против генерального штаба — были единственными, требовавшими наступления, потому что мы-де оба в этом ничего не смыслили. Дальнейшее о Бойене тебе известно, он является в извест-

ном смысле «посланником» при здешней резиденции. *(Прим. нем. изд.)*

33 Мекка — город в Аравии; «священный город» мусульман.

34 Можно с уверенностью сказать, что это так и было. Король Вильгельм ответил 22 октября 1870 г. на письмо королевы, написанное в этом смысле: «Они [представители гуманности, желания которых передала королева] могут говорить, чтобы не бомбардировали Парижа. На это мы отвечаем: значит, мы начнем их морить голодом; тогда высказывается мнение: только не морить голодом. Тут нам ничего другого не остается, как уйти обратно, восстановить границы 1815 г. и отказаться от Эльзас-Лотарингии. Но это ведь тоже не должно произойти — и вот так вертишься между противоречиями в заколдованном кругу». *(Прим. нем. изд.)*

35 Бисмарк имеет в виду средневековую Германо-Римскую империю.

36 *«Великий курфюрст»* — бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм (1640—1688).

37 Главным образом, Густав Фрейтаг. *(Прим. нем. изд.)*

38 Трансальпийский, — т. е. находящийся по другую сторону Альп, — итальянский.

39 Апулия — область южной Италии.

40 В черновом наброске в этом месте имеются следующие строки, приписанные позже: «Кронпринц согласился, но не хотел считаться с этим и намеревался, если это потребуется, применить силу. Обсуждение этого вопроса происходило между нами два раза: однажды во время поездки верхом и в другой раз в комнате после Седана; оба эти раза наша победа далеко еще не была решенным делом, поэтому я связал свои высказывания с вопросом, наиболее близким и для кронпринца наиболее доходчивым,— с военным вопросом, указав на то, что силы французов не настолько сломлены, чтобы мы могли быть уверены в мире, достойном наших успехов. Если мы теперь сами поставим себя в то положение, в надежде на которое Наполеон начал войну, а именно к разрыву между Пруссией и другими членами Германского союза, то виды на удовлетворительный итог войны будут значительно слабее. Союзные государи в ответ на то, о чем он сейчас мечтает, могут отозвать свои войска и могут встретить со стороны последних только послушание».

По существу следует заметить: судя по остальным имеющимся материалам (личный доклад князя Бисмарка от 23 сентября 1888 г., письмо князя к Оттокару Лоренцу от 7 ноября 1896 г. (Ср. *Ottokar Lorenz,* Kaiser Wilhelm und die Begrundung des Reichs, Jena 1902, S. 617), а также дневники кронпринца и советника кабинета Абекена и заметки М. Буша), 3 сент. 1870 г. в Доншери, на квартире у кронпринца, и еще раньше, во время многочасовой поездки верхом, «вероятно, около Бомона и Седана», между кронпринцем и князем Бисмарком имели место две обстоятельные беседы о создании новой Германии, об отношениях с членами Союза, а также о титуле верховного главы, который должен был быть избран: будет это «император» или «король». Однако эта продолжительная поездка верхом не могла быть ни у Бомона, ни раньше, а состоялась 2 сентября, когда они сопровождали короля во время объезда полей сражения. Поэтому в тексте было сказано: «Обсуждение этого вопроса происходило между нами два раза —

однажды во время поездки верхом, в другой раз в комнате, после Седана». Впрочем, о второй беседе Бисмарк упоминает в письме к жене от 6 сентября 1870 г.: «В Доншери я имел с кронпринцем две очень удовлетворившие меня беседы» (Bismarcks Briefe an seine Gattin aus dem Kriege 1870—71, стр. 39, во 2-м изд. стр. 605). Из этого письма, а также из письма к Лоренцу, явствует, что резкое объяснение, о котором сообщается в «Мыслях и воспоминаниях», произошло во время поездки верхом, тогда как в Доншери были удовлетворительно разрешены не улаженные накануне разногласия. — Ср. сообщение в Hamb. Naehrichten от 7 августа 1902 г. (№ 184), основанное на информации, данной князем Г. Бисмарком: Der Kronprinz, Furst Bismarck und die Kaiserfrage. *(Прим. нем. изд.)*

41 В черновом наброске здесь позже приписаны следующие несколько строк: «Воспоминание о кровавом Зендлингском рождестве (1705 г.) до сих пор, как призрак, стоит между Баварией и Австрией. Мы, бранденбуржцы, не должны забывать, что немногим меньше тысячи лет назад маркграф Геро пригласил к себе в гости тридцать вендских князей и приказал их убить и что вследствие этого немцы на двести лет были изгнаны из земель, где они поселились. Дворянин не может поднять руку на такое дело». *(Прим. нем. изд.)*

42 В сентябре 1888 г. перед выборами в рейхстаг профессор Геффкен опубликовал дневник кронпринца Фридриха (впоследствии император Фридрих III). В этом дневнике, относящемся к периоду франко-прусской войны 1870—1871 гг., Фридрих повторял мысли тех своих приближенных (самого Геффкена, Штоша и др.), которых Бисмарк именовал «либералами» и «католиками». Берлинская газета «Borsen-Courier» писала, что «свободомыслящей партии» не требуется иного избирательного воззвания. Несмотря на достоверность дневника, Бисмарк в письменном докладе Вильгельму II объявил дневник подделкой. Геффкен был арестован и в течение трех месяцев содержался в предварительном заключении, но был оправдан уголовной коллегией имперского суда.

43 Обершталмейстер — придворное звание.

44 Император средневековой Германо-Римской империи Людвиг IV Баварский (император с 1314 по 1347 г.) в 1324 г. пожаловал Бранденбургскую марку своему сыну, герцогу баварскому Людвигу.

45 Зачитанное государственным министром Дельбрюком в заседании рейхстага 5 декабря 1870 г. письмо Людвига II к королю Вильгельму, набросанное Бисмарком, гласит: «После присоединения Южной Германии к германскому конституционному Союзу присвоенные вашему величеству верховные права будут распространяться на все германские государства. Я заявил свою готовность присоединиться, будучи убежден, что это отвечает всем интересам германского отечества и его союзных государей, но в то же время и в полном доверии к тому, что права, принадлежащие по конституции президиуму Союза, вследствие восстановления Германской империи и звания германского императора будут означать права, которыми ваше величество пользуется от имени всего германского отечества на основе объединения его государей. Поэтому я обратился к остальным государям с предложением просить вместе со мной ваше величество о том, чтобы соединить права Союза с титулом германского императора. Как только ваше величество и союзные государи сообщат мне о своих желаниях, я поручу своему правительству приступить к дальнейшим действиям, необхо-

димым для достижения объединения». Упомянутый в тексте «настойчивый намек» заключается в словах: в полном доверии к тому, что и т. д. *(Прим. нем. изд.)*

46 Регентство принца Луитпольда в Баварии было назначено в 1886 г. в связи с душевной болезнью его племянника, короля Людвига II.

47 Император Вильгельм I состоял шефом 5-го пехотного Калужского полка русской армии.

48 Borussia (Боруссия) — латинское название Пруссии.

49 *Союзным советом* по конституции Германской империи (1871) называлась коллегия представителей государств, входивших в состав империи.

50 Эрцгерцог — титул принца в Австрийской империи.

51 В зеркальном зале дворца в Версале (близ Парижа) 18 января 1871 г. произошло торжественное провозглашение Вильгельма I императором Германской империи.

52 Это подтверждается отчетом, присланным в «Preussischer Staats-Anzeiger»; он сообщает об обмене рукопожатиями с кронпринцем, великим герцогом Баденским и другими, стоявшими поблизости князьями, а также о приветствиях военных депутаций; но о какой-либо благодарности союзному канцлеру ничего не говорится. *(Прим. нем. изд.)*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КУЛЬТУРКАМПФ[1]

I

В Версале я с 5 по 9 ноября вел переговоры с графом Ледоховским, архиепископом познанским и гнезненским. Эти переговоры касались, главным образом, территориальных интересов папского престола[2]. В постоянной тревоге, как бы вмешательство нейтральных стран не испортило нам плоды наших побед, я, согласно поговорке «рука руку моет», предложил ему, чтобы папа в доказательство взаимности наших [дружественных] отношений воздействовал на французское духовенство в духе заключения мира. Ледоховский и, в меньшей степени, кардинал[3] Боншоз, архиепископ руанский, сделали попытку побудить различных представителей высшего духовенства оказать воздействие в этом смысле, но могли сообщить мне лишь о холодном отрицательном ответе. Из этого я заключил, что у папской власти нет либо силы, либо доброго желания оказать нам в отношении мира помощь настолько ценную, что мы могли бы не обращать внимания на недовольство, которое публичное выступление в пользу папских интересов относительно Рима вызовет у германских протестантов и итальянской национальной партии и которое окажет воздействие на будущие отношения обоих народов.

В превратностях войны из борющихся в Италии элементов возможно опасным для нас противником вначале казался король[4]. Позднее республиканская партия под руководством Гарибальди, при возникновении войны обещавшая нам свою поддержку против поползновений короля[5] [к сближению] с Наполеоном, выступила против нас на поле сражения с энтузиазмом скорее театральным, чем имеющим практическое значение, и в формах, оскорблявших наши солдатские представления. Промежуточное положение между этими двумя элементами занимало общественное мнение образованных слоев Италии, которое не могло не культивировать прочной симпатии к стремлению германского народа, развивавшемуся в прошлом и настоящем параллельно стремлениям итальянского народа.

Имелся национальный инстинкт, который был в конце концов достаточно сильным и практическим, чтобы [побудить Италию] вступить в тройственный союз вместе со своим прежним противником Австрией [6]. Открыто приняв сторону папы и его территориальных притязаний, мы порвали бы с этим национальным течением Италии. Получили ли бы мы в обмен на это поддержку папы в наших внутренних делах и в какой степени — в этом можно сомневаться. Галликанизм [7] показался мне сильнее, чем я оценивал его в 1870 г., по сравнению с догматом непогрешимости [8], а папа слабее, чем я считал его ввиду поразительных его успехов среди всех немецких, французских, венгерских епископов. У нас в стране иезуитский центр вскоре стал сильнее папы, по крайней мере независим от него; германский дух фракционности и партийности среди наших католических соотечественников является элементом, против которого и папская воля бессильна.

Точно так же я оставляю открытым вопрос, повлияла ли на выборы в Прусский ландтаг, происходившие 16 того же месяца [9], неудача переговоров Ледоховского. В несколько ином направлении они были возобновлены епископом майнцским бароном фон Кеттелером, который с этой целью несколько раз посетил меня в начале [сессии] рейхстага в 1871 г. В 1865 г. я установил с ним связь, запросив его, не примет ли он архиепископство в Познани; при этом мною руководило намерение показать, что мы настроены не против католиков, а только против поляков. Кеттелер, быть может, после запроса в Риме, отказался,ссылаясь на незнание польского языка. В 1871 г. он поставил передо мной в общем и целом вопрос о включении в имперскую конституцию тех статей прусской конституции, которые регулировали положение католической церкви в государстве и из которых три (15,16,18) были отменены законом от 18 июня 1875 г. [10] Для меня направление нашей политики определялось не вероисповедной целью, а лишь стремлением возможно прочнее закрепить единство, завоеванное на поле брани. В отношении вероисповедания я всегда проявлял терпимость в тех границах, которые ставятся притязаниям каждого отдельного исповедания необходимостью совместного существования в одном государственном организме. В светском государстве применение терапевтических методов* к католической церкви затрудняется, однако, тем, что католическое духовенство, если оно хочет полностью выполнить свою теоретическую миссию, должно выйти за пределы церкви и требовать участия в светской власти. Католическое духовенство является политическим институтом в церковной форме и переносит на своих сотрудников собственное убеждение в том, что его *свобода* заключается в его *власти* и что повсюду, где церковь не *господствует,* она вправе жаловаться на диоклетианово гонение [11].

В этом смысле у меня было несколько объяснений с господином фон Кеттелером относительно его ясно выраженной претензии на конституционное право его церкви, т. е. духовенства, осуществлять светскую власть. В. числе его политических аргументов был также довод, обращенный скорее ad hominem [к человеческому чувству], что по отношению к нашей судьбе после земной смерти гарантии для католиков сильнее, чем для остальных. Если допустить ошибочность католических догм и правильность евангелической веры [12], то и в этом случае судьба католической души не ухудшится, но в противоположном случае будущность еретической души является ужасной. К этому он добавил вопрос: «Разве вы думаете, что католик не может обрести блаженство?» Я ответил: «Мирянин-католик безусловно может; что же касается священника, то я сомневаюсь; он погряз в «грехе против святого духа», и буква писания обращается против него». Епископ, улыбаясь, ответил на это, сделанное в шутливом тоне, возражение вежливым ироническим поклоном.

После того как наши переговоры остались безрезультатными, католики, в. особенности Савиньи и Маллинкродт, с возрастающим усердием принялись за преобразование католической фракции, основанной в 1860 г. и названной теперь центром [13]. На примере этой фракции я убедился, что как во Франции, так и в Германии папа слабее, чем он кажется; во всяком случае он не настолько силен, что мы можем купить его поддержку в наших делах ценой разрыва с сочувствием других сильных элементов. Desaveu [возражение] кардинала Антонелли в письме к епископу Кеттелеру от 5 июня 1871 г., обращение князя Левенштейн-Вертгейма к центру, непокорность центра в вопросе о септеннате [14] — произвели на меня впечатление, что дух партийности и фракционности, которым провидение наделило центр вместо национального чувства, присущего другим народам, сильнее, чем папа, и притом не на соборе без мирян, а на арене парламентской и публицистической борьбы внутри Германии. Я оставляю вопрос открытым, было бы это так и в том случае, если бы влияние папы могло осуществляться без учета конкурирующих сил, в частности ордена иезуитов. При этом я не принимаю во внимание внезапную смерть статс-секретаря кардинала Франки [15]. О России кто-то сказал: «Gouvernement absolu, tempere par le regicide» [«абсолютизм, смягченный цареубийством»]. Разве папа, слишком далеко заходящий в своем пренебрежении к конкурирующим в церковной политике органам, находится в большей безопасности от церковных «нигилистов», чем царь? По отношению к епископам, собравшимся в Ватикане, папа — силен; а если он идет рука об руку совместно с орденом иезуитов, то он сильнее, чем когда за пределами своей резиденции пы-

тается сломить сопротивление светских иезуитов, являющихся обычно носителями парламентского католицизма.

II

Начало культуркампфа было определено для меня преимущественно его стороной, [относящейся] к польскому вопросу. С момента отказа от политики Флотвеля и Грольмана [16], со времени консолидации влияния Радзивиллов на короля[17], с учреждением «католического департамента»[18] в министерстве по делам вероисповеданий, статистические данные показывали несомненный быстрый прогресс польской национальности за счет немцев в Познани и Западной Пруссии; а в Верхней Силезии подверглись полонизации так называемые «Wasserpolacken» [19], которые до сих пор являлись прусским элементом до мозга костей. В ландтаг там был избран Шафранек, который с парламентской трибуны выступал на польском языке с пословицей о невозможности братского единения между немцами и поляками. Нечто подобное в Силезии было возможно только на основе официального авторитета католического департамента. На жалобу, поданную архиепископу, последовало запрещение Шафранеку «сидеть» на левом крыле; в результате этот здоровенный священник по 5—6 часов, а когда заседания происходили и утром и вечером — по 10 часов, простаивал на вытяжку, как часовой, перед скамьями левых; и ему не приходилось вставать, когда он брал слово, чтобы произнести антинемецкую речь. В Познани и Западной Пруссии, по данным официальных отчетов, тысячи немцев, целые селения, которые в предыдущем поколении являлись официально немецкими, получали под воздействием католического департамента польское воспитание и стали официально именоваться «поляками». При полномочиях [католического] департамента, не ликвидировав его, здесь ничем нельзя было помочь. Этой ликвидации, по моему убеждению, следовало добиваться как ближайшей цели. Этому *естественно* противодействовало влияние Радзивилла при дворе, и *противоестественно* — влияние моего коллеги, министра культов[20], его жены и ее величества королевы. Начальником католического департамента был в то время Кретциг, бывший ранее служащим у Радзивиллов и, конечно, оставшийся таковым также и на государственной службе. Носителем радзивилловского влияния был младший из обоих братьев, князь Богуслав, видный член муниципального совета в Берлине. Старший брат Вильгельм и его сын Антон были слишком честными солдатами, чтобы вмешиваться в польские интриги против короля и его государства. Католический департамент министерства вероисповеданий, задуманный вначале как учреждение, при помощи которого прусские католики должны отстаивать во взаимоотношениях с Римом права своего

государства, постепенно, с переменой состава его членов, превратился в ведомство, защищавшее среди прусской бюрократии римские и польские интересы против Пруссии. Я неоднократно разъяснял королю, что этот департамент хуже, чем нунций[21] в Берлине. Департамент действует по указаниям, получаемым из Рима, не всегда, быть может, от папы; в последнее же время он подвержен, главным образом, польским влияниям. В доме Радзивиллов дружественно в отношении немцев настроены дамы, а также старший из братьев, Вильгельм, руководимый чувством чести прусского офицера, и его сын Антон. Последний, помимо того, еще и лично привязан к его величеству. Однако у руководящих элементов дома — у священников и у князя Богуслава с сыном — польское национальное чувство сильнее, чем все другое, и культивируется оно на основе сотрудничества польских и римско-клерикальных интересов — на основе, единственно в мирных условиях доступной, но зато и слишком доступной. А начальник католического департамента Кретциг является как бы радзивилловским крепостным. Нунций считал бы своей главной задачей защиту интересов католической церкви, а не поляков. Он не имел бы тесных связей с бюрократией, как члены католического департамента, которые в качестве враждебных государству лазутчиков засели в гарнизоне министерской цитадели, нашей системы обороны против революционных происков. Наконец, нунций как член дипломатического корпуса был бы лично заинтересован в сохранении хороших отношений со своим сувереном и в развитии отношений с двором, при котором он аккредитован.

Хотя мне и не удалось преодолеть, скорее, впрочем, внешнюю и формальную неприязнь короля к допущению нунция в Берлин, но он [король] по крайней мере убедился в опасности католического департамента и дал согласие на его упразднение, вопреки сопротивлению своей супруги. Мюллер под влиянием жены возражал против упразднения, с которым соглашались все остальные министры. Для декоративного прикрытия отставки Мюллера были использованы разногласия по вопросу о личном составе управления музеями; на самом же деле его падение было вызвано вопросом о полонизации и о Кретциге, несмотря на поддержку, которой он и его жена пользовались при дворе благодаря дамским связям.

III

Мне никогда не пришло бы в голову заниматься юридической разработкой деталей майских законов[22]; работа эта не относилась к моему ведомству, а контролировать или исправлять действие Фалька как юриста не входило ни в мои намерения, ни в мою компетенцию. В качестве министра-президента я вообще

не мог выполнять одновременно обязанностей министра по делам вероисповеданий, даже будь я совершенно здоров. Лишь на практике я убедился, что юридические детали были психологически неверно рассчитаны. Эта ошибка стала мне ясной, когда я представил себе честных, но неуклюжих прусских жандармов, которые при шпорах и бряцающих саблях гонялись по спальням и черным ходам за легконогими, увертливыми священниками. Тот, кто подумает, что такие критические соображения, возникшие у меня, могли немедленно принять форму кризиса кабинета между мной и Фальком, тот обнаружит отсутствие правильного, приобретаемого лишь опытом, представления о гибкости государственной машины как самой по себе, так и в ее связи с монархом и парламентскими выборами. Машина эта неспособна к внезапным эволюциям, а министры с такими способностями, как Фальк, не встречаются у нас на каждом шагу. Правильнее было сохранить на посту министра такого способного и мужественного сотоварища по борьбе, чем посягательством на узаконенную конституцией независимость его ведомства взять на себя ответственность за управление министерством по делам вероисповеданий или за назначение нового министра. Я придерживался этого мнения до тех пор, пока мне удавалось убедить Фалька оставаться. Лишь после того, как против моего желания он был настолько раздражен женскими влияниями при дворе и немилостивыми собственноручными посланиями короля, что его нельзя было удержать, я приступил к пересмотру его [ведомственного] наследства, чего не желал начинать, пока это возможно было лишь путем разрыва с ним [23].

Фальк пал жертвой той самой тактики, которая, хотя и не с таким успехом, но с теми же средствами применялась при дворе и по отношению ко мне. Он оказался побежденным отчасти потому, что был чувствительнее меня к придворным впечатлениям, отчасти же потому, что сочувствие императора не поддерживало его в такой мере, как меня. Антиминистерская деятельность императрицы имела своим первоначальным источником независимость характера, которая затрудняла ей сотрудничество с правительством, если оно не было всецело в ее руках, и которая на протяжении всей ее жизни увлекала ее на путь оппозиции против любого правительства. Она нелегко соглашалась с мнением другого. Во время культуркампфа эта наклонность поощрялась католическим окружением ее величества, получавшим информацию и инструкции из ультрамонтанского лагеря. Эти круги ловко и со знанием человеческих слабостей использовали старинную склонность императрицы оказывать воздействие на каждое государственное министерство с целью его улучшения. Я неоднократно отговаривал Фалька от намерения подавать в отставку из-за немилостивого содержания собственноручных императорских посланий, — они, конечно,

возникали отнюдь не по собственной инициативе государя, — и вследствие оскорбительного отношения при дворе к жене Фалька. Я рекомендовал ему пассивно относиться к немилостивым, но вместе с тем и не контрассигнированным высочайшим указам, которые в меньшей мере были связаны с культуркампфом, чем с отношениями министра вероисповеданий с высшим церковным советом и с евангелической церковью; во всяком случае, я советовал ему обращаться со своими жалобами к государственному министерству, предложения которого, если они принимались единодушно, король обычно принимал во внимание. В конце концов под влиянием обид, оскорблявших его самолюбие, Фальк все же решился подать в отставку. Все рассказы о том, будто я вытеснил его из министерства, вымышлены, и я удивлялся, что сам он никогда публично не опровергал их, хотя всегда оставался в дружеских отношениях со мною. Из событий, решивших уход Фалька, мне вспоминаются споры с высшим церковным советом[24] и близким к совету духовенством; они-то и привели к разрыву с его величеством, причем из обострения и развития имевшегося против Фалька дискуссионного материала видно было содействие более ловких рук и тонких приемов, чем это свойственно официальным советникам императора в его качестве summus episcopus[25].

IV

После ухода Фалька я был поставлен перед вопросом, должен ли я при выборе нового коллеги по делам вероисповеданий иметь в виду скорее юридическую, чем политическую линию Фалька, или же следовать исключительно своим взглядам, направленным больше против полонизма, чем против католицизма. В области культуркампфа парламентская политика правительства была парализована отпадением прогрессистской партии и ее переходом к центру. В рейхстаге правительственной политике, лишенной поддержки консерваторов, противостояло скрепленное общей враждой большинство из демократов всех оттенков в союзе с поляками, вельфами, франкофилами и ультрамонтанами. Консолидация нашего молодого имперского единства тем самым задерживалась, а с затягиванием или обострением этого положения подвергалась опасности. Этим путем можно было нанести нации больший вред, чем отказом от *излишней*, по моему мнению, части фальковского законодательства. *Необходимым* я считал отмену конституционных статей, наличие средств борьбы против полонизма и прежде всего господство государства над школой. Если мы сохраним все это, то выйдем из культуркампфа с крупной победой и после установления мира положение будет лучшим, чем до начала борьбы. Относительно границ наших уступок курии мне, таким образом, предстояло притти к соглашению

с моими коллегами. Сопротивление всех принимавших участие в борьбе советников министерства было при этом упорнее, чем сопротивление моих непосредственных коллег и прежде всего преемника Фалька, в качестве которого я предложил королю господина фон Путткамера. Но и после этой смены лиц я не мог так быстро изменить церковную политику, если не хотел вызвать новые, неприятные для короля и нежелательные для меня кризисы кабинета. Воспоминания о периоде поисков новых коллег принадлежат к самым неприятным в моей служебной карьере. Для того чтобы добиться согласия господина фон Путткамера, мне надо было завоевать поддержку привыкших к культуркампфу советников его министерства, а это превышало мои силы. Объяснения церковной политики Фалька нельзя искать исключительно в области католического церковного спора; при случае она переплеталась с вопросами евангелической церкви и подвергалась их влиянию. В вопросе о евангелической церкви фон Путткамер стоял ближе к взглядам, господствующим при дворе, чем Фальк, и мое желание сузить сферу борьбы с Римом не встретило бы, вероятно, личного сопротивления моего нового коллеги. Препятствия заключались отчасти в силе инерции возбужденных культуркампфом советников, которым фон Путткамер считал себя вынужденным принести в жертву даже естественное и традиционное развитие нашей орфографии[26], а отчасти в сопротивлении остальных моих коллег против всякой видимости уступок папе.

Мои первые попытки к установлению церковного мира не «нашли отклика и у его величества. Влияние высшего евангелического духовенства было тогда сильнее католичествующего влияния императрицы, которая не получала импульса от центра, так как последний находил первые уступки неудовлетворительными, точно так же, как придворные круги, она считала более важным вести борьбу против меня, чем поддержать исходившие с моей стороны попытки к примирению. Вызываемые таким положением новые конфликты повторялись и постепенно становились все серьезнее.

Требовалась еще многолетняя работа, чтобы можно было без новых кризисов кабинета приступить к пересмотру майских законов, для отстаивания которого в парламентской борьбе, после дезертирства партии свободомыслящих[27] в оппозиционный лагерь ультрамонтанов, не было большинства. Теперь я был доволен, если удавалось удержать в качестве окончательного завоевания выигранное у полонизма во время культуркампфа отношение школы к государству и вступившее в силу изменение соответствующих статей конституции. Оба эти завоевания были в моих глазах ценнее, чем запрещение деятельности духовенства майскими законами и чем юридический аппарат для вылавливания сопротивляющихся священников. Важной

победой я мог также считать устранение католического департамента и его опасной для государства деятельности в Силезии, Польше и Пруссии. Свободомыслящие не только отказались от «культуркампфа», к которому ранее относились ревностнее, чем я, и застрельщиками которого были Вирхов и его коллеги, но и поддержали центр как в парламенте, так и на выборах. После этого правительство оказалось по отношению к центру в меньшинстве. Политика Фалька в рейхстаге не имела перспектив по отношению к компактному большинству из центра, прогрессистов, социал-демократов, поляков, эльзасцев[28] и вельфов. Я считал тем более уместным подготовить мир, что школа была обеспечена, конституция освобождена от аннулированных статей, а государство освобождено от католического департамента.

После того как я, наконец, привлек императора на свою сторону, решающим фактором при определении того, что следовало удержать, а что уступить, была новая позиция прогрессивной партии и сецессионистов[29]. Вместо того чтобы поддержать правительство, они на выборах и при голосованиях заключали союз с центром; они питали надежды, которые получили свое выражение в так называемом министерстве Гладстона (Штош, Риккерт и др.)[30], т. е. — в либерально-католической коалиции.

В 1886 г. мне удалось завершить контрреформу, которую я отчасти желал, а отчасти считал допустимой. Мне удалось добиться того modus vivendi [форма совместного существования], который по сравнению со status quo до 1871 г. все же показывает благоприятный для государства результат всего культуркампфа.

В какой степени этот modus [форма] окажется продолжительным и прекратится ли вероисповедная борьба, может показать только будущее. Это зависит от церковных настроений и от степени воинственности не только того или иного папы и его наиболее влиятельных советников, но и немецких епископов, и от тех более или менее сильных колебаний в сторону епископальной церкви, которые со временем будут господствовать среди католического населения. Нет возможности установить твердые пределы притязаниям Рима к государствам с равноправием вероисповеданий и с евангелической династией. Нельзя этого сделать даже и в чисто католических государствах. Извечная борьба между церковью и королями завершится не теперь и в частности не в Германии. До 1870 г. даже курия[31] признавала положение католической церкви именно в Пруссии образцовым и более благоприятным, чем в большинстве чисто католических стран. Однако во внутренней нашей политике, особенно в парламентской, мы не чувствовали воздействия этого вероисповедного умиротворения. Еще задолго

до 1871 г. фракция обоих Рейхеншпергеров[32] постоянно принадлежала к оппозиции правительству евангелического королевского дома, хотя лидеры не заслужили этим личной репутации спорщиков. При любом modus vivendi Рим будет считать евангелическую династию и церковь ненормальностью и болезненным явлением, излечение от которой составляет задачу его церкви. Убеждение в таком положении дела еще не вынуждает государство со своей стороны стремиться к борьбе и отказаться от политики обороны по отношению к римской церкви, ибо все мирные договоры на этом свете временны и имеют силу только впредь до изменения. Политические отношения между независимыми державами складываются при непрерывном изменении либо в результате борьбы, либо в результате нежелания той или другой стороны возобновлять борьбу. Искушение для возобновления спора в Германии будет для курии заключаться всегда в воспламеняемости поляков, во властолюбии польского дворянства и в поддерживаемом священниками суеверии низших слоев народа. Я встречал в деревнях под Киссингеном немецких крестьян, окончивших школу, которые твердо верили в то, что священник, в грешной плоти стоящий у смертного одра, может отказом в отпущении грехов или отпущением послать умирающего прямо в ад или в рай, а поэтому священника' и в политическом отношении следует иметь своим другом. Так же или еще хуже обстоит дело в Польше, потому что неграмотному человеку внушают, что понятия немецкий и лютеранский тождественны так же, как польский и католический. Вечный мир с римской курией при данных условиях совершенно так же находится за пределами возможного, как вечный мир между Францией и ее соседями. Если человеческая жизнь вообще состоит из борьбы, то это прежде всего применимо к взаимоотношениям независимых политических держав, для регулирования которых не существует компетентного и правомочного суда. Римская же курия является независимой политической державой, к неизменным свойствам которой принадлежит то же стремление к расширению, которое присуще нашим французским соседям. В отношении к протестантству курия сохраняет агрессивное стремление к прозелитизму[33] и господству, и никакой конкордат[34] не сдержит этого стремления; курия не терпит рядом с собой иных богов.

V

В самый разгар культуркампфа, в сентябре (с 22 по 26) 1873 г. Берлин посетил король Виктор-Эммануил. Я узнал через господина фон Кейделя, что король поручил заказать табакерку с бриллиантами стоимостью в 50—60 тысяч франков, что в шесть-восемь раз превышало стоимость обычных в таких

случаях подарков, и послал ее графу Лонэ для вручения мне. Одновременно до моего сведения дошло, что Лонэ показывал эту табакерку и сообщил о ее стоимости своему соседу, баварскому посланнику барону Перглер фон Перглас, который был лично близок к нашим противникам по культуркампфу. Высокая стоимость предназначенного мне подарка могла, таким образом, дать повод к тому, чтобы поставить подарок в связь с увенчавшимися успехом хлопотами итальянского короля о сближении с Германской империей. Когда я высказал императору мои соображения против принятия подарка, то у него сначала было впечатление, что я вообще считаю ниже своего достоинства принять табакерку с портретом короля; в этом он увидел нарушение традиций, к которым привык. Я заявил: «Мне и в голову не пришло бы отказаться от такого подарка обычной стоимости. Но в данном случае для оценки факта решающее значение придавалось бы не портрету монарха, а бриллиантам, которые можно продать. Принимая во внимание положение с культуркампфом, мне следует избегать повода для подозрений, после того как благодаря соседству фон Пергласа чересчур высокая ценность табакерки, несоразмерная обстоятельствам, уже отмечена и обсуждалась в обществе. Император в конце концов согласился с моими доводами и окончил разговор словами: «Вы правы, не принимайте табакерку»*.

Когда я через господина фон Кейделя довел свою точку зрения до сведения графа Лонэ, табакерка была заменена очень красивым и верным портретом короля со следующей собственноручной его надписью, напоминающей о моем ордене аннунциатов.

Al Principe Bismarck. Berlino 26 Settembre 1873.
Affezionatissimo cugino.
Vittorio Emanuele[35].

Но король все-таки пожелал дать мне более существенное доказательство своего благоволения, заменив предположенный первоначально подарок другим предметом одинаковой ценности,

* Иначе смотрел на принятие табакерки, осыпанной бриллиантами, князь Горчаков. Во время нашего визита в Петербург (в 1873 г.) его величество спросил у меня: «Что бы дать князю Горчакову? У него все есть, даже мой портрет; быть может, бюст или табакерку с бриллиантами?» Я возражал против дорогостоящей табакерки, ссылаясь на положение и богатство князя Горчакова, и император признал мою правоту. После этого я доверительно зондировал точку зрения графа и немедленно получил от него следующий ответ: «Пусть он даст мне табакерку посолиднее, с большими хорошими камнями (avec de grosses bonnes pierres)». Несколько сконфуженный моими познаниями человеческой души, я доложил об этом его величеству. Мы вместе посмеялись, и Горчаков получил свою табакерку.

но не пригодным для продажи, и я получил, в дополнение к лестной надписи под портретом, необычайно большую и красивую алебастровую вазу, упаковка и перевозка которой доставила мне немало хлопот, когда мой преемник [36] вынудил меня спешно освободить мою служебную квартиру.

VI

На основании переписки между графом фон Рооном и Морицем фон Бланкенбургом, опубликованной в «Deutsche Revue», [газета] «Germania»[37] от 6 декабря 1891 г. делает вывод, будто я сломил сопротивление императора против [закона о] гражданском браке [38].

Бланкенбург был моим товарищем по борьбе; он был мне особенно дорог нашей дружбой, длившейся с детских лет и до самой его смерти. Однако он не отождествлял дружбу с доверием или с преданностью в области политики. В этой области я наталкивался на конкуренцию со стороны его политических и духовных отцов. У последних не было намерения, а у Бланкенбурга способности широко оценивать исторический прогресс германской и европейской политики. Сам он был лишен честолюбия и не страдал болезнью многих представителей старопрусской знати — завистью ко мне; но в своих политических суждениях он с трудом мог освободиться от прусско-партикуляристской или даже померанско-лютеранской точки зрения. Его простой здравый смысл и его честность делали его независимым от консервативных течений, у которых не было ни того ни другого; однако независимость эта умалялась осторожной скромностью, проистекавшей от того, что область политики оставалась ему чуждой. Он был мягок и не защищен от действия красноречия; он не был несокрушимой скалой, на которую я мог бы опираться. Борьба между благожелательным отношением ко мне и недостатком энергии по отношению к другим влияниям побудила его в конце концов вообще устраниться от политики. Когда я в первый раз предложил его на пост министра сельского хозяйства, это не удалось провести из-за сопротивления тех самых коллег, которые ранее одобрили мое обращение к Бланкенбургу. Я оставляю в стороне вопрос о том, в какой мере нежелание моего друга постоянно находиться в центре враждебно настроенного общественного внимания повлияло на неудачный исход моего намерения привлечь в министерство этот консервативный элемент. Но несомненно, что он руководствовался именно этим соображением, когда отказался вторично (10 ноября 1873 г.) и окончательно. Недостаток ясности Бланкенбург обнаруживает в своем письме к Роону в апреле 1874 г., в котором он одновременно говорит о своем отказе и о моем отказе от Фалька. Если бы консервативная пар-

тия в лице ее тогдашних главных ораторов и вождей Бланкенбурга и Клейст-Ретцова проявила готовность действовать вместе со мной, то состав министерства был бы иной, и тогда, быть может, отпала бы необходимость в том, что Бланкенбург называет в своем письме «фальковским тупиком». Но отказ от поста министра, как доказывает письмо, исходил от самого Бланкенбурга, поступившего так, быть может, под влиянием воспоминаний о борьбе «нищенствующих лютеран», «старолютеран»[39] 30-х годов, к которым он причислял себя. Когда он отошел от политики, у меня было такое чувство, что он покинул меня на произвол судьбы.

Версия о том, что я сломил сопротивление императора Вильгельма против [закона] о гражданском браке, — один из вымыслов демократического иезуитизма, представителем которого является «Germania». Нежелание императора было побеждено давлением, оказанным в мое отсутствие большинством находившихся в Берлине министров под формальным председательством Роона, причем давление было настолько сильно, что императору приходилось выбирать между принятием Законопроекта и образованием нового министерства. При моем тогдашнем состоянии здоровья я не справился бы с задачей составления нового кабинета из представителей враждующих со мной и друг с другом фракций с целью продолжать потом борьбу во всех направлениях. Если в письме от 8 мая 1874 г. император ретроспективно упоминает, что, несмотря на свою слабость, он еще дважды писал против проекта, то эти послания были обращены не ко мне, а к министерству в Берлине. Я лишь посоветовал императору при выборе между обязательным гражданским браком и сменой министерства избрать первое. Несомненно, его нерасположение к гражданскому браку было еще сильнее моего; я в согласии с Лютером считал заключение брака гражданским делом, и мое сопротивление признанию этого принципа было основано скорее на уважении к существующему обычаю и убеждениям масс, чем на собственных христианских сомнениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Культуркампфом* (т. е. «борьбой за культуру») была названа борьба, предпринятая в начале 70-х годов правительством Бисмарка против католической церкви в Пруссии и Германии. Название, пущенное в оборот лидером прогрессистской партии Вирховым может создать неправильное представление об истинных целях этой борьбы. На самом деле правительство Бисмарка стремилось разгромить партикуляристские стремления, особенно сильные в областях с преобладающим католическим населением, воспрепятствовать вмешательству католической церкви и ее главы — римского папы — в германские дела, воспрепятствовать консолидации под вероисповедными лозунгами враждебных Германии католических держав. Основными мероприя-

тиями культуркампфа были следующие: изгнание иезуитов из Германии в 1872 г., «майские законы» 1873 г. (см. ниже), прекращение отпуска государственных средств на нужды католической церкви и изменение системы управления местными церквами и их имуществом (1875—1876). Однако правительственные преследования только укрепили положение католической партии центра, значительно увеличившей количество своих мандатов в рейхстаге. Нуждаясь в поддержке партии центра в первую очередь для борьбы с социал-демократией, Бисмарк во второй половине 70-х годов пошел на ряд уступок: почти все законы против католиков, принятые в период культуркампфа, были постепенно отменены.

[2] До 1870 г. римский папа был не только духовным главой католической церкви, но и светским государем: еще в 1870 г. ему принадлежали территории в средней Италии с городом Римом. Воссоединение Италии не могло быть завершено до тех пор, пока папа оставался светским государем, владеющим этим крупнейшим городом и историческим центром страны. Но присоединение его владений, и в первую очередь Рима, к итальянскому королевству встречало решительное сопротивление со стороны Наполеона III, державшего в Риме свой гарнизон. Сразу после падения империи Наполеона III во Франции территории, принадлежавшие римскому папе, были заняты войсками итальянского королевства (19—20 сентября 1870 г.) и присоединены к последнему, несмотря на протесты папы.

[3] *Кардинал* — высший сановник католической церкви. Коллегия кардиналов избирает римского папу.

[4] Речь идет о борьбе различных тенденций в процессе воссоединения Италии. Крупная буржуазия и либеральное дворянство группировались вокруг Савойской династии, занимавшей престол Сардинского королевства. Республиканцы — мелкобуржуазные демократы, наиболее видными представителями которых были Гарибальди и Мадзини, подвергались преследованиям со стороны либерально-монархической партии, хотя именно они нередко играли решающую роль в борьбе за объединение страны. С другой стороны, все противники воссоединения Италии группировались вокруг римского папы.

[5] Виктор-Эммануил II.

[6] В 1882 г. Италия присоединилась к австро-германскому союзу, заключенному в 1879 г.

[7] *Галликанизм* (от «Галлии» — древнего названия Франции) — церковно-политическая доктрина, зародившаяся в средние века и требовавшая автономии французской церкви по отношению к Риму.

[8] Папа Пий IX созвал в декабре 1869 г. *Ватиканский собор* для провозглашения догмата папской непогрешимости. На заседавшем больше 10 месяцев соборе (он не окончил своей работы и разошелся после занятия Рима войсками итальянского королевства) намерение папы встретило довольно сильную оппозицию. Все же папе удалось добиться признания догмата папской непогрешимости значительным большинством голосов.

[9] *Выборы в Прусский ландтаг,* происходившие 16 ноября 1870 г., дали следующие результаты: консерваторы — 134 мандата; свободные консерваторы — 37; национал-либералы — 99; прогрессистская партия —

43; прочие либеральные группировки — 30; католики — 57; польская партия — 17. Ни консерваторы, ни либералы не получили, таким образом, абсолютного большинства и зависели от голосов католиков и поляков. Католики добились на выборах небывалого до сих пор успеха, особенно в Рейнской провинции и Вестфалии.

10 *Закон 18 июня 1875 г.* отменял статьи 15, 16 и 18 прусской конституции 1850 г., гарантировавшие невмешательство государства в церковные дела.

11 *Диоклетиан* — римский император с 284 по 305 г. н. э. Диоклетиан преследовал христианскую церковь, в успехах которой он видел одну из причин ослабления Римской империи.

12 Под евангелической верой здесь понимается совокупность верований христиан, принадлежащих к евангелическо-реформатской церкви последователей Лютера, отколовшейся в XVI веке от римско-католической церкви. К евангелистам примыкает большая часть верующих в Германии.

13 В 1860 г. депутаты Прусского ландтага братья Рейхеншпергеры организовали в ландтаге группу католических депутатов под именем *«центра»*. После выборов в первый германский рейхстаг (3 марта 1871 г.)63католических депутата под руководством Виндгорста, братьев Рейхеншпергеров и др. образовали фракцию центра (название это объяснялось тем, что депутаты фракции занимали места в центре зала заседаний рейхстага). Органом центра была с января 1871 г. газета «Germania». В июне 1871 г. центр опубликовал в этой газете декларацию, в которой объявлял своей задачей: «...выступление за сохранение и органическое развитие конституционного права вообще, а в особенности за свободу и самостоятельность церкви...»

Под флагом католицизма партия центра объединила разнообразные в социальном отношении элементы, главным образом в Западной и Южной Германии, на почве борьбы против централизаторского влияния Пруссии в Германской империи. Партия центра пользовалась влиянием среди католических слоев буржуазии и мелкой буржуазии, крестьянства и частично среди отсталых слоев рабочих. В годы культуркампфа находилась в оппозиции к Бисмарку.

14 *Септеннат* — буквально «семилетие». Законом о септеннате называется принятый Германским рейхстагом в 1874 г. закон о кредитах на армию, по которому эти кредиты утверждались на 7 лет вперед. Принятию закона о септеннате в 1874 г. предшествовала длительная борьба Бисмарка с рейхстагом, не желавшим упускать из рук такое важное средство нажима на правительство, как контроль над ежегодным утверждением военного бюджета. В 1880 г. закон о септеннате возобновлен рейхстагом большинством 186 голосов против 128. Партия центра голосовала против закона, несмотря на то, что папа Лев XIII, стремясь к примирению с Бисмарком, требовал от центра голосования за правительственный законопроект.

15 *Кардинал Франки* был сторонником примирения католической церкви с Бисмарком и активно поддерживал попытки папы Льва XIII в этом отношении. В 1878 г. внезапно умер, через несколько месяцев после того, как папа назначил его статс-секретарем.

16 *Флотвель* был с 1830 по 1841 г. обер-президентом Познани. Вместе с генералом *Грольманом* он проводил резкую антипольскую политику и в широких масштабах осуществлял немецкую колонизацию.

[17] Семейство крупных польских помещиков князей *Радзивиллов* пользовалось большим влиянием при дворе. Богуслав Радзивилл считался одним из вождей ультрамонтанов. Вильгельм и Антон Радзивиллы были генералами прусской службы; последний состоял в свите Вильгельма I и являлся членом палаты господ.

[18] Особый *католический департамент* в прусском министерстве по делам вероисповеданий был образован 14 февраля 1841 г. и существовал до июня 1871 г. Учреждение этого департамента рассматривалось как уступка католикам.

[19] «*Wasserpolacken*» — назывались онемеченные поляки некоторых районов Верхней Силезии, говорившие на польском языке с сильной примесью немецкого.

[20] *Фон Мюлер* — министр по делам вероисповеданий с 1862 г.

[21] *Нунций* — посол римского папы.

[22] «*Майские законы*» — законы, принятые 11—13 мая 1873 г. прусским правительством, направленные против католической церкви. «Майские законы» были проведены министром по делам вероисповеданий Фальком. Они ограничивали применение церковных наказаний по отношению к мирянам чисто религиозной областью, требовали от духовенства сдачи специальных испытаний по прохождении университетского курса, ставили духовные семинарии под надзор государства, предоставляли обер-президентам провинций право вмешательства в дело назначения священников, облегчали выход из католической церкви (для этого достаточно было личного заявления перед светским судьей). «Майские законы» значительно суживали дисциплинарную власть церкви по отношению к духовенству и учреждали в качестве высшей судебной инстанции «Королевскую судебную палату по церковным делам» («Koniglicher Gerichtshof fur kirchliche Argelegenheiter»). Впоследствии, с прекращением политики культуркампфа, значительная часть «майских законов» была отменена.

[23] Прусский министр по делам вероисповеданий Фальк ушел в отставку в июле 1879 г.

[24] *Высший церковный совет* (Oberkirchenrath) Пруссии — высший орган лютеранской церкви в старых прусских провинциях (на провинции, образованные после 1866 г., власть высшего церковного совета не распространялась). Был образован в 1848 г. и реорганизован в 1876 г. Подчинялся не министру по делам вероисповеданий, а непосредственно королю.

[25] Summus episcopus, т. е. глава евангелической церкви. Таковым считался король.

[26] Бисмарк имеет в виду указ Путткаммера от 21 января 1880 г. о реформе немецкой орфографии, т. е. о введении в школах упрощенной,так называемой «путткаммеровской», орфографии.

[27] «*Свободомыслящая партия*» («Deutsche Freisinnige Partei») — немецкая политическая либерально-буржуазная партия. Образовалась в 1884 г. из прогрессистов и части национал-либералов «сецессионистов» (см. ниже, прим. 29). Находилась в оппозиции Бисмарку и поддерживала в рейхстаге партию центра.

28 *Эльзасцы* — фракция в рейхстаге, объединявшая представителей присоединенного в 1871 г. к Германии Эльзаса. Находилась в систематической оппозиции правительству. Была второй по величине национальной фракцией в рейхстаге (после поляков) и имела до 15 мандатов.

29 *Сецессионистами* (от «сецессион» — раскол) называлась группа депутатов, отколовшихся в 1880 г. от национал-либеральной партии ввиду своего несогласия с политикой Бисмарка. На выборах в рейхстаг в 1881 г. сецессионисты получили 46 мандатов. В 1884 г. объединились с прогрессистами, образовав партию «свободомыслящих».

30 Под «министерством Гладстона» следует понимать ту либерально-католическую коалицию, возникновения которой опасался Бисмарк в 1877 г. в результате позиции, занятой частью национал-либералов (во главе с Риккертом) против Бисмарка и политики культуркампфа. Опасность заключения сторонниками Риккерта союза со Штошем заключалась в том, что Штош был доверенным лицом принца Прусского Фридриха-Вильгельма и за ним стояли довольно влиятельные дворцовые круги. «Министерством Гладстона» Бисмарк именует сторонников Штоша по аналогии с английским премьер-министром Гладстоном, опиравшимся на ирландских католиков и на английских либералов.

31 *Курия* — римская курия, центральное управление римско-католической церкви, во главе с папой римским.

32 Братья Август и Петер *Рейхеншпергеры* принадлежали к числу организаторов и руководителей католической фракции в Прусском ландтаге, а в дальнейшем партии центра в рейхстаге.

33 *Прозелитизм* — стремление к обращению инакомыслящих в свою веру.

34 *Конкордат* — соглашение, заключаемое между римско-католической церковью и государством; конкордат имеет целью регулирование положения католической церкви в данном государстве.

35 «Князю Бисмарку. Берлин 26 сентября 1873. От преданного кузена. Виктора Эммануила». Все кавалеры ордена аннунциатов [благовещения] именовались «двоюродными братьями короля Италии».

36 Т. е. Каприви, сменивший Бисмарка на посту имперского канцлера в 1890 г.

37 *«Germania»* — берлинская ежедневная газета; выходила с 1871 г.; главный орган партии центра.

38 *Закон о гражданском браке* был принят в 1875 г., в разгар культуркампфа. Он был проведен при ожесточенном сопротивлении консерваторов и партии центра.

39 *«Старолютеранами»* назывались противники предпринятой в 1817 г. прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III попытки объединения («унии») лютеранской церкви с другими реформированными церквами. «Старолютеране», основную силу которых составляло сельское духовенство, требовали безоговорочной верности основам евангелическо-реформатской веры в том их виде, в каком они были сформулированы в XVI в. Лютером. Выступления «старолютеран» приняли особенно острый характер в 30-х годах, когда правительство вынуждено было использовать против них даже военную силу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

РАЗРЫВ С КОНСЕРВАТОРАМИ

I

Разрыв консерваторов со мною, который демонстративно был произведен в 1872 г. [1], намечался еще в 1868 г., во время дебатов по вопросу о ганноверском провинциальном фонде. После того как законопроект, внесенный правительством в ландтаг во исполнение обещания, еще за год до того данного ганноверцам, уже в комиссии подвергся энергичному нападению со стороны консервативных членов, депутаты фон Браухич и фон Дист внесли на пленарном заседании предложение, в значительной степени суживающее законопроект. Первый из них в качестве оратора фракции изложил мотивы, по которым консервативная партия не может голосовать за этот закон. Мое подробное возражение я закончил тогда словами: «Конституционное правительство немыслимо, если правительство не может с полной уверенностью рассчитывать на одну из крупнейших партий даже в таких деталях, которые, быть может, не всегда по вкусу этой партии, и если эта партия не подводит следующего итога своим подсчетам: мы в общем и целом поддерживаем правительство; мы считаем, правда, что оно время от времени совершает глупости, но, однако, до сих пор глупостей было меньше, чем приемлемых мероприятий; поэтому мы готовы простить ему детали. Если же у правительства нет в стране по крайней мере одной партии, таким образом воспринимающей его взгляды и направление, то конституционный режим невозможен для правительства; тогда оно вынуждено маневрировать и заключать пакты против конституции, должно искусственно создавать большинство или временно добиваться последнего. Оно впадает тогда в слабости коалиционных министерств, и его политика подвергается колебаниям, воздействие которых весьма неблагоприятно для государства, в особенности для консервативного принципа».

Несмотря на это предостережение, закон с санкционированными правительством смягчениями был 7 февраля принят большинством всего лишь 32 голосов, так как большая часть кон-

серваторов голосовала против него. В комиссии палаты господ также повторилась атака со стороны консерваторов. Следующее происшествие показывает, какими средствами тогда оперировали. Карл фон Бодельшвинг, который во время конфликта был министром финансов, а в 1866 г. отказался от изыскания денежных средств, необходимых для войны, и поэтому был заменен бароном фон дер Гейдтом, распространял в консервативной фракции [слухи], будто бы я собственно согласен на отклонение законопроекта, и взялся привести этому доказательство. В начале прений он подошел ко мне в зале заседаний и завел посторонний разговор, спросив о здоровье моей жены, затем вернулся к своим друзьям по фракции и заявил, что теперь, после беседы со мной, он уверен в своем деле.

Из просмотра очень компетентных донесений, которые Роон, находившийся тогда в Бордигера[2], получал в феврале 1868 г. от членов консервативной партии и которые были опубликованы в «Deutsche Revue» за апрель 1891 г., видно, что консерваторы требовали от меня вступления в их фракцию. У меня не оставалось времени, я был слишком занят вопросом о том, чего нам следует ждать от Франции, если, а это было возможно и даже вероятно, руководимая Бейстом Австрия согласится на французские военные планы, чтобы не допустить повторения 1866 г.; далее, я был занят вопросом, какую позицию заняли бы при такой ситуации Россия, Бавария, Саксония, наконец, существованием Ганноверского легиона. Эти заботы и связанная с ними упорная работа совершенно изнуряли меня, а господа [консерваторы] требовали, чтобы, сверх того, я еще посещал и увещевал каждого отдельного частного политика (Privatpolitiker) из их фракции. Я даже делал это по мере своих сил, но мои попытки были расстроены интригами Бодельшвинга и запальчивостью фон Финке, Диста, Клейст-Ретцова и других недовольных и завистливых сотоварищей по сословию и прежних друзей по фракции.

Что думал сам Роон по поводу сообщенных ему фактов, показывает его письмо ко мне от 19 февраля 1868 г. из Бордигера; наиболее важные места этого письма гласят:

«Как видно из газет, вы снова изрядно раздражали себя и других. Это не удивляет меня, но огорчает, что нельзя было избежать столь серьезных разногласий, которые приводят либералов по профессии в шумный восторг, а консерваторов по специальности еще более сбивают с толку, чем это, к сожалению, было и раньше. Чего только вы, судя по «Галиньяни»*, не наговорили! Мне обещали прислать соответствующие стенографические отчеты, к сожалению, пока их у меня нет. Во всяком случае, в отношении важнейшего обстоятельства — угрозы

* «Galignani's Messenger»—английская газета, выходившая в Париже.

вашей отставки, я совершенно спокоен, ибо во всех случаях, кроме полной физической немощи, считаю ее абсолютно невозможной. Волнует же меня все более угрожающее разложение консервативной партии; если оно произошло бы в той форме, на какую надеются либералы, то, на мой взгляд, это было бы очень серьезным и важным обстоятельством, таким событием, которое должно было бы низвести вас и правительство к роли послушного орудия либеральной партии. Правда, я понимаю, что для нашей политики полезно, если либералы сохранят надежду приложить руку к управлению, но мне точно так же ясен вред такого положения, когда их участие в управлении оказалось бы неизбежной необходимостью. Вы, быть может, возразите, что путанность, беспомощность и опрометчивость консерваторов, — не говоря уже о завистливой и злобной заносчивости отдельных лиц, — сами собой приведут к этому и что вы ничего не можете против этого сделать. Но вполне ли это так? Если бы вы всерьез применили ваши значительные *ресурсы для того, чтобы освободить от доктринерства* и организовать консервативную партию, к сожалению, все еще не вполне понимающую, что ее теперешняя задача должна быть иной, чем в 1862 и в последующие годы[3], и если бы вы захотели и сейчас еще за это взяться, то удалось бы не только избежать мезальянса с либералами, но и превратить преобразованную консервативную партию в прочнейший и надежнейший посох для странствований по трудному, но неизбежному пути консервативного прогресса при обновлении и преобразовании внутренней жизни. — Конечно, один человек, как бы ни одарил его господь, не может сделать сам все, что должно быть сделано. Говоря так, я исключаю всякий упрек, который по отношению к вам можно было бы усмотреть в вышесказанном. Наоборот, я снова охотно признаю, что ваши официальные помощники не оказывают вам и вашим целям соответствующей поддержки. И если я говорил о реформе консервативной партии, то признаю, что это должно было явиться задачей прежде всего министра внутренних дел. Но обладает ли граф Э[йленбург] доверием, необходимым для разрешения этой задачи (и сознанием долга)?* Где вы найдете других министров, в частности — другого министра внутренних дел? Из рядов национал-либералов? Эта мысль для меня невыносима. Из консерваторов? Но кого? Творческие организационные дарования — это неизвестная величина в их среде. И хотя я весьма неблагосклонен к нашей безобразной бюрократической системе, я все же сознаю, что тот, кто ее реформирует, должен ее знать».

Через несколько дней, 25 февраля, Роон писал своему старшему сыну:

* Добавление Бисмарка.

«...О политике и конфликте я предпочел бы совсем не писать после того, как, но основании посланного мне 9-го числа доверительного донесения, я написал 19-го графу Бисмарку, чтобы выразить ему мое сожаление о таком ходе событий и т. п. Стенографические отчеты, которые мне обещаны, вероятно, ничего не изменят в моем понимании вещей: Бисмарк никак не может делать всего сам. Назревшая необходимость в организации или реорганизации консервативной партии — это rite [дело] министра внутренних дел, и ни Бисмарк, ни я, ни Бланкенбург, ни кто-либо другой не имеет на то официальных полномочий. Если же тот, кто один только на это уполномочен, к этому не склонен или не способен, то это значит, что у него нет необходимых данных для его должности; из этого следует сделать вытекающий отсюда вывод и соответственно поступить. Поведение Бисмарка в отношении консерваторов, мое или Бланкенбурга отсутствие являлись, быть может, причиной того, что на них не оказывалось благотворного влияния, но это не может служить достаточным основанием для упрека Бисмарку. Тот, кто, подобно мне, совершенно определенно знает, какую огромную работу должен делать и делает Б[исмарк], не может справедливым образом бросить ему упрек в том, что он не совершает еще большего и не отвечает за упущения или бездарность своих коллег. Единственный обоснованный упрек ему можно было бы сделать только в том случае, если бы было основание утверждать, что он не предпринял всего возможного, чтобы найти более деятельных помощников, и, быть может, это можно утверждать. Хотя я, несмотря на свое отдаление, быть может, лучше и правильнее кого бы то ни было могу судить о соответствующих личных взаимоотношениях, но я вряд ли могу с полной определенностью высказать такое утверждение. Впрочем, разрыв подействует исцеляюще, так как он *должен* исцелить; мы не можем в основном опираться ни на какую другую партию. Но партия *должна наконец понять,* что ее нынешние взгляды и задачи должны быть *существенно иными,* чем во время конфликта; она должна стать и быть партией *консервативного прогресса* и отказаться от роли тормоза, как бы ни была важна и необходима эта роль во времена преобладающего влияния демократического прогресса и вызванной этим угрозы демагогических крайностей. Вот in nuce [вкратце] мои мысли о новейшей ситуации; конечно, они могут быть сообщены только самому тесному кругу...»

II

Ожидания Роона не оправдались; консервативная партия осталась тем, чем она была; конфликт, затеянный ею со мной, продолжался в более или менее скрытой форме. Я понимаю, что

к моей политике враждебно относилось консервативное направление, известное под кличкою «Kreuzzeitung». У одних эта вражда основывалась на достойных уважения принципиальных мотивах, которые оказывали на их действия более сильное влияние, чем их — скорее прусское, чем германское, — национальное чувство. У других, я бы сказал у моих противников второго разряда, причина оппозиционности коренилась в карьеризме: ote-toi, que je m'y mette [удались, чтобы я занял твое место][4]. Их прототипом были Гарри Арним, Роберт Гольц и другие. К третьему разряду я отношу моих товарищей по сословию из сельского дворянства (Landadel). Их уязвляло то, что я в своей исключительной карьере поднялся выше, чем это позволяла, скорее польская, чем немецкая, идея о традиционном равенстве сельского дворянства. Мне простили бы, что из сельского юнкера я стал министром, но не прощали дотаций и, быть может, также пожалованного мне совершенно против моей воли княжеского титула. «Ваше превосходительство» — это было в пределах обычно достижимого и ценимого, но «ваша светлость» возбуждало критику. Я могу понять это, ибо этой критике соответствовала моя собственная. Когда утром 21 марта 1871 г. собственноручное послание императора известило меня о возведении в княжеское достоинство, я решился просить его величество отказаться от его намерения, так как это повышение в сословии вносит неприятное для меня изменение в основу моего имущественного положения, да и во весь склад моей жизни. Насколько охотно я представлял себе моих сыновей в качестве зажиточных сельских дворян, настолько неприятна была мне мысль о князьях с недостаточным доходом, как это было с Гарденбергом и с Блюхером, сыновья которых не вступили в наследование титула. Блюхеровский титул был возобновлен лишь через десятилетие (1861 г.) в результате женитьбы на богатой католичке. Взвешивая все мотивы против повышения в сословии, находившегося вне всяких пределов моего честолюбия, я добрался до верхней ступени дворцовой лестницы, и к своему изумлению увидел там императора во главе королевской семьи; со слезами на глазах император сердечно заключил меня в свои объятия, называя князем и громко выражая свою радость по поводу того, что он мог пожаловать меня этим отличием. При таких обстоятельствах и при живейших поздравлениях королевской семьи у меня не было возможности выразить свои сомнения. С того времени меня никогда не покидало чувство, что в качестве графа достаточно быть только состоятельным, чтобы не являться неприятным исключением, между тем, как князь *должен* быть богатым. Я бы легче переносил неприязнь своих прежних друзей и товарищей по сословию, если бы для нее были основания в моем *образе мыслей*. Эта неприязнь нашла свое выражение и послужила поводом к той осуждающей кри-

тике, которой прусские консерваторы под руководством моего родственника господина фон Клейст-Ретцова подвергали мою политику в связи с законом 1872 г. о школьном надзоре[5] и по некоторым другим вопросам.

Оппозиция консерваторов против внесенного еще Мюллером законопроекта о школьном надзоре началась уже в палате депутатов и сводилась к требованию передать даже в Польше местную инспекцию над народной школой местным священникам, в то время как законопроект предоставлял властям свободу выбора школьного инспектора. В бурных прениях, о которых некоторые старые депутаты ландтага, вероятно, помнят и в 1892 г., я сказал 13 февраля 1872 г.:

«Предыдущий оратор (Ласкер) говорил, что для него и его единомышленников было немыслимым, что в принципиальном и объявленном нами важным для безопасности государства вопросе, в вопросе, имеющем до сего времени *такое* значение, консервативная партия открыто объявила войну правительству. Я не хочу присваивать себе это выражение, но могу подтвердить, что и для меня было немыслимым, что эта партия изменит правительству в вопросе, для проведения которого правительство со своей стороны решило применить любое конституционное средство».

После того как закон, в одобренной правительством редакции, был принят большинством 207 голосов против 155 голосов клерикалов, консерваторов и поляков, он 6 марта поступил на обсуждение в палату господ. Здесь я приведу одно место из моей речи:

«Значение этого вопроса в части, касающейся евангелической церкви, невероятно раздуто, словно мы хотели уволить всех священников, создать tabula rasa [буквально: чистая доска] и с помощью требуемых нами 20 тысяч талеров поставить на голову евангелическое государство. Если бы не эти преувеличения, то оказались бы совершенно лишними и прискорбные споры и трения в связи с этим законом; закон приобрел преувеличенное значение лишь благодаря неожиданному для нас сопротивлению консервативной партии евангелического вероисповедания, сопротивлению, на происхождении которого я не хочу останавливаться, — я не мог бы этого сделать, не затрагивая личностей, — но которое представляет для прусского правительства весьма болезненный и обескураживающий на будущее опыт. После того как я со всей откровенностью, на которую консерваторам никогда не следовало бы вынуждать прусское правительство, изложил вам происхождение и тенденцию этого закона, вы должны были бы признать необходимость того, чтобы наши соотечественники, до сих пор не говорящие по-немецки, изучили немецкий язык. В этом для меня заключается главное значение этого закона».

Из 202 членов палаты господ 76 голосовали против закона. Еще накануне вечером я усиленно пытался объяснить господину фон Клейсту вероятные последствия той политики, к которой он склоняет своих друзей. Но я встретил parti pris [предвзятое мнение], о причинах которого я не хочу делать догадок. Разрыв со мной был произведен в такой внешне резкой форме, которая свидетельствовала в равной мере как о личных, так и о политических страстях. До настоящего времени я убежден, что этот лично близкий мне консервативный деятель нанес тяжелый урон стране и консервативному делу. Если бы консервативная партия, вместо того чтобы порвать со мной и вести против меня борьбу с ожесточенностью и фанатизмом, не уступающими любой антигосударственной партии, помогла бы правительству императора совместной и честной работой завершить имперское законодательство, то это последнее не осталось бы без глубокого отпечатка консервативного сотрудничества. Завершить разработку законодательства было необходимо, если мы хотели защитить наши политические и военные достижения от распада и центробежных устремлений к прошлому.

Я не знаю, как далеко я мог бы пойти навстречу сотрудничеству консерваторов, но во всяком случае дальше, чем это имело место при условиях, создавшихся благодаря разрыву. Я считал для того времени, при опасностях, созданных нашими войнами, что различия партийных доктрин являются подчиненным моментом по сравнению с необходимостью политического обеспечения извне путем возможно более сплоченного единства нации. Первым условием я считал независимость Германии на основе единства, достаточно сильного для самозащиты. И я верил и верю в разумность и рассудительность нации, в то, что она излечит и искоренит крайности и пороки национальных учреждений, если ей не помешает в этом зависимость от остальной Европы, а также от внутренних партийных и сепаратных интересов, как это было до 1866 г.[6] При таких взглядах главным был для меня не вопрос о либералах или консерваторах, а, при тогдашней опасности войны и коалиции, так же как и в настоящее время,— свободное самоопределение нации и ее государей. Я и теперь не оставляю этой надежды, хотя и без уверенности, что в своем дальнейшем развитии наше политическое будущее не подвергнется еще ущербу из-за ошибок и несчастных случаев.

III

Контакт исключительно с национал-либералами, к которому меня вынудило отпадение консерваторов, послужил для консервативных кругов причиной или поводом для уси-

ления враждебности против меня. В то время когда в период с нового года по ноябрь 1873 г. я из-за болезни передал председательство в государственном министерстве графу Роону, у последнего встречался по вечерам более или менее многочисленный круг моих политических противников справа. Здесь бывал граф Гарри Арним, не имевший обыкновения посещать мужское общество без политической цели, когда он находился в Берлине во время отпуска. Он производил на присутствующих впечатление, которое Роон сам передал мне словами: «В нем все же чувствуется дельный юнкер!» Это суждение произносилось в такой связи и так часто с ударением повторялось устами моего друга и коллеги, что оно приобретало характер укора мне в том, что я не обладаю такими же свойствами, а также намека, что на моем месте Арним относился бы к внутренней политике энергичнее и консервативнее. Из бесед, в которых широко развивалась эта тема о качествах Арнима как юнкера, я вынес впечатление, что и мой старый друг Роон, под влиянием происходивших в его доме тайных собраний, несколько поколебался в доверии к моей политике.

К этим кругам принадлежал и полковник фон Каприви, в то время начальник одного из отделов военного министерства. Я не хочу решать, к какой из вышеупомянутых категорий моих противников он тогда принадлежал; мне известны лишь его личные связи с сотрудниками «Reichsglocke»[7], как, например, с тайным советником фон Леббиным, который ведал личным составом министерства внутренних дел и оказывал в своем ведомстве враждебное мне влияние. Фельдмаршал фон Мантейфель сказал мне, что Каприви пытался использовать против меня его, Мантейфеля, влияние на императора и называл поводом к жалобе и опасностью мою «враждебность к армии»*. Удивительно, что Каприви при этом не вспомнил, что до и в момент моего вступления в должность в 1862 г. армия подвергалась со стороны штатских людей нападкам и критике и была несправедливо уменьшена и что во время моего пребывания в должности армия смогла переменить будни гарнизонной жизни на троекратное триумфальное вступление в Берлин через Дюпель, Седову и Седан в 1864—1871 гг. Я могу без преувеличения предположить, что король Вильгельм отрекся бы в 1862 г., а политика, положившая начало славе армии, не осуществилась бы или же осуществилась не в таком виде, если бы я не принял руководства ею. Разве армия имела бы случай совершить геройские подвиги, а граф Мольтке — повод хотя бы вынуть шпагу из ножен, если бы король Вильгельм I получал другие советы и от других [людей]? Конечно, нет,

* В связи с этим упреком ср. письмо императора Фридриха от 25 марта 1888 г. в главе 33.

если бы он в 1862 г. отрекся, так как не находил никого, кто готов был разделить с ним опасности его положения и бороться с ними.

IV

Когда из-за того, что я будто бы провозгласил господство парламента и атеизм, «Kreuzzeitung» еще 11 февраля 1872 г. объявила мне войну и под руководством Натузиуса-Людома открыла против меня клеветническую кампанию, так называемыми «статьями эры» [Aeraartikel] Перро в 1875 г.[8], я обратился с письмом к Амсбергу, одному из наших высших юридических авторитетов и к министру юстиции[9] с вопросом, можно ли с уверенностью ожидать осуждения автора, если я обращусь в суд. В противном случае я воздержусь от этого, ибо оправдательный приговор мог бы дать моим противникам новый повод к подозрениям. Ответ обоих, так же как и запрошенного мною моего адвоката, сводился к тому, что осуждение является вероятным, но при осторожной форме статей не несомненным. В то время у меня еще не выработалось определенных принципов относительно обращения к суду, а опыт, приобретенный в период конфликта, вовсе не был ободряющим. Я помню, как местный суд, кажется в Стендале, в мотивировочной части своего решения, правда, щедро признал всю тяжесть направленных против меня оскорблений, но обосновал назначение минимального штрафа в 10 талеров тем, что я действительно скверный министр.

Когда появились статьи Перро, я также еще не предвидел, какой размер примет клеветнический поход против меня со стороны моих прежних партийных единомышленников и в частности в кругах моих товарищей по сословию.

V

Каждый, кто в настоящее время вел политическую борьбу, мог заметить, что партийные деятели, благовоспитанность и порядочность которых в частной жизни никогда не подвергались сомнению, как только они вмешиваются в борьбу подобного рода, тотчас же считают себя освобожденными от чувства чести и правил приличия, авторитет которых они в остальных случаях признают; и из карикатурного преувеличения поговорки: salus publica suprema lex [общественное благо — высший закон][10], выводят оправдание для подлости и грубости слов и действий, которые вне политических и религиозных споров вызвали бы отвращение у них самих. Такой отказ от всего, что прилично и честно, несомненно, связан с чувством того, что интересы партии, которые приписывают интересам отечества, требуют иной мерки, чем в частной жизни, а заповеди

чести и воспитания следует в партийной борьбе толковать иначе и свободнее, чем это принято даже на войне против иностранных врагов. Раздражительность, ведущая к нарушению обычно принятых форм и границ, бессознательно обостряется тем, что в политике и в религии никто не может логически доказать инакомыслящему правильность собственного убеждения, собственной веры и что нет такого суда, который своим приговором мог бы успокоить разногласия.

В политике, как и в области религии, консерватор никогда не может противопоставить либералу, роялист — республиканцу, верующий — неверующему другого аргумента, кроме одного повторяемого на тысячи ладов: мои политические убеждения правильны, а твои — ложны; моя вера угодна богу, твое неверие ведет к проклятию. Понятно поэтому, что из церковных разногласий возникают религиозные войны, а в политической борьбе партий, поскольку она не разрешается гражданской войной, все же опрокидываются все барьеры, установленные во всех областях жизни, кроме политики, благопристойностью и чувством чести воспитанных людей. Какой образованный и благовоспитанный немец решился бы в частном обиходе применить хотя бы ничтожную часть тех грубостей и ругательств, которые он, в присутствии сотни свидетелей и в крикливом, ни в одном приличном обществе не принятом тоне, бросает в лицо своему противнику, такому же уважаемому по своему положению в обществе, как и он сам? Кто из претендующих на звание благородного человека из хорошего дома считал бы для себя возможным вне области политических происков стать в том обществе, где он вращается, профессиональным распространителем лжи и клеветы против людей своего общества и своего сословия? Кто не постыдился бы обвинять таким образом ничем не запятнанных людей в нечестных поступках, не имея на то никаких доказательств? Короче, кто в какой-либо иной области, кроме партийной борьбы, охотно взял бы на себя роль бессовестного клеветника? Но как только человек может оправдаться перед собственной совестью и своей фракцией тем, что выступает в партийных интересах, так любая подлость считается дозволенной или хотя бы простительной.

Клеветническую кампанию против меня начала газета, которая под христианским символом креста и под девизом «С богом за короля и отечество» в течение ряда лет представляет не консервативную фракцию и еще меньше того христианство, а лишь честолюбие и злобное ожесточение своих редакторов. Когда в публичной речи 9 февраля 1876 г. я жаловался на отравляющую деятельность газеты, то ответом мне было выступление так называемых декларантов[11], научный контингент которых состоял из нескольких сот евангелических священников,

которые в этом, своем официальном качестве выступили против меня, свидетельствуя в пользу выдумок «Kreuzzeitung». Свою миссию служителей христианской церкви и мира они выполняли тем, что контрассигновали клеветнические заявления газеты. Я всегда питал недоверие к политикам в длинном платье, женском или священническом, а это пронунсиаменто[12] нескольких сотен протестантских священников в пользу развязнейшей клеветы на первого чиновника страны отнюдь не способствовало укреплению моего доверия к политикам в священнической рясе, хотя бы и протестантской. Возможность личных отношений между мною и всеми декларантами, многие из которых до того принадлежали к моим знакомым и даже друзьям, была совершенно отрезана после того, как они восприняли оскорбительную ругань, вышедшую из-под пера Перро.

Для нервов человека в зрелом возрасте является тяжким испытанием внезапно порвать прежние отношения со всеми, или почти всеми, друзьями и знакомыми. Мое здоровье было к тому времени уже давно подорвано не лежащими на мне обязанностями, а непрерывным сознанием ответственности за крупные события, при которых будущее отечества стояло на карте. В пору быстрого, а иногда бурного развития нашей политики я, разумеется, не всегда мог *с уверенностью* предвидеть, правилен ли путь, избранный мною, и все же был вынужден действовать так, словно я с полной ясностью предвижу грядущие события и воздействие на них моих собственных решений. Вопрос о том, правилен ли собственный глазомер, политический инстинкт, довольно безразличен для министра, все сомнения которого разрешены, как только он обеспечен королевской подписью или парламентским большинством; можно сказать, что министра католической политики, имеющего отпущение грехов, уже не беспокоит протестантский вопрос, даст ли ему отпущение собственная совесть. Для министра же, который полностью отожествляет свою честь с честью страны, неуверенность в успехе любого политического решения очень мучительна. В течение того промежутка времени, который необходим для проведения какого-либо политического мероприятия, так же трудно с уверенностью предвидеть изменения политической обстановки, как при нашем климате погоду ближайших дней. И все же решение надо принимать так, словно можешь все предвидеть, вынося к тому же решение нередко в борьбе против всех влияний, которые привык уважать. Так, например, в Никольсбурге, во время мирных переговоров, я был и остался единственным человеком, на которого в конце концов была возложена ответственность за происходившее и за успех и который, согласно нашим установлениям и привычкам, действительно нес ответственность. Мое решение я должен был принимать в противоречии не только ко всем военным, т. е. ко всем

присутствующим, но и к королю, и в упорной борьбе отстаивать это решение. Взвешивание вопроса, правильно ли то или иное решение, нужно ли отстаивать и проводить то, что признано правильным на основании недостаточных предпосылок, — тяжело для человека добросовестного и честного. Трудность усугубляется тем обстоятельством, что проходит много времени, часто многие годы, прежде чем в политике можно убедиться, правильно ли было предполагавшееся и осуществленное. Изнуряет не работа, а сомнения и чувство чести, ответственность, которая не может опираться ни на что, кроме собственного убеждения и собственной воли, как это резче всего имеет место именно при важнейших кризисах.

Общение с людьми, которых считаешь равными себе, помогает преодолевать такие кризисы; и если это общение внезапно прекращается и притом по мотивам скорее личным, чем деловым, скорее из зависти, чем из честных мотивов, а поскольку они являются честными, то совершенно банальны; если ответственный министр внезапно бойкотируется всеми своими прежними друзьями, если с ним обращаются, как с врагом, и ОБ со всеми своими размышлениями остается в одиночестве, то это обостряет воздействие его служебных забот на его нервы и его здоровье.

VI

Можно было думать, что национал-либеральная партия, покровительством к которой я вызвал недоброжелательство моих прежних друзей по консервативной партии, проявит побуждение оказать мне поддержку в защите от грубых и недостойных нападок, задевающих мою честь; или по крайней мере она даст понять, что не одобряет эти нападки и не разделяет взглядов моих клеветников относительно меня. Но я не припоминаю ни одной попытки национал-либералов в то время публично притти мне на помощь выступлением в прессе или иным каким-либо способом. Наоборот, казалось, что в национал-либеральном лагере господствует некоторое удовлетворение от того, что консервативная партия напала на меня и со мной порвала, и стараются еще углубить этот разрыв и еще сильнее уколоть меня. Либералы и консерваторы были единодушны в том, чтобы, в зависимости от интересов фракции, использовать меня, отказаться от меня или на меня нападать.

Вопрос о том, полезно ли это для страны, для общих интересов, теоретически именуется каждой фракцией доминирующим вопросом, и каждая [фракция] утверждает, что именно на фракционном пути она ищет и находит благо для общества. В действительности же у меня сложилось впечатление, что каждая из наших фракций ведет свою политику, как будто бы

кроме нее, нет никого; она изолирует себя на своем фракционном острове, не считаясь с интересами целого и с заграницей. При этом нельзя сказать даже, что в результате различия политических принципов и воззрений различные пути фракций на арене политической борьбы стали для каждого отдельного их члена вопросом совести и необходимости. С большинством членов фракций происходит то же, что и с большинством последователей различных вероисповеданий: они оказываются в затруднительном положении, если их просят изложить отличие их убеждений от конкурирующих. В наших фракциях подлинным центром кристаллизации является не программа, а личность — парламентский кондотьер.

Точно так же и решения вытекают не из взглядов членов фракций, а из воли вождя или выдающегося оратора, что обычно совпадает. Попытка отдельных членов фракции выступить против руководства, против ловкого оратора фракции связана с таким количеством неприятностей, с поражением при голосовании, с затруднениями в повседневном частном обиходе, что нужно обладать весьма самостоятельным характером, чтобы отстаивать свое мнение, не совпадающее с мнением руководства; а характера недостаточно, если он не сочетается с достаточными знаниями и работоспособностью. Это же последнее чаще встречается у левых. Партии, поддерживающие существующий [порядок], состоят в целом из удовлетворенных подданных, а нападающие на status quo, естественно, рекрутируются из людей, недовольных существующим режимом. Среди же элементов, на которых основано удовлетворение, зажиточность играет не последнюю роль. Особенностью, если не людей вообще, то во всяком случае немцев, является то, что недовольный трудолюбивее и деятельнее довольного, голодный — старательнее сытого. Конечно, духовно и физически сытые немцы иногда бывают трудолюбивы из чувства долга, но в большинстве ими не являются, а среди тех, кто борется против существующего [порядка], встречается иногда человек состоятельный, пришедший к этому у нас реже из убеждений, а чаще из честолюбия, в надежде быстрее добиться на этом пути удовлетворения, или же пришедший к этому из недовольства политическими либо религиозными невзгодами. В общем итоге мы наблюдаем большее трудолюбие среди сил, нападающих на существующий [порядок], чем среди тех, кто его защищает, т. е. среди консерваторов. Этот недостаток трудолюбия у большинства в свою очередь облегчает руководство консервативной фракцией в большей мере, чем его могли бы осложнить индивидуальная самостоятельность и большее упрямство отдельных личностей. По моим наблюдениям, зависимость консервативных фракций от предписаний руководства по крайней мере так же сильна, а, быть может, и сильнее, как и в крайне-

левых фракциях. Среди правых боязнь разрыва, быть может, сильнее, чем среди левых, а сильно действовавший тогда на каждого упрек в «министериальности» служил среди правых партий большим препятствием к объективному суждению, чем среди левых. Этот упрек немедленно перестал оказывать действие на консерваторов и на другие фракции, как только в результате моей отставки место правителя стало вакантным, и каждый лидер партии в надежде принять участие в его замещении стал угодливым и министериальным вплоть до бесчестного отречения и бойкота прежнего канцлера и его политики.

Во времена декларантов антиминистерское течение, т. е. нерасположение, проявляемое ко мне многими из людей моего сословия, было энергично поддержано сильными влияниями при дворе. Император никогда не отказывал мне в своей милости и поддержке; это, однако, не мешало государю ежедневно читать «Reichsglocke». Эта газета, жившая только клеветой против меня, распространялась министерством двора при нашем и других дворах в количестве 13 экземпляров и имела сотрудников не только среди католического, но и среди евангелического придворного и сельского дворянства. Императрица Августа постоянно давала мне чувствовать свою немилость, а ее непосредственные подчиненные, высшие чиновники двора, зашли в пренебрежении к внешним формам так далеко, что я вынужден был письменно жаловаться даже его величеству. Жалобы эти имели тот успех, что по крайней мере внешними формами по отношению ко мне перестали пренебрегать. — Министр Фальк, скорее в результате такого же нелюбезного отношения при дворе к нему и его жене, чем в результате деловых затруднений, вскоре подал в отставку.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В 1872 г. произошел раскол консервативной партии. Отколовшаяся часть (так называемые *«новоконсерваторы»)* стояла за поддержку политики Бисмарка и в основном благожелательно относилась к мероприятиям культуркампфа. Оставшееся ядро консервативной партии *(«староконсерваторы»)* продолжало в течение ближайших лет находиться в резкой оппозиции Бисмарку, в частности в отношении политики культуркампфа. Этих староконсерваторов имеет в виду Бисмарк, говоря о «разрыве с консерваторами».

2 *Бордигера* — курорт в Северной Италии.

3 Речь идет о так называемом «конституционном конфликте» 1862—1866 гг. между правительством и ландтагом в Пруссии.

4 Цитата из «Катехизиса промышленников» Сен-Симона (Oeuvres, v. VIII, S. 53, Paris 1875). *(Прим. нем. изд.)*

5 *Закон о школьном надзоре* в Пруссии был принят 11 марта 1872 г. Этот закон явился одним из первых мероприятий культуркампфа.

[6] Намек на сопротивление Прусского ландтага реорганизации армии, послужившее причиной возникновения «конституционного конфликта» (1862—1866).

[7] *«Reichsglocke»* — газета, основанная в 1870 г. Поддерживала графа Арнима в его борьбе против Бисмарка.

[8] Статьи Перро, помещенные осенью 1875 г. в «Kreuzzeitung», были направлены лично против Бисмарка и его ближайших сотрудников (Дельбрюка и Кампгаузена). Против Бисмарка выдвигались обвинения в участии в биржевых спекуляциях и т. п.

[9] Прусским министром юстиции был в то время (с 1867 по 1879 г.) Адольф Леонгард. *(Прим. нем. изд.)*

[10] Цитата из Цицерона. De Legibus, 111, 3, 8.

[11] *Декларантами* называлась группа консерваторов, подписавшая помещенный в «Kreuzzeitung» протест против заявлений, сделанных Бисмарком в рейхстаге от 9 февраля 1876 г. В этой речи Бисмарк заявил, что всякий читатель «Kreuzzeitung» есть косвенный соучастник клеветы, возводимой этой газетой на высших должностных лиц империи.

[12] *Пронунсиаменто* — испанское слово, обозначающее военный переворот; приобрело несколько иронический смысл и именно в таком смысле употреблено здесь Бисмарком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ИНТРИГИ

I

Граф Гарри Арним быстро пьянел и однажды после бокала вина за завтраком сказал мне: «В каждом, кто опередил меня по карьере, я вижу личного врага и веду себя по отношению к нему соответствующим образом. Я стараюсь только, чтобы он не заметил этого, пока является моим начальством». Это было в ту пору, когда после смерти своей первой жены он, вернувшись из Рима, во время прогулок обращал на себя всеобщее внимание итальянской нянькой сына, разряженной в красное с золотом платье, а в политических разговорах охотно цитировал Макиавелли и произведения итальянских иезуитов и биографов. Он позировал тогда в роли беззастенчивого честолюбца, великолепно играл на рояле и благодаря своей красоте и ловкости был опасен для дам, за которыми ухаживал. Ловкость эту он приобрел рано, еще будучи гимназистом нейштеттинской гимназии, пройдя обучение у дам из бродячей труппы актеров, где игрой на рояле заменял недостающий оркестр. Это было после того, как он еще ранее вынужден был покинуть гимназию в Кеслине по мотивам своего безнравственного поведения.

Среди лиц, которые наряду с заграничными влияниями, наряду с «Reichsgloeke» и ее сотрудниками из аристократических и придворных кругов и из состава министерств моих коллег, наряду с раздраженным юнкерством и его статьями эры (Aera-Artikeln) в «Kreuzzeitung» старались лишить меня доверия императора, граф Гарри Арним играл выдающуюся роль.

23 августа 1871 г. он, по моему предложению, был назначен посланником, а вскоре послом в Париже, где я надеялся, несмотря на его недостатки, с пользой применить в интересах службы его незаурядные способности. Он же видел в своем положении там лишь ступеньку, опираясь на которую мог с большим успехом добиваться моего устранения и стать моим преемником. В частных письмах к императору он подчеркивал,

что по непрерывности правления прусский королевский дом в настоящий момент является старейшим в Европе и что из этой милости божьей для императора как doyen [руководящего; старшего] монарха вытекает обязанность охранять и защищать легитимность [1] и непрерывность других старых династий. Игра на этих чувствах императора была психологически правильно рассчитана, и, будь Арним единственным советником последнего, ему, быть может, удалось бы посредством искусственно взвинченного чувства прирожденного долга государя затемнить его ясное и трезвое суждение. Но Арним не знал, что император со свойственной ему прямотой и честностью показывал письма мне и этим давал мне возможность, взывая к политическому разуму или, можно сказать, здравому смыслу государя, объяснять ему вред и опасности, которым мы подверглись бы, если бы пошли по рекомендуемому Арнимом пути восстановления легитимности во Франции [2].

Император позднее разрешил опубликовать мои письменные высказывания в этом смысле против арнимовских пасквилей. В одном из моих писем упоминается, что императору известно о том, что искренность Арнима подвергается сомнению в руководящих кругах; при английском дворе его не пожелали иметь в качестве посла, «так как ни одному его слову не стали бы верить». Граф Арним неоднократно пытался добиться свидетельства английского кабинета, опровергающего мой намек, и получить от английских государственных деятелей, более благоволивших к нему, чем ко мне, заверение, что им неизвестно ничего подобного. Однако упомянутое мною предварительное отклонение [кандидатуры] Арнима было получено императором в такой форме, что я мог публично ссылаться в этом вопросе на свидетельство его величества [3].

После того как Арним убедился в 1873 г. в Берлине, что его шансы занять мое место еще не столь высоки, как он полагал, он попытался пока восстановить прежние добрые отношения. Он посетил меня, выразил сожаление, что мы разошлись из-за недоразумений и интриг других, и напомнил о тех отношениях, которые когда-то были между нами и к которым он стремился. Слишком хорошо осведомленный о его происках и о серьезности его нападок против меня, чтобы дать себя обмануть, я говорил с ним совершенно открыто, упрекнул его, что, ошибочно предполагая стать моим преемником, он установил связи со всеми враждебными мне элементами, чтобы пошатнуть мое политическое положение; я заявил, что я не верю в его примирительное настроение. Он покинул меня, пустив слезу с присущей ему легкостью. Я знал его с его детских лет.

Мой официальный процесс против Арнима был спровоцирован его отказом подчиниться официальным инструкциям [4].

На судебных заседаниях я ни разу не касался того факта, что деньги, полученные им для защиты нашей политики во французской прессе — от 6 до 7 тыс. талеров, — он использовал для того, чтобы в германской прессе нападать на нашу политику и на мою позицию. Главным его органом, в котором он с возрастающей уверенностью в победе нападал на меня, была «Spener'sche Zeitung». Газета эта, дышавшая на ладан, продалась ему. Здесь он делал намеки на то, что будто бы только он один знает средство, как победоносно довести до конца борьбу с Римом [5], и что лишь мое ничем не оправданное честолюбие не допускает к кормилу правления такого превосходящее [меня] государственного деятеля, как он. Мне он никогда не высказывался о своем Arcanum [таинственном средстве]. Последнее заключалось в выдвинутой отдельными канониками [6] идее о том, что в результате решений Ватикана [7] римско-католическая церковь изменила свою природу, стала другим правовым субъектом и потеряла права собственности и договорные права, приобретенные ею в прошлом. Я обдумывал это средство раньше Арнима, но не считаю, что оно оказало бы на исход спора более сильное воздействие, чем основание старокатолической церкви [8], право на существование которой логически и юридически было еще более понятно и обоснованно, чем рекомендованный отказ прусского правительства от своих отношений с римской церковью. Число старокатоликов показывает размеры того воздействия, которое этот шахматный ход мог бы оказать на количество сторонников папы и неокатолицизма. Еще меньше пользы я ожидал от предложения графа Арнима, высказанного им в одном из опубликованных донесений, о том, чтобы прусское правительство послало на собор «Oratores» для обсуждения вопросов догмы. Я подозреваю, что Арнима навела на эту идею иллюстрация на заглавной странице написанной Паоло Сарпи «Истории Тридентского собора», на которой изображено это собрание, и два человека, сидящие за отдельным столом, названы «Oratores Caesareae Majestatis». Если моя догадка верна, то графу Арниму следовало бы знать, что на церковной латыни того времени «orator» обозначал посланника [9].

Судебным процессом против Арнима я преследовал лишь одну цель: добиться удовлетворения поставленного мной в служебном порядке и окончательно отклоненного Арнимом требования выдать определенную и, несомненно, официальную часть документов посольства. Мне как начальнику важно было только защитить официальный авторитет. Осуждения Арнима я не добивался и не ожидал, а, наоборот, после приговора решительно высказался бы за его помилование, если это последнее было юридически допустимым при положении, созданном заочным осуждением. Меня толкала не личная месть,

а — если дать этому укоризненное определение — скорее бюрократическое желание ущемленного в своем авторитете начальника доказать свою правоту. Если уже на первом процессе осуждение на девять месяцев тюрьмы было, по моему мнению, чрезмерно строгим, то приговор на втором процессе — к пяти годам каторги — был возможен только потому, что, как справедливо заметил сам осужденный, обычный уголовный суд не в состоянии с полным пониманием оценить грехи дипломатии в международных сношениях. Это осуждение я только в том случае счел бы соответствующим, если бы подтвердилось подозрение, что осужденный использовал свои связи с бароном Гиршем и замедлял исполнение данных ему инструкций в целях биржевых спекуляций. Судебный процесс не только не привел этому доказательств, но и не пытался этого сделать. Предположение, что [Арним] лишь из деловых соображений уклонился от выполнения точного указания, все же оставалось возможным в пользу Арнима, хотя я не могу ясно представить себе ход его мыслей в данном случае. Упомянутое подозрение не было, однако, мною высказано, хотя оно было известно ведомству иностранных дел и придворному обществу благодаря сообщениям и путешественникам из Парижа и циркулировало в этих кругах. Наша дипломатическая служба много потеряла от того, что необычайная способность Арнима к этой службе не сочеталась у него с такой же надежностью и добросовестностью.

Какое впечатление все это производило на дипломатические круги, видно, между прочим, из нижеследующего письма статс-секретаря фон Бюлова от 23 октября 1874 г.:

«В «Kreuzzeitung» помещена сегодня гнусная корреспонденция, явно самого графа Арнима, написанная на мотив: «Что же я сделал дурного? Ничего, я лишь спас от нескромности послов и канцеляристов чисто личные дела; я давно отдал бы их, если бы ведомство иностранных дел не вело себя так неделикатно и грубо». Трудно во время следствия отвечать на такие лживые измышления и извращения. Пока что «Weserzeitung» поместила вчера очень полезную заметку относительно содержания некоторых из недостающих документов. Вчера меня посетил фельдмаршал фон Мантейфель, главным образом, чтобы осведомиться насчет causa [дела] Арнима. В весьма подходящем случаю тоне он высказал свое убеждение, что иначе нельзя было действовать и что он сочувствует рейхсканцлеру и дипломатии, которым приходится вести дела при таких условиях. Так как он, впрочем, знает Арнима с юных лет и достаточно натерпелся от него в Нанси, где он служил не то под его начальством, не то вместе с ним, то для него катастрофа не была неожиданностью. Арним — это человек, который в каждом случае спрашивал только

одно: какую пользу или какой вред это принесет лично мне? Буквально то же самое говорили мне лорд Одо Россель в качестве итога своего римского опыта, и Нотомб, помнящий его по Брюсселю. Больше всего меня удивило, что фельдмаршал несколько раз возвращался к тому, что летом 1872 г. Арним начинал конспирировать против вашей светлости, а летом 1873 г. старался зондировать в этом отношении почву у него, Мантейфеля, и что в результате своей позиции против Тьера он был одним из главных виновников падения последнего и вытекающих отсюда всех вредных политических последствий [10]. О последнем вопросе Мантейфель говорил с большим знанием фактов и людей и намекнул на влияние, которого Арним сумел добиться тогда на высочайшую инстанцию путем интриг против республики и за легитимистскую традицию. В день падения Тьера Арним обедал вместе с несколькими видными орлеанистами [11] во время обеда он получал из Версаля бюллетени и встречал их с радостным одобрением. Это было поддержкой для партии; без нее она, быть может, не имела бы морального мужества совершить coup d'Etat [государственный переворот] 24 мая [12]. В том же духе мне говорил Нотомб, что Тьер заявил ему прошлой зимой об Арниме: «cet homme m'a fait beaucoup de mal, beaucoup plus meme que ne sait ni pense Monsieur de Bismarck» [«этот человек сделал мне много зла, гораздо больше, чем думает и знает господин фон Бисмарк»]».

На судебном процессе о клевете против редактора «Reichsglocke» в январе 1877 г.[13] прокурор сказал:

«Я возлагаю моральную ответственность за эту преступную тенденцию на всех сотрудников газеты, а также на всех тех, кто поддерживает газету словом и делом, прежде всего особенно на господина фон Лоэ, а затем также и на графа Гарри фон Арнима. Не подлежит никакому сомнению, что все статьи «Арним contra [против] Бисмарк», издавна поставившие задачу нападать на особу князя Бисмарка, написаны в интересах графа Арнима».

II

По моему убеждению, римская курия, так же как большинство политиков с 1866 г., считала войну между Францией и Германией вероятной и таким же вероятным считала поражение Пруссии. Исходя из предположения войны, тогдашний папа [14] должен был рассчитывать, что победа Франции над евангелической Пруссией даст возможность развивать в дальнейшем наступление, которое он с помощью собора и [догмата] непогрешимости предпринял против некатолического, мира и слабонервных католиков. Зная, как императорская Франция

и особенно императрица Евгения относились в то время к папе [15], можно было без особого риска предположить, что Франция, если бы ее войска победоносно вступили в Берлин, при заключении мира не оставила бы без внимания интересы католической церкви в Пруссии, точно так же как русский император обычно пользовался мирными договорами для того, чтобы вступаться за своих единоверцев на Востоке [16]. Gesta Dei per Francos [действия бога через посредство франков], быть может, обогатились бы некоторыми новыми успехами папской власти, и исход религиозной борьбы, которая, по мнению католических писателей (Доносо Кортес де Вальдегамас)[17], в конечном счете должна решиться в вооруженной борьбе «на песках Бранденбургской марки»[18], был бы в различных отношениях предопределен преобладающей позицией Франции в Германии. Выступление императрицы Евгении на стороне воинственного направления французской политики вряд ли не было связано с ее преданностью католической церкви и папе. И если французская политика и личные связи Луи-Наполеона с итальянским движением не допускали, чтобы император и императрица услужливо относились к папе в Италии, то в случае победы в Германии императрица проявила бы свою преданность папе и постаралась бы предоставить в этой области, правда, недостаточное, fiche de consolation [возмещение] за ущерб, нанесенный папскому престолу в Италии по вине и при участии Наполеона [19].

Если бы после Франкфуртского мира [20] во Франции у кормила осталась католичествующая партия, будь то в роялистской, будь то в республиканской форме, то вряд ли удалось бы на столь долгий срок, как теперь, отдалить возобновление войны. Тогда следовало бы опасаться, что обе враждующие с нами соседние державы — Австрия и Франция — вскоре сблизились бы друг с другом на общей почве католицизма и выступили бы против нас. А тот факт, что в Германии, так же как и в Италии, нет недостатка в элементах, у которых религиозное чувство преобладает над национальным, послужил бы усилению и поощрению такого католического альянса. Нельзя с уверенностью предугадать, нашли ли бы мы союзников против него; во всяком случае Россия по своему усмотрению решала бы вопрос, превратить ли своим присоединением франко-австрийскую дружбу в сверхмощную коалицию, как в Семилетнюю войну [21], или же держать нас в зависимости под дипломатическим давлением этой возможности.

С восстановлением католичествующей монархии во Франции значительно усилился бы соблазн взять у нас реванш совместно с Австрией. Поэтому я считал противоречащим интересам Германии и мира содействие реставрации монархии во Франции и оказался во вражде с представителями этой идеи. Это про-

тиворечие обострило личные отношения с тогдашним французским послом Гонто-Бироном и с нашим тогдашним послом в Париже графом Гарри Арнимом. Первый действовал в духе той партии, к которой он принадлежал по своей природе, т. е. легитимистско-католической; второй же спекулировал на легитимистских симпатиях императора, для того чтобы дискредитировать мою политику и стать моим преемником. Гонто, ловкий и любезный дипломат из старинного рода, нашел точки соприкосновения с императрицей Августой, с одной стороны, в ее пристрастии к католическим элементам в партии центра и вокруг этой партии, с которыми правительство вело борьбу, а с другой стороны, в качестве француза. Это качество в дни юности императрицы, когда еще не существовало железных дорог, было при немецких дворах почти такой же рекомендацией, как и принадлежность к английской нации. Домашняя прислуга ее величества говорила по-французски, ее чтец француз Жерар * был вхож в императорскую семью и посвящен в ее переписку. Все иностранное, за исключением русского, имело для императрицы такую же притягательную силу, как для многих жителей мелких немецких городов. Раньше, при прежних медлительных средствах сообщения, всякий иностранец, в особенности англичанин или француз, почти всегда был интересным посетителем при немецких дворах; его не подвергали щепетильным расспросам о положении, которое он занимал на родине; для получения доступа ко двору достаточно было того, что он «издалека», а не соотечественник.

По той же причине в строго евангелических кругах непривычное появление католика, а при дворе священнослужителя католической церкви возбуждало тогда интерес. Во времена Фридриха-Вильгельма III, если кто-либо был католиком, то это являлось интересным нарушением однообразия. К школьнику-католику сотоварищи относились без всякого религиозного недоброжелательства; смотрели на него с некоторым удивлением, как на нечто экзотическое, и не без удовлетворения отмечали, что в нем нет ничего от Варфоломеевской ночи, костров инквизиции и Тридцатилетней войны[22]. В доме профессора Савиньи, женатого на католичке, детям с наступлением 14-летнего возраста предоставлялся свободный выбор вероисповедания; все они приняли евангелическую религию отца, за исключением моего сверстника[23], впоследствии ставшего

* Принятый ее величеством, вероятно, по рекомендации Гонто, он вел оживленную переписку с Гамбеттой. После смерти последнего переписка попала в руки госпожи Адам и послужила главным материалом для книги «La Societe de Berlin». По возвращении в Париж Жерар руководил одно время официозною прессою, затем был секретарем посольства в Мадриде, поверенным в делах в Риме и в 1889 г. — в Черногории.

посланником при Союзном сейме и одним из основателей центра. Когда мы были не то в последнем классе гимназии, не то уже студентами, он без всякого полемического тона говорил о мотивах при выборе религии: на него сильное впечатление производила импонирующая торжественность католического богослужения, а кроме того, быть католиком в общем благороднее, так как «ведь протестантом бывает всякий глупый мальчишка».

Эта порядки и настроения изменились за последние полвека, когда политическое и экономическое развитие привело в более близкое соприкосновение самые разнообразные народности не одной только Европы. Теперь в любых кругах Берлина никто не привлечет внимания и даже не произведет впечатления заявлением, что он католик. Только императрица Августа не освободилась от впечатлений своей юности. Католический священник казался ей благороднее евангелического того же ранга и значения. Задача завоевать расположение француза или англичанина увлекала ее больше, нежели та же задача по отношению к своему соотечественнику, а одобрение со стороны католиков было ей приятнее одобрения единоверцев. Гонто-Бирону, притом же из знатного рода, нетрудно было создать себе в придворных кругах положение, благодаря которому связи различными путями вели к особе императора.

То обстоятельство, что в лице Жерара императрица сделала своим личным секретарем французского тайного агента, было ненормальностью. Возможность этого понятна только при доверии, которым пользовался Гонто благодаря своей ловкости и благодаря содействию части католического окружения ее величества. Для французской политики и для положения французского посла в Берлине было, разумеется, весьма выгодно, чтобы человек, подобный Жерару, вращался в семейном кругу императора. Жерар был ловок во всем, что не касалось щегольства, — тут он не умел скрыть своего тщеславия. Ему хотелось слыть образцом последней парижской моды, слишком эксцентричной для Берлина, но этот недостаток нисколько не вредил ему во дворце. Интерес к экзотическим и в особенности к парижским образцам был сильнее простых вкусов.

Деятельность Гонто на службе Франции не ограничивалась берлинской территорией. В 1875 г. он отправился в Петербург, чтобы подготовить там вместе с князем Горчаковым театральную инсценировку, которая при предстоявшем посещении Берлина императором Александром должна была убедить мир, что один Горчаков словами «Quos ego!» [«Я вас!»] [24] спас безоружную Францию от немецкого нападения и что для этой цели он сопровождал императора в Берлин.

Я не знаю, от кого исходила эта мысль; если от Гонто, то он нашел у Горчакова благоприятную почву при тщеславии

последнего, его зависти ко мне и тому противодействию, которое я оказывал его претензиям на всемогущество. В конфиденциальной беседе я вынужден был сказать Горчакову: «Вы обращаетесь с нами не как с дружественной державой, а comme un domestique, qui ne monte pas assez vite, quand on a sonne [как со слугой, который недостаточно быстро появляется по звонку]». Горчаков пользовался превосходством своего авторитета над посланником, графом Редерном, и сменившими последнего поверенными в делах и предпочитал для переговоров путь сношений с нашим представительством в Петербурге, избегая давать инструкции русскому послу в Берлине о переговорах со мной. Я считаю клеветою, будто бы, как мне говорили русские, это делалось потому, что в бюджете министра иностранных дел на телеграммы была ассигнована определенная сумма, и поэтому Горчаков предпочитал присылать свои сообщения через нашего поверенного в делах на немецкий счет, а не на русский. Хотя он, несомненно, был скупым, но мотивов я ищу в области политики. Горчаков был остроумным и блестящим оратором и любил блеснуть этим. в особенности перед иностранными дипломатами, аккредитованными в Петербурге. Он говорил одинаково красноречиво на французском и немецком языках, и я часто как посланник, а затем коллега [Горчакова] часами с удовольствием слушал его назидательные речи. В качестве слушателей он предпочитал иностранных дипломатов, особенно развитых молодых поверенных в делах. Видное положение министра иностранных дел, при котором они были аккредитованы, помогало впечатлению от ораторского искусства. Пожелания Горчакова доходили до меня этим путем в такой форме, которая напоминала «Roma locuta est» [«Рим высказался»] [25]. В частных письмах непосредственно ему я выразил недовольство этой формой деловых сношений и тоном его высказываний; я просил его уже не видеть во мне ученика по дипломатическому искусству, каким я охотно был по отношению к нему в Петербурге, а считаться теперь с фактом, что перед ним коллега, ответственный за политику своего императора и великой империи.

Когда в 1875 г. пост посла в Петербурге был вакантным и обязанности поверенного в делах исполнял один из секретарей посольства, посланник в Афинах господин фон Радовиц был послан в Петербург «en mission extraordinaire» [«с чрезвычайной миссией»], чтобы и внешне поставить деловые сношения на равную ногу. Решительной эмансипацией от властного влияния Горчакова он в такой степени навлек на себя неудовольствие последнего, что недружелюбие русского кабинета к Радовицу, несмотря на его женитьбу на русской, быть может, не исчезло до настоящего времени.

Роль ангела мира была подготовлена в Берлине Гонто-Бироном. Эта роль очень подходила для самолюбия Горчакова и производила в Париже впечатление; это было для Горчакова превыше всего. Можно предположить, что его разговоры с графом Мольтке и Радовицем, которые приводились впоследствии в доказательство наших военных намерений, были искусно вызваны им для того, чтобы наглядно показать Европе картину угрожаемой нами и охраняемой Россией Франции. Прибыв в Берлин 10 мая 1875 г., Горчаков разослал отсюда циркулярную депешу, начинавшуюся словами: «Maintenant [теперь], — т. е. под давлением России, — la paix est assuree [мир обеспечен]», как будто прежде было иначе. Один из негерманских монархов[26], оповещенный этой депешей, случайно показал мне текст.

Я резко упрекал князя Горчакова и говорил, что нельзя назвать поведение дружеским, если доверчивому и ничего не подозревающему другу внезапно вскочить на плечи и за его счет инсценировать там цирковое представление; подобные случаи между нами, руководящими министрами, вредят обеим монархиям и государствам. Если ему так уж важно, чтобы его похвалили в Париже, то не к чему портить для этого наши отношения с Россией, я с удовольствием готов оказать ему содействие и отчеканить в Берлине пятифранковые монеты с надписью: «Gortschakoff protege la France» [«Горчаков покровительствует Франции»]. Мы могли бы также устроить в германском посольстве [в Париже] спектакль и с той же надписью представить там перед французским обществом [Горчакова] в виде ангела-хранителя, в белом одеянии с крыльями, освещенного бенгальским огнем.

Он растерялся от моих резких упреков, оспаривал факты, для меня бесспорно доказанные, и не проявил обычно присущих ему самоуверенности и красноречия. Из этого я мог заключить, что он сомневался, одобрит ли его царственный повелитель его поведение. Доказательства были исчерпаны, когда я с той же откровенностью пожаловался императору Александру на нечестное поведение Горчакова. Император согласился по существу, но, закурив и смеясь, ограничился советом, не принимать слишком в серьез этого «vanite senile» [«старческого тщеславия»]. Однако неодобрение, высказанное этими словами, никогда не было выражено в аутентичной форме, достаточной, чтобы опровергнуть легенду о нашем мнимом намерении в 1875 г. напасть на Францию.

Как тогда, так и позже я был настолько далек от подобного намерения, что скорее вышел бы в отставку, чем приложил бы руку к войне, не имевшей никакой другой цели, как только не дать Франции перевести дух и собраться с силами. Такая война, по моему мнению, отнюдь не привела бы к дли-

тельному состоянию устойчивости в Европе, а скорее могла бы вызвать солидарность России, Австрии и Англии в недоверии, а возможно и активном выступлении против молодой, еще не консолидировавшейся империи, толкнув ее этим на путь непрерывной политики войн и поддержания престижа, которая довела до гибели Первую и Вторую французскую империю[27]. Европа увидела бы в нашем поведении злоупотребление приобретенной силой, и рука каждого (включая и центробежные силы в самой империи) поднялась бы против Германии или оставалась бы у шпаги. Именно мирный характер германской политики после изумительных доказательств военной мощи нации существенно содействовал тому, чтобы скорее, чем мы ожидали, примирить иностранные державы и внутренних противников с развитием новогерманской силы хотя бы до степени «tolerari posse» [«можно терпеть»] и побудить их смотреть на развитие и укрепление империи отчасти доброжелательно, а отчасти [рассматривать Германию] временно приемлемым стражем европейского мира.

Для наших понятий было очень странно, что, пренебрежительно отзываясь о своем руководящем министре, русский император все же оставлял всю машину ведомства иностранных дел в его руках и этим допускал его влияние на миссии, чем тот фактически и пользовался. Несмотря на то, что император ясно видел окольные пути, на которые давал себя увлечь его министр из-за личных побуждений, он не подвергал строгому просмотру проекты собственноручных писем к императору Вильгельму, составлявшиеся Горчаковым. А такой просмотр был бы необходим для предотвращения впечатления, будто доброжелательное отношение императора Александра в основном уступило место полным претензий и опасным настроениям Горчакова. У императора Александра был изящный и разборчивый почерк, самый процесс письма не затруднял его, но хотя очень длинные и касающиеся деталей письма от государя к государю, как правило, были полностью написаны собственной рукой императора, однако, судя по их слогу и содержанию, я, как правило, мог полагать о наличии составленного Горчаковым проекта, точно так же как и собственноручные ответы моего государя составлялись мною. Таким образом, хотя собственноручная переписка, в которой оба монарха с решающей авторитетностью касались важнейших политических вопросов, не имела контрассигнации[28] министра в качестве конституционной гарантии, но зато подвергалась все же коррективу сотрудничеством министра при условии, что высочайший отправитель письма точно придерживался черновика. Правда, в этом автор черновика не мог быть уверен, так как переписанное набело письмо либо вовсе не попадало в его руки, либо вручалось ему уже запечатанным.

Как далеко зашла гонто-горчаковская интрига, видно из моего письма к императору из Варцина от 13 августа 1875 г.:

«Милостивое письмо вашего величества, от 8-го сего месяца[29] из Гаштейна я получил с почтительной признательностью и прежде всего порадовался тому, что лечение приносит пользу вашему величеству, несмотря на плохую погоду в Альпах. Письмо королевы Виктории я честь имею снова приложить при сем; было бы весьма интересно, если бы ее величество подробнее изъяснилась о происхождении тогдашних слухов о войне. Ведь источники должны были казаться королеве вполне достоверными, иначе ее величество не сослалась бы на них снова и английское правительство не связало бы с ними такие важные и недружелюбные в отношении нас меры. Я не знаю, найдете ли вы, ваше величество, удобным поймать на слове королеву Викторию, когда ее величество утверждает, будто ей «легко доказать, что ее опасения не были преувеличены». Было бы вообще важно узнать, откуда могло попасть в Виндзор [30] такое «действие заблуждений»[31]. Намек на лица, которые должны считаться «представителями» правительства вашего величества, повидимому, имеет в виду графа Мюнстера. Он мог, разумеется, так же как граф Мольтке, абстрактно (akademiseh) говорить о пользе своевременного нападения на Францию, хотя я об этом ничего не знаю и никто не давал ему на это полномочий. Можно даже сказать, что сохранению мира не способствовала бы уверенность Франции в том, что она *ни при каких* обстоятельствах не подвергнется нападению, как бы она ни поступала. Теперь, точно так же как в 1867 г. по вопросу о Люксембурге, я ни за что не посоветовал бы вашему величеству немедленно начать войну на том основании, что со временем противник начнет ее при лучшей подготовке, ибо никогда нельзя предвидеть пути божественного провидения. Однако не следует также создавать у противника *уверенность* в том, что мы в любом случае будем ожидать его нападения. Поэтому я не стал бы порицать Мюнстера, если он при случае сказал что-либо в этом духе, и у английского правительства поэтому еще не было бы права основывать на неофициальных разговорах свои последующие официальные шаги и sans nous dire gare [не предупредив нас] призывать остальные державы оказать на нас давление. Такое серьезное и недружелюбное поведение заставляет все же предполагать, что у королевы Виктории были еще другие причины верить в военные замыслы, кроме случайных слов графа Мюнстера, в которые я даже не верю. Лорд О. Россель заверил, что он всегда доносил о своей твердой уверенности в наших миролюбивых намерениях. В противоположность этому все ультрамонтаны и их друзья тайно и явно обвиняли нас в печати в том, будто мы вскоре собираемся воевать, а французский посол, который

вращался в этих кругах, передавал эту ложь в Париж как достоверное известие. Но и этого в сущности было еще недостаточно, чтобы внушить королеве Виктории такое доверие к опровергнутым самим *вашим величеством* выдумкам, и поэтому королева еще раз возвращается к ним в письме от 20 июня. Я слишком мало знаком с характером королевы, чтобы составить мнение о том, возможно ли, что слова «легко доказать» сказаны только с целью замаскировать слишком поспешное заявление, вместо того чтобы откровенно в нем сознаться.

Простите, ваше величество, если интерес «специалиста» побудил меня после трехмесячного молчания распространяться об этом, ныне уже поконченном, вопросе».

III

Граф Фридрих Эйленбург летом 1877 г. объявил, что физически он является банкротом; и в самом деле, его работоспособность очень понизилась, но не от чрезмерной работы, а от невоздержанности, с которой он с юности предавался всем видам наслаждения. Он обладал умом и смелостью, но не всегда был склонен к упорной работе. Его нервная система была подорвана, и в конце концов он находился в состоянии то слезливой вялости, то искусственного возбуждения. При этом в середине 70-х годов им, как мне кажется, овладела жажда популярности, чуждая ему прежде, когда он был достаточно здоров, чтобы развлекаться. Это увлечение не было свободно от налета зависти ко мне, хотя мы и были старыми друзьями. Свою жажду популярности он пытался удовлетворить участием в административной реформе [32]. Ему нужна была удача, чтобы прославиться. Для обеспечения успеха, он при парламентских прениях по вопросу о реформе сделал несколько непрактичных уступок и бюрократизировал основного представителя нашего сельского управления— должность ландрата, — а одновременно и новое местное управление. В прежние времена должность ландрата была прусской особенностью, как бы последним ответвлением административной иерархии, при помощи которого последняя непосредственно соприкасалась с народом. По своему положению в обществе ландрат был выше других чиновников того же ранга. Прежде ландратом становились не с намерением сделать карьеру, а с перспективой закончить свою жизнь ландратом округа. Авторитет такого ландрата возрастал с каждым годом его службы, у него не было других интересов, кроме представительства интересов своего округа, и никаких других стремлений, кроме стремления удовлетворить запросы местного населения. Совершенно ясно, какое полезное действие оказывало это учреждение как для вышестоящих [властей], так и для управляемых и с каким

малым количеством людей и денег могли вестись дела округа. С тех пор ландрат превратился в простого правительственного чиновника, а его должность стала промежуточной ступенью для дальнейшего повышения на государственной службе и средством облегчить свое избрание в депутаты; а в качестве депутата ландрат, если он карьерист, считает свои отношения с начальством важнее, чем с местным населением. Одновременно вновь созданные местные начальники (Amtsvorstande) не являются [представителями] органов самоуправления по аналогии с городскими органами, а превратились в низшую прослойку канцелярской бюрократии, через посредство которой досужая, оторванная от реальной жизни центральная бюрократия распространяет на деревню любые свои непрактичные или праздные начинания и которая заставляет несчастные самоуправления составлять отчеты и списки для удовлетворения любознательности чиновников, имеющих больше свободного времени, нежели государственных дел. Сельским хозяевам или промышленникам невозможно справиться с такими требованиями, не отрываясь от своих основных занятий. Их место неизбежно все чаще занимают платные писари, которые должны содержаться за счет местного населения и зависят ad nutum [от кивка] высшей бюрократии.

Преемником графа Эйленбурга я наметил Рудольфа фон Беннигсена и на протяжении 1877 г. дважды — в июле и в декабре — беседовал с ним в Варцине. При этом выяснилось, что он пытался расширить предмет наших переговоров за пределы, соответствовавшие взглядам его величества и моим собственным мнениям. Я знал, что и без того было бы нелегкой задачей убедить государя в приемлемости кандидатуры самого Беннигсена, он же понял дело так, словно речь шла о перемене системы, перемене, обусловленной политическим положением, и о переходе руководства к национал-либеральной партии. Стремление приобщиться к власти сказалось уже в той горячности, с которой партия проводила закон о заместительстве [33], в надежде таким образом открыть путь к созданию коллегиального имперского министерства, где вместо единственно ответственного рейхсканцлера решения выносили бы самостоятельные ведомства с коллегиальным голосованием, как в Пруссии. Поэтому Беннигсен не хотел стать просто преемником Эйленбурга, а требовал, чтобы вместе с ним вошли [в правительство] по крайней мере Форкенбек и Штауфенберг. Форкенбек [по словам Беннигсена] — подходящий человек для внутренних дел и окажется там столь же искусным и энергичным, как и в управлении городом Бреславлем. Сам Беннигсен взял бы на себя министерство финансов, а Штауфенберг должен возглавить имперское казначейство, чтобы он мог действовать совместно с ним.

Я заявил ему, что нет других вакансий, кроме места Эйленбурга; я готов предложить королю его [Беннигсена] кандидатуру на это место и был бы рад добиться принятия предложения. Если же я захотел бы посоветовать его величеству proprio motu [по собственному побуждению] освободить еще два министерских поста, чтобы заместить их национал-либералами, то у государя создалось бы впечатление, что речь идет не о целесообразном замещении мест, а о перемене системы; а это он принципиально отклонит. Вообще Беннигсен не должен рассчитывать на то, что при настроении короля, при нашем политическом положении возможно будет до некоторой степени допустить его фракцию в министерство и он сможет в качестве ее лидера осуществлять внутри правительства влияние, соответствующее ее значению, создав в некотором роде конституционное правительство большинства. У нас король фактически и без всякого противоречия с текстом конституции является министром-президентом, и если в качестве министра Беннигсен будет действовать в вышеуказанном направлении, то ему скоро придется выбирать между королем и своей фракцией. Он должен уяснить себе, что если бы мне удалось добиться его назначения, то тем самым его партия получила бы мощное орудие для усиления и расширения своего влияния; пусть он вспомнит пример Роона, который в качестве единственного консерватора вступил в либеральное правительство Ауэрсвальда[34] и стал тем центром, вокруг которого выкристаллизовалось превращение правительства в консервативное. Он не должен требовать от меня ничего невозможного, я достаточно хорошо знаю короля и границы моего влияния на него, для меня все партии довольно безразличны, даже совершенно безразличны, если не считать явных и скрытых республиканцев, правое крыло которых составляет прогрессивная партия. Моя цель — укрепление нашей национальной безопасности. Для своего внутреннего устройства у нации будет время лишь после консолидации ее единства, а тем самым и ее внешней безопасности. Национал-либеральная партия является теперь самым сильным элементом в парламенте для достижения этой цели. Консервативная партия, к которой я принадлежу в парламенте, достигла предела географического распространения, которое в настоящее время для нее возможно среди населения; она не имеет предпосылок для роста, которые сделали бы ее партией национального большинства. Ее естественно-историческая сфера влияния, ее территориальное расположение ограничивается нашими новыми провинциями; на западе и на юге Германии у нее нет той же основы, что в старой Пруссии. В частности на родине Беннигсена, в Ганновере, можно выбирать только между вельфами и национал-либералами, а последние пока представляют собой наиболее крепкий фундамент,

на который империя может опираться. Эти политические соображения побуждают меня пойти навстречу национал-либералам, как самой сильной партии в настоящее время, и попытаться привлечь ее лидера в качестве министра — безразлично, финансов или внутренних дел. Я смотрю на это с чисто политической точки зрения, обусловленной представлением, что теперь и вплоть до следующих крупных войн важно только одно: крепко спаять Германию и путем усиления ее обороноспособности обеспечить страну от внешней опасности, а с помощью конституции обеспечить от внутренних династических потрясений. Будут ли затем наши внутренние порядки несколько консервативнее или либеральнее — это вопрос целесообразности, который можно будет спокойно обсудить лишь тогда, когда здание способно будет устоять перед любой бурей. Я искренно хочу уговорить его, как я выразился, войти на мой корабль и помочь мне у руля, сейчас я стою в гавани и дожидаюсь его,

Беннигсен, однако, настаивал, что без Форкенбека и Штауфенберга не хочет войти в правительство, и оставил у меня впечатление, что моя попытка не удалась. Впечатление это усилилось получением чрезвычайно немилостивого послания императора[35], из которого я понял, что граф Эйленбург вошел к нему в комнату с вопросом: «Ваше величество уже слышали о новом министерстве? Беннигсен!» За этим сообщением последовал письменный взрыв возмущения императора моим самоуправством и мыслью о том, что он должен перестать править с «консерваторами». Я чувствовал себя больным и переутомленным, и текст императорского письма и нападение Эйленбурга до такой степени подействовали на мои нервы, что я снова довольно тяжело захворал, после того как через Бюлова ответил императору, что ведь не могу же я предлагать ему кого-нибудь преемником Эйленбурга, не удостоверившись предварительно, что данное лицо примет назначение. Я считал Беннигсена подходящим и зондировал его настроения, однако не встретил у него взгляды, которых ожидал, и пришел к убеждению, что *не* могу предложить его в министры; немилостивое осуждение, выраженное в полученном мной письме, вынуждает меня повторить мое прошение об отставке, поданное весной. Эта переписка происходила в последние дни 1877 г., а мое заболевание началось как раз в новогоднюю ночь.

На письмо Бюлова государь ответил мне, что был введен в заблуждение и хотел бы, чтобы я считал его предыдущее письмо ненаписанным. Всякие дальнейшие переговоры с Беннигсеном отпадали после этого инцидента, но в наших политических интересах я считал нецелесообразным осведомить последнего о той оценке, которую его личность и кандидатура

встретили у императора. Переговоры, в моих глазах окончательно прекращенные, я внешне оставил in suspenso [в состоянии неопределенности]; когда я вновь был в Берлине, Беннигсен взял на себя инициативу в дружеской форме довести до отрицательного конца дело, которое, по его мнению, еще не было закончено. Он спросил меня в здании рейхстага, правда ли, что я хочу ввести табачную монополию [36], и на мой утвердительный ответ заявил, что в таком случае вынужден отклонить сотрудничество в качестве министра. Я и тут промолчал о том, что всякая возможность вести с ним переговоры отрезана для меня императором еще после нового года. Быть может, он иным путем убедился, что его план принципиального изменения правительственной политики в национал-либеральном духе встретил бы непреодолимое сопротивление императора, в особенности после речи Штауфенберга о необходимости отмены статьи 109 прусской конституции (о продолжении взимания налогов) [37].

Если бы национал-либеральные лидеры искусно вели свою политику, то давно должны были бы знать, что император, подпись которого была им необходима и желанна для их назначения, наиболее чувствителен к этой статье конституции и что нет более верного способа оттолкнуть от себя государя, как покушаться на эту его святыню. Когда я доверительно рассказал его величеству о моих переговорах с Беннигсеном и упомянул об его пожелании относительно Штауфенберга, государь, еще находившийся под впечатлением речи последнего, сказал, показывая пальцем на свое плечо, где на мундире стоит номер полка: «Номер 109, полк Штауфенберга». Если бы император и согласился тогда на вступление Беннигсена [в правительство], чего я желал для установления согласия с большинством рейхстага, и даже если бы Беннигсен вскоре понял невозможность повести кабинет и короля по путл своей фракции, то и тогда, как я сейчас уверен, некоторая доктринерская резкость программы фракции и чувствительность монархических убеждений императора не могли бы долго ужиться. В то время я еще не был так в этом уверен, чтобы не произвести попытки побудить его величество к сближению с национал-либеральной точкой зрения. Резкость сопротивления, правда, усиленная враждебным воздействием Эйленбурга, превзошла мои ожидания, хотя мне было известно, что император питает инстинктивную монаршую неприязнь к Беннигсену и его прежней деятельности в Ганновере [38]. Хотя национал-либеральная партия и деятельность ее лидеров до и после 1866 г. существенно облегчила «огосударствление» Ганновера и император так же, как и его отец в 1805 г. [39], нисколько не склонен был отказываться от этого приобретения, тем не менее инстинкт государя был в нем достаточно сильным, чтобы с неудоволь-

ствием в душе отнестись к такому поведению ганноверского подданного по отношению к династии вельфов.

Одной из многочисленных лживых легенд обо мне является то, что я хотел национал-либералов «прижать к стене». Наоборот, последние пытались проделать это со мной. Разрыв с консерваторами в результате целой эры клеветы «Reichsglocke» и «Kreuzzeitung» и объявления мне войны под руководством моего недовольного бывшего друга Клейст-Ретцова, завистливое недоброжелательство моих товарищей по сословию — юнкеров, потеря поддержки со всех этих сторон, враждебность при дворе, католические и женские влияния там — все это ослабило мои точки опоры вне национал-либеральной партии, и они заключались только в личном отношении императора ко мне. Национал-либералы не увидели в этом повод укрепить наши взаимоотношения путем оказания мне поддержки, а, наоборот, сделали попытку потянуть за собой меня, против моего желания. Для этой цели они установили связь со многими из моих коллег через министров Фриденталя и Бото Эйленбурга, к словам которого прислушивался мой заместитель по должности министра-президента граф Штольберг. Без моего ведома они начали официально договариваться с президиумами обоих парламентов не только о назначении и отсрочке заседаний, но и по существу законопроектов, к чему я, как было известно моим коллегам, относился отрицательно. Всеобщее наступление на мои позиции,—стремление к участию в регентстве или к полноте власти на моем месте, которое, сказалось уже в плане создания самостоятельных имперских министров, в комбинированных заявлениях об отставке Эйленбурга, Кампгаузена, Фриденталя и в упомянутых скрытых действиях,—наглядно проявились 5 июня 1878 г., на заседании совета, который был созван кронпринцем как заместителем своего раненого отца, для того чтобы решить вопрос о роспуске рейхстага после покушения Нобилинга [40]. Половина моих коллег или даже более, во всяком случае большинство министров и членов совета, в отличие от моего предложения, голосовали против роспуска. Они мотивировали это тем, что теперь, когда вслед за покушением Геделя [41] последовало покушение Нобилинга, рейхстаг изъявит готовность изменить свое последнее голосование и пойти навстречу правительству. Уверенность, обнаруженная при этом моими коллегами, явно была основана на конфиденциальном соглашении между ними и влиятельными парламентариями, между тем как со мной ни один из последних не пытался переговорить. Казалось, что уже достигнуто соглашение о дележе моего наследства.

Я был уверен, что, не говоря уже об одобрении, которое я встретил у двадцати или более приглашенных генералов и чиновников, по крайней мере у первых, кронпринц также при-

соединится к моим взглядам даже в том случае, если все мои коллеги будут другого мнения. Если я вообще хотел остаться министром, — а это был вопрос целесообразности как делового, так и личного порядка, — вопрос, на который я после некоторого размышления ответил утвердительно, то я находился в состоянии самозащиты и должен был попытаться изменить ситуацию в парламенте и произвести перемены в личном составе моих коллег. Остаться министром я хотел потому, что если тяжело раненый император останется в живых, в чем нет уверенности при такой большой потере крови в его возрасте, то я твердо решил не покидать императора против его воли; если же он умрет, то я считал долгом своей совести не отказывать его преемнику в услугах, на которые я был способен в силу приобретенного мною доверия и опыта. Не я искал ссоры с национал-либералами, а они в заговоре с моими коллегами пытались прижать меня к стене. У меня никогда не было не только на языке, но и в мыслях безвкусного и отвратительного выражения «прижать к стене так, чтобы они запищали». Это было лишь еще одним из тех лживых вымыслов, которыми стараются повредить политическим противникам. К тому же это выражение даже не было собственным произведением тех, кто его распространял, а неуклюжим плагиатом. Граф Бейст рассказывает в своих мемуарах («Aus drei Viertel-Jahrhunderten», ч. I, стр. 5):

«Славяне в Австрии приписали мне никогда не произнесенное мной выражение: «их нужно прижать к стене». Происхождение этой фразы следующее: бывший министр, а затем наместник Галиции граф Голуховский обычно беседовал со мной по-французски. Преимущественно его стараниями мы были обязаны тому, что после моего вступления на пост министра-президента в 1867 г. галицийский ландтаг безоговорочно голосовал за рейхсрат [42]. Я тогда сказал графу Голуховскому: «Si cela se fait, les Slaves sont mis au pied du mur» [«Если же это случится, славяне не смогут возражать»], что весьма отличается по смыслу от вышеприведенного выражения».

Среди моих доводов в пользу роспуска рейхстага [43] я особенно подчеркивал ту мысль, что для рейхстага взятие своего постановления обратно без потери престижа возможно лишь путем предварительного роспуска. Нельзя определенно сказать, намеревались ли тогда видные национал-либералы стать только моими коллегами или же моими преемниками, так как первое всегда может служить для перехода ко второму. У меня было, однако, несомненное впечатление, что между некоторыми из моих коллег, некоторыми национал-либералами и некоторыми влиятельными людьми при дворе и в партии центра переговоры о разделе моего политического наследства уже привели или почти привели к соглашению. Это соглашение

обусловило подобный блок между либерализмом и католицизмом, как в министерстве Гладстона. Через ближайшее окружение императрицы Августы, включая и влияния «Reichsglocke», и при посредстве министра двора фон Шлейница католицизм проник вплоть до дворца старого императора, а там всеобщее наступление против меня нашло союзника в лице генерала фон Штош. Генерал занимал твердое положение также при дворе кронпринца, отчасти благодаря своим собственным достоинствам, а отчасти с помощью господина фон Норманна и его супруги, с которыми он состоял в дружеских отношениях еще в Магдебурге и переезду которых в Берлин он содействовал.

IV

План заменить меня кабинетом гладстоновского типа строился в расчете на графа Бото Эйленбурга, [являвшегося] с 31 марта 1878 г. министром внутренних дел; родственные связи обеспечили семьям его и Денгофа[44] традиционное влияние при дворе. Он был умен, элегантен, по натуре благороднее Гарри Арнима и более вылощен, чем Роберт Гольц. Но и с ним я лишний раз убедился, что способные сотрудники и возможные преемники, которых я пытался привлечь, ненадолго сохраняли свое благожелательство ко мне.

Мои отношения к нему были испорчены прежде всего вспыхнувшим у него чувством обиды, внешне скрытым безукоризненной вежливостью хорошего воспитания, но на самом деле своей резкостью все же мешавшим обычным и конфиденциальным деловым отношениям. Мой тогдашний помощник по делам конфиденциального характера тайный советник Тидеман во время моего отсутствия в такой форме выполнил одно мое поручение к графу, что вызвал неожиданный для меня взрыв. Ввиду того, что поручение это было деловым и сейчас еще не потеряло интереса, я привожу переписку по этому поводу.

«Киссинген, 15 августа 1878 г.

Прошу ваше высокородие, выразить господину министру графу Эйленбургу и тайному советнику господину Гану мое сожаление по поводу того, что проект закона о социалистах[45] официально опубликован в «Provinzial-Correspondenz» раньше, чем он представлен в Союзный совет. Опубликование его исключает возможность каких-либо исправлений с нашей стороны и, кроме того, обидно для Баварии и других несогласных. После моих переговоров с Баварией я должен предположить, что последняя настаивает на своем возражении против имперского ведомства (Reichsamt). Вюртемберг и, как я слышал, также Саксония возражают против имперского ведомства не в принципе, а вполне уместным образом заявляют

отвод судьям. К этому возражению я лично могу только присоединиться. Речь идет не о судебных, а о политических функциях, и прусское министерство также не должно быть подчинено судебной коллегии в своих предварительных решениях и этим на все времена не должно быть парализовано в своей политической борьбе против социализма. По моему мнению, функции имперского ведомства могут осуществляться только Союзным советом либо непосредственно, либо через ежегодно выбираемую комиссию. Союзный совет представляет правительственную власть всей совокупности суверенных германских государств и в других условиях соответствует примерно государственному совету.

До сих пор я должен, однако, считать, что Бавария не согласится на этот выход, приемлемый для Вюртемберга, Саксонии и лично для меня. Оговорка пункта 3 статьи 23 о том, что высылке могут подвергаться только безработные, также недостаточна для этой цели.

Далее закон, на мой взгляд, нуждается в дополнении, касающемся чиновников и указывающем на то, что участие в социалистическом движении влечет за собой увольнение без права на пенсию. Большинство плохо оплачиваемых низших чиновников в Берлине, а также железнодорожные сторожа, стрелочники и тому подобные категории являются социалистами — обстоятельство, опасность которого совершенно очевидна при восстаниях и перевозках войск.

Я считаю, далее, невозможным, если закон должен быть действенным, чтобы государственным гражданам, относительно которых установлено, что они социалисты, законным образом предоставлять на длительный срок активное и пассивное избирательное право, а также предоставлять им возможность пользоваться привилегиями членов рейхстага.

После того как одновременно во всех газетах и, следовательно, официально был сообщен смягченный вариант закона, для всех этих обострений гораздо меньше шансов в рейхстаге, чем это могло быть, если бы более мягкий вариант не был официально опубликован.

Законопроект в его настоящем виде практически не принесет вреда социализму и никоим образом не явится достаточным для того, чтобы обезвредить социализм, особенно если принять во внимание, что рейхстаг, без сомнения, выторгует какие-либо [отступления] от всякого законопроекта. Я сожалею, что мое здоровье абсолютно не позволяет мне немедленно принять участие на заседаниях Союзного совета, и я должен сохранить за собой право внести мои дальнейшие предложения в Союзный совет зимой, в связи с очередной сессией рейхстага.

фон Бисмарк».

«Берлин, 18 августа 1878 г.

Ваша светлость
поручили тайному правительственному советнику Тидеману выразить мне и тайному советнику Гану ваше сожаление по поводу того, что проект закона о социалистах был официально опубликован в «Provinzial-Correspondenz» раньше, чем он был представлен в Союзный совет. Тайный советник Ган не несет за это никакой ответственности, так как он действовал с моего согласия. Я же дал ему таковое лишь после того, как накануне вечером были выпущены печатные материалы Союзного совета, содержащие законопроект, без всякого предписания о его секретном характере; к тому же господин президент канцелярии имперского канцлера сообщил мне, что при этих условиях опубликования законопроекта в газетах можно с полной уверенностью ожидать на следующий день, т. е. в тот день, когда вышла «Provinzial-Correspondenz». Это предположение затем полностью и подтвердилось. Заседание Союзного совета состоялось 14 с. м. в 2 часа дня, а «Provinzial-Correspondenz» вышла в тот же день к вечеру и, таким образом, сообщила содержание законопроекта в тот же день, а не до представления проекта на обсуждение Союзного совета.

В мои намерения не входит дальнейшее обсуждение вопроса, не лучше ли было все же воздержаться от сообщения в «Provinzial-Correspondenz». Выслушивать мудрые суждения вашей светлости будет для меня чрезвычайно ценно всегда, а также в том случае, когда они не совпадают с моими. Однако я не могу молчаливо примириться с фактом, что ваша светлость выразили мне ваше неодобрение через одного из ваших подчиненных и, поставив меня, таким образом, на одну ступень с моим подчиненным, тем резче подчеркнули заключающееся в этом неуважение к моему званию. Оскорбительность этого поступка настолько бросается в глаза, что сама собой напрашивается мысль о преднамеренности и естественны связанные с этим умозаключения. Я не замедлю сделать из них вывод, как только удостоверюсь в правильности этого предположения. Исходя пока из того, что это не так, я ограничиваюсь настоятельной просьбой к вашей светлости, чтобы подобные случаи не повторялись.

Примите и пр.

Граф Эйленбург».

«Гаштейн, 20 августа 1878 г.

Ваше превосходительство, как видно из вашего уважаемого письма от 18-го, приписываете, кажется, мне всю тяжесть недоразумения, происшедшего по вине тайного советника Тидемана, давшего не совсем осторожный и для меня совер-

шенно неожиданный ход моим доверительным и не оформленным высказываниям. Вы даже не хотите принять во внимание нарушение четкости в работе при изнурительном курсе лечения. Содержание вашего письма создало у меня впечатление, что по отношению к вам совершена бестактность, за которую прошу извинить меня, хотя я и не виновен в ней и в крайнем случае лишь сделал ее возможной. То, что вашему сиятельству могла притти в голову мысль о преднамеренности с моей стороны, удивляет и огорчает меня, ибо я слишком был уверен в наших дружеских отношениях, чтобы допустить возможность такого рода недоразумения.

Примите и пр.

фон Бисмарк».

Известно, при каких обстоятельствах граф Эйленбург в феврале 1881 г. подал в отставку[46] и в августе того же года был назначен обер-президентом в Касселе.

С его именем связана следующая переписка между мною и его величеством. Предмет моего доклада от 17 декабря 1881 г., упомянутого в письме, я не смог установить.

«Берлин, 18 декабря 1881 г.

Должен рассказать вам странный сон, который я видел в эту ночь так же ясно, как сейчас опишу вам.

После нынешних каникул рейхстаг впервые собрался. Во время Discussion [прений] вошел граф Эйленбург; Discussion [прения] тотчас же умолкли; после длительной паузы председатель вновь предоставил слово последнему оратору. Молчание! Председатель закрывает заседание. Тут поднимается шум и крик. Пусть никого из членов [рейхстага] не награждают орденом во время Session [сессии]; имя монарха на Session [сессии] не должно быть названо! Заседание в другой день. Эйленбург появляется, и его встречают таким шиканьем и шумом, тут я проснулся в нервном Agitation [возбуждении], от которого долго не мог притти в себя, и два часа, с $4^1/_2$ до $6^1/_2$, не мог заснуть.

Все это происходило в моем присутствии в рейхстаге так ясно, как я здесь описываю.

Я хочу надеяться, что сон этот не исполнится, но все же это странно. Так как это приснилось мне после шестичасового спокойного сна, то не могло быть следствием нашего разговора.

Enfin [наконец], я должен был рассказать вам об этом курьезе.

Ваш Вильгельм».

«Берлин, 18 декабря 1881 г.

Вашему величеству приношу почтительнейшую благодарность за милостивое письмо. Я все же думаю, что сон ваш если и не прямой результат моего доклада, сделанного накануне, то во всяком случае — совокупности впечатлений последних дней, устных сообщений Путткамера, газетных статей и моего доклада. Картины бодрствования всплывают в зеркале сна не тотчас же, а лишь тогда, когда сознание наше, убаюканное сном и покоем, замолкает. Сообщение вашего величества поощряет меня рассказать о сне, который я видел весной 1863 г., в самые трудные дни конфликта[47], когда человеческий глаз не видел никакого выхода. Мне снилось, — и я тотчас же утром рассказал этот сон жене и другим свидетелям, — что я еду верхом по узкой альпийской тропе — направо пропасть, налево — скалы; тропа стала еще более узкой, конь отказывается итти дальше, а повернуться или сойти с коня невозможно из-за недостатка места; здесь я ударил хлыстом, находящимся в левой руке, по отвесной скале и воззвал к богу; хлыст стал удлиняться до бесконечности, горная стена рухнула, словно кулисы, и открыла широкую дорогу с видами на холмы и леса, как в Богемии, прусские войска при знаменах. Еще во сне меня занимала мысль о том, как бы поскорее доложить обо всем вашему величеству. Этот сон потом исполнился; я проснулся после него радостный и укрепленный.

Дурной сон, после которого ваше величество проснулись в нервном и возбужденном состоянии, может исполниться лишь постольку, поскольку нам предстоит еще немало бурных и шумных заседаний парламента, которые, к сожалению, подрывают престиж парламента и мешают государственным делам. Однако присутствие при этом вашего величества невозможно, и, хотя я считаю такие явления, как последние заседания рейхстага, прискорбным мерилом наших нравов и нашего политического образования, а быть может, и наших политических способностей, но сами по себе они не катастрофичны: l'exces du mal en devient le remede [чрезмерность зла становится лекарством от него же].

Да простит мне ваше величество, с обычной милостью, эти, навеянные вашим высочайшим письмом, каникулярные мысли; ибо со вчерашнего дня до 9 января у нас каникулы и отдых».

Жалоба графа Эйленбурга на Тидемана и немедленно поставленный в ней вопрос об отставке кабинета по самой форме своей тем более тяжело сказались на моих нервах, что я в ту пору страдал от последствий тяжелого заболевания на почве потрясения, вызванного покушениями на императора и одновременной необходимостью работать в президиуме Берлин-

ского конгресса. Долг службы, правда, заставил меня забыть о болезни, но лечение в Гаштейне скорее обострило болезнь, чем вылечило ее. Это лечение, от которого мой коллега министр Бернгард фон Бюлов скончался 20 октября 1879 г., действует на переутомленные нервы отнюдь не успокаивающе, если оно прерывается работой и волнениями.

Тотчас же по возвращении в Берлин мне пришлось защищать в рейхстаге проект закона о социалистах. При этом я еще раз убедился на опыте, что выступление с трибуны требует меньшего напряжения нервов, чем корректура длинной, быстро произнесенной речи, текст которой нужно защищать перед важной инстанцией. Однажды, когда я был занят такой корректурой, со мной произошел месяцами подготовлявшийся нервный кризис, физически выразившийся, к счастью, в форме легкой крапивной лихорадки.

Задачи руководящего министра европейской великой державы с парламентским строем уже сами по себе достаточно сложны, чтобы целиком поглотить работоспособность человека. Но их сложность значительно усугубляется, если министр, как в Германии или Италии, должен помочь своей нации преодолеть стадию своего формирования и еще вынужден, как у нас, бороться с тенденциями партий и отдельных лиц к обособлению. Когда отдаешь все силы и все здоровье на разрешение таких задач, то всякие затруднения, не вызванные объективной необходимостью, вдвойне чувствительны. Уже в начале 70-х годов я думал, что никогда не восстановлю свое здоровье, и поэтому передал председательствование в кабинете единственному лично мне близкому из моих коллег, графу Роону[48]. Тогда я, однако, не был обескуражен деловыми затруднениями. Для того чтобы это случилось, понадобилась еще враждебная интрига со стороны тех кругов, на поддержку которых я, как мне казалось, мог преимущественно рассчитывать. Во времена «Reichsglocke» интрига эта определялась отношением элементов, представляемых этой газетой, прежде всего со двором и с консерваторами и с многими из моих подчиненных. Тот факт, что я не находил у столь благосклонного ко мне монарха достаточной поддержки в борьбе с придворными и домашними влияниями, исходившими от кружка «Reichsglocke», обескуражил меня больше всего и завершил соображения, побудившие меня 27 марта 1877 г. подать в отставку. Рожистое воспаление поясницы, которым я заболел, когда граф Шувалов потребовал от меня созыва конгресса[49], явилось итогом потерь, понесенных моим здоровьем, распиской в истощении нервной системы. Больше, нежели «Reichsglocke» и близкие к ней придворные круги, виноват был в этом недостаток искренности в деловых отношениях у некоторых из моих официальных сотрудников. Благодаря

влиянию министра Фриденталя, а затем и графа Бото Эйленбурга деятельность моего заместителя вице-министр-президента графа Штольберга приняла такую форму, что у меня, наконец, создалось впечатление, словно проводится система постоянного оттеснения меня от политического руководства. Для этой системы символичен тот факт, что под официальными сообщениями государственного министерства того периода не было моей подписи. Происходило это не по моему желанию или согласию, а было использовано мое безразличие к внешней форме, и я оставлял такие вещи без порицания, пока окончательно не убедился, что речь идет о систематических намерениях.

Подробности, бросающие свет на позднейшие события, не все относятся к периоду заседания совета в июне 1878 г., но отчасти они ретроспективно освещают тогдашнюю ситуацию и ее скрытые пружины. Граф Бото Эйленбург в качестве министра внутренних дел с намеренной ясностью высказал с трибуны ландтага свое благоволение к депутату Риккерту, в противовес статье в «Norddeutsche Aligemeine Zeitung»; для меня это было еще яснее, ибо я не сомневался, что эту статью, вызвавшую его порицание, граф связывал со мной. Как в грозовую ночь каждая молния ярко освещает местность, так и отдельные шахматные ходы моих противников позволяли мне обозревать всю ситуацию, которую создавали их внешне почтительные изъявления доброжелательства при фактическом бойкоте. Насколько был бы прочен кабинет гладстоновского типа, миссия которого может быть характеризована именами: фон Штош, Эйленбург, Фриденталь, Кампгаузен, Риккерт и любыми разновидностями породы «Виндгорст» с католическими придворными влияниями, если бы [этот кабинет] удалось создать, этого вопроса заинтересованные лица, вероятно, не задавали; главная цель была негативной—устранить меня, и в этом все держатели акций на будущее пока сходились. Каждый мог после этого надеяться вытеснить другого; это заложено у нас в системе всех разнородных коалиций, которые объединяет только недовольство существующим. Вся эта комбинация тогда не удалась только потому, что ни король, ни кронпринц не склонны были пойти на нее. Об отношении кронпринца ко мне мои карьеристские противники тогда, как и позднее, в 1888 г., были неправильно осведомлены. До конца жизни он питал ко мне такое же доверие, как и его отец, и стремления поколебать это доверие никогда не достигали у его супруги той воинственной решительности, как у императрицы Августы, которая меньше стеснялась в выборе средств.

Наряду с изнуряющей борьбой личного характера у меня возник ряд деловых затруднений и напряженных работ в результате разрыва с политикой свободной торговли, для которого

показательно мое письмо к барону фон Тюнгену о таможенных пошлинах[50], а затем в результате раскола и перехода сецессионистов в партию центра. Здоровье мое было совершенно расстроено, и это парализовало меня, пока доктор Швенингер не распознал мою болезнь, не стал правильно лечить ее и не вернул мне ощущение относительного здоровья, которого я уже долгие годы не знал.

V

Господин фон Грунер, во время новой эры помощник статс-секретаря в министерстве иностранных дел, был с моим вступлением на пост министра иностранных дел отчислен в резерв и заменен господином фон Тиле. Еще со времени моего назначения на пост посланника при Союзном сейме[51] фон Грунер принадлежал к числу моих противников, так как считал этот пост собственным достоянием, унаследованным от своего отца Юстуса Грунера; он оставался моим врагом, а в деловом отношении был бездарен. В ноябре 1863 г. он подал на имя его величества докладную записку по поводу спора о бюджете[52] в таком же духе, в каком сочли правильным сделать тот же шаг подполковник фон Финке из Ольбендорфа и Роггенбах. Обращаясь со своими предложениями к королю, эти господа исходили из предположения, что если государь, следуя их совету, пойдет на уступки палате депутатов, то он назначит другое министерство или по крайней мере другого министр-президента и министра иностранных дел[53]. Ради такого результата были пущены в ход тайные влияния, которым министр двора фон Шлейниц с другими близкими ко двору лицами посвятил свои силы. Господин фон Грунер продолжал и позже вращаться в кругах, которые в 1876г. покровительствовали [газете] «Reichsglocke» и содержали ее.

В январе 1877 г., после того как редактор «Reichsglocke» был осужден, а в марте я подал прошение об отставке, которое было его величеством отклонено, мне в служебном порядке стало известно, в июне во время лечения в Киссингене, что господин фон Грунер назначен в министерство двора и вместе с тем без контрассигнации ответственным министром получил чин действительного тайного советника[54] и что господин фон Шлейниц потребовал от куратора «Reichs- und Staats-Anzeiger»[55] опубликовать это назначение в официальном органе.

По этому поводу я написал 8 июня начальнику имперской канцелярии тайному советнику Тидеману для сообщения государственному министерству:

«По моему мнению, официальный раздел «Reichs- und Staats-Anzeiger» предназначен для таких публикаций отно-

сительно имперских или прусских государственных дел, за которые несут ответственность рейхсканцлер, либо прусское государственное министерство. Если о назначении Грунера действительным тайным советником будет опубликовано в официальном разделе, то даже предварительное упоминание о переводе Грунера в министерство двора не исключает предположения, что прусское государственное министерство принимает на себя ответственность за назначение Грунера. Общественное мнение и ландтаг едва ли допустят мысль, что для государственного министерства было желательно такое награждение его явного противника; скорее они догадаются об истине, о том, что государственное министерство не пользуется при дворе достаточным уважением, а у его величества достаточным влиянием для того, чтобы помешать этому поощрению за борьбу против правительства; не будут сомневаться также и в том, что это опубликованное в «Staats-Anzeiger» назначение контрассигновано государственным министерством more solito [обычным путем]. Уверенность в том, что государственное министерство обладает предполагаемым конституцией влиянием на высочайшие решения, не возросла бы и в случае опубликования немилостивой пометки на полях, сделанной высочайшей рукой, и ответа государственного министерства на эту пометку. Тот, кто познакомился бы с содержанием этой пометки и ее результатом, не мог бы устоять перед искушением провести параллель с тем событием во Франции, которое привело к недавней смене министров[56].

Меня беспокоит мысль, что случай с Грунером мы должны рассматривать как пробный шар, пущенный господином фон Шлейницем и его советниками (не его величеством) для испытания того, доколе можно заставить нас терпеть и как высоко мы ценим наш министерский авторитет. По моему мнению, подчинение этим необоснованным влияниям на высочайшие решения не является средством для их пресечения; наоборот, эти влияния возросли бы, и конфликт, носящий теперь только формальный характер, вскоре повторился бы в менее благоприятной области с привлечением крупных политических вопросов.

Я мог бы, ввиду моего теперешнего состояния, воздержаться от официальных заявлений, но мне кажется, что тем самым, уже независимо от состояния моего здоровья, был бы предрешен столь важный для меня лично вопрос о моем возвращении к работе. Так как я надеюсь, что здоровье мое улучшится, и так как в этом случае я готов приступить к исполнению своих обязанностей, поскольку это будет соответствовать высочайшей воле, то я лично заинтересован в поддержании авторитета министерской должности, что позволит мне с чистой совестью занимать таковую.

На мой взгляд логически правильным было бы отклонить предложенную министром двора публикацию в официальном разделе «Staats-Anzeiger». Официальное извещение нельзя предохранить от ложного истолкования, и оно всегда останется частичной победой интриги группы «Reichsglocke» над теперешним правительством. Извещениям министерства двора вообще не место в «Reichs- und Staats-Anzeiger» [«Имперский и государственный вестник»]. Даже если бы этот последний одновременно был «Koniglicher Haus-Anzeiger» [«Королевский домашний вестник»], то и тогда, по моему мнению, в его официальном разделе не могли бы печататься предписания министра двора, который не несет ответственности за содержание официального издания. До их опубликования министр двора обязан был бы в той или иной форме всегда испрашивать визы ответственного государственного министерства. В данном случае такой визы не испрошено. Министр двора претендует на право распоряжаться «Staats-Anzeiger», и потому его требование на основании одной этой формальной причины следовало бы отклонить. Если приказ о напечатании сообщения, касающегося королевского дома, исходит лично от его величества, то выполнение приказа обычно не вызвало бы никаких сомнений, но даже в самых бесспорных случаях рекомендуется официальные сообщения королевского дома печатать отдельно от государственных сообщений. По моему мнению, это разделение следовало бы произвести таким образом, чтобы высочайшие предписания, касающиеся королевского дома, не печатались promiscue [вперемежку] с правительственными, а чтобы наряду с обеими официальными рубриками — «Германская империя» и «Королевство Пруссия» — между ними, что было бы самым вежливым, или же после рубрики «Королевство Пруссия» внести рубрику «Королевский дом», отделенную чертой от предыдущей, как теперь «Пруссия» от «империи». Так можно было бы разрешить на будущее этот формальный вопрос и, как мне кажется, в форме, ни для кого не обидной.

Иное дело, когда официально публикуется высочайшее предписание, которое, вопреки остающемуся в делах уверению в противном, публично оповещает о том, что на конституционном языке называется недостаточным доверием монарха к своим министрам. Против этого у министров, конечно, нет других средств, кроме ухода в отставку. Несомненно, что в данном случае, поскольку создалось такое положение, оно касается меня больше, чем моих коллег. Последние либо вовсе не подвергались публичной клевете на страницах «Reichsglocke» и других газет, которые выражали тенденции господ фон Грунера, фон Шлейница, графа Нессельроде и Натузиуса-Лудома, либо подвергались, но не в такой мере, как я.

Помилование господина Натузиуса, награждение графа Нессельроде и господина фон Грунера как раз в то время, когда клевета против меня в органе этих господ занимала общественное мнение и суды, когда связь этих господ с указанной газетой была очевидной, представляют собой акт благосклонности короля к людям, ничем другим не известным, кроме своей враждебности к правительству и публичным оскорблениям моей чести. Эта последняя должна, однако, пока я являюсь слугой короля, находиться под защитой его величества. Если же на мою долю приходится нечто противоположное защите, то я вижу в этом личный мотив такого порядка, который гораздо повелительнее вытесняет меня со службы, нежели это когда-либо могла сделать забота о моем здоровье. Все эти аргументы касаются только меня лично, но в зависимости от развития дела они будут решающими для возможности моего возвращения к делам.

Моим коллегам я рекомендую в интересах их министерского будущего позаботиться о том, чтобы официальная публикация о назначении Грунера, в том случае если его величество не захочет вообще от нее отказаться, была бы сделана в такой форме, из которой бесспорно явствовало бы *отсутствие* контрассигнации. Этого можно было бы достичь путем предложенного мной выше разделения на три рубрики, особенно если пресса получит об этом некоторые разъяснения. Далее следовало бы, на мой взгляд, *сначала* опубликовать назначение Грунера в министерство двора in separato [отдельно] под рубрикой «министерства двора», а на следующий день известить, что его величеству угодно было пожаловать такому-то чиновнику министерства двора титул действительного тайного советника; во всяком случае следует избрать хотя бы небольшое отклонение от обычной формы извещения».

К этому письму, адресованному тайному советнику Тидеману и на всех парусах доставленному министру фон Бюлову, я добавил для последнего следующее письмо с просьбой конфиденциально ознакомить с ним моих коллег:

«...Я полагаю, что затронут происшедшим сильнее моих коллег. Кроме меня, разве еще на Кампгаузена клеветала группа «Reichsglocke», но далеко не столь подло, как на меня. Нападение на него производилось недостойными средствами, но по отношению к его ведомству, а его личная честь не была затронута. Конечно, государственное министерство в целом может считать себя оскорбленным *формой* назначения Грунера и на это оскорбление реагировать, чтобы на будущее обеспечить свои права и свое достоинство. Оскорбление же, заключающееся в *факте* назначения Грунера по существу, задевает меня одного. Его многолетняя вражда против меня является единственным, чем он мог обратить на себя внимание, так как у него нет ни способностей, ни заслуг; в ведомстве иностранных

дел он был помехой своей бездарностью, в важные моменты граничащей с душевной болезнью; в течение последних 15 лет он ничем не занимался, а только со всем озлоблением непризнанной самонадеянности говорил, писал, интриговал против меня. В данный момент я совершенно отвлекаюсь от того, что именно эти элементы из «Reichsglocke» настолько затрудняли мне выполнение моих служебных обязанностей, что это превышало мои силы. Я говорю лишь об ударе, который хотели мне нанести тем, что его величеству могли с успехом рекомендовать его награждение. Если в письме к Тидеману я говорю, что у моих коллег нет основания для выхода в отставку, то мое положение представляется мне существенно иным.

Я был бы вам очень благодарен, если бы вы конфиденциально переговорили в этом смысле с Кампгаузеном, Фриденталем и Фальком. Вильмовский держит себя иначе, чем я ожидал. До сих пор я рассчитывал на него, как на верного союзника против камарильи Шлейница; однако я не вполне понимаю его деятельность в данном случае. Вместе с Эйленбургом и Леонгардтом он лишит государственное министерство той степени уважения в своих собственных глазах и в конечном счете также consideration [сочувствия] в стране, без которого в этом тяжелом положении при дворе и в стране нельзя вести государственных дел. Эйленбургу можно говорить лишь то, что может быть передано дальше. Как собственно относится Гофман к этому делу?

Лечение как будто идет мне впрок, но малейшее волнение чувствительно отражается на мне. Это позволяет мне предугадать, что состояние моего здоровья вряд ли станет пригоднее для службы. Меня не пугало бы простое выполнение официальных обязанностей, но faux frais [издержки] придворных интриг я больше не в состоянии выносить, как прежде, быть может, также потому, что они по объему и по результатам приняли ужасающие размеры. Об этих подлинных причинах моего неизменяющегося намерения выйти в отставку я три месяца тому назад умалчивал, хотя тогда были по сути дела те же причины. Из уважения к императору я и в дальнейшем не могу приводить других мотивов для своей отставки, кроме состояния здоровья».

Дело закончилось тем, что назначение Грунера действительным тайным советником не было опубликовано в «Staats-Anzeiger»[57].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Легитимность* (от французского legitime — законный) — политическая и правовая доктрина, согласно которой право на престол имеют лишь «законные» наследники династии; никакой иной акт возведения на престол (например избрание) с этой точки зрения не может иметь силы.

2 *«Легитимная» династия* Бурбонов во Франции была свергнута июльской революцией 1830 г.

3 Этим источником было адресованное императору собственноручное письмо королевы Виктории, содержание которого император сообщил князю Бисмарку. *(Прим. нем. изд.)*

4 Граф *Гарри Арним* (1824—1881) в 1874 г. был отозван Бисмарком с поста чрезвычайного посла во Франции и вскоре предан суду по обвинению в сокрытии и присвоении дипломатических документов, похищенных им из канцелярии посольства в Париже. Он был осужден берлинским судом на трехмесячное тюремное заключение, увеличенное в результате апелляции до девяти месяцев. За уклонение от ареста против Арнима было возбуждено дисциплинарное преследование. Государственный дисциплинарный суд в Потсдаме 27 августа 1876 г. приговорил Арнима к увольнению со службы, что влекло за собой лишение титула и пенсии. Арним издал брошюру, в которой разглашал секретные документы, делал резкие нападки на Бисмарка. Он вновь был предан суду по обвинению в государственной измене, оскорблении величества, имперского канцлера и министра иностранных дел, т. е. Бисмарка. Заочным решением (Арним находился за границей) Арним был приговорен к пяти годам каторги.

5 Под *«борьбой с Римом»* (т. е. с римско-католической церковью) подразумевается «культуркампф».

6 *Каноник*—сан, даваемый католической церковью священникам в виде награды.

7 Имеется в виду состоявшийся в Ватикане 8 декабря 1869 г. — 20 октября 1870 г. церковный собор. В силу постановлений Ватиканского собора папе приписывается непогрешимость, и его определения отныне не нуждались в подтверждении со стороны собора. Ватиканский собор признал верховенство церкви над государством. Эти политические притязания католицизма и папы вызвали протесты со стороны правительств Франции и Австро-Венгрии.

8 *Старокатолическая церковь* — часть римско-католической церкви, отколовшаяся от нее после Ватиканского собора в знак несогласия с принятыми на этом соборе решениями. Старокатолическая церковь ставила перед собой задачу восстановления старого вероучения и устройства церкви. Это движение возникло в Германии и пользовалось особой благосклонностью Бисмарка в годы «культуркампфа» как движение, направленное против римского папы и усиления его политической роли.

9 *Книга Паоло Сарпи* «Istoria del Consiglio Tridentino» («История Тридентского собора») вышла в Лондоне в 1619 г. и посвящена Тридентскому собору католической церкви (1545—1563 гг.), заседавшему в городе Триенте (лат. — Тридент). Именование дипломатических представителей в средние века ораторами берет свое начало из практики древней Греции. Греческие города-государства еще в VI в. до н. э. в качестве посланников направляли своих лучших ораторов. Это объясняется тем, что задача посланников состояла в том, чтобы защищать интересы своего города перед народными собраниями чужих городов или союзов.

[10] *Адольф Тьер* (1797—1877), душитель Парижской Коммуны, стоял во главе французского правительства с февраля 1871 г. Вынужден был уйти в отставку 24 мая 1873 г., так как в глазах монархического большинства Национального собрания Франции он казался недостаточно решительным в борьбе с буржуазными республиканцами. Приход к власти нового президента, Мак-Магона, имел с точки зрения Бюлова те «вредные последствия», что Мак-Магон был ярым католиком и всячески поддерживал католическую церковь в ее борьбе против проводившегося Бисмарком «культуркампфа».

[11] *Орлеанисты* — монархисты, требовавшие восстановления на французском престоле династии Орлеанов (отсюда их название), свергнутой революцией 1848 г.

[12] *24 мая* 1873 г. Тьер под давлением орлеанистов вынужден был подать в отставку.

[13] *Редактором* «Reichsglocke», обвинявшимся по этому процессу, был Гельзен.

[14] *Папой* в это время (1846—1878) был Пий IX.

[15] Луи-Наполеон еще до переворота 1852 г., когда он стал императором Наполеоном III, в поисках популярности среди религиозно настроенного французского крестьянства демонстративно поддерживал католическое духовенство во Франции. В бытность президентом Французской республики Наполеон послал в 1849 г. в Рим войска, восстановившие власть папы. Он оказывал папе поддержку и позже. Французская императрица Евгения, происходившая из испанского рода Монтихо, была католичкой и использовала свое влияние для поддержки церкви.

[16] Защита христиан в турецких владениях неоднократно служила официальным предлогом для борьбы держав против Турции в XIX в.

[17] Вальдегамас был с 1849 г. испанским посланником в Берлине (умер в 1853 г.). *(Прим. нем. изд.)*

[18] Т. е. на территории Пруссии.

[19] Наполеон III не допускал окончательного уничтожения светской власти папы. Однако эта политика неизбежно находилась в известном противоречии с поддержкой, которую Наполеон III оказывал Сардинскому королевству, ведшему борьбу с Австрией за воссоединение Италии. За эту поддержку Наполеон в 1860 г. получил от Италии Савойю и Ниццу. К Сардинскому королевству в 1860 г. при содействии Наполеона были присоединены значительные владения римского папы в средней Италии. Об этом «ущербе» и говорит Бисмарк.

[20] *Франкфуртским миром* 10 мая 1871 г. была закончена франко-прусская война 1870—1871 гг.

[21] *Семилетняя война* (1756—1763) велась двумя группами государств: союзу Пруссии с Англией противостоял союз Австрии, Саксонии, России, Франции, Швеции и Испании.

[22] *Варфоломеевская ночь* — массовое избиение французских реформатов (гугенотов) католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 г. (день

святого Варфоломея). *Сожжение на костре* было в средние века распространенным средством расправы иезуитов с врагами католицизма. *Тридцатилетняя война* (1618—1648) — война между германскими католическими и протестантскими государствами, в которой принимали участие также Швеция, Франция, Дания и другие государства.

[23] *Карл Фридрих Савиньи.*

[24] Из «Энеиды» Виргилия, I, 135.

[25] Латинское выражение, заимствованное из сочинений христианского писателя Августина, жившего в IV—V веках. Смысл выражения таков: после того как римский папа сказал свое слово, всякие споры должны быть прекращены.

[26] Король Швеции Оскар II. *(Прим. нем. изд.)*

[27] *Первая империя* — империя Наполеона I, с 1804 (фактически с переворота 18 брюмера, т. е. с 9 ноября 1799 г.) по 1814 г. и затем на короткое время в 1815 г. («Сто дней»); *Вторая империя* — империя Луи-Наполеона (Наполеона III) — с 1852 по 1870 г.

[28] *Контрассигнация* — подпись министра под законодательным актом или распоряжением, исходящим от главы государства. Контрассигнация придает акту силу закона и возлагает ответственность за него на контрассигнующее лицо.

[29] Следует читать: «6 числа сего месяца», ср. Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen, Bd. I, 256. *(Прим. нем. изд.)*

[30] *Виндзор—вамок* близ Лондона, летняя резиденция английских королей.

[31] Из второго послания апостола Павла к фессалоникийпам. Приводим стих (гл. 2, ст. 11) полностью: «И за сие пошлет им бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи».

[32] Граф Фридрих Эйленбург (1815—1881) был с 1862 г. министром внутренних дел. Он пытался осуществить административные реформы, направленные к созданию системы местного самоуправления. Начав с новых провинций, присоединенных к Пруссии после войн с Данией и Австрией в 1864—1866 гг., Эйленбург провел затем ряд реформ и в старых провинциях (закон об устройстве округов 1872 г.). Однако он встретил сопротивление Бисмарка и в 1878 г. вышел в отставку.

[33] *Закон о заместительстве* имперского канцлера был принят рейхстагом 17 марта 1878 г. Согласно этому закону император, по предложению имперского канцлера, мог назначить ему заместителя на то время, в течение которого канцлер был лишен возможности исполнять свои функции. Заместитель мог быть назначен как в отношении всего объема функций имперского канцлера, так и в отношении отдельных ведомств и обязанностей канцлера.

[34] *Роон* был военным министром в кабинете «новой эры» с 5 декабря 1859 г. вплоть до назначения Бисмарка в сентябре 1862 г. Он был единственным представителем консерваторов в этом министерстве и единственным министром, всецело поддержавшим короля во время столкновений по вопросу о присяге летом 1862 г. и в период, когда назревал «конституционный конфликт». Он сохранил свой портфель в кабинете Бисмарка вплоть до 1873 г.

35 От 30 декабря 1877 г., см. Anhang zu den Gedanken und Erinnerungen, I, S. 277—278. *(Прим. нем. изд.)*

36 Германское правительство в этот период предполагало ввести государственную *табачную монополию.* В 1878 г. была проведена специальная анкета о желательности этой меры, но ввиду полученных отрицательных результатов монополия введена не была; в 1879 г. имперское правительство ограничилось проведением закона о налоговом обложении табака.

37 Статья 109 прусской конституции 1850 г. гласит: «Взимание существующих налогов и сборов продолжается, и все постановления существующих кодексов, отдельных законов и указов,не противоречащие данной конституции, остаются в силе до тех пор, пока не подвергнутся изменению специальным законом».

38 Намек на то, что Беннигсен, принимая активное участие в политической жизни Ганновера в 50—60-х годах, хотя и защищал воссоединение Германии под гегемонией Пруссии, но стоял на либерально-буржуазной, конституционалистской позиции.

39 После Аустерлицкого сражения в 1805 г. Наполеон I передал курфюршество Ганновер прусскому королю Фридриху-Вильгельму III.

40 *Покушение Нобилинга* на жизнь императора Вильгельма I было совершено 2 июня 1878 г. Император был ранен. Бисмарк использовал это покушение в качестве предлога для решительного наступления против социал-демократии и издания «исключительного закона» против социалистов, хотя социал-демократия никакого отношения к покушению не имела.

41 *Макс Гедель,* подмастерье-жестяник, совершил И мая 1878 г. неудачное покушение на жизнь Вильгельма I. 16 августа того же года был казнен.

42 *Ландтаг* — провинциальное сословное представительное собрание в австрийских землях; *рейхсрат* — представительное собрание в Австрии. Австрийский наместник Голуховский, виднейший представитель польской шляхты, проводил австрофильский курс, направленный на соглашение с центральным австрийским правительством.

43 Имеется в виду *роспуск рейхстага* летом 1878 г., произведенный с целью избрания нового рейхстага, который принял бы намеченные Бисмарком меры против социал-демократии.

44 К этому семейству принадлежала мать графа Бото Эйленбурга.

45 *«Исключительный закон против социалистов* (его официальное название «Закон против общественно опасных стремлений социал-демократии»), принятый рейхстагом по инициативе Бисмарка в октябре 1878 г. и затем возобновлявшийся вплоть до 1890 г. Этим законом, по существу, запрещалась всякая деятельность социал-демократической партии, кроме связанной с избирательной кампанией.

46 Заявление Бисмарка, зачитанное в палате господ тайным советником Раммелем, которое, по мнению Эйленбурга, являлось оскорблением по отношению к нему, см. Politische Reden, Bd. VIII, 287—288. *(Прим, нем. изд.)*

47 Т. е. в дни «конституционного конфликта» 1862—1866 гг.

48 1 января 1873 г. *(Прим. нем. изд.)*

49 Берлинский конгресс 1878 г. (см. гл. XXVIII).

50 От 16 апреля 1879 г. Politische Reden, Bd. VIII, 54 f. *(Прим. нем. изд.)*

51 Бисмарк был назначен прусским посланником при Союзном сейме Германского союза в 1851 г. и пробыл на этом посту до 1859 г.

52 Под «спором о бюджете» подразумевается борьба Прусского ландтага с правительством по поводу кредитов на армию, послужившая основой так называемого «конституционного конфликта» 1862—1866 гг.

53 Министром-президентом и министром иностранных дел в период «конституционного конфликта» был Бисмарк.

54 Назначение действительным тайным советником последовало кабинетским указом от 20 апреля; приказ короля датирован 22 марта 1877 г. *(Прим. нем. изд.)*

55 «Reichs- und Staats-Anzeiger» («Имперский и государственный вестник»)— официальный орган германского правительства, печатавший распоряжения и официальные сообщения.

56 Бисмарк имеет в виду события, вызвавшие 16 мая 1877 г. отставку кабинета Жюля Симона. Препятствуя агитации сторонников восстановления светской власти римского папы, Жюль Симон, правый республиканец и умеренный антиклерикал, вызвал недовольство французского президента — реакционера, монархиста и клерикала Мак-Магона. Президент обратился к Симону с письмом, написанным в столь резкой форме, что Симон счел себя вынужденным немедленно подать в отставку.

57 12 июня государственное министерство единогласно постановило отклонить принятие извещения о назначении Грунера со следующей мотивировкой: его величество освободил государственное министерство от всякого ответственного участия в этом назначении, а извещение в обычной форме произвело бы впечатление, будто подобное участие имело место. Ср. *Tiedemann,* Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei, S. 174—175. *(Прим. нем. изд.)*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ВЕДОМСТВА

При моих частых отлучках я терял контакт с некоторыми из моих коллег. То обстоятельство, что каждому из них я помог дослужиться в некоторых случаях с незначительной должности до министра и не обременял вмешательством в дела их ведомств, заставило меня переоценить их личное благожелательство ко мне. В текущие вопросы их ведомств я вмешивался очень редко и только тогда, когда видел опасность, что важные общественные интересы могут быть принесены в жертву интересам частного порядка. Так, например, я боролся против плана постройки на Рейне у Рейнгау[1] канала,который проектировался в интересах судоходства и на 30 лет превратил бы в болото русло реки между берегами и обеими подлежащими постройке плотинами; точно так же я отнесся и к плану проложить по Курфюрстендамм шоссе обычной ширины и застроить все остальное пространство вплоть до прежней дороги. В обоих случаях я помешал намерениям тех учреждений, которым эти вопросы были непосредственно подведомственны, и полагаю, что заслужил этим признание. Протекцией я также не докучал моим коллегам и подчиненным мне имперским учреждениям. По конституции мне полагалось принимать на службу всех почтовых, телеграфных и [имперских] железнодорожных чиновников и замещать все должности в отдельных имперских ведомствах. Едва ли, однако, я когда-либо потребовал от господина фон Стефана[2] или от кого-либо другого должность для рекомендуемого мною кандидата, хотя бы для почтальона. Нередко выступал я только против склонности моих коллег к новым важным законам и организациям, против склонности регламентировать, сидя за канцелярским столом, ибо я знал, что если не они сами, то их советники не знают меры в выдумывании законов и что многие из таких референтирующих советников по внутренним делам еще с экзаменов хранят проекты, которыми они пытаются осчастливить подданных империи, как только найдут согласного на это начальника.

Несмотря на мою сдержанность, большинство моих друзей по службе почувствовало после моей отставки точно облегчение от гнета. Во многих случаях это объясняется именно сопротивлением, которое я оказывал чрезмерному стремлению к бесполезным вмешательствам в наше законодательство.

В области школы я долго, но безуспешно боролся с теорией, согласно которой министр просвещения мог без законных оснований и независимо от уже имеющихся у школы средств устанавливать административным путем, без всякого учета платежеспособности, размеры обложения каждой общины в пользу школы. Эта всеобъемлющая власть, которой нет ни в одной другой отрасли управления, в некоторых случаях применялась так широко, что доводила общины до полного разорения. Основывалось такое положение не на законе, а на рескрипте прежнего министра вероисповеданий фон Раумера, подчинившего школьный бюджет предписаниям соответствующего отдела [провинциального] управления и в последней инстанции министру. Стремление при помощи закона закрепить этот министерский абсолютизм служило препятствием утверждению представляемых мне школьных законопроектов.

В области финансов мое согласие на какую-либо налоговую реформу всегда было обусловлено стремлением к тому, чтобы прямые налоги, взимающиеся вне зависимости от имущества плательщика, не послужили в дальнейшем масштабом для ежегодных надбавок. Если несправедливость, уже совершенную введением налогового обложения на землю и дома, нельзя было исправить, то ведь из этого не следует, что надо усугублять ее ежегодными надбавками. Мой последний коллега по министерству финансов Шольц, с которым я всегда жил в дружбе, разделял мой взгляд, но ему приходилось вести борьбу с парламентскими и министерскими затруднениями при исправлении ошибок; зато воинственность его советников получила, без сомнения, более широкое поле действия после моего ухода из государственного министерства.

Одно из моих требований, которое в течение многих лет не находило отклика в министерстве финансов, заключалось наряду с предложением ввести личные декларации о своих доходах еще в том, что следует облагать иностранные ценности выше германских; для германских ценностей это в известной мере являлось бы покровительственной пошлиной, а доходы, поступающие автоматически, облагались бы выше доходов, ежегодно зарабатываемых вновь.

В области сельского хозяйства прекращение якобы производившегося мною аграрного давления принесло пользу, главным образом, больным свиньям и эпидемиям рогатого скота, а также тем высшим и низшим чиновникам, которым выпала задача выступать перед парламентом и страной против агита-

ционной лжи о вздорожании продовольствия. Уступчивость в этой области и облегчение железнодорожной связи Франции с Эльзасом, вновь отмененное после неприятного опыта в феврале 1891 г. [3], я считаю общим выражением боязни борьбы. Эта боязнь готова пожертвовать будущим ради некоторых удобств в настоящем. Обеспечить на долгое время дешевую свинину также нельзя вялым пренебрежением к опасности заражения, как нельзя добиться окончательного отрыва (die Loslosung) Эльзаса от Франции стремлением к популярности и мягким отношением к местным жалобам и пограничным затруднениям.

Что касается имперских ведомств, то с казначейством у меня были всегда хорошие отношения как во времена Шольца, так и Мальцана. Назначение этого ведомства ограничивалось оказанием поддержки рейхсканцлеру и предоставлением к его услугам технически обученных работников при совещаниях и соглашениях с прусским министром финансов. Решающей инстанцией в финансовых вопросах оставались прусский министр финансов и государственное министерство. Характер обоих [Шольца и Мальцана] позволял устранять разногласия без раздражения, путем честного обсуждения. Высказанное недавно в печати и действительно проведенное в жизнь мнение о возможности независимой финансовой политики рейхсканцлера или даже подчиненного ему имперского казначейства, с одной стороны, и прусского министра финансов, с другой стороны, в мое время считалось противоречащим конституции. Разногласия между этими инстанциями находили разрешение на коллегиальных совещаниях государственного министерства, в которое рейхсканцлер входил в качестве министра иностранных дел; а без предполагаемого или выраженного согласия государственного министерства он не был вправе от имени Пруссии голосовать в Союзном совете или вносить законопроекты.

Менее ясными были для меня отношения с имперским почтовым ведомством. Во время французской войны [4] имели место такие факты, которые чуть не привели меня к разрыву с господином фон Стефаном. Но уже тогда я был настолько убежден в его незаурядных способностях не только по вопросам его специальности, что с успехом защищал его от немилости его величества. Господин фон Стефан разослал своим подчиненным официальный циркуляр с приказом снабжать все военные госпитали во Франции определенными газетами, а в мотивировке этого приказа сослался на пожелания ее высочества кронпринцессы [5]. Я не знаю, в какой степени у него были на это основания, но тот, кто знал старого государя, может представить себе его настроение, когда через военные донесения он узнал об этом приказе почтового ведомства. [Политическая] окраска рекомендованных газет была такова, что уже только этого было бы

достаточно, чтобы навлечь на Стефана немилость Вильгельма I. Но еще более раздражила государя ссылка на члена королевской семьи и именно на кронпринцессу. Я восстановил мир с его величеством. Потребность в высоком одобрении является одной из слабостей, тяготеющих над большинством незаурядных дарований. Я полагал, что слабости, сохраненные Стефаном с начала [его карьеры] и вплоть до перехода на высшие должности, будут постепенно отпадать, чем старше и важнее чином он станет. Я могу лишь пожелать, чтобы он в полном здоровье состарился на своем посту, и считал бы потерю такого человека трудно возместимой. Однако я подозреваю, что и он принадлежал к числу тех, кто почувствовал облегчение при моем уходе. Я всегда держался того мнения, что транспорт и почта должны вносить свою долю в государственные цели, и эта доля должна состоять из почтовых сборов и оплаты фрахта. Стефан больше патриот собственного ведомства, но в качестве такового он был настолько полезен не только своему ведомству и его чиновникам, но и империи, что едва ли это достижимо любому из его преемников. Из уважения к его блестящим способностям я всегда снисходительно относился к его самовольным действиям, даже тогда, когда они вторгались в мои полномочия канцлера и руководящего представителя Пруссии или когда он своим пристрастием к роскошным постройкам наносил ущерб финансовым достижениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Рейнгау* — небольшая область, расположенная на правом берегу Рейна, недалеко от Майнца.

[2] *Генрих Стефан* (1831—1897) состоял в это время начальником почт Германской империи.

[3] *В феврале 1891 г.* Париж посетила германская императрица с дочерью. Ее пребывание в Париже ознаменовалось враждебными демонстрациями. После этого имперское правительство отменило уступки, сделанные для облегчения сношений между Эльзасом и Францией. Однако уже 21 сентября 1891 г. порядок перехода границы был снова значительно упрощен.

[4] Франко-прусская война 1870—1871 гг.

[5] *Кронпринцесса* Виктория, жена кронпринца Фридриха III.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС

I

Осенью 1876 г. я получил в Варцине[1] шифрованную телеграмму из Ливадии[2] от нашего военного уполномоченного генерала Вердера, в которой он, по поручению императора Александра, просил сообщить, останемся ли мы нейтральными, если Россия вступит в войну с Австрией. При ответе на эту телеграмму мне приходилось принимать во внимание, что шифр Вердера не останется недоступным императорскому дворцу; ведь я знал по опыту, что даже в здании нашей миссии в Петербурге тайну шифра мог сохранить не искусно сделанный замок, а только частая смена шифра[3]. Я был уверен, что не мог телеграфировать в Ливадию ничего, что не дойдет до сведения императора. Самый факт, что подобный вопрос вообще мог быть поставлен таким образом, являлся уже нарушением служебных традиций. Когда один кабинет хочет обратиться к другому с вопросом подобного рода, то корректным путем является доверительное устное зондирование через своего посла или же при личном свидании монархов. Из того, что произошло между императором Николаем и Сеймуром, русская дипломатия увидела, что зондирование путем запроса представителю соответствующей державы имеет свои неудобства[4]. Склонность Горчакова обращаться к нам с телеграфными запросами не через русского представителя в Берлине, а через германского в Петербурге, вынудила меня обращать внимание наших миссий в Петербурге, чаще, чем при других дворах, на то, что их задача состоит не в представительстве требований русского кабинета перед нами, а в представительстве наших пожеланий к России. Для дипломата велико искушение поддерживать свое положение на службе и в обществе путем услуг правительству, при котором он аккредитован; еще опаснее оно, если иностранный министр сумеет склонить нашего агента к своим пожеланиям, прежде чем последний узнает все причины, по которым исполнение и даже предъявление этих пожеланий несвоевременно для *его* правительства.

Но вне всяких, даже русских, обычаев было, что германский военный уполномоченный при русском дворе по приказу русского императора предъявлял нам, в категорическом стиле телеграммы, политический вопрос большой важности, к тому же во время моего отсутствия из Берлина. Я никак не мог добиться изменения старого, крайне неудобного для меня обычая, по которому наши военные уполномоченные в Петербурге посылали свои донесения не как все прочие, через ведомство иностранных дел, а докладывали собственноручным письмом непосредственно его величеству. Этот обычай возник потому, что Фридрих-Вильгельм III создал первому военному атташе в Петербурге, бывшему коменданту Кольберга[5] Лукаду, особо близкие отношения с [русским] императором. Военный атташе, конечно, сообщал в таких письмах обо всем, что русский император в обычных откровенных отношениях придворной жизни говорил ему о политике, а это нередко было гораздо больше того, что Горчаков говорил нашему послу. «Pruski Fligel-adjutant» [«Прусский флигель-адъютант»], как его называли при дворе, видел императора почти каждый день, во всяком случае гораздо чаще, нежели Горчаков. Государь беседовал с ним не только о военных делах, и поручения для передачи нашему монарху не ограничивались вопросами семейного характера. Центр тяжести дипломатических переговоров между обоими кабинетами находился зачастую, как во времена Рауха и Мюнстера, в большей степени в донесениях военного уполномоченного, а не официально аккредитованных посланников. Но так как император Вильгельм никогда не забывал передавать мне, хотя часто с опозданием, свою переписку с военным уполномоченным в Петербурге и никогда не принимал политических решений без обсуждения в официальной инстанции, то неудобства этих непосредственных сношений ограничивались запозданием информации и уведомлений, заключавшихся в этих личных докладах. Таким образом, когда император Александр, без сомнения, по совету князя Горчакова, воспользовался господином Вердером в качестве посредника, чтобы предложить нам столь важный вопрос, то это выходило за пределы [установившегося] обычая в деловых сношениях. Горчаков старался тогда доказать своему императору, что моя преданность ему и мои симпатии к России неискренни или же только «платоничны»; он старался поколебать его доверие ко мне, что со временем ему и удалось.

Прежде нежели ответить по существу на запрос Вердера, я попытался уклониться, ссылаясь на невозможность без высочайшего уполномочия решить подобный вопрос. На повторные настояния я рекомендовал обратиться с этим вопросом официальным, хотя и доверительным путем к ведомству иностран-

ных дел через русского посла в Берлине. Тем временем многократные запросы, которые я получал по телеграфу через Вердера, отрезали мне путь к уклончивым ответам. Между тем я просил его величество телеграфно вызвать в императорскую резиденцию господина Вердера, которого в Ливадии дипломатически использовали в своих целях и который не умел дать отпор, и запретить ему принимать политические поручения, так как это дело должно итти через русскую, а не через германскую [дипломатическую] службу. Император не согласился с моим пожеланием, а так как император Александр, основываясь на наших личных отношениях, наконец, потребовал от меня через русское посольство в Берлине высказать мое собственное мнение, то я не мог долее уклоняться от ответа на этот нескромный вопрос. Я просил посла фон Швейница, срок отпуска которого истекал, перед возвращением его в Петербург посетить меня в Варцине, чтобы получить мои инструкции. С 11 по 13 октября Швейниц был моим гостем. Я поручил ему как можно скорее отправиться через Петербург в резиденцию императора Александра, в Ливадию. Смысл инструкции, данной мною господину фон Швейницу, заключался в том, что нашей первой потребностью является сохранение дружбы между великими монархиями, которые больше потеряли бы от революции, чем выиграли бы от войны между собою. Если, к нашей скорби, мир между Россией и Австрией невозможен, то хотя мы могли бы допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали друг у друга сражения, однако не можем допустить, чтобы одному из них был нанесен столь тяжкий урон и ущерб, что окажется под угрозой его положение как независимой и имеющей в Европе значение великой державы. Это наше заявление, которое Горчаков побудил своего государя вынудить у нас с недопускающей сомнений ясностью, чтобы доказать ему платонический характер нашей любви, имело своим последствием, что русская буря пронеслась из Восточной Галиции на Балканы, что Россия, прервав с нами переговоры, вступила в переговоры с Австрией, потребовав сохранения их в тайне от нас. Насколько я помню, переговоры сначала велись в Пеште [6] в духе соглашений в Рейхштадте, где императоры Александр и Франц-Иосиф встретились 8 июля 1876 г.[7] На основе этой конвенции, а не Берлинского конгресса Австрия владеет Боснией и Герцеговиной [8]; а русским был обеспечен нейтралитет Австрии во время их войны с турками [9].

II

То обстоятельство, что по Рейхштадтским соглашениям русский кабинет позволял австрийцам приобрести Боснию за сохранение их нейтралитета, дает повод предполагать, что

господин Убри [10] говорил нам неправду, уверяя, будто в Балканской войне дело сведется лишь к promenade militaire [военной прогулке], к тому, чтобы занять trop plein [излишние] войска, к бунчукам [11] и георгиевским крестам; Босния за это была бы слишком дорогой ценой. Вероятно, в Петербурге рассчитывали на то, что Болгария, отделившись от Турции, постоянно останется в зависимости от России. Эти расчеты, вероятно, не оправдались бы и в том случае, если бы условия Сан-Стефанского мира [12] были осуществлены полностью. Чтобы не отвечать перед собственным народом за эту ошибку, постарались — и не без успеха — взвалить вину за неблагоприятный исход войны на германскую политику, на «неверность» германского друга. Это была одна из недобросовестных фикций; мы никогда не обещали ничего, кроме доброжелательного нейтралитета. Насколько наши намерения были честны, видно из того, что потребованное Россией сохранение Рейхштадских соглашений в тайне от нас не поколебало наше доверие и доброжелательность к России; наоборот, мы с готовностью отозвались на переданное мне в Фридрихсруэ [13] графом Петром Шуваловым желание России созвать конгресс в Берлине.

Желание русского правительства заключить при содействии конгресса мир с Турцией доказывало, что Россия, упустив благоприятный момент для занятия Константинополя, не чувствовала себя достаточно сильной в военном отношении, чтобы довести дело до войны с Англией и с Австрией. За неудачи русской политики князь Горчаков, без сомнения, разделяет ответственность с более молодыми и энергичными единомышленниками, сам от ответственности он не свободен. Насколько прочной — в условиях русских традиций — была позиция Горчакова у императора, видно из того, что вопреки известному ему желанию его государя он принимал участие в Берлинском конгрессе [14] как представитель России. Когда, опираясь на свое звание канцлера и министра иностранных дел, он занял свое место на конгрессе, то возникло своеобразное положение: начальствующее лицо — канцлер — и подчиненный ему по ведомству посол Шувалов фигурировали вместе, но русскими полномочиями был облечен не канцлер, а посол.

Это может быть документально подтверждено только русскими архивами (а быть может, и там не найдется доказательств), но, по моим наблюдениям, положение было именно таково; это показывает, что даже в правительстве с таким единым и абсолютным руководством, как русское, единство политического действия не обеспечено. Такое единство, быть может, в большей мере имеется в Англии, где руководящий министр и получаемые им донесения подлежат публичной критике, в то время как в России только царствующий в данный момент император в состоянии по мере своего знания людей и способностей судить,

кто из информирующих его слуг ошибается или обманывает его и от кого он узнает правду. Я не хочу этим сказать, что текущие дела ведомства иностранных дел решаются в Лондоне умнее, чем в Петербурге, но английское правительство реже, чем русское, оказывается в необходимости прибегать к неискренности, чтобы загладить ошибки своих подчиненных. Правда, лорд Пальмерстон 4 апреля 1856 г. сказал в нижней палате с иронией, вероятно, не понятой большинством членов палаты, что отбор документов о Карсе для предъявления их парламенту потребовал большой тщательности и внимания со стороны лиц, занимавших не подчиненные, а высшие должности в ведомстве иностранных дел. «Синяя книга» о Карсе[16], кастрированные депеши сэра Александра Бэрнса из Афганистана[16] и сообщения министров о происхождении ноты, которую в 1854 г. Венская конференция рекомендовала султану подписать вместо меншиковской[17], являются образчиком легкости, с которой в Англии могут быть обмануты парламент и печать. То, что архивы ведомства иностранных дел оберегаются в Лондоне тщательнее, чем где-либо, позволяет предположить, что в них можно найти еще и другие подобные образчики. В общем, однако, можно все же сказать, что царя легче обмануть, чем парламент.

В Петербурге при дипломатических переговорах о выполнении решений Берлинского конгресса ожидали, что мы без дальнейших околичностей и в частности без предварительного соглашения между Берлином и Петербургом будем поддерживать и проводить любую русскую точку зрения против австро-английской. Когда я сначала дал понять и, наконец, потребовал доверительно, но ясно высказать русские пожелания и обсудить их, то от ответа уклонились. У меня создалось впечатление, что князь Горчаков ожидал от меня, словно дама от своего обожателя, что я отгадаю русские пожелания и буду их представлять, а России не понадобится самой их высказать и этим брать на себя ответственность. Даже в тех случаях, когда мы могли полагать, что уверены в интересах и намерениях России и думали, что можем добровольно дать русской политике доказательство нашей дружбы без ущерба для собственных интересов, то и тогда вместо ожидаемой благодарности мы встречали брюзжащее недовольство, так как якобы действовали не в том направлении и не в той степени, как этого ожидал наш русский друг. Результат был не лучше и тогда, когда мы бесспорно поступали согласно с его желаниями. Во всем этом поведении заключалась преднамеренная недобросовестность не только по отношению к нам, но и к императору Александру, которому хотели представить германскую политику бесчестной и не внушающей доверия. «Votre amitie est trop platonique» [«Ваша дружба слишком платонична»], — с упреком сказала

императрица Мария [Александровна] одному из наших дипломатов. Правда, дру?кба кабинета великой державы к другим до известной степени всегда остается платоничной, ибо ни одна великая держава не может целиком поставить себя на службу другой. Она постоянно должна иметь в виду не только настоящие, но и будущие отношения с прочими державами и по возможности избегать постоянной принципиальной вражды с любой из них. Это в особенности относится к Германии с ее центральным положением, открытым для нападения с трех сторон.

Ошибки в политике кабинетов великих держав не наказываются в тот же час ни в Петербурге, ни в Берлине, но без вреда они никогда не остаются. Историческая логика еще строже в своей проверке, чем наши счетные палаты [18]. При выполнении решений конгресса Россия ожидала и требовала, чтобы на Востоке в переговорах об этом по местным вопросам германские представители в случае разногласий между взглядами русских и представителей других держав всегда были на стороне русских. Правда, по некоторым вопросам суть решения была для нас довольно безразличной; нам важно было лишь честно истолковать постановления и не нарушать наших отношений также и с другими великими державами из-за пристрастного поведения по местным вопросам, которые не затрагивали германских интересов. Резкий и язвительный тон всей русской печати, допущенное цензурой натравливание против нас русских народных настроений заставляло считать благоразумным не терять симпатий тех иностранных держав, кроме России, на которые мы еще могли рассчитывать.

В этой ситуации было получено собственноручное письмо императора Александра [19], который, несмотря на все свое уважение к престарелому другу и дяде, в форме, принятой в международном праве, в двух местах определенно угрожал войной примерно таким образом: в случае, если мы попрежнему будем отказываться приспособить германское голосование к русскому, мир между нами не может быть долговечным. Эта мысль в резких и недвусмысленных выражениях повторялась дважды. Из письма я видел, что в его составлении принимал участие и князь Горчаков, который 6 сентября 1879 г. в интервью с корреспондентом орлеанистского «Soleil» Луи Пейрамоном сделал Франции демонстративное признание в любви. Впоследствии два факта подтвердили мое предположение. В октябре одна дама из берлинского общества, остановившаяся в «Hotel de l' Europe» в Баден-Бадене [20] рядом с номером князя Горчакова, слышала, как он сказал: «J'aurais voulu faire la guerre, mais la France a d'autres intentions» [«Я хотел бы воевать, но Франция имеет иные намерения»]. А 1 ноября парижский корреспондент «Times» мог сообщить своей газете, что перед свиданием в Александрово [21] царь писал императору

Вильгельму и жаловался на образ действий Германии и, между прочим, употребил следующую фразу: «Канцлер вашего величества забыл обещания 1870 г.» *

Ввиду позиции русской прессы, все возраставшего возбуждения широких слоев народа и сосредоточения войск непосредственно вдоль прусской границы, было бы легкомысленно сомневаться в серьезности положения и угрозы императора по отношению к прежде столь уважаемому другу. Поездка в Александрово, совершенная императором Вильгельмом по совету фельдмаршала фон Мантейфеля 3 сентября 1879 г. с целью лично дать умиротворяющий ответ на письменные угрозы своего племянника, противоречила моим чувствам и моему представлению о том, что требуется.

III

Во второй половине 70-х годов усилению акцентирования дружбы с Россией без Австрии противостояли соображения, аналогичные тем, которые противоречили попытке разрешить сложные затруднения 1863 г. на пути союза с Россией. Я не знаю, в какой мере граф Петр Шувалов перед началом последней балканской войны [22] и во время конгресса был уполномочен обсуждать вопрос о германско-русском союзе; он был аккредитован не в Берлине, а в Лондоне; но личные отношения ко мне позволяли ему как при поездках через Берлин, так и во время конгресса совершенно откровенно обсудить со мной все возможности.

В начале февраля 1877 г. я получил от него длинное письмо из Лондона [23]; привожу здесь мой ответ и последующее письмо графа Шувалова.

«Берлин, 15 февраля 1877 г.

Дорогой граф,

Благодарю вас за добрые пожелания, которые вы соблаговолили написать мне. Я признателен графу Мюнстеру за то, что он так хорошо истолковал в данном случае чувства, установившиеся между нами, с первого нашего знакомства; связь, между нами будет длительнее, чем политические отношения, которые свели нас сегодня. По окончании моей официальной де-

* Корреспондент г. Опперт из Бловица в Богемии, вероятно, тем охотнее взялся распространить эту новость, сообщенную ему, надо полагать, Горчаковым, что был сердит на меня со времени [Берлинского] конгресса. По желанию Биконсфильда, который хотел сделать ему удовольствие, я выхлопотал ему орден Короны третьей степени. Он был возмущен этим, по прусским представлениям, необычайно высоким награждением, отказался от него и потребовал вторую степень.

ятельности, воспоминание о беседах с вами будет заставлять меня больше всего жалеть о том, чего я лишился.

Как бы ни сложилось политическое будущее наших обеих стран, участие, которое я принимал в их историческом прошлом, заставляет меня с чувством удовлетворения вспоминать, что в вопросе о союзе между ними я всегда находился в согласии с государственным деятелем, который был самым любезным из моих политических друзей. Пока я буду оставаться на своем посту, я буду верен традициям, которыми руководствовался в течение 25 лет и которые совпадают с мыслями, изложенными в вашем письме относительно услуг, кои могут оказать друг другу Россия и Германия и кои они оказывали более ста лет без ущерба для специальных интересов той и другой стороны. Два европейских соседа, которые за сто с лишним лет не испытывали ни малейшего желания стать врагами, должны уже из одного этого обстоятельства сделать вывод, что их интересы не расходятся. Вот убеждение, которое руководило мной в 1848, 1854, 1863 гг. и в нынешней ситуации и которое я сумел внушить огромному большинству моих соотечественников. Для разрушения созданного, может быть, потребуется меньше усилий, чем было затрачено на созидание, особенно если мои преемники не будут с таким же постоянством, как я, поддерживать отношения, которые для них не будут привычны и для сохранения которых приходится иногда жертвовать самолюбием и подчинять чувство обиды интересам своего государя и своей страны. Я кое-что изведал по этой части, но я не обращаю внимания на мелкие шутки, которые учиняет со мною мой старый петербургский друг и покровитель[24], а также на его — или Орлова — «флирт» с Парижем. Такой бывалый человек, как я, не даст сбить себя с пути ложной тревогой. Но будет ли так обстоять дело с канцлерами, которые придут мне на смену и которым я не могу завещать моего хладнокровия и опыта? Быть может, их легче будет сбить с толку в их политических суждениях при помощи официозных журналов, недоброжелательных разговоров, частных писем, которые пускают по рукам. Германский министр, у которого создастся предположение о возможности коалиции на базе реванша, может, опасаясь изоляции, попытаться обезопасить себя от этого, завязав отношения, пожалуй, неудачные и даже роковые, но которые потом трудно будет расторгнуть. В союзе обеих империй заключается такая сила и [гарантия] безопасности, что меня приводит в раздражение уже сама мысль о том, что он может когда-либо подвергнуться опасности без малейшего на то политического основания, только по воле какого-нибудь государственного деятеля, любящего разнообразие или считающего, что французский язык приятнее немецкого. Относительно этого я готов с ним вполне согласиться, не подчиняя, однако, этому соображению

политику моей страны. Пока я буду возглавлять наши [государственные] дела, вам трудно будет избавиться от союза с нами. Но это будет продолжаться недолго. Мое здоровье быстро идет на убыль. Я попытаюсь выдержать натиск в рейхстаге, сессия которого начнется через несколько дней и не может продолжиться дольше нескольких недель. Тотчас же после ее закрытия я поеду на воды и уже не вернусь к делам. У меня есть медицинское свидетельство,что я «untauglich» [«негоден»] ,— это технический термин для того, чтобы иметь право настаивать на отставке, и в данном случае он только удостоверяет печальную истину.

Если господь мне позволит наслаждаться несколькими годами покоя в частной жизни, то я прошу вас, дорогой граф, разрешить мне поддерживать с вами и впредь добрые дружеские отношения, которые мне удалось завязать благодаря моей служебной деятельности, а пока прошу принять выражение чувств искренне преданного вам

ф. Бисмарка».

Прошу извинить за запоздание с ответом. За последние две недели я испытывал большое затруднение при писании от руки, нечто вроде судорог, которые еще мешают писать, как вы увидите по почерку. Но я не хотел, однако, прибегать к чужой помощи, чтобы написать вам».

«Лондон, 25 февр. 1877.

Дорогой князь,

Я был чрезвычайно глубоко тронут вашим ласковым письмом, — только, право, я испытываю угрызения совести при мысли о труде, которого вам стоило написать его, и о драгоценном времени (когда это такое время, как ваше), которое вы на него затратили!

Это письмо останется одним из лучших воспоминаний моей политической деятельности, и я завещаю его моему сыну.

Вследствие отсутствия из Берлина и Петербурга в течение года мною овладело сомнение.

Я думал, что то, что *существовало*, — уже *более* не существует. Вы убеждаете меня в противном. Я рад этому как русский человек, рад от всего сердца.

Если бы я не встретил в вашем лице, дорогой князь, человека, который неизменен в своей политике и в благоволении к своим друзьям, то я тотчас же продал бы свои русские акции, подобно тому как вы хотели это сделать три года тому назад, потому что были обо мне слишком высокого мнения.

Я переписал несколько отрывков из вашего письма и послал их моему императору. Я знаю, что он с удовольствием их

прочитает. Каждый раз, когда он находился в непосредственном контакте с вами, это давало хорошие и полезные результаты; а ведь прочесть то, что вы пишете человеку, которого удостаиваете называть своим другом,это для императора равносильно тому, как если бы он находился в непосредственных отношениях с вами.

Нет надобности добавлять, что я опустил все, касавшееся Горчакова, так как я рассматривал ваши намеки на его счет как доказательство доверия к моей скромности.

Как ни плохо я осведомлен (и не без основания) о том, чего хотят в Петербурге, все же отсрочка и разоружение представляются мне вероятными.

Мир с Сербией и Черногорией, как говорят, будет заключен[25]. Великий визирь[26] обратился с письмами к Деказу и Дерби, в которых заявляет, что султан[27] обещает добровольно осуществить все реформы, которые требовала конференция[28]. Европа потребует от нас предоставить Турции время [для этого]. Можно ли считать такой момент благоприятным для того, чтобы объявить войну и еще больше лишиться расположения Европы?

Мои частные дела настоятельно требуют моего присутствия в России. Как только у нас будет принято решение в том или ином смысле, я рассчитываю взять непродолжительный отпуск. Я надеюсь, дорогой князь, что вы позволите мне повидать вас, когда я буду проезжать через Берлин,—*я чрезвычайно* этого хочу.

Извините за длинное письмо, но по крайне мере оно не требует у вас ни одного слова ответа.

Еще раз примите, дорогой князь, мою горячую благодарность за вашу «Kindness» [любезность] и за ваше письмо, против которого у меня есть только одно возражение относительно манеры, с которой вы, к сожалению, говорите о вашем здоровье. Я уверен, что господь поддержит вас, как он оберегает все, что полезно для миллионов людей и для сохранности значительных и обширных интересов.

Будьте уверены, дорогой князь, что вы всегда найдете в моем лице *более* чем *поклонника,* каких у вас достаточно много и без меня, короче говоря: человека, который к вам искренне привязан и предан вам от всего сердца.

Шувалов».*

Еще до конгресса граф Шувалов затронул и прямо поставил вопрос о русско-германском оборонительном и наступательном союзе. Я откровенно обсуждал с ним затруднения и перспективы союза для нас и прежде всего выбора между Австрией и Россией в случае, если тройственный союз восточных держав сказался бы непрочным. В споре он, между прочим, сказал:

* Оригинал обоих писем на французском языке.—*Ред.*

«Vous avez le cauchemar des coalitions» [«У вас кошмар коалиций»[1];на что я ответил «necessairement»[«поневоле»].Самым верным средством против этого он считал прочный, непоколебимый союз с Россией, так как с исключением этой державы из коалиции наших противников никакая комбинация, угрожающая нашему существованию, невозможна.

Я с этим согласился, но высказал опасение, что если германская политика ограничит свои возможности только союзом с Россией и согласно русским пожеланиям откажет прочим государствам, то она может сказаться в неравном положении по отношению к России, так как географическое положение и самодержавный строй России дают последней возможность легче отказаться от союза, чем могли бы это сделать мы, и так как сохранение старой традиции прусско-русского союза всегда зависит только от одного человека, т. е. от личных симпатий царствующего в данный момент русского императора. Наши отношения к России основаны, главным образом, на личных отношениях между обоими монархами, на правильном развитии этих отношений при искусности двора и дипломатии и на образе мыслей представителей обеих держав. Мы видели случаи, как при довольно беспомощных прусских посланниках в Петербурге взаимоотношения оставались близкими благодаря искусности таких военных уполномоченных, как генералы фон Раух и граф Мюнстер, хотя у обеих сторон были некоторые основания для обиды. Мы видели также, что такие вспыльчивые и раздражительные представители России, как Будберг и Убри, своим поведением в Берлине и своими донесениями, когда они лично были недовольны, создавали впечатления, могущие оказать опасное воздействие на взаимоотношения обоих народов в сто пятьдесят миллионов человек.

Я помню, в бытность мою посланником в Петербурге князь Горчаков, неограниченным доверием которого я в то время пользовался, давал мне читать, пока я ожидал его, еще нераспечатанные донесения из Берлина, прежде чем просматривал их сам. Я бывал порой поражен, видя из этих донесений, с каким недоброжелательством мой бывший друг Будберг подчинял задачу сохранения существующих взаимоотношений своей обиде по поводу какого-нибудь случая в обществе или даже просто желанию сообщить двору или министерству остроумную шутку о положении в Берлине. Его донесения, конечно, представлялись императору, притом без всяких комментариев и без доклада; заметки императора на полях, которые Горчаков иногда давал мне просматривать, — в числе прочей деловой корреспонденции, — служили для меня несомненным доказательством того, как сильно эти раздражительные донесения Будберга и Убри влияли на благожелательно к нам настроенного императора Александра II. Он приходил к за-

ключению не об ошибочности суждений своих представителей, а о том, что политика Берлина недальновидна и недоброжелательна. Давая мне читать эти нераспечатанные донесения и кокетничая своим доверием, Горчаков обычно говорил «vous oublierez ce que vous ne deviez pas lire» [«вы забудете то, что вам не следовало читать»], в чем, разумеется, я давал слово, просмотрев в соседней комнате депеши. Пока я находился в Петербурге, я держал это слово, так как в мою задачу не входило ухудшать отношения между нашими дворами жалобами на русского представителя в Берлине и так как я опасался неискусного использования моих сообщений для придворных интриг и травли.

Вообще было бы желательно, чтобы нашими представителями при дружественных дворах были такие дипломаты, которые, не нарушая общей политики своей страны, старались бы, однако, по возможности поддерживать отношения между обоими государствами, умалчивая по возможности об обидах и сплетнях, сдерживая свое остроумие и *скорее* подчеркивая положительную сторону дела. Я часто не представлял на высочайшее прочтение донесений наших представителей при германских дворах потому, что они больше стремились сообщить что-либо пикантное, передать предпочтительно раздражающие высказывания или явления, нежели заботились об улучшении и поддержании отношений между дворами, что *неизменно* является задачей нашей политики в Германии. Я считал себя вправе не сообщать из Петербурга и Парижа того, что могло бесцельно раздражать или же было пригодно только для сатирического описания, а став министром, не представлять подобных донесений на высочайшее прочтение. В обязанность посла, аккредитованного при дворе великой державы, не входит механическое донесение обо всех доходящих до его слуха глупых речах и злостных выпадах. Не только посол, но и каждый германский дипломат при германском дворе не должен писать донесений вроде тех, которые посылались в Петербург Будбергом и Убри из Берлина и Балабиным из Вены в расчете, что остроумные донесения будут прочтены с интересом и вызовут веселое настроение. Напротив, следует воздерживаться от науськиваний и сплетен до тех пор, пока отношения дружественны и должны таковыми остаться. Правда, тот, кто имеет в виду только внешнюю форму деловых сношений, считает самым правильным, чтобы посланник сообщал безоговорочно все, что он слышит, предоставляя министру возможность по его усмотрению оставить без внимания или же особо оттенить то, что последний пожелает. Однако целесообразность этого с деловой точки зрения зависит от личности министра. Так как я считал себя таким же дальновидным, как господин фон Шлейниц, и принимал более глубокое и добросовестное уча-

стие в судьбе нашей страны, нежели он, то я считал своим правом и обязанностью не доводить до его сведения некоторых вещей, которые в его руках могли послужить для травли и интриг при дворе в духе политики, которая не являлась политикой короля.

После этого отступления возвращаюсь к переговорам, которые я вел во время балканской войны с графом Петром Шуваловым. Я сказал ему, что если бы мы упрочению союза с Россией принесли в жертву наши отношения со всеми остальными державами, то при нашем открытом географическом положении мы оказались бы в опасной зависимости от России в случае резкого проявления Францией и Австрией стремления к реваншу. Уживчивость России с державами, которые также не могут существовать без ее доброжелательности, имела бы свои пределы, в особенности при такой политике, как политика князя Горчакова, напоминавшая мне порой азиатские воззрения. Часто он отстранял всякое политическое возражение аргументом: «L'empereur est fort irrite» [«Император очень раздражен»]; на это я обычно иронически отвечал: «Eh, le mien donc!» [«мой тоже»]. Шувалов заметил на это «Gortschakoff est un animal» [«Горчаков — скотина»], что на петербургском жаргоне не так грубо понимается, как звучит, — «il n'a aucune influence» [«он не пользуется никаким влиянием»]; вообще Горчаков обязан тем, что он формально еще ведет дела, только уважению императора к его возрасту и прежним заслугам. По какому поводу Россия и Пруссия могли бы когда-либо серьезно вступить в конфликт? Нет между ними такого вопроса, который был бы достаточно важным поводом. С последним я согласился, но напомнил об Ольмюце и Семилетней войне[29]. Ссоры возникают и по маловажным причинам, даже из-за вопросов формальных. Некоторым русским, и помимо Горчакова, было бы трудно считать друга равноправным и обращаться с ним соответственно. Лично я не придаю значение внешним формам, но теперешней России свойственны пока не только внешние формы, но и претензии Горчакова.

Я отклонил тогда «выбор» между Австрией и Россией и рекомендовал союз трех императоров или, по крайней мере, сохранение мира между ними.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Варцин* — померанское имение Бисмарка со старым парком и замком; сюда Бисмарк обычно приезжал на время отдыха.

[2] *Ливадия* — дворец на южном берегу Крыма, в то время — царское имение, часто служившее летней резиденцией русскому императору.

[3] Ср. т. I, гл. X, раздел III.

[4] В январе —феврале 1853 г. Николай I пытался через английского посланника в Петербурге Джорджа-Гамильтона Сеймура добиться соглашения с Англией о совместном разделе территории Турции. Попытка дала обратные результаты: инициатива царя ускорила сближение Англии с Францией и упрочила позиции Турции. Во время начавшейся в 1853 г. Восточной войны, в которой Англия и Франция приняли участие на стороне Турции, переговоры, ведшиеся Николаем I с Сеймуром, были опубликованы в иностранной печати.

[5] *Кольберг* — город в прусской провинции Померании, близ берега Балтийского моря; до 1873 г. — крепость.

[6] *Пешт* — главный город Венгрии; в 1872 г. был объединен с городом Будой и получил название — Будапешт.

[7] 8 июля 1876 г. в Рейхштадте (чешск. Закупы) состоялось свидание Александра II с Францем-Иосифом для обсуждения балканского вопроса. Русский и австрийский императоры договорились о том, что в случае, если Турция одержит верх над восставшим летом 1875 г. христианским населением балканской части Турецкой империи, обе державы выступят против Турции; в случае же распада Турецкой империи Австрия получит часть Боснии и Герцеговины, Россия возвратит себе потерянную в 1856 г. часть Бессарабии, а Болгария и Румелия станут автономными. Возможность создания большого славянского государства на Балканах исключалась; Константинополь предполагалось сделать вольным городом. Эти условия были оформлены в дополнительной конвенции, приложенной к секретной конвенции, заключенной между Россией и Австро-Венгрией в Будапеште 15 января 1877 г. В тексте самой будапештской конвенции наиболее важной была статья 2, по которой Австрия обязывалась сохранять по отношению к России благожелательный нейтралитет в случае ее войны с Турцией.

[8] *Босния и Герцеговина* — населенные южнославянскими народностями области в северо-западной части Балканского полуострова, с XV в. находились под властью турок. В XIX в. славянское население неоднократно восставало против турецкого владычества. По решению Берлинского конгресса 1878 г. Австрия получила право на временную оккупацию Боснии и Герцеговины «вплоть до установления там порядка». В 1908 г. Австрия заявила об аннексии Боснии и Герцеговины.

[9] Русско-турецкая война 1877—1878 гг. была объявлена Россией 24 апреля 1877 г. После успехов в первые месяцы русские войска были задержаны перед осажденной ими турецкой крепостью Плевна. Плевна сдалась лишь в декабре 1877 г. Перейдя зимою Балканские горы, русская армия в конце января 1878 г. достигла берегов Мраморного моря. Турецкая армия была разбита. 31 января 1878 г. были подписаны предварительные условия мира, а 3 марта был заключен мирный договор в Сан-Стефано.

[10] Граф *Убри* был в 1871—1879 гг. русским послом в Германии.

[11] *Бунчук* — украшение в виде конского хвоста, одетого на древко. Существовал в турецких войсках, а также в качестве атрибута атаманской власти у казаков.

[12] *Сан-Стефано* — небольшой портовый городок близ Константинополя на европейском берегу Мраморного моря. Здесь 3 марта 1878 г. был подписан *мирный договор между Россией и Турцией.* Основные условия

его были таковы: независимость Сербии, Румынии и Черногории, принадлежавших ранее Турции; создание самостоятельного княжества Болгарии от Черного до Эгейского моря под номинальным сюзеренитетом Турции; возвращение России Бессарабии; присоединение к России Карса, Батуми, Ардагана и Баязета; проведение реформ в Боснии, Герцеговине и на острове Крите. Сан-Стефанский мир не был признан Англией и Австро-Венгрией, опасавшимися чрезмерного усиления России на Балканах. Угрозой войны эти державы вынудили Россию согласиться на пересмотр условий Сан-Стефанского мира. Для этой цели и был созван Берлинский конгресс.

13 *Фридрихсруэ* — имение Бисмарка, пожалованное ему в 1871 г. императором Вильгельмом I.

14 *Берлинский конгресс* держав заседал с 13 июня по 13 июля 1878 г. Председателем этого конгресса, созванного для пересмотра условий Сан-Стефанского мира, был Бисмарк. Бисмарк заявил, что желает быть «честным маклером» и не оказывать предпочтения ни одной из сторон. Однако в большинстве пунктов он поддержал противников России. Россию на конгрессе представляли канцлер князь Горчаков, посол в Лондоне Шувалов и посол в Берлине Убри. Результаты конгресса были в значительной степени предрешены заключенной еще в мае 1878 г. англо-русской конвенцией. Основные решения конгресса сводились к следующему: Болгария делилась на три части, две из которых — Восточная Румелия и Болгарская Македония — оставались по-старому под полной властью Турции. Образованное из северной Болгарии княжество Болгарское практически передавалось в руки русского правительства, но формально считалось вассальным по отношению к Турецкой империи. Алашкертская долина и крепость Баязет в Малой Азии, уступленные России по Сан-Стефанскому мирному договору, возвращались обратно Турецкой империи. Ревизуя Сан-Стефанский договор Турции с Россией, Берлинский трактат (13 июля 1878 г.), — так обычно именуют решения Берлинского конгресса, состоящие из 64 статей, — не затронул конвенции Турции с Англией, подписанной 4 июня 1878 г. и предоставлявшей Англии право занятия острова Кипра и защиты берегов азиатской Турции.

15 *«Синими книгами»* в Англии называются официальные сборники документов по отдельным вопросам. Во время Восточной войны 1853—1856 гг. *Карс* был укреплен английскими инженерами. Когда 6 ноября 1855 г. Карс, после длительной осады, был взят, там был захвачен английский офицер Вильямс.

18 Сэр *Александр Бенс* (1805—1841) — капитан английской армии и известный исследователь Средней Азии, был политическим агентом Англии при дворе афганского шаха.

17 *Меншиковская нота,* которую султан должен был подписать, представляла собой проект, предложенный турецкому правительству в ультимативной форме адмиралом Меншиковым, прибывшим в Константинополь 28 февраля 1853 г. во главе чрезвычайного посольства. Подписанием этого документа султан обязался бы признать право России на постоянное вмешательство во внутренние дела Турецкой империи. Конференция послов европейских держав в Вене, состоявшаяся в конце июля 1853 г., выработала проект примирительной ноты, которая султаном также не была подписана.

18 *Счетными палатами* (Oberrechenkammer) — в немецких государствах назывались государственные органы контроля над доходами и рас-

ходами государственных учреждений и над управлением государственными имуществами.

[19] Бисмарк излагает содержание письма Александра неточно. Это письмо, на французском языке, опубликовано Колем (H. Kohl) в «Wegweiser durch Bismarcks Gedanken und Erinnerungen», S. 168—170. «Царское Село 3/15 августа 1879 г. Дорогой дядя и друг... Ободряемый той дружбой, с которой вы неизменно ко мне относились, я прошу вашего разрешения поговорить с вами об одном щекотливом вопросе, постоянно занимающем меня. Речь идет о позиции различных дипломатических агентов Германии в Турции; с некоторого времени она, к сожалению, определилась как враждебная России. Это находится в полном противоречии с традициями дружественных взаимоотношений, которые вот уже больше века направляют политику обоих наших правительств и вполне соответствуют их общим интересам. Отношение к этим традициям у меня не изменилось, и я целиком их придерживаюсь, надеясь, что и вы его разделяете. Но свет судит на основании фактов. Как же в таком случае объяснить становящуюся все более и более враждебной по отношению к нам позицию германских агентов на Востоке, где, по словам самого князя Бисмарка, Германия не имеет требующих охраны собственных интересов, тогда как мы имеем там подобные интересы, притом весьма значительные? Мы только что окончили победой войну, целью которой были не завоевания, но лишь улучшение положения христиан в Турции. Мы только что представили тому доказательства, отдав провинции, занятые нами после войны, но мы настаиваем, чтобы результаты, достигнутые ценой нашей крови и наших денег, не остались бы на бумаге. Речь идет лишь о том, чтобы исполнить решения Берлинского конгресса, но это должно быть сделано добросовестно. А турки при поддержке своих друзей англичан и австрийцев, которые пока что прочно занимают две турецкие провинции, оккупированные ими в мирное время с целью никогда не возвращать их законному государю, без устали воздвигают препятствия в мелочах, в высшей степени важных как для болгар, так и для славных черногорцев. Румыны поступают точно так же по отношению к Болгарии. Эти споры должны , разрешаться большинством голосов европейских комиссаров. Уполномоченные Франции и Италии почти во всех вопросах присоединяются к нашим, тогда как германские уполномоченные как будто бы получили приказ всегда поддерживать точку зрения австрийцев, систематически враждебную нам; и это в вопросах, совершенно не касающихся Германии и чрезвычайно важных для нас.

Простите, дорогой дядя, откровенность моих слов, основанных на фактах, но я считаю своим долгом обратить ваше внимание на те грустные последствия, которые все это может иметь для наших добрососедских отношений, восстанавливая наши народы один против другого, как это уже начинает делать пресса обеих стран. Я вижу в этом работу наших общих врагов, тех самых, которые не могли выносить Союза трех императоров. Вы помните, что мы не раз говорили об этом с вами; вы помните, как я был счастлив, убеждаясь, что наши точки зрения на этот вопрос были одинаковы. Я прекрасно понимаю, что вы желаете сохранить ваши хорошие взаимоотношения с Австрией, но я не понимаю, какой интерес для Германии жертвовать хорошими взаимоотношениями с нами. Достойно ли истинного государственного деятеля бросать на весы личную ссору, когда дело идет об интересах двух великих государств, созданных для того, чтобы жить в добром согласии, и из коих одно оказало другому в 1870 г. услугу, которую, по вашим же собственным словам, вы никогда не забудете? Я не позволил бы себе напомнить вам эти слова, если бы обстоятельства не становились слишком угрожающими, чтобы я мог скрывать от вас занимающие меня опасе-

ния, последствия которых могли бы стать пагубными для обеих наших стран. Да сохранит нас от этого господь и наставит вас!.. Не сердитесь на меня, дорогой дядя, за содержание этого письма и верьте чувствам неизменной привязанности и искреннего расположения вашего всецело преданного племянника и друга.

Александра».

20 *Баден-Баден* — известный курорт в юго-западной Германии.

21 *Александрова* — местечко, расположенное на тогдашней русско-прусской границе. Указанное свидание состоялось здесь 3 сентября 1879 г.

22 Имеется в виду русско-турецкая война 1877—1878 гг.

23 Речь идет о нижеследующем письме графа Шувалова, опубликованном у H. Kohl, Wegweiser durch Bismarcks Gedanken und Erinnerungen, S. 171—172.

«Лондон, 3 февраля 1877 г.

Любезный князь, позвольте выразить вам мою живую и искреннюю признательность за неоднократно передаваемые мне графом Мюнстером доказательства вашей доброй и благожелательной памяти обо мне.

Я хотел бы также заверить вас в бесполезности усилий, которые могли бы быть предприняты с целью вынудить меня отказаться от убеждений, слишком прочно укоренившихся, чтобы когда-нибудь быть поколебленными.

Я всегда думал, что тесный союз наших двух империй создал бы столь большое «quantum» [количество] сил, что никакая другая держава, изолированная или в союзе с кем бы то ни было, не смогла бы успешно бороться с этой силой, которая, таким образом, держала бы в страхе всю остальную Европу.

Когда в 1872 г. в Берлине были заложены первые основы Тройственного союза, я со своей стороны видел в третьем члене этого союза лишь молодую ветвь, привитую на могучий и прочный ствол нашей старинной дружбы; пусть эта новая ветвь развивается — я не говорю «нет», но пусть она не захватывает в свою пользу все соки дерева.

Словом, я думаю, что главная цель соглашения между двумя нашими государствами должна состоять в том, что:

Россия не позволит и никогда не потерпит образования коалиции против Германии, если этой последней придется что-либо предпринимать на Западе; Германия ответит нам тем же на Востоке.

Если бы подобная вещь убедила Европу, немало осложнений в будущем можно было бы избежать!

Именно потому, дорогой князь, что таково мое глубокое убеждение, я неизменно сожалею о той непрочности, которую продемонстрировало согласие между тремя дворами во время нынешнего кризиса. Наш союз не дал о себе знать ни в действительности, ни хотя бы по видимости.

Если бы Англия поверила в него, она придерживалась бы более твердой политики по отношению к Турции.

Если бы Порта была в этом убеждена, она отнюдь не упорствовала бы в своем упрямстве и сопротивлении.

Наконец, если бы образующие этот союз три империи сами тысячу раз не усомнились в нем, «everything would have been settled a long time ago» («все давным давно было бы уже улажено»).

Простите, дорогой князь, эту маленькую исповедь в которой вы отнюдь не нуждаетесь. Хотя вы и не католический священник, я тем

не менее испытываю необходимость вам исповедаться. Примите, дорогой князь, уверение в моем искреннем почтении и совершенном уважении.

Шувалов».

24 Бисмарк имеет в виду Горчакова.

25 В 1876—1878 гг. Сербия и Черногория вели войну с Турцией за независимость. В 1877 г. они не надолго заключили мир с Турцией; в конце того же года война возобновилась.

26 *Великий визирь* — глава правительства в Турецкой империи, здесь имеется в виду Эдем паша.

27 Абдул Гамид II.

28 Речь идет о требованиях реформ со стороны Турции по отношению к христианским народностям, на Балканах, сформулированных Константинопольской конференцией послов европейских держав в декабре 1876 январе 1877 гг. Никаких практических результатов конференция не дала.

29 Во время *ольмюцских переговоров* 1850 г., как и в *Семилетней войне* 1756—1763 гг., Россия выступала против Пруссии.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

I

Тройственный союз, которого я первоначально пытался добиться после заключения Франкфуртского мира [1] и относительно которого я уже в сентябре 1870 г., в бытность мою в Мо (Meaux), зондировал мнение Петербурга и Вены, представлял собой союз трех императоров, [заключенный] с задней мыслью присоединить к нему и монархическую Италию. Союз этот был направлен к тому, чтобы вести борьбу, которая, как я опасался, в той или иной форме предстояла между обоими европейскими направлениями, прозванными Наполеоном республиканским и казацким. По нынешним понятиям я назвал бы их, с одной стороны, системой порядка на монархической основе, а с другой стороны, социальной республикой, в которой антимонархическое развитие медленно или скачкообразно снижается до тех пор, пока созданное этим невыносимое состояние делает, наконец, разочарованное население восприимчивым к насильственному возвращению монархических учреждений в цезаристской форме. Избежать этого circulus vitiosus [порочного круга] и по возможности уберечь от него современное поколение или его потомство я считаю задачей, заслуживающей большего внимания у еще жизнеспособных монархий, чем соперничество из-за влияния на осколки национальностей, населяющих Балканский полуостров. Если монархические правительства не проявят понимания необходимости сплотиться в интересах государственного и общественного порядка, а покорятся шовинистским чувствам своих подданных, то я боюсь, что предстоящая международная революционная и социальная борьба примет еще более опасные формы и что победа монархического строя будет труднее. Ближайшее средство застраховаться от этой борьбы я с 1871 г. искал в союзе трех императоров и в стремлении предоставить монархическому принципу в Италии возможность твердо опираться на этот союз. Я надеялся на прочный успех, когда в сентябре 1872 г. состоялось свидание трех императоров в Берлине, а вскоре затем, в мае следующего

года, визиты моего императора в Петербург, в сентябре —итальянского короля в Берлин, в октябре — германского императора в Вену. Эта надежда впервые омрачилась в 1875 г. подстрекательствами (Hetzereien) князя Горчакова, распространявшего ложь, будто бы мы намеревались напасть на Францию, прежде чем она оправится от своих ран.

Во время люксембургского вопроса (1867 г.) я был принципиальным противником превентивных войн, т. е. таких наступательных войн, которые мы вели бы только на основании предположения, что впоследствии мы должны будем вынести войну с лучше подготовленным неприятелем. То, что в 1875 г. мы победили бы Францию, было, по мнению наших военных, вероятным, но не так уж вероятно было то,что прочие державы остались бы нейтральными. Если уже в последние месяцы до версальских переговоров[2] меня ежедневно беспокоила опасность европейского вмешательства, то видимая злонамеренность нападения, предпринятого нами только для того, чтобы не дать Франции опомниться, послужила бы желанным предлогом сначала для английских фраз о гуманности, а затем и для России предлогом найти переход от политики личной дружбы обоих императоров к холодной политике русских государственных интересов, сыгравших решающую роль в 1814 и 1815 гг. при определении французской территории[3]. Вполне понятно, что с точки зрения русской политики удельный вес Франции в Европе не должен падать ниже определенных пределов. Мне кажется, что эти пределы были достигнуты Франкфуртским миром; в 1870 и 1871 гг. в Петербурге, быть может, еще не так ясно отдавали себе в этом отчет, как пять лет спустя. Во время нашей войны с Францией петербургский кабинет, думаю, едва ли ясно предвидел, что после войны он будет иметь своим соседом столь сильную и консолидированную Германию. В 1875 г. я предполагал, что на берегах Невы уже царили некоторые сомнения в том, правильно ли было предоставить событиям зайти так далеко, не вмешиваясь в их развитие. Искренняя дружба и уважение Александра II к своему дяде прикрывали досаду, которую уже испытывали в то время официальные круги. Если бы тогда мы захотели возобновить войну только для того, чтобы не дать больной Франции оправиться, то после нескольких неудачных конференций для предотвращения войны наше военное командование, без сомнения, оказалось бы во Франции в том положении, которого я опасался в Версале при затягивании осады [Парижа]. Война окончилась бы не заключением мира с глазу на глаз, а на конгрессе, как в 1814 г., с привлечением побежденной Франции, а при недоброжелательности, которую к нам питали, быть может, опять, как и тогда, под руководством какого-нибудь нового Талейрана[4].

Еще в Версале я опасался, что участие Франции на Лондонской конференции по вопросу о статьях Парижского мира, касавшихся Черного моря, может быть использовано с такою же дерзостью, какую выказал Талейран в Вене, для того чтобы пристегнуть франко-германский вопрос к программе конференции. По этой причине, несмотря на обращения с разных сторон, я при помощи внешних и внутренних влияний воспрепятствовал участию Фавра в этой конференции. Сомнительно, чтобы в 1875 г. сопротивление Франции нашему нападению на нее было бы таким слабым, как предполагали наши военные. Надо помнить, что в договоре от 3 января 1815 г. между Францией, Англией и Австрией побежденная (и частично еще оккупированная неприятелем[5]) Франция, изнуренная двадцатью годами войны, все же была готова выставить для коалиции против Пруссии и России 150 тысяч солдат немедленно и 300 тысяч позднее. 300 тысяч старых солдат, находившихся у нас в плену, снова возвратились во Францию. Наконец, мощь России оказалась бы, конечно, не на нашей стороне в качестве союзника, как в январе 1815 г., и не благожелательно нейтральной, как во время германо-французской войны, а быть может, оказалась бы враждебной у нас в тылу. Из циркулярной депеши, разосланной Горчаковым в мае 1875 г. всем русским миссиям, видно, что русскую дипломатию уже тогда побудили действовать против нашей мнимой склонности к нарушению мира.

За этим эпизодом последовали суетливые старания русского канцлера омрачить наши и в особенности лично мои хорошие отношения с императором Александром. Старания эти выразились, между прочим, в том, что [Горчаков] (как об этом говорится в главе XXVIII) через посредство генерала Вердера вынудил меня отказаться дать обещание нейтралитета в случае русско-австрийской войны. Тот факт, что затем русский кабинет непосредственно и притом тайно обратился к венскому [кабинету], опять-таки знаменовал такую фазу горчаковской политики, которая не благоприятствовала моему стремлению к монархически-консервативному тройственному союзу.

II

Граф Шувалов был вполне прав, говоря, что мысль о коалициях вызывает у меня кошмары. Мы вели победоносные войны против двух великих держав Европы[6]; важно было удержать по крайней мере одного из обоих могущественных противников, с которыми мы встретились на поле сражений, от искушения, заключавшегося в возможности взять реванш в союзе с другим. То, что речь не могла итти о Франции, было ясно для всех знающих историю и галльскую национальность; если воз-

можно было заключить секретный договор в Рейхштадте без нашего согласия и ведома, то не было ничего невероятного и в старой коалиции Кауница между Францией, Австрией и Россией[7], как только в Австрии у кормила правления оказались подходящие для этого скрыто существующие элементы. Они могли найти исходный пункт для того, чтобы снова оживить старое соперничество, старое стремление к гегемонии в Германии как фактор австрийской политики либо опираясь на Францию, как это намечалось во времена графа Бейста[8] и зальцбургского свидания с Луи-Наполеоном в августе 1867 г.[9], либо сближением с Россией, как это проявилось в секретном соглашении в Рейхштадте.

На вопрос о том, какую поддержку в этом случае могла бы ожидать Германия от Англии, я не могу дать немедленный ответ, принимая во внимание историю Семилетней войны[10] и Венского конгресса. Скажу только, что если бы не победы, одержанные Фридрихом Великим, то Англия, вероятно, еще раньше отказалась бы от защиты интересов прусского короля.

Эта ситуация требовала сделать попытку ограничить возможность антигерманской коалиции путем обеспечения прочных договорных отношений хотя бы с *одной* из великих держав. Выбор мог быть сделан только между Австрией и Россией, так как английская конституция не допускает заключения союзов на определенный срок; союз же с одной Италией не мог служить достаточным противовесом коалиции трех остальных великих держав даже в том случае, если бы будущее поведение и внутреннее устройство Италии были совершенно независимы не только от Франции, но и от Австрии. Таким образом, чтобы уменьшить возможности образования коалиции, нам оставался только указанный выбор.

Материально более сильным я считал союз (Verbindung) с Россией. Прежде он казался мне также и более надежным, так как традиционная династическая дружба, общность монархического чувства самосохранения и отсутствие каких-либо исконных противоречий в политике я считал надежнее изменчивых впечатлений общественного мнения венгерского, славянского и католического населения габсбургской монархии. Абсолютно надежным на долгое время не был ни один из этих союзов — ни династическая связь с Россией, ни популярность венгерско-германских симпатий. Если бы в Венгрии всегда брали верх трезвые политические соображения, то эта храбрая и независимая нация ясно понимала бы, что, будучи островом среди необъятного моря славянского населения, она при своей относительно небольшой численности может обезопасить себя, только опираясь на немецкий элемент в Австрии и Германии. Но кошутовский эпизод[11] притеснение верных империи немецких элементов в самой Венгрии, а также другие симптомы

показывали, что самонадеянность венгерского гусара и адвоката в критические моменты сильнее политических расчетов и самообладания. Ведь и в спокойные времена многие мадьяры с удовольствием слушают песню цыган: «Немец— сукин сын».

Сомневаться относительно будущих австро-германских отношений заставлял также плохой глазомер немецких элементов в Австрии в отношении политических возможностей, вследствие чего эти элементы утратили контакт с династией и руководящую роль, которая выпала на их долю в ходе исторического развития. Вопрос о вероисповедании, воспоминание о влиянии духовников императорской семьи и возможность восстановления отношений с Францией на католичествующей основе в случае, если бы во Франции совершилась соответственная перемена формы и принципов государственного руководства, также давали повод к опасениям о будущности австро-германского союза. Нет никакой возможности предугадать, когда подобная перемена может произойти во Франции.

Наконец, ко всему этому прибавилась еще польская сторона австрийской политики. Мы не можем требовать от Австрии, чтобы она отказалась от оружия против России, которым она владеет, поддерживая польский элемент в Галиции. Политика, приведшая в 1846 г. к тому, что австрийские чиновники объявляли вознаграждение за головы польских повстанцев [12], была возможной потому, что за выгоды, доставленные Австрии Священным союзом, союзом трех восточных держав [13], она платила соответственным поведением в польском и восточном вопросах, как бы внося этим свой страховой взнос в общее дело. Пока существовал тройственный союз восточных держав, Австрия могла выдвигать на первый план свои отношения с русинами; если же этот союз распадался, то на случай войны с Россией разумнее было иметь в распоряжении польское дворянство. Вообще Галиция менее прочно прилажена к австрийской монархии, чем Познань и Западная Пруссия к прусской. Эта австрийская провинция, открытая с востока, искусственно приклеена к Австрии с внешней стороны Карпат; Австрия могла бы прекрасно обойтись без нее, если бы вместо 5 или 6 миллионов поляков и русин могла получить возмещение в пределах Дунайского бассейна. Планы такого рода в форме обмена Галиции на [области] с румынским и юго-славянским населением при восстановлении Польши во главе с каким-либо эрцгерцогом, обсуждались во время Крымской кампании и в 1863 г. лицами, имеющими и не имеющими к этому отношения. Однако старые прусские провинции не отделены от Познани и Западной Пруссии естественной границей, и отказ от них был бы неосуществим. Поэтому вопрос о будущности Польши является особенно трудно разрешимым из всех предпосылок германо-австрийского военного союза.

III

При этих соображениях, угрожающее письмо императора Александра (1879) вынудило меня к твердому решению в целях обороны и сохранения нашей независимости от России. Союз с Австрией пользовался популярностью почти у всех партий. Сочувствие консерваторов [объяснялось] исторической традицией, которая именно с точки зрения консервативной фракции вряд ли может в настоящее время считаться логически правильной. Но факт тот, что в Пруссии большинство консерваторов считает сближение с Австрией отвечающим их стремлениям, хотя между правительствами обеих стран временно происходило нечто вроде соревнования в либерализме. Консервативный ореол Австрии превысил для большинства членов этой фракции впечатление от частично уже изжитых, а частично новых поползновений в области либерализма и от склонности при случае сблизиться с западными державами и особенно с Францией. Еще понятнее были соображения, по которым католики находили полезным союз с этой по преимуществу католической великой державой. Национал-либеральная партия считала союз, скрепленный письменным договором, между новой Германской империей и Австрией тем путем, который приближал к разрешению квадратуры круга 1848 г., причем этому не угрожали затруднения, препятствовавшие унитарной связи не только между Австрией и Пруссией-Германией, но и внутри Австро-венгерской империи в целом[14]. Таким образом, кроме социал-демократической партии, от которой вообще никогда невозможно было получить Одобрение какой бы то ни было правительственной политики, в наших парламентских кругах не было никакого возражения против союза с Австрией и очень много симпатии к нему.

Со времени Римской империи германской нации и Германского союза, традиции международного права также исходили из теории о том, что между Германией в целом и габсбургской монархией существовала государственная правовая связь, теоретически обязывающая эти центрально-европейские территории к взаимопомощи. Тем не менее на практике их политическая общность проявлялась в предыдущей истории довольно редко; Европе и в особенности России можно было с полным правом указать на то, что постоянный союз между Австрией и нынешней Германской империей с точки зрения международного права не представляет собой ничего нового. Впрочем, для меня вопросы о популярности [этого союза] в Германии и о международном праве стояли на втором плане, их следовало обсудить в качестве подсобных средств для возможного осуществления [союза]. На первом плане стоял вопрос о том, следовало ли немедленно приступить к претворению этой

идеи в жизнь и какая степень решительности требуется для того, чтобы преодолеть вероятное противодействие императора Вильгельма, основанное не столько на политических соображениях, сколько на [личных] чувствах. Причины, побуждавшие нас при тогдашнем политическом положении к союзу с Австрией, казались мне столь настоятельными, что я стремился бы к нему даже при сопротивлении нашего общественного мнения.

IV

Перед поездкой императора Вильгельма в Александрово (3 сентября) я еще в Гаштейне подготовил свидание с графом Андраши, которое и состоялось 27 и 28 августа.

После того как я изложил ему положение, он сделал из моих слов следующее заключение: «Против франко-русского союза естественным ответным ходом является австро-германский [союз]». Я ответил, что тем самым он сформулировал вопрос, для обсуждения которого я предложил наше свидание. Мы без труда пришли к предварительному соглашению о чисто оборонительном союзе против русского нападения на одну из сторон; однако мое предложение распространить союз и на случай других нападений, кроме русского, не встретило у графа отклика.

Не без труда получив от его величества полномочия на официальные переговоры, я с этой целью поехал обратно через Вену.

Перед отъездом из Гаштейна я написал 10 сентября следующее письмо Баварскому королю:

«Гаштейн, 10 сентября 1879 г.

Ваше величество были прежде столь милостивы выразить мне высочайшее ваше удовлетворение моими стараниями в равной степени сохранить мирные и дружественные отношения Германской империи с обеими соседними великими империями — с Австрией и Россией. В течение последних трех лет эта задача становилась тем труднее, чем сильнее русская политика подпадала под влияние отчасти воинственных, отчасти революционных тенденций панславизма. Уже в 1876 г. нам неоднократно предъявляли из Ливадии требования заявить в обязывающей форме, останется ли Германская империя нейтральной в случае войны между Россией и Австрией. Уклониться от этого заявления не удалось, и русская военная гроза перенеслась пока на Балканы. Успехи русской политики, достигнутые в результате этой войны, достаточно крупные даже и после [Берлинского] конгресса, не охладили, к сожалению, возбужденность русской политики в той степени, как это было бы же-

лательно для миролюбивой Европы. Стремления России попрежнему остались беспокойными и воинственными; влияние панславистского шовинизма на настроения императора Александра усилилось, и вместе с серьезной, повидимому, немилостью к графу Шувалову, император осудил и его дело — Берлинский конгресс. Руководящим министром, если таковой вообще имеется в настоящее время в России, является военный министр Милютин. По его требованию теперь, после заключения мира, последовали громадные вооружения, хотя России в настоящее время теперь никто не угрожает. Несмотря на финансовые жертвы, коих потребовала война, численность русской армии в мирное время увеличена на 56 тысяч, а численность армии военного времени *на западной границе* увеличится почти на 400 тысяч человек. Эти вооружения могут быть предназначены исключительно против Австрии или Германии, и расположение войск в царстве Польском соответствует этому назначению. И в технических комиссиях * военный министр откровенно заявил, что России надобно готовиться к войне «с Европой».

Если не подлежит сомнению, что император Александр, не желая войны с Турцией, все же вел ее под давлением влияний панславистов, и если принять во внимание, что с того времени эта партия усилила свое влияние благодаря тому, что стоящая за ней агитация производит теперь на императора более сильное и опасное впечатление, нежели прежде, то можно опасаться, что панславистам удастся точно так же получить подпись императора Александра для дальнейших военных предприятий на Западе. Европейские затруднения, с которыми Россия может встретиться на этом пути, не могут испугать таких министров, как Милютин или Маков, если справедливы опасения консерваторов России, что партия движения (Bewegungspartei), стараясь втянуть Россию в тяжелые войны, стремится не столько к победе России над заграницей, сколько к перевороту внутри России.

При этих условиях я не могу отделаться от мысли, что в будущем и, быть может, даже в близком будущем, миру угрожает Россия, и притом *только* Россия. Сведения, которые, по нашим донесениям, Россия за последнее время собирала, чтобы выяснить, найдет ли она, в случае если начнет войну, поддержку во Франции и Италии, дали, конечно, отрицательный результат. Италия признана была бессильной, а Франция заявила, что в настоящее время не хочет войны и в союзе с *одной* Россией не чувствует себя достаточно сильной для наступательной войны против Германии.

---

* Которым предстояло выполнить некоторые постановления Берлинского договора от 13 июля 1878 г.

В этом положении Россия предъявила нам в течение последних недель требования, которые сводились к тому, что мы должны окончательно сделать выбор между Россией и Австрией, предписав германским членам комиссий по восточным делам в спорных вопросах голосовать с Россией. Между тем, по нашему мнению, постановления конгресса были правильно поняты большинством, в составе Австрии, Англии и Франции; поэтому Германия голосовала вместе с ними, и, таким образом, Россия осталась в меньшинстве, отчасти с Италией, отчасти — без нее. Такие вопросы, как, например, положение моста у Силистрии, уступленная Турции [Берлинским] конгрессом военная дорога в Болгарии, управление почт и телеграфов, пограничные споры относительно некоторых деревень, сами по себе очень незначительны по сравнению с миром между великими державами, тем не менее, русское требование, чтобы по этим вопросам мы голосовали не с Австрией, а с Россией, неоднократно сопровождалось недвусмысленными угрозами о последствиях, которые наш отказ, возможно, будет иметь для международных отношений обеих стран. Этот обращающий на себя внимание факт, совпавший притом с отставкой графа Андраши *, способен был, разумеется, возбудить опасение, что между Россией и Австрией состоялось тайное соглашение в ущерб Германии. Но опасение это необоснованно. По отношению к беспокойной русской политике Австрия испытывает такое же неприятное чувство, как и мы, и, повидимому, склонна к соглашению с нами в целях совместного отражения возможного нападения России на одну из обеих держав.

Я считал бы существенной гарантией европейского мира и безопасности Германии, если бы Германская империя заключила с Австрией такой договор, который ставил бы себе целью попрежнему заботливо сохранять мир с Россией и в то же время обеспечивал бы помощь друг другу, если бы одна из обеих держав все же подверглась нападению. Взаимно застраховав себя таким путем, обе державы могли бы, как и прежде, посвятить себя новому укреплению союза трех императоров. В союзе с Австрией Германская империя не нуждалась бы в поддержке со стороны Англии, и при миролюбивой политике обоих великих имперских организмов европейский мир был бы гарантирован 2 миллионами воинов. Чисто оборонительный характер этой взаимной опоры двух немецких держав ни для кого не носил бы вызывающего характера, так как с точки

---

* 14 августа император Франц-Иосиф в принципе принял просьбу графа Андраши об отставке, но не освободил его от исполнения обязанностей до тех пор, пока не будет назначен ему преемник. Граф согласился еще некоторое время оставаться на своем посту, чтобы завершить переговоры о союзе с Германией. 8 октября было объявлено об его уходе в отставку и о назначении на его место Гаймерле.

зрения международного права эта взаимная страховка обеих [держав] существовала в Германском союзе уже 50 лет—с 1815 г.

В случае, если какое-либо соглашение подобного рода не состоится, никто Австрию не сможет упрекнуть, если, под давлением русских угроз и не будучи уверена в Германии, она в конце концов сама будет искать более тесного контакта с Францией или с Россией. В последнем случае Германия при своих отношениях с Францией оказалась бы совершенно изолированной на континенте. Если же Австрия сблизится с Францией и с Англией, так же как и в 1854 г.[15], то Германия не могла бы обойтись без России и, чтобы не остаться изолированной, должна была бы связать свои пути с ошибочными и, боюсь, опасными путями русской внешней и внутренней политики.

Если Россия заставит нас выбирать между нею и Австрией, то я думаю, что Австрия укажет нам консервативное и мирное направление, а Россия — ненадежное.

Зная политические взгляды вашего величества, я осмеливаюсь выразить надежду, что вы всемилостивейше разделяете высказанное мною мнение. Я был бы счастлив получить подтверждение этому.

Трудности задачи, которую я ставлю перед собой, велики сами по себе, но они еще существенно усугубляются необходимостью по такому обширному и многостороннему делу письменно вести переговоры отсюда, где я могу рассчитывать только на собственную работоспособность, совершенно недостаточную в результате сильного переутомления. Мне и без того уже пришлось по состоянию моего здоровья продлить пребывание здесь, но я надеюсь после 20-го числа сего месяца выехать в обратный путь через Вену. Если до тех пор не удастся, по крайней мере в принципе, добиться чего-либо определенного, то боюсь, что нынешний благоприятный момент будет упущен, а с отставкой Андраши, трудно сказать, представится ли он когда-либо вновь.

Считая своим долгом почтительнейше довести до сведения вашего величества мой взгляд на положение и политику Германской империи, прошу ваше величество всемилостивейше принять во внимание тот факт, что граф Андраши и я взаимно обязались держать втайне вышеизложенный план и что до сих пор только обоим императорам известно о намерении их руководящих министров достичь соглашения между их величествами».

В дополнение привожу ответ короля и мое последующее письмо:

«Любезный князь Бисмарк!

С искренним сожалением узнал я из вашего письма от 10-го числа сего месяца, что действию киссингенских и гаштейнских вод помешали ваши усиленные и утомительные занятия

делами. С вашим подробным изложением о современном политическом положении я ознакомился с величайшим интересом и приношу вам свою живейшую благодарность. Если между Германской империей и Россией дойдет до военных осложнений, то столь *глубоко прискорбная перемена* во взаимоотношениях обеих империй доставила бы мне *величайшее огорчение,* и я все еще питаю надежду, что такой оборот дела удастся предотвратить, оказав миролюбивое влияние на его величество российского императора. Во всяком случае вашим стараниям заключить тесный союз между Германской империей и Австро-Венгрией с моей стороны обеспечены полное одобрение и сильнейшие пожелания счастливого успеха.

Желая вам с новыми силами возвратиться на родину, с удовольствием повторяю свое уверение в совершенном уважении, с каким я всегда пребываю к вам

Берг, 16 сентября 1879 г. Ваш искренний друг

Людвиг».

«Гаштейн, 19 сентября 1879 г.

С почтительной благодарностью получил я милостивое письмо вашего величества от 16-го числа сего месяца и к своей радости я увидел в нем согласие вашего величества с моими стараниями к взаимному сближению с Австро-Венгрией. Что касается отношений с Россией, то я всеподданнейше замечу, что нам не предстоит непосредственная опасность военных осложнений, которая глубоко огорчила бы и меня, не только с политической, но и с личной точки зрения. Эта опасность скорее усилилась бы лишь в том случае, если бы Франция была бы готова на совместное выступление с Россией. До сих пор этого нет, и, согласно с намерениями его императорского величества, наша политика приложит все старания к тому, чтобы попрежнему поддерживать и укреплять мир империи с Россией путем воздействия на его величество императора Александра. Переговоры с Австрией о более тесном взаимном сближении имеют только мирные, оборонительные цели, а наряду с этим также развитие путей сообщения.

Предполагая завтра выехать из Гаштейна, я надеюсь в воскресенье быть в Вене.

С всеподданнейшей благодарностью вашему величеству за благосклонное участие к моему здоровью, честь имею быть, с глубочайшим почтением, вашего величества всеподданнейший слуга

ф. Бисмарк»»

V

Во время поездки из Гаштейна через Зальцбург и Линц сознание, что я нахожусь на чисто немецкой земле и среди немецкого населения, усиливалось приветливым отношением ко мне публики на станциях. В Линце толпа народа была так велика, а ее настроение было столь возбужденным, что из опасения вызвать в венских кругах недовольство я задернул занавески на окнах моего вагона, не отвечал на дружественные приветствия и отъехал, не показавшись. На улицах Вены заметно было подобное же настроение; приветствия густой толпы народа ни на минуту не смолкали, и мне — так как я был в штатском — пришлось почти весь путь до гостиницы проехать с обнаженной головой, что было не особенно приятно. Все время, пока я жил в гостинице, я также не мог показаться у окна, не вызвав дружественных демонстраций ожидавших там или проходивших людей. Манифестации еще более усилились, после того как император Франц-Иосиф оказал мне честь своим посещением. Все эти явления были недвусмысленным выражением желания населения столицы и тех немецких провинций [Австрии], по которым я проезжал, чтобы тесная дружба с новой Германской империей стала знамением будущего обеих великих держав. Я не сомневался, что подобные симпатии вызывались кровным родством и в Германской империи — на юге сильнее, чем на севере, среди консервативной партии сильнее, нежели среди оппозиции, на католическом западе сильнее, чем на евангелическом востоке[16]. Мнимо-вероисповедная борьба во время Тридцатилетней войны, чисто политический характер Семилетней войны и дипломатическое соперничество, не прекращавшееся со смерти Фридриха Великого до 1866 г.[17], не подавили чувства этого родства, хотя вообще немец склонен, если ему позволяют обстоятельства, энергичнее сражаться со своим соотечественником, нежели с иностранцем. Возможно, что славянский клин, в лице чехов, отделивший исконно немецкое население коренных австрийских земель от северо-западных соотечественников, ослабил действие, оказываемое обычно соседскими трениями на немцев одного рода, но подданных разных династий, и укрепил германские чувства австрийских немцев, приглушенные, но не задушенные шлаком исторической борьбы.

У императора Франца-Иосифа я встретил весьма благосклонный прием и готовность заключить с нами [договор]. Чтобы добиться согласия на это моего всемилостивейшего государя, я еще в Гаштейне ежедневно проводил часть предназначенного для лечения времени за письменным столом, объясняя необходимость ограничить круг возможных, направленных против нас коалиций и доказывая, что самым целесообразным

путем к этому является союз с Австрией. Правда, я мало надеялся на то, что мертвые буквы моих писем изменят воззрения его величества, основанные не столько на политических соображениях, сколько на чувстве. Заключение союза с оборонительной, но все же военной (kriegerisches) целью, было выражением недоверия к другу и племяннику [18], с которым он с полнейшим чистосердечием и в слезах только что в Александрове обменялся уверениями в традиционной дружбе. Это слишком противоречило бы рыцарским взглядам императора на его отношения к равному по рождению другу.

Хотя я нимало не сомневался в том, что и император Александр питал к нему такие же безупречно честные чувства, но я знал, что последний не обладает той ясностью политического суждения и тем трудолюбием, которые постоянно защищали бы его от неискренних влияний окружения, а также не обладал той добросовестной верностью в личных отношениях, какой отличался мой государь. Откровенность, которую проявлял император Николай и в дурном и в хорошем, не полностью перешла к более мягкой натуре его преемника; и по отношению к женским влияниям сын был менее независимым, чем его отец. Между тем единственным прочным залогом русских дружеских отношений служит личность царствующего императора, и если она не представляет такой гарантии, как личность Александра I, выказавшего в 1813 г. такую преданность прусскому королевскому дому [19], на которую не всегда можно рассчитывать на [русском] престоле, то при таких условиях на союз с Россией в случае нужды в нем не всегда следует в полной мере полагаться.

Уже в прошлом столетии опасно было рассчитывать на обязательную силу договорного текста, если изменялись обстоятельства, при которых этот договор был заключен; в настоящее же время для крупного правительства едва ли возможно полностью применить все силы своей страны для помощи другой дружественной [стране], если это вызывает порицание народа. Поэтому текст договора, обязывающего к ведению войны, уже не представляет тех гарантий, как во времена кабинетских войн (Kabinetskriege), требовавших 30—60 тысяч солдат; едва ли в настоящее время мыслима семейная война, какую Фридрих-Вильгельм II вел в интересах своего шурина в Голландии [20], и не так легко снова в настоящее время возникнуть предпосылке для такой войны, какую Николай I вел в Венгрии в 1849 г. [21]. Тем не менее в моменты, когда дело идет о том, чтобы вызвать войну или избежать ее, текст ясного и всеохватывающего договора не остается без влияния на дипломатию. Готовности к открытому вероломству не проявляют даже софистские и насильнические правительства, пока не наступает force majeure [непреодолимая сила] бесспорных интересов.

Все соображения и доводы, которые я представлял в письмах из Гаштейна, Вены и затем из Берлина находившемуся в Бадене императору, не оказывали желаемого воздействия. Для того чтобы получить согласие императора на проект договора, выработанного мною совместно с Андраши и одобренного императором Францем-Иосифом при условии, что император Вильгельм сделает то же самое, я был вынужден прибегнуть к очень мучительному для меня средству, поставив вопрос об отставке кабинета; мне удалось склонить моих коллег к моему замыслу. Я был слишком утомлен напряжением последних недель и перерывом лечения в Гаштейне, чтобы совершить поездку в Баден-Баден, и туда отправился граф Штольберг. Несмотря на сильное противодействие его величества, граф благополучно закончил переговоры. Императора не убедили политические аргументы, и он дал обещание ратифицировать договор только из нежелания перемен в личном составе министерства. Кронпринц с самого начала относился чрезвычайно Сочувственно к союзу с Австрией, но на отца он влияния не имел.

Со свойственным ему рыцарством император счел долгом доверительно оповестить русского императора[22], что, если последний нападет на одну из обеих соседних держав, ему предстоит воевать с обеими, чтобы император Александр ошибочно не полагал, будто может напасть на одну только Австрию. Мне эта предупредительность казалась необоснованной, так как уже из нашего ответа на вопрос, направленный нам из Ливадии, петербургский кабинет мог понять, что мы не покинем Австрию и, следовательно, наш договор с Австрией не создавал новой ситуации, а только узаконил уже ранее существовавшую.

VI

Возобновление коалиции Кауница создало бы для Германии, если бы она оставалась сплоченной и искусно вела свои войны, хотя и не безнадежное, но все же очень серьезное положение. Задача нашей внешней политики должна состоять в том, чтобы по возможности предотвратить такое положение. Если бы объединенная австро-германская мощь обладала такою же прочной сплоченностью и таким же единством своего руководства, как Россия и Франция, взятые порознь, то я не считал бы, что одновременное нападение обеих соседних с нами великих держав является для нас смертельной опасностью, даже если Италия и не вошла бы в качестве третьего участника в наш союз. Если, однако, в Австрии антигерманские течения национального или вероисповедного характера окажутся сильнее, чем до сих пор, если к этому прибавятся искушения и предложения со стороны России в области восточной политики, как

это было во времена Екатерины [II] и Иосифа II[23], если итальянские вожделения будут угрожать владениям Австрии на Адриатическом море[24] и отвлекать ее вооруженные силы таким же образом, как во времена Радецкого[25], — тогда борьба, возможность которой мне представляется, будет неравной. Нечего и говорить, насколько опаснее было бы положение Германии, если представить себе, что после восстановления монархии во Франции Австрия, при соглашении обеих держав с римской курией, также находилась бы в лагере наших противников, стремясь ликвидировать результаты 1866 г.

Это пессимистическое представление, не выходящее, впрочем, за пределы возможного и оправдываемое прошлым, побудило меня возбудить вопрос, не следует ли рекомендовать заключение органического союза между Германской империей и Австро-Венгрией; этот союз не расторгался бы, как при обыкновенном договоре, а был бы включен в законодательство обеих империй и подлежал бы расторжению не иначе, как путем специального законодательного акта.

Для сознания такая гарантия (Assecuranz) имеет в себе нечто успокоительное, но сомнительно, оказалась ли бы она надежной под натиском событий, особенно если припомнить, что теоретически гораздо более обязывающий строй Священной Римской империи никогда не мог обеспечить сплоченности немецкой нации и что для определения наших отношений с Австрией мы не в состоянии были бы найти такого модуса, который сообщил бы договору более прочную связывающую силу, чем прежние союзные договоры, теоретически делавшие сражение под Кениггрецом немыслимым. Прочность всех договоров между большими государствами становится условной, как только она подвергается испытанию в «борьбе за существование». Ни одну великую нацию нельзя будет когда-либо побудить принести свое существование в жертву на алтарь верности договору, если она вынуждена будет выбирать между тем и другим. Положение ultra posse nemo obligatur [сверх возможного никто не обязуется] не может быть отменено никакими параграфами договора. Точно так же нельзя обеспечить договором и степень напряжения сил при его выполнении, как только собственные интересы договаривающегося перестанут соответствовать подписанному тексту и его прежнему толкованию. Поэтому если в европейской политике наступит такой поворот, что Австро-Венгрия увидит свое спасение, как государства, в антигерманской политике, то ради соблюдения договора также нельзя ожидать самопожертвования, как во время Крымской войны не последовало выполнения долга благодарности[26], являвшегося, быть может, более важным, чем пергамент государственного договора.

Союз, закрепленный законодательным путем, явился бы осуществлением конституционных идей, которые носились перед умами самых умеренных членов в церкви св. Павла[27], сторонников и более узкого — имперски-германского, и более широкого — австро-германского объединения (Bunds). Но как раз обеспечение таких взаимных обязательств договорным путем—враг их прочности. Пример Австрии времен 1850—1866 гг. служил для меня предупреждением о том, что чрезвычайно соблазнительные политические векселя, выдаваемые на такого рода отношения, превышают пределы кредита, который независимые государства могут предоставлять друг другу при своих политических операциях. Поэтому я думаю, что изменчивый элемент политического интереса и его опасностей является неизбежной подоплекой письменных договоров, если они должны быть прочными. Для спокойной и сохраняющей [существующее положение] австрийской политики союз с Германией полезнее всего.

Опасности, заключающиеся для нашего единения с Австрией в искушениях русско-австрийских соглашений в духе времен Иосифа II и Екатерины или Рейхштадтской конвенции и ее секретности, можно парализовать — насколько это вообще возможно — если мы, хотя и твердо соблюдая верность по отношению к Австрии, позаботимся также о том, чтобы путь из Берлина в Петербург оставался открытым. Наша задача — сохранять мир между обоими нашими императорскими соседями. Будущее четвертой большой династии, [правящей] в Италии, мы сможем обеспечить в той же мере, в какой нам удастся сохранить единство между тремя империями, и либо обуздать честолюбие обоих наших восточных соседей, либо удовлетворить его по обоюдному соглашению. Каждый из обоих [соседей] необходим нам не только с точки зрения европейского равновесия, но мы не могли бы лишиться ни одного из них, не подвергаясь сами опасности. Сохранение элементов монархического строя в Вене и в Петербурге и на основе обоих в Риме является для нас в Германии задачей, совпадающей с сохранением государственного порядка у нас самих.

VII

Договор, заключенный нами с Австрией для совместной защиты от русского нападения, является publici juris [общеизвестным]. О заключении же этими державами аналогичного оборонительного союза против Франции ничего неизвестно. Австро-германский союз не содержит на случай войны с Францией, в первую очередь угрожающей Германии, тех гарантий, какие он дает в случае войны с Россией, более вероятной для Австрии, чем для Германии. Между Германией и Рос-

сией не существует такого расхождения интересов, которое заключало бы в себе неустранимые зародыши конфликтов и разрыва. Напротив, совпадающие интересы в польском вопросе и последствие традиционной династической солидарности в противоположность стремлениям к перевороту создают основы для совместной политики обоих кабинетов. Основы эти ослаблены десятилетней фальсификацией общественного мнения русской прессою, которая в читающей части населения создавала и питала искусственную ненависть ко всему немецкому; царствующая династия должна с этим [мнением] считаться, хотя бы император и желал поддерживать дружбу с Германией. Впрочем, едва ли русские массы настроены против [всего] немецкого более враждебно, нежели чехи в Богемии и Моравии, словенцы на территории бывшего Германского союза и поляки в Галиции [28]. Словом, остановив свой выбор на союзе с Австрией, а не с Россией, я ни в какой мере не закрывал глаза на сомнения, затруднявшие выбор. Я попрежнему считал необходимым поддерживать добрососедские отношения с Россией, наряду с нашим оборонительным союзом с Австрией, ибо у Германии нет гарантии, что избранная [ею] комбинация не потерпит крушения, но зато есть возможность до тех пор сдерживать антигерманские стремления в Австро-Венгрии, пока германская политика не разрушит моста, ведущего в Петербург, и не вызовет непреодолимого разрыва между Россией и нами. До тех пор пока такого непоправимого разрыва нет, Вена будет в состоянии держать в повиновении элементы, враждебные или чуждые союзу с Германией. Если же разрыв между нами и Россией или даже охлаждение будут казаться непоправимыми, то и в Вене возрастут претензии, которые она сочтет возможным предъявить своему германскому союзнику. Во-первых, она потребует расширить casus foederis [оговоренное условие союза], который до сих пор, согласно опубликованному тексту, распространяется только на защиту от русского нападения на Австрию; во-вторых, [Вена] потребует подменить указанный casus foederis защитою австрийских интересов на Балканах и на Востоке, что с успехом пытались делать даже в нашей прессе. Естественно, что у жителей Дунайского бассейна имеются потребности и планы, которые выходят за теперешние границы Австро-Венгерской монархии; германская имперская конституция показывает путь, на котором Австрия может достичь примирения политических и материальных интересов, существующих между восточной границей румынской народности (Volksstamms) и Каттарским заливом. Но в задачи Германской империи не входит жертвовать достоянием и кровью своих подданных для осуществления желаний соседа. Сохранение Австро-Венгерской монархии, как независимой, сильной великой державы, необхо-

димо Германии для европейского равновесия, и ради этого мир страны в случае необходимости может быть со спокойной совестью поставлен на карту. Все же в Вене следовало бы воздержаться от попыток сверх этой гарантии выводить из договора о союзе требования, для которых он не был заключен.

Непосредственная угроза миру между Германией и Россией едва ли возможна иным путем, чем путем искусственного подстрекательства или в результате честолюбия русских или немецких военных вроде Скобелева, которые желают войны, чтобы отличиться прежде чем слишком состарятся. Нужна необычайная степень глупости и лживости общественного мнения и печати России, чтобы думать и утверждать, будто германская политика руководствовалась агрессивными тенденциями, заключая австрийский, а затем итальянский оборонительный союз[29]. Лживость эта была скорее польско-французского происхождения, а глупость — скорее русского. Польско-французская ловкость одержала на почве русского легковерия и невежества победу над недостатком этой ловкости у нас, в чем, смотря по обстоятельствам, заключается сила или слабость германской политики. В большинстве случаев честная и открытая политика успешнее хитросплетений прежних времен, но для ее успеха необходима известная доля личного доверия, которое легче утратить, нежели приобрести.

Никто не может предвидеть будущей судьбы Австрии с уверенностью, необходимой для длительных и органических договоров. Факторы, играющие роль в ее развитии, так же разнообразны, как и смешение народов. К разъедающему и порой взрывчатому действию последнего присоединяется не подлежащее учету влияние, которое вероисповедные элементы в состоянии оказать на руководящие личности, смотря по тому, прибывает или убывает римский прилив. Не только панславизм и Болгария или Босния, но также сербский, румынский, польский, чешский вопросы и, даже еще и теперь, итальянский вопрос в Триенте, Триесте и на далматском побережье могут стать пунктами кристаллизации не только австрийских, но и европейских кризисов, которые, несомненно, затронут германские интересы лишь постольку, поскольку Германская империя вступит о Австрией в отношения солидарной ответственности. В Богемии раскол между немцами и чехами местами уже настолько проник в армию, что в некоторых полках офицеры этих национальностей не общаются между собою и едят отдельно. Непосредственно для Германии опасность быть втянутой в тяжелую и серьезную борьбу угрожает скорее на западной границе вследствие агрессивных и завоевательных склонностей французского народа. Эти склонности в большой мере были привиты ему монархами со времен императора Карла V в интересах расширения их власти как внутри страны, так и вне ее.

Помощь Австрии нам легче получить против России, чем против Франции, поскольку трения между Австрией и Францией из-за Италии, влияния на которую они обе домогаются, уже не существуют в прежней форме[30]. Для монархической и католически мыслящей Франции, если бы она снова возникла, не отпала бы надежда снова установить с Австрией отношения, подобные тем, которые существовали во время Семилетней войны и на Венском конгрессе до возвращения Наполеона с Эльбы, угрожали [возникнуть] в польском вопросе в 1863 г., а в Крымскую войну и во времена графа Бейста — с 1866 по 1870 г. — имели шансы на успех в Зальцбурге и Вене. В случае восстановления монархии во Франции взаимное тяготение двух католических великих держав, не ослабляемое более соперничеством из-за Италии, могло бы ввести предприимчивых политиков в искушение попытаться возродить сближение.

При оценке Австрии и в настоящее время еще является ошибочным исключать возможность враждебной политики, которую проводили Тугут, Шварценберг, Буоль, Бах и Бейст[31]. Разве не может повториться в другом направлении та же, возведенная в принцип, политика неблагодарности, которой Шварценберг похвалялся в отношении России[32]; политика, поставившая нас в 1792—1795 гг., когда мы сражались вместе с Австрией, в затруднительное положение, так что мы оказались брошенными на произвол судьбы. Все это с целью оказаться в польских распрях достаточно сильными по отношению к нам. Эта политика едва было не навязала нам на шею войну с Россией, в то время как мы в качестве формальных союзников сражались за Германскую империю с Францией, и чуть не довела на Венском конгрессе дело до войны против России и Пруссии[33]. Попытки вступить на подобный путь в настоящее время встречают препятствие в личной честности и верности императора Франца-Иосифа; этот монарх уже не так молод и неопытен, как в то время, когда, поддавшись влиянию личного озлобления графа Буоля против императора Николая, решился на политическое давление на Россию, несколько лет спустя после Вилагоша[34]; но его гарантия чисто личного свойства; она исчезнет вместе с переменой монарха, и тогда могут вновь приобрести влияние те элементы, которые в различные эпохи являлись носителями политики соперничества. Любовь галицийских поляков и ультрамонтанского духовенства к Германской империи носит характер преходящего явления и приспособления к обстоятельствам, точно так же и перевес понимания пользы опоры на Германию над чувством презрения, какое чистокровный венгерец питает к швабу[36]. В Венгрии, в Польше до сих пор живы симпатии к Франции, а среди духовенства всей габсбургской монархии католическо-монархическая рес-

таврация во Франции могла бы снова оживить те отношения, которые в 1863 г. и между 1866 и 1870 гг. выражались в общности дипломатических выступлений и в более или менее созревших проектах договора. Гарантией против этих возможностей служит, как я уже сказал, только личность нынешнего императора австрийского и короля венгерского[36]; но предусмотрительная политика должна предвидеть все случайности, кроющиеся в границах возможного. Возможность соперничества между Веною и Берлином из-за русской дружбы может опять повториться, как во времена Ольмюца, или может подавать признаки жизни, как во время Рейхштадтского договора, при очень благосклонном к нам графе Андраши.

Ввиду такой возможности для нас выгодно, что Австрия и Россия имеют на Балканах противоположные интересы, тогда как между Россией и Пруссией-Германией нет таких сильных противоречий, чтобы они могли дать повод к разрыву и войне. Но при русском государственном строе еще и теперь достаточно личного неудовольствия или неискусной политики, чтобы преимущество это исчезло с такой же легкостью, с какой императрица Елизавета из-за острот и колких замечаний Фридриха Великого присоединилась к франко-австрийскому союзу против нас. В сплетнях, которыми пользовались в то время для натравливания России, в вымыслах и нескромностях еще и теперь нет недостатка при обоих дворах. Однако мы можем сохранять свою независимость и достоинство по отношению к России, не нанося ей обид и не задевая ее интересов. Неудовольствие и озлобление, вызываемые без всякой нужды, в настоящее время так же редко остаются без воздействия на исторические события, как и во времена российской императрицы Елизаветы и английской королевы Анны. Однако воздействие вызванных ими событий на благосостояние и будущность народов ныне сильнее, чем 100 лет тому назад. Коалиция России, Австрии и Франции, как в Семилетнюю войну против Пруссии, возможно в связи с иными династическими недоразумениями, так же опасна для нашего существования, а в случае ее победы — еще тяжелее отразится на нашем благосостоянии, чем тогда. Было бы неблагоразумно и нечестно из-за личного раздражения разрушить тот мост, который разрешает нам сближение с Россией.

Мы можем и должны честно соблюдать союз с австро-венгерской монархией; это отвечает нашим интересам, историческим традициям Германии и общественному мнению нашего народа. Впечатления и силы, [под влиянием] которых сложится в будущем венская политика, являются, однако, более сложными, чем у нас, из-за многочисленности национальностей, расхождения их стремлений, клерикальных влияний и искушений, кроющихся для придунайских стран на просторах Бал-

кан и Черного моря. Мы не должны покидать Австрию, но и не должны упускать из вида возможность того, что венская политика добровольно или недобровольно покинет нас. Руководители германской политики, если они хотят выполнить свой долг, должны заранее уяснить и представить себе все возможности, которые останутся нам открытыми в таком случае. Они не должны руководствоваться при этом симпатиями или обидами, а только объективным пониманием национальных интересов.

VIII

Я всегда старался не только обеспечить [Германию] от нападения России, но и успокоить русское общественное мнение и поддерживать уверенность в ненаступательном характере нашей политики. Вплоть до моей отставки мне всегда удавалось благодаря личному доверию ко мне императора Александра III устранять недоверие, которое возбуждалось у него извращениями [фактов] иностранного и отечественного происхождения, а иногда возбуждалось подводными течениями наших военных кругов. Когда на Данцигском рейде[37] я увидел императора впервые после его вступления на престол, а также и при всех дальнейших встречах, он, несмотря на ложь, распространявшуюся о Берлинском конгрессе, и несмотря на то, что знал об австрийском договоре, оказал мне благосклонность, которая нашла свое подлинное выражение в Скерневицах[38] и в Берлине и была основана на том, что он верил мне. Даже производящая впечатление по своей бесстыдной дерзости интрига с подложными письмами, подброшенными ему в Копенгагене, была немедленно обезврежена моим простым заверением[39]. Точно так же при встрече в октябре 1889 г. мне удалось рассеять сомнения, внушенные ему опять-таки в Копенгагене, за исключением одного, а именно — останусь ли я министром. Очевидно, он был осведомлен лучше меня, когда обратился ко мне с вопросом, уверен ли я в прочности своего положения у молодого императора. Я отвечал то, что тогда думал: я убежден в доверии ко мне императора Вильгельма II и не думаю, что когда-либо буду уволен в отставку против своего желания, так как при моем многолетнем опыте на службе и при доверии, которое я приобрел как в Германии, так и при иностранных дворах, его величество имеет в моем лице трудно заменимого слугу. Император [Александр] выразил совершенное свое удовлетворение моей уверенностью, хотя, повидимому, не вполне разделял ее.

Международная политика представляет собою текучий элемент, который при известных обстоятельствах временно принимает твердые формы, но с переменой атмосферы вновь возвращается в свое первоначальное состояние. Clausula rebus

sic stantibus [ограничение современным состоянием вещей] подразумевается при заключении политических договоров, в которых обусловлены услуги. Тройственный союз — это стратегическая позиция, которая ввиду опасностей, угрожавших нам в момент его заключения, была благоразумной и при тогдашних обстоятельствах достижимой. Время от времени срок союза возобновлялся и надо пожелать, чтобы удавалось возобновлять его и впредь. Однако вечная длительность не обеспечена ни одному договору между великими державами, и было бы неразумно рассматривать его как надежную основу для всех возможностей, которые в будущем могут изменить отношения, нужды и взгляды, при которых союз был заключен. Договор имеет значение стратегической позиции в европейской политике, сообразно тому положению, которое было в Европе в момент его заключения; но он столь же мало является незыблемым фундаментом на все времена и при всех обстоятельствах, как многие прежние тройственные и четверные союзы последних столетий, в особенности, как Священный союз и Германский союз. Он не освобождает от правила: toujaurs en vedette! [всегда настороже!]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Франкфуртский мир* 10 мая 1871 г. завершил франко-прусскую войну 1870—1871 гг.

[2] Переговоры в Версале предшествовали заключению Франкфуртского мира.

[3] Ведущую роль в коалиции европейских государств, боровшейся с Наполеоном в 1814 и 1815 гг., играли Россия, Англия, Австрия и Пруссия. Три последние державы настаивали на закреплении разгрома Франции, требуя значительного уменьшения ее территории. Однако Александр 1 решительно выступил против этого. Он считал необходимым существование относительно сильной Франции в качестве противовеса Англии, с которой Россия, по мнению Александра 1 и его советников, должна была столкнуться на Ближнем Востоке.

[4] Во время *Венского конгресса* 1814—1815 гг. державами, игравшими ведущую роль на конгрессе, первоначально предполагалось устранить Францию как побежденное в войне государство от участия в разрешении каких бы то ни было серьезных вопросов. Однако представлявший Францию на конгрессе министр иностранных дел Талейран сумел с исключительной ловкостью воспользоваться противоречиями между крупными державами (главным образом, из-за судеб Саксонии и Польши) и не только стал равноправным участником конгресса, но и добился уничтожения союза Англии, России, Австрии и Пруссии против Франции. После провала попыток Англии и Австрии разъединить Пруссию и Россию Талейран способствовал заключению 3 января 1815 г. нового союза — между Францией, Англией и Австрией, направленного на этот раз про-

тив России и Пруссии. Тем самым появилась угроза новой европейской войны, и лишь побег Наполеона с острова Эльбы (март 1815) и кратковременное («сто дней») восстановление его власти во Франции вновь относительно сплотили державы между собой.

5 Слова, заключенные в скобки, не точны. После *первого* Парижского мира территория Франции вскоре была очищена [от войск союзников]; после *второго* Парижского мира часть Франции была оккупирована в течение пяти лет *(Прим. нем. изд.)*. Первый Парижский мир был заключен 30 мая 1814 г., второй Парижский мир—20 ноября 1815г.

6 Против Австрии (1866) и Франции (1870—1871).

7 Австрийский канцлер (с 1753 г.) *Кауниц*, имея в виду при содействии Франции и России подавить возраставшее военное могущество Пруссии, организовал во время Семилетней войны, в 1756 г., союз с Францией и Россией.

8 Граф *Бейст*, будучи главой саксонского кабинета, ориентировался на союз с Австрией и проводил политику, приведшую Саксонию к участию в войне 1866 г. на стороне Австрии. После поражения Австрии настаивал на включении Саксонии в Южногерманский союз. Так как Бисмарк, зная его враждебность к Пруссии, не желал принять его для переговоров, Бейст был вынужден выйти в отставку и вступил на австрийскую службу, где в 1867 г. сделался министром-президентом и министром иностранных дел.

9 Луи-Наполеон вел переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом 18—23 августа 1867 г. в г. Зальцбурге (Австрия).

10 В *Семилетней войне* (1756—1763) Англия выступила в качестве союзника Пруссии; однако к 1762 г. Англия отказалась возобновить договор о субсидиях Пруссии. В результате Пруссия оказалась в чрезвычайно тяжелом положении и была спасена лишь выходом России из войны после смерти Елизаветы Петровны и вступления на престол Петра III.

11 *Кошутовским эпизодом* Бисмарк называет целую полосу национально-освободительной борьбы венгров против владычества австрийских Габсбургов, связанную с именем Людвига Кошута (1802—1894), вождя венгерского национально-освободительного движения. В 1848 г. Кошут стал главой революционного правительства. Продолжал борьбу и после поражения революции. Добиваясь независимости Венгрии, он пытался опереться на помощь бонапартистской Франции. Кошут выступал против австро-венгерского соглашения 1867 г. Отклонив амнистию, Кошут умер в эмиграции.

12 В 1846 г. произошло так называемое краковское восстание. В Кракове, который по решению Венского конгресса 1814—1815 гг. был самостоятельной республикой, находился центр польской национально-революционной деятельности. После того как Краков примкнул к польскому восстанию 1830—1831 гг., он был оккупирован русскими, а в 1836 г. также и австрийскими и прусскими войсками. Восстание в Кракове, являвшееся лишь частью намеченного 21 февраля 1846 г. общепольского (т. е. всех частей Польши: русской, австрийской и прусской) восстания, было жестоко подавлено австрийскими войсками. Сам же Краков перестал быть республикой (вольным городом) и был присоединен к владениям Австрии.

[13] Бисмарк называет здесь Священный союз «союзом трех восточных держав», так как его ядром были Россия, Австрия и Пруссия.

[14] Речь идет о так называемом «великогерманском» плане воссоединения Германии, т.. е. о плане воссоединения всех населенных немцами областей, включая и Австрию. Практически в XIX в. был осуществлен «малогерманский» план воссоединения Германии, исключавший Австрию.

[15] Во время Восточной войны 1853—1856 гг. Австрия сблизилась с Англией и Францией и в 1854 г. даже сосредоточила свои войска на границе с Молдавией и Валахией, чем вынудила Россию вывести свои войска из этих дунайских княжеств.

[16] Области с преобладанием католического населения находятся, главным образом, на западе и юге Германии, области с протестантским большинством — на востоке и севере.

[17] В Тридцатилетней войне (1618—1648), в Семилетней войне (1756—1763) и в войне 1866 г. Пруссия и Австрия выступали в качестве противников.

[18] Германский император Вильгельм I был братом матери Александра II — Александры Федоровны.

[19] В 1813 г. Россия помогла Пруссии освободиться от французского владычества и затем в союзе с ней завершила разгром наполеоновской Франции.

[20] В 1787 г. прусский король Фридрих-Вильгельм II послал в Голландию двадцатитысячное войско, восстановившее там власть Вильгельма V— мужа родной сестры Фридриха-Вильгельма. Впрочем, интересы Пруссии в Голландии в конце XVIII в. отнюдь не определялись только родственными отношениями: свержение Вильгельма V означало резкое усиление влияния Франции и Англии в Голландии и представляло угрозу Пруссии.

[21] В 1849 г. Николай I направил в Венгрию армию, силами которой и была, главным образом, подавлена венгерская революция 1848—1849 гг. Основанием для русской интервенции послужила просьба австрийского императора, поставленного в критическое положение военными успехами восставших.

[22] Приводим наиболее важную часть этого письма и ответа на него Александра II, опубликованных у Я. *Kohl,* Wegweiser durch Bismarck's Gedanken und Erinnerungen, S. 178—182.

«Берлин, 4 ноября 1879 г.

Императору Александру, дорогому племяннику и другу.

Сердечная дружба, соединяющая нас уже столь долгие годы и продиктовавшая нам основанную на этих чувствах политику, налагает на меня обязанность написать вам одновременно с пересылкой меморандума, явившегося результатом устных переговоров между князем Бисмарком и графом Андраши в Гаштейне и Вене. Последний прибыл в Гаштейн, чтобы дать объяснения по поводу причин, вызвавших его отставку от дел, коими он руководил столь отличным образом, что завоевал уважение всей Европы. Переговоры обоих канцлеров касались по преимуществу отношений между Германией и Австрией в результате ряда событий после 1848 г. Жребий войны решил,

что отныне во главе объединенной Германии будет стоять Пруссия. Поскольку Германский союз распался, Австрия перестала быть связанной договорными отношениями с восстановленной Германией; однако союз между Пруссией, Австрией и германскими государствами продолжает существовать в общественном мнении Германии, стремящемся заменить его нравственным единением двух империй, в миролюбивом духе которых видят залог сохранения мира в Европе. Я не говорю уже о той мудрости, с которой вы оказали столь мощное содействие поддержанию этого мира, несмотря на отдельные войны, театром которых Европа была на протяжении последних 20 лет. Отставка графа Андраши, лично поддерживавшего именно такой ход дел, могла иметь тяжкие последствия, кто бы ни был его преемником, ибо доверие не передается по наследству. Исходя из этого, оба канцлера согласились заполнить новым единением между Германией и Австрией ту пустоту, которая образовалась вследствие уничтожения Германского союза, в течение полувека представлявшего союз Пруссии, Австрии и немецких государей. Это единение сформулировано в прилагаемом меморандуме. Я льщу себя надеждой, что изложенные в этом важном документе принципы будут оценены вами и вы соблаговолите присоединиться к ним в видах укрепления союза трех императоров, оказавшего Европе, начиная с 1873 г., столько выдающихся услуг. Я не без удовлетворения отметил, что после нашей встречи в Александрово пресса наших стран успокоилась; впрочем, я натолкнулся в одной московской газете на статью, открыто говорящую о панславистской войне с Германией как о решенном деле, причем генерал-губернатор не запретил этой газеты, хотя его полномочия дают ему на то полное право. У меня вызывает опасение партия нигилистов, которая в один голос с панславистами говорит языком, враждебным соседним странам, с целью воспользоваться всяким конфликтом для осуществления своих разрушительных планов.

Если бы эти революционные планы могли силой своего давления привести к тому, чтобы увлечь за собой или скомпрометировать правительство в его политических сношениях, то оно — не могу скрыть этого от вас, дорогой племянник, — встретило бы солидарный отпор в соседних странах. Язык угроз в добавление к столь бросающемуся в глаза увеличению вашей армии после победной войны, долженствовавшей, как будто бы, обеспечить мир, держит Европу в тревоге, тогда как твердое выражение вашей миролюбивой воли могло бы утишить беспокойства и вернуть умы на добрый путь.

Вот, дорогой племянник, что хотелось мне высказать вам с искренностью и доверием, известными вам; но я должен еще присовокупить к этому мое чисто личное сожаление по поводу досадного совпадения нашей дружеской встречи с действиями, ускоренными неожиданной отставкой графа Андраши и обстоятельствами, о которых шла речь...»

Из ответа Александра II:

«Ливадия 2/14 ноября 1879 г.

Дорогой дядя и друг.

Не могу в достаточной мере поблагодарить вас за только что полученное мной ваше письмо от 4 ноября. Приложив к нему текст подписанного в Вене меморандума, вы дали мне новое доказательство вашей сердечной искренности и предчувствовали живущую в моем сердце потребность устранить из наших отношений малейшую тень сомнения. Несомненно, поездка князя Бисмарка в Вену, за которой последовало заключение вышеуказанного акта, по видимости, послужила в некотором роде противовесом нашей встрече в Александрово и не могла не произвести тягостного впечатления, способного

ввести общественное мнение в заблуждение. Мое личное доверие отнюдь не поколеблено этим, и я счастлив констатировать ныне, что в этом соглашении не содержится абсолютно ничего противоречащего моим желаниям. Оно стремится упрочить могущество Велико-Германии, воссоединение которой я приветствовал, и пытается мирным путем выполнить постановления Берлинского трактата, точное соблюдение которого никогда не переставало быть основой моей политики.

Я поэтому полностью присоединяюсь к принципам, изложенным в меморандуме, который вы любезно сообщили мне. Присоединяясь, таким образом, к согласию, установившемуся между Германией и Австрией, я с удовольствием вижу в нем возврат к тому полнейшему согласию трех императоров, которое, как вы столь справедливо заметили, оказало Европе величайшие услуги.

Вам известно, впрочем, дорогой дядя, насколько я был готов пойти навстречу этому согласию, и вам должны быть известны мои попытки достичь этого полной общностью взглядов между нами. Дабы облегчить вытекающие отсюда переговоры, я решил, назначая моего нынешнего посланника в Берлине на другую должность, заменить его господином Сабуровым, чьи недавние переговоры с князем Бисмарком определили стоящую перед ним задачу. Если этот выбор будет вами одобрен, соблаговолите сообщить мне об этом. Я надеюсь, что Сабуров окажется достойным того доверия, которым — хотелось бы мне — должны определяться отношения между двумя нашими государствами.

С этой точки зрения не могу скрыть от вас, дорогой дядя, как я сожалею, что вы могли приписать характер угрозы ряду военных мероприятий, необходимость которых была вызвана перестройкой моей армии. Мне казалось, что мои устные объяснения, а также те объяснения, которые имел честь представить вам мой военный министр граф Милютин в Александрове, выявили миролюбивый характер этих предложений достаточно, чтобы окончательно выяснить этот вопрос.

Не менее сожалею я о том, что вы предполагаете, будто панславистские и иные тенденции, появляющиеся в публицистике, могут оказать давление на мое правительство. Заблуждение какого-нибудь писателя, хотя бы за его спиной стоял более или менее широкий круг единомышленников, никогда не приобретает в России значения политической программы. Поэтому, если случается, что какая-нибудь выходка прессы ускользнет от контроля моего правительства, то это происходит именно потому, что сознание им собственной силы уменьшает значение подобной выходки.

Что же касается разрушительных действий нигилистской партии, то вам известно, что я, не задумываясь, прибег к самым энергичным мерам для их подавления, как только обстоятельства показали необходимость этого. Эти меры не остались безрезультатными. Вы видите в этом доказательство того, что моя твердая воля никогда не потерпит ни малейшего покушения, способного поставить под угрозу порядок и мир. Мне остается надеяться, что эти мои заверения смогут рассеять ваши сомнения».

23 Император Иосиф II в своей внешней политике придерживался союза с Россией на основе совместной борьбы с Турцией и даже принял участие на стороне России в русско-турецкой войне 1787—1791 гг. В то же время Иосиф II находился в резкой вражде с коалицией немецких государств во главе с Пруссией, противившихся попыткам Иосифа II укрепить центральную императорскую власть.

24 Уже после воссоединения Италии в руках Австрии остались область Истрия и ряд пунктов на Адриатическом и Далмат-

ском побережье, которые служили предметом итальянских притязаний.

25 Т. е. во время итальянской революции 1848—1849 гг. Командующий австрийской армией в Италии граф Радецкий руководил тогда военными действиями австрийцев против итальянцев.

26 Бисмарк имеет в виду «долг благодарности» Австрии России за помощь, оказанную Николаем I при подавлении революции 1848—1849 гг. в Венгрии. В Восточной войне 1853—1856 гг. Австрия не только не поддержала Россию, но даже готова была выступить против нее.

27 В церкви св. Павла в городе Франкфурте-на-Майне заседало в 1848—1849 гг. германское Национальное собрание. Бисмарк говорит здесь о попытках воссоединения Германии в период революции 1848—1849 гг. В движении за воссоединение Германии намечались тогда два направления: малогерманское, настаивавшее на исключении Австрии из объединенной Германии, и великогерманское, считавшее подобное воссоединение неполным.

28 Богемия, Моравия, Галиция — населенные славянами области, входившие в то время (XIX в.) в состав Австро-Венгрии.

29 Присоединение Италии к австро-германскому союзному договору 1879 г. произошло 20 мая 1882 г.

30 Интересы Австрии и Франции систематически сталкивались в Италии в период ее борьбы за воссоединение в самостоятельное государство. Эта борьба закончилась потерей Австрией к 1866 г. своих основных владений в Италии; здесь значительную роль сыграла поддержка, оказанная Францией Италии.

31 Руководители внешней политики Австрии в период напряженной борьбы Австрии с Пруссией за гегемонию среди немецких государств. Барон *Тугут,* ученик Кауница, был министром иностранных дел с 1793 г., вел враждебную Пруссии политику. Князь *Шварценберг* после происшедшего при его активном участии подавления революции 1848 г. стал главой кабинета и министром иностранных дел, стремясь к восстановлению гегемонии Австрии в Германии. Под руководством Шварценберга был восстановлен в 1850 г. германский Союзный сейм, в котором главенствовала Австрия. Граф *Буоль* был с 1852 г. после смерти Шварценберга преемником последнего на посту министра-президента и министра иностранных дел. *Бах* — бывший участник революции 1848 г., затем перешел в лагерь реакции, с 1849 г. в течение десяти лет был министром внутренних дел. О Бейсте, упоминаемом Бисмарком в ряду этих лиц, см. выше прим. 8.

32 «Неблагодарность» Шварценберга, о которой упоминает Бисмарк, состояла в том, что, несмотря на военную помощь со стороны русского царя, в результате которой австрийской монархии в 1849 г. удалось подавить венгерскую революцию, Австрия через несколько лет, во время Восточной войны 1858—1856 гг., заняла позицию, весьма враждебную по отношению к России. Князю Шварценбергу, австрийскому министру-президенту и министру иностранных дел (умершему за год до начала Восточной войны), приписывают заявление: «Мы еще удивим Европу своей неблагодарностью», сделанное км по адресу России.

[33] В первый период работ Венского конгресса Англия и Австрия пытались вызвать столкновение между Россией и Пруссией по вопросу о Польше и Саксонии; однако эти попытки окончились неудачей, и тогда Англия, Австрия и Франция заключили союз, направленный против Пруссии и России (3 января 1815 г.).

[34] В венгерском местечке Вилагош 13 августа 1849 г. руководитель венгерских повстанцев Гёргей капитулировал перед русскими войсками. Это означало разгром венгерской революции 1848—1849 гг. «Политическое давление», о котором говорит Бисмарк, заключалось в демонстративной посылке Австрией во время Восточной войны 1853—1856 гг. войск на границу занятых русскими княжеств Молдавии и Валахии.

[35] Швабы — жители Швабии (на юго-западе Германии). «Шваб» иногда употребляется вместо «немец».

[36] В Австро-Венгерской империи император Австрии являлся одновременно и венгерским королем. В то время, о котором идет речь, императором был Франц-Иосиф, царствовавший с 1848 по 1916 гг.

[37] 9 сентября 1881 г. *(Прим. нем. изд.)*

[38] В городке Скерневицы 15—17 сентября 1884 г. состоялось свидание русского, германского и австрийского императоров.

[39] Император Александр III был в Берлине проездом из Копенгагена (Дания) 18 ноября 1887 г.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

БУДУЩАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

I

Опасность внешних войн, опасность, что в ближайшую войну на западной границе в бой против нас может выступить красное знамя точно так же, как сто лет назад трехцветное [1], была налицо во времена Шнебеле [2] и Буланже [3] и налицо еще и теперь. Вероятность войны на два фронта со смертью Каткова и Скобелева [4] несколько уменьшилась: совсем необязательно, чтобы французское нападение на нас с той же неизбежностью повлекло за собой выступление против нас России, с какой русское нападение повлечет выступление Франции; однако склонность России оставаться спокойной зависит не от одних только настроений, а еще больше от технических вопросов вооружения на море и на суше. Когда Россия сочтет, что в отношении конструкции своих ружей, качества своего пороха и силы своего Черноморского флота она уже готова, тон, в котором разыгрываются ныне вариации русской политики, быть может, уступит место более вольному.

Не является вероятным, что, завершив свое вооружение, Россия воспользуется им для того, чтобы без дальнейших околичностей и в расчете на французскую поддержку напасть на нас. Германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии; самое большее, русский победитель мог бы оказаться в более благоприятных условиях, чем германский, в отношении суммы военной контрибуции, да и то он едва ли вернул бы свои издержки. Идея о приобретении Восточной Пруссии, проявившаяся во время Семилетней войны, вряд ли еще найдет приверженцев. Если для России уже невыносима немецкая часть населения ее прибалтийских провинций, то нельзя предположить, что ее политика будет стремиться к усилению этого считающегося опасным меньшинства таким крупным дополнением, как Восточная Пруссия. Столь же мало желательным представляется русскому государственному деятелю увеличение числа польских подданных царя присоединением Познани и Западной

Пруссии. Если рассматривать Германию и Россию изолированно, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны. Лишь для удовлетворения воинственного задора или для предотвращения опасности от ничем не занятых армий можно, пожалуй, вступить в балканскую войну, но германо-русская [война] слишком тяжела, чтобы та или другая сторона применила ее лишь как средство найти занятие для армии и ее офицеров.

Я не думаю также, что Россия, когда она будет подготовлена, нападет без дальнейших околичностей на Австрию; еще и теперь я придерживаюсь того мнения, что концентрация войск в западной России имеет в виду не прямую агрессивную тенденцию против Германии, а только защиту в случае, если бы действия России против Турции побудили западные державы к репрессиям. Когда Россия будет считать себя достаточно вооруженной, а это включает в себя должную мощь ее флота на Черном море, то, я думаю, петербургский кабинет, подобно тому как это было сделано при заключении Ункиар-Искелесского договора в 1833 г. [5], предложит султану гарантировать ему Константинополь и оставшиеся у него провинции, если он передаст России ключ к русскому дому, т. е. к Черному морю, в форме русского замка на Босфоре. Согласие Порты [6] на русский протекторат в этой форме находится в пределах не только возможного, но, если искусно повести дело, также и вероятного. В прежние десятилетия султан мог думать, что соперничество европейских держав даст ему гарантии против России. Для Англии и Австрии сохранение Турции было традиционной политикой; но гладстоновские декларации [7] отняли у султана эту опору не только в Лондоне, но и в Вене; ибо нельзя предполагать, чтобы венский кабинет отказался в Рейхштадте от традиций меттерниховского периода [8] (Ипсиланти [9], враждебное отношение к освобождению Греции), если бы оставался уверенным в поддержке Англии. Чары благодарности императору Николаю были разрушены уже Буолем во время Крымской войны; а на Парижском конгрессе поведение Австрии тем резче вернулось к старому меттерниховскому направлению, что оно не смягчалось финансовыми связями ее государственных деятелей с русским императором, а, напротив, обострялось оскорбленным тщеславием графа Буоля. Без разлагающего воздействия неловкой английской политики Австрия 1856 г. не отреклась бы ни от Англии, ни от Порты даже ценою Боснии. Но при нынешнем положении дел мало вероятно, что султан еще ожидает от Англии или Австрии такую же помощь и защиту, какую Россия, не жертвуя своими интересами, может ему обещать и, в виду своей близости, с успехом оказать.

Если бы Россия, подготовившись соответственным образом к тому, чтобы совершить, в случае необходимости, военное нападение на султана и на Босфор с суши и с моря, обратилась лично к султану с доверительным предложением гарантировать его положение в серале [10] и все провинции не только по отношению к загранице, но и по отношению к его собственным подданным, в обмен на разрешение [содержать] достаточно сильные укрепления и достаточное количество войск у северного входа в Босфор, — то такое предложение было бы очень соблазнительным. Но если предположить, что султан по собственному или постороннему побуждению отвергнет русское предложение, то новый Черноморский флот может получить распоряжение еще до наступления решительного момента занять на Босфоре ту позицию, в которой Россия, по ее мнению, нуждается, чтобы завладеть ключом от своего дома.

Как бы ни протекала эта фаза предполагаемой мною русской политики, во всяком случае всегда возникнет такая же ситуация, как и в июле 1853 г. [11], когда Россия возьмет себе залог и будет выжидать, не попытается ли кто-нибудь—и кто именно— отнять его. Первым шагом русской дипломатии, после этих издавна подготовленных действий, будет, быть может, осторожное зондирование в Берлине по вопросу о том, могут ли Австрия или Англия, в случае их вооруженного сопротивления действиям России, рассчитывать на поддержку Германии. На этот вопрос, по моему убеждению, безусловно следует ответить отрицательно. Я думаю, что для Германии было бы полезно, если бы русские тем или иным путем, физически или дипломатически, утвердились в Константинополе и должны были бы защищать его. Это избавило бы нас от положения гончей собаки, которую Англия, а при случае и Австрия, натравливают против русских вожделений на Босфоре; мы могли бы выждать, будет ли произведено нападение на Австрию и наступит ли тем самым наш casus belli [повод к войне].

Для австрийской политики также было бы правильней до тех пор предотвращать воздействие венгерского шовинизма, пока Россия укрепится на Босфоре и этим значительно обострит свои отношения со средиземноморскими государствами, т. е. с Англией и даже с Италией и Францией, усилив для себя необходимость договориться a l'amiable [дружески] с Австрией. Если бы я был австрийским министром, то не препятствовал бы русским итти на Константинополь; но я начал бы с ними переговоры о соглашении только после их выступления. Ведь участие Австрии в турецком наследстве будет урегулировано только по соглашению с Россией, и австрийская доля окажется тем большей, чем дольше в Вене сумеют выжидать и поощрять русскую политику к занятию далеко выдвинутых позиций. По отношению к Англии позиция нынешней России может улуч-

шиться, если Россия займет Константинополь; для Австрии же и Германии она менее опасна до тех пор, пока владеет Константинополем. Тогда было бы уже невозможно несуразное положение Пруссии, при котором Австрия, Англия, Франция могли бы, как в 1855 г., использовать нас, чтобы мы заслужили в Париже унизительное разрешение явиться на конгресс и mention honorable [почетное упоминание] в качестве европейской державы.

Если в Берлине ответят отрицательно или даже угрожающе на зондирование, может ли Россия в случае нападения на нее других держав из-за ее продвижения на Босфор рассчитывать на наш нейтралитет, поскольку Австрия не подвергается опасности, то Россия сначала пойдет по тому же пути, как в 1876 г. в Рейхштадте, и снова попытается добиться сотрудничества Австрии. У России очень широкое поле для предложений не только на Востоке — за счет Порты, но и в Германии — за наш счет. Надежность нашего союза с Австро-Венгрией против таких искушений будет зависеть не только от буквы договора, но, в известной степени, от характера лиц и от политических и религиозных течений, которые будут в тот момент играть в Австрии руководящую роль. Если русской политике удастся привлечь на свою сторону Австрию, то коалиция Семилетней войны против нас создана; Францию можно будет всегда иметь против нас, так как ее интересы на Рейне важнее, чем на Востоке и Босфоре.

Во всяком случае и в будущем потребуются не только военные вооружения, но и правильный политический взгляд, для того чтобы вести германский государственный корабль через потоки коалиций, которым мы подвержены вследствие нашего географического положения и нашего исторического прошлого. Любезностями и экономическими подачками дружественным державам мы не предотвратим опасностей, скрытых в лоне будущего, а только усилим вожделения наших временных друзей и их расчеты на наше чувство вынужденной необходимости. Я опасаюсь, что на этом пути наше будущее будет принесено в жертву мелким и преходящим настроениям настоящего. Прежние монархи ценили больше способности, чем послушание своих советников. Если послушание оказывается единственным критерием, то к универсальным дарованиям монарха предъявляются такие требования, которым не удовлетворил бы сам Фридрих Великий, хотя в его время политика в период войны и мира была менее сложна, чем теперь.

Наш престиж и наша безопасность будут тем устойчивее, чем больше мы будем воздерживаться от вмешательства в споры, которые нас непосредственно не касаются, и чем безразличнее мы будем ко всяким попыткам возбудить и использовать наше *тщеславие*. Такие попытки делались во время Крымской войны английской прессой и английским двором и опиравшимися

на английскую поддержку карьеристами при нашем собственном дворе. Нам тогда так успешно угрожали лишением титула великой державы, что господин фон Мантейфель подверг нас в Париже большим унижениям, лишь бы добиться разрешения поставить и нашу подпись под договором, между тем как для нас было бы полезнее *не быть* связанными этим договором. Германия и теперь совершила бы большую глупость, если бы, не имея собственных интересов, стремилась занять определенную позицию в спорных восточных вопросах раньше других, более заинтересованных держав. Уже во время Крымской войны были моменты, когда более слабая Пруссия, приняв решение вооружиться в соответствии с австрийскими требованиями и сверх этих требований, могла продиктовать мир и содействовать своему соглашению с Австрией по германским вопросам. Точно так же и Германия в будущих восточных распрях сможет, если она сумеет соблюдать сдержанность, тем вернее использовать то преимущество, что в восточных вопросах она является наименее заинтересованной державой. Она сможет это сделать тем вернее, чем дольше она воздержится от вмешательства, хотя бы это преимущество и выразилось только в более продолжительном наслаждении состоянием мира. Австрии, Англии и Италии при нападении русских на Константинополь придется занять определенную позицию раньше, нежели французам, так как восточные интересы Франции представляются менее настоятельными и более связаны с вопросом о германских границах. При русско-восточных кризисах Франция не сможет вести новую «западническую» политику или решиться на угрозу Англии во имя своей дружбы с Россией без предварительного соглашения или предварительного разрыва с Германией.

Преимуществу, которое дает германской политике отсутствие прямой заинтересованности в восточных вопросах, противостоит невыгодность центрального и открытого расположения Германской империи, с ее растянутыми на все стороны линиями обороны и с легкостью [возникновения] антигерманских коалиций. При этом Германия является, быть может, единственной великой державой в Европе, которую никакие цели, достижимые только путем победоносных войн, не могут ввести во искушение. Наши интересы заключаются в сохранении мира, в то время как у всех без исключений наших континентальных соседей имеются тайные или официально известные желания, которые могут быть выполнены только путем войны. Сообразно с этим мы должны соразмерять нашу политику. Это означает по возможности препятствовать войне или ограничивать ее. В европейской карточной игре мы должны сохранять за собой последний ход, и никаким нетерпением, никакой услужливостью за счет страны, никакому *тщеславию* или дружественным провокациям мы

не должны позволять, чтобы они преждевременно вынудили нас перейти из стадии выжидания в стадию действия; иначе plectuntur Achivi [горе ахейцам] [12].

Разумеется, цель нашей сдержанности не в том, чтобы со свежими силами напасть на кого-либо из наших соседей или возможных противников, после того как другие были бы ослаблены. Напротив, мы должны стараться честным и миролюбивым использованием нашей мощи ослабить недовольство, вызванное нашим превращением в подлинную великую державу, чтобы убедить мир, что германская гегемония в Европе полезнее и беспристрастнее, а также менее вредна для свободы других, чем [гегемония] французская, русская или английская. Уважение к правам других государств, которое в частности отсутствовало у Франции во времена ее превосходства, а у Англии существует лишь, поскольку это не затрагивает английских интересов, облегчается для Германской империи и ее политики, с одной стороны, объективностью немецкого характера; с другой стороны, это облегчается фактом, в котором нет с нашей стороны ни малейшей заслуги, именно тем, что мы не нуждаемся в увеличении нашей непосредственной территории, да и не могли бы этого сделать, не усилив центробежных элементов в собственной стране. После того как в пределах достижимого мы осуществили наше объединение, моим идеалом всегда было приобрести доверие не только слабых европейских государств, но и великих держав, — доверие к тому, что германская политика, исправив injuria temporum [несправедливость времен] — раздробленность нации, — хочет быть миролюбивой и справедливой. Чтобы добиться этого доверия, необходимы, прежде всего, честность, откровенность и готовность к примирению в случаях трений или untoward events [неожиданных событий]. Подавляя свои личные чувства, я следовал этому рецепту в случаях со Шнебеле (апрель 1887 г.), Буланже, Кауфманом (сентябрь 1887 г.)[13], с Испанией в вопросе о Каролинских островах, с Соединенными штатами в вопросе Самоа[14]. Я полагаю, что и в будущем нам не раз представится случай показать, что мы умиротворены и миролюбивы. За время своей служебной деятельности я три раза советовал вести войну: датскую, богемскую и французскую, но всякий раз я предварительно уяснял себе, принесет ли война, если она окажется победоносной, награду, достойную тех жертв, каких требует каждая война; а в настоящее время эти жертвы несравненно тяжелее, нежели в прошлом столетии. Если бы я предполагал, что по окончании одной из этих войн нам пришлось бы с трудом измышлять желательные для нас условия мира, то едва ли я убедился бы в необходимости таких жертв, пока мы не подверглись физическому нападению. Международные споры, которые могут быть решены только войной народов, я никогда не рассматривал с точ-

ки зрения обычаев геттингенского студенчества и личной чести дуэлянта, а всегда взвешивал последствия этих споров на притязание немецкого народа вести, наравне с прочими великими державами Европы, автономную политическую жизнь, насколько это возможно при свойственных нашей нации внутренних силах.

Традиционная русская политика, которая основывается отчасти на общности веры, отчасти на узах кровного родства, идея «освободить» от турецкого ига и тем самым привлечь к России румын, болгар, православных, а при случае и католических сербов, под разными наименованиями живущих по обе стороны австро-венгерской границы, не оправдала себя. Нет ничего невозможного в том, что в далеком будущем все эти племена будут насильственно присоединены к русской системе, но что одно только освобождение еще де превратит их в приверженцев русского могущества, это доказало прежде всего греческое племя. Со времен Чесмы (1770 г.)[15] оно считалось опорой России, и еще в русско-турецкую войну 1806—1812 гг. цели императорской политики России видимо не изменились. Пользовались ли действия гетерий ко времени уже ставшего и на Западе популярным восстания Ипсиланти — этого, с помощью фанариотов[16], порождения грекофильской (graeisirender) политики в восточном вопросе — также единодушным сочувствием множества различных русских направлений, от Аракчеева до декабристов, это не имеет значения; во всяком случае первенцы русской освободительной политики, греки, принесли разочарование России, хотя еще и не окончательное. Политика освобождения греков со времени Наварина и после него перестала даже в глазах русских быть русской специальностью[17]. Но прошло много времени прежде, чем русский кабинет извлек надлежащие выводы из этого критического результата. Rudis indigestaque moles [сырая непереваренная масса][18] — Россия — слишком тяжеловесна, чтобы легко отзываться на каждое проявление политического инстинкта. Продолжали освобождать, — и с румынами, сербами и болгарами повторялось то же, что и с греками. Все эти племена охотно принимали русскую помощь для освобождения от турок; однако, став свободными, они не проявляли никакой склонности принять царя в качестве преемника султана. Я не знаю, разделяют ли в Петербурге убеждение, что даже «единственный друг» царя, князь черногорский[19], а это до некоторой степени извинительно при его отдаленности и изолированности, только до тех пор будет вывешивать русский флаг, пока рассчитывает получить за это эквивалент деньгами или [военной] силой. Однако в Петербурге не может оставаться неизвестным, что «владыка» (Vladika)[20] был готов, а быть может, готов и теперь, стать во главе балканских народов в качестве султанского турецкого коннетабля[21], если бы эта идея встретила

у Порты достаточно благоприятный прием и поддержку, чтобы оказаться полезной Черногории.

Если в Петербурге хотят сделать практический вывод из всех испытанных до сих пор неудач, то было бы естественно ограничиваться менее фантастическими успехами, которые можно достичь мощью полков и пушек. Поэтичная историческая картина, рисовавшаяся воображению императрицы Екатерины, когда она дала своему второму внуку имя Константин[22], лишена placet [одобрения] практики. Освобожденные народы не благодарны, а требовательны, и я думаю, что в нынешнее реалистическое время русская политика будет в восточных вопросах руководствоваться соображениями более технического, нежели фантастического свойства. Ее первой практической потребностью для развития сил на Востоке является обеспечение Черного моря. Если удастся запереть Босфор крепким замком из орудийных и торпедных установок, то южное побережье России окажется еще лучше защищенным, чем балтийское, которому превосходные силы англо-французского флота в Крымскую войну не могли причинить большого вреда.

Таковы должны быть соображения петербургского кабинета, если он задается целью прежде всего запереть вход в Черное море и для этой цели имеет в виду привлечь на свою сторону султана — любовью, деньгами или силою. Если Порта воспротивится дружественному сближению с Россией и против угроз действовать силой обнажит меч, то Россия подвергнется, вероятно, нападению с другой стороны, и на такой случай рассчитано, по моему мнению, сосредоточение войск на западной границе. Если же удастся запереть Босфор мирным путем, то державы, считающие, что этим им нанесен ущерб, быть может, пока останутся спокойными, ибо каждая будет ждать инициативы других и выжидать решения Франции. Наши интересы более, нежели интересы других держав, совместимы с тяготением русского могущества на юг; можно даже сказать, что оно принесет нам пользу. Мы можем дольше других выжидать развязки нового узла, затянутого Россией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Трехцветное знамя* — знамя французской буржуазной революции конца XVIII в.

[2] Французский полицейский комиссар *Шнебеле* 21 апреля 1887 г. был схвачен германской полицией на территории Германии, куда был вызван по делам пограничной службы. Это вызвало резкий протест со стороны Франции. Так называемый «инцидент Шнебеле» был широко использован в милитаристической пропаганде обеих стран. Инцидент был улажен дипломатическим путем; Шнебеле был освобожден.

3 *Буланже*—французский военный министр в 1886—1887 гг. С его именем связано реакционно-шовинистическое и реваншистское движение во Франции во второй половине 80-х годов — буланжизм.

4 *М. Н. Катков* — русский реакционный публицист, редактор газеты «Московские ведомости», умер в 1887 г. *М. Д. Скобелев* — русский генерал, умер в 1882 г. Оба энергично выступали в защиту политики, направленной к созданию союза между Россией и Францией.

5 *Ункяр-Искелесский* договор заключен между Россией и Турцией 8 июля 1833 г. Турция особой секретной статьей обязывалась закрыть проливы в случае, если Россия будет вести войну с какой-либо державой. Россия обязывалась оказывать Турции военную помощь не только в случае внешних столкновений, но и для подавления внутренних движений, направленных против султана.

6 *Высокая Порта* — в тот период официальное название правительства Турецкой империи.

7 Вильям *Гладстон* (1809—1898) — лидер английских либералов; в 1880—1885 гг. во второй раз был премьером. В своей речи в палате общин 23 июля 1880 г. Гладстон заявил: «Как бы мы ни желали избежать осложнений, которые будут порождены распадом турецкой державы, тем не менее исполнение турецким правительством своих обязательств по отношению к его подданным не является больше второстепенным вопросом; это вопрос первейшей важности, это цель наших усилий. Если Турция не решится на выполнение своих обязательств, она должна будет сама, как сможет, спасать свою целостность и независимость».

8 Князь *Меттерних* (1773—1859) — руководитель австрийской политики в первой половине XIX в., вдохновитель европейской реакции. Его боязнь перед революцией и приверженность к сохранению «законного порядка» особенно ярко сказались в вопросе о восстании в Греции (1821—1829). Считая, что восстание подданных против своего государя ни в коем случае не заслуживает поощрения, Меттерних занял враждебную позицию по отношению к борьбе греков за независимость и препятствовал поддержке восставших со стороны других держав.

9 Александр *Ипсиланти* (1783—1828) —грек, офицер русской службы, в 1820 г. стал руководителем главного центра тайных обществ (гетерий), возникших в Греции и греческих поселениях вне Греции в начале XIX в. для борьбы за национальное освобождение. Возглавленное Ипсиланти в марте 1821 г. восстание против турок было быстро подавлено.

10 *Сераль* — дворец турецкого султана.

11 В июле 1853 г. русские войска заняли принадлежавшие тогда Турции княжества Молдавию и Валахию; однако, ввиду резко враждебной позиции Австрии, Россия была вынуждена очистить их уже в августе 1854 г.

12 *Гораций,* Послания, 1, 2, 14.

13 24 сентября 1887 г. германский солдат Кауфман, охранявший один из пограничных с Францией лесов, убил охотившегося французского лесника. Германское правительство уплатило возмещение вдове уби-

того. Конфликт, вызвавший большое возбуждение в шовинистической прессе, был этим ликвидирован.

14 *Самоа* — группа островов в Полинезии, в Тихом океане. В 80-х годах XIX века Германия и США боролись за преобладание на этих островах. Под давлением Англии Германии пришлось пойти на уступки и передать вопрос о Самоа на разрешение конференции держав, состоявшейся в Берлине в апреле—июне 1889 г.

15 В Чесменской бухте на восточном берегу Эгейского моря, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., турецкий флот 24 июня 1770 г. был уничтожен русским флотом под начальством Алексея Орлова (впоследствии граф Орлов-Чесменский). Русские войска заняли ряд островов Греческого архипелага. После этого вспыхнуло восстание греков против турецкого владычества. Восстание было, однако, вскоре жестоко подавлено правительством во время военных действий и мирных переговоров.

16 *Фанариоты*— представители старой греческой аристократии в Константинополе, выделившие из своей среды крупных дельцов, финансистов, торговцев. Турецкое правительство назначало фанариотов на важные, в частности дипломатические, посты. Разбогатевшие фанариотские роды, к числу которых принадлежал и род Ипсиланти, являлись представителями высшей турецкой власти (господарями) в принадлежавших тогда Турции дунайских княжествах Молдавии и Валахии. Ряд видных фанариотов принял деятельное участие в борьбе против Турции за национальное освобождение греков в 1821 г.

17 Опасаясь чрезмерного усиления русского влияния в Греции, западноевропейские державы в 1827 г. перешли к более активной поддержке борьбы греков за независимость от Турции. 6 июля 1827 г. в Лондоне была заключена конвенция Англии, Франции и России «относительно умиротворения Греции». В порядке осуществления этой конвенции соединенный флот указанных держав 20 октября того же года разгромил в Наваринской бухте турецкий флот.

18 Цитата из *Овидия,* Метаморфозы 1, 7.

19 «Единственным искренним другом России» назвал Александр III черногорского князя Николая в тосте, произнесенном в его честь во время визита князя в Петербург в 1889 г.

20 Владыкой в Черногории до 1852 г. называлось лицо, соединявшее в своих руках высшую духовную и военную власть. Бисмарк употребляет этот термин, подчеркивая свое ироническое отношение к черногорскому князю Николаю.

21 Коннетабль в средние века в ряде европейских стран — одно из высших военных званий.

22 Константин, сын императора Павла I, родился в 1779 г. Бисмарк имеет в виду, что выбор не встречавшегося в роде Романовых имени для новорожденного объяснялся планом его бабки Екатерины II изгнать турок из Европы и восстановить византийскую Константинопольскую империю. На престол этой империи и предназначался ее внук Константин.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Государственный совет, учрежденный законом от 20 марта 1817г.[1], предназначен был для того, чтобы давать советы королю, пользующемуся неограниченной властью. Его место заняли ныне, согласно конституции, министры короля, дающие ему советы; таким образом, государственное министерство, при предварительном обсуждении [вопросов] в государственном совете, также приняло совещательное участие в правительственной власти, которую ранее представлял один король. В настоящее время обсуждение государственного совета носит информационный характер не только для короля, но и для ответственных министров; возобновление деятельности Совета в 1852 г. имело целью подготовку не только королевских решений, но и заключений государственных министров.

Подготовка законопроектов государственным министром носит несовершенный характер. Реферирующий советник в состоянии определить судьбу закона вплоть до его опубликования, а в том случае, если вопрос является сложным и число параграфов велико, он может в государственном министерстве или на различных стадиях парламентского обсуждения провалить все попытки воздействовать на содержание [проекта]. Уже в государственном министерстве министр, ведающий данным ведомством, не всегда знает предмет, представленный ему соответствующими советниками в форме законопроекта с мотивировками. Еще меньше времени и усердия остальные министры уделяют тому, чтобы подробно ознакомиться с содержанием и значением нового закона, если его действие не затрагивает их собственного ведомства. В последнем случае пробуждается чувство независимости и партикуляризм, воодушевляющие все восемь министерств государства[2] и каждого советника в пределах его сферы деятельности. Заранее оценить воздействие намеченного закона на практическую жизнь не может и министр, стоящий во главе соответствующего ведомства, так как сам он представляет собой односторонний продукт бюрократизма;

но еще меньше могут это сделать его коллеги. Те из них, которые сознают, что они министры не только своих ведомств, но и министры государства, с общей ответственностью за всю политику в целом, не составляют и пяти процентов среди тех, кого я имел случай наблюдать. Остальные ограничиваются стремлением безукоризненно управлять своим ведомством, получать от министра финансов и от ландтага денежные ассигнования и успешно отражать парламентские атаки на свои ведомства с помощью своего красноречия, и, в случае надобности, отрекаясь от своих подчиненных. Квитанций в виде королевской подписи и санкции парламента достаточно для того, чтобы бюрократически-министерскую совесть не смущал вопрос, разумно ли данное дело само по себе. Возражения со стороны коллеги, ведомство которого не имеет прямого отношения к обсуждаемому вопросу, задевают чувствительность министров соответствующих ведомств, и эту чувствительность, как правило, щадят, в расчете на такую же снисходительность в аналогичном случае к собственным предложениям. У меня сохранилось воспоминание, что до 1848 г. в старом государственном совете, с некоторыми видными членами которого я был знаком, дебаты велись с большей строгостью к собственным суждениям и с большей добросовестностью, чем на министерских совещаниях, которые я имел возможность наблюдать более сорока лет.

Я считал обманчивым также предположение, что внесенный министерством неудачный законопроект будет с достаточной деловитостью обсужден в ландтаге. Он может быть отклонен и, как правило, надо надеяться, так и будет. Но если вопрос, которого законопроект касается, не терпит отлагательства, то имеется опасность, что министерская бессмыслица благополучно пройдет через все парламентские перипетии, в особенности если составителю удастся расположить в пользу своего произведения какого-либо влиятельного или красноречивого друга. При избытке образованных людей в области юстиции и администрации имеются, конечно, депутаты, которые могут дать себе труд прочитать или *понять* законопроект, содержащий более сотни параграфов; но лишь немногие отличаются трудолюбием и чувством долга, да и те распределены по ведущим друг с другом борьбу фракциям и. партиям, тенденциозность которых затрудняет им деловое суждение. Большинство депутатов ничего не читает и не изучает, а спрашивает у действующих и выступающих в своих целях лидеров фракций, когда притти на заседание и как голосовать. Все это свойственно человеческой природе, и никого нельзя осуждать за то, что он не может выпрыгнуть из своей кожи; только не следует обманывать себя на тот счет, что в настоящее время наши законы изучаются и подготовляются в той мере, как это необходимо, или хотя бы, как это было до 1848 г.

Памятник своей небрежности поставил себе рейхстаг 1867 г. [одним из параграфов] конституции Северогерманского союза, который затем вошел в конституцию Германской империи. Параграф 68 проекта, скопировавший одно из постановлений Франкфуртского союзного сейма, перечисляет пять видов преступлений по отношению к Союзу, которые подлежат такой же каре, как если бы они были совершены по отношению к отдельному союзному государству. Пятый пункт начинался со слова «наконец». Прославляемый из-за своей основательности Твестен предложил поправку: первые три пункта вычеркнуть. Но, очевидно, он не прочитал исправляемый им параграф до конца и не заметил, что слово «наконец» осталось. Его предложение было принято и сохранилось на всех стадиях обсуждения; таким образом и получилась странная редакция данного параграфа (ныне 74):

> Всякое действие против существования, целости, безопасности или конституции Германской империи, *наконец* оскорбление Союзного совета, рейхстага и т. д.

До 1848 г. самым важным считалось найти правильное и разумное решение, теперь же достаточно большинства голосов и королевской подписи. Я могу лишь сожалеть, что сотрудничество более широких кругов в подготовке законопроектов, как оно было задумано в государственном совете и совете народного хозяйства[3], не могло быть в достаточной степени использовано при министерской или монаршей нетерпеливости. При случае, когда у меня бывал досуг заниматься этими проблемами, я выразил своим коллегам пожелание, чтобы они начали свою законодательную деятельность с опубликования законопроектов для критики в печати, выслушивали суждения возможно более широких кругов, сведущих и заинтересованных в данном вопросе, а именно государственного совета к совета народного хозяйства, смотря по обстоятельствам, заслушивали провинциальные ландтаги[4] и только затем начинали обсуждение в государственном министерстве. Оттеснение на задний план государственного совета и подобных ему совещательных органов я приписываю, главным образом, зависти, которую эти непрофессиональные консультанты по государственным вопросам вызывают у профессиональных советников и у парламентов, а одновременно с этим и неприязнью, с которым министерское полновластие внутри собственного ведомства встречает вмешательство других.

Первые заседания государственного совета после его нового созыва в 1884 г. под председательством кронпринца Фридриха-Вильгельма[5], на которых я присутствовал, произвели не только на меня, но, полагаю, на всех участников благоприятное деловое впечатление. Принц выслушивал доклады, не проявляя желания оказывать влияния на докладчиков. Примечательно было,

что доклады двух бывших гвардейских офицеров, фон Цедлиц-Трюцшлера, впоследствии обер-президента[6] в Познани и министра просвещения и вероисповеданий, и фон Миннигероде, произвели такое впечатление, что кронпринц поступил согласно настроению собрания, назначив их впоследствии референтами, хотя самые серьезные теоретические доклады были, конечно, сделаны профессорами-специалистами. Влияние, таким образом оказанное бывшими гвардейскими офицерами на оформление законопроектов, укрепило меня в убеждении, что одно только чисто министерское изучение проектов не является правильным путем для избежания той опасности, что непрактичные, вредные и опасные законопроекты, в стилистически несовершенной форме, без достаточного исправления пройдут, не сбиваясь, весь путь от любительских занятий реферирующего советника через все стадии обсуждения государственного министерства, парламентов и кабинета вплоть до свода законов и затем впредь до исправления образуют часть того бремени, которое действует наподобие изнурительной болезни.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный совет Прусского королевства создан 20 марта 1817 г. В январе 1848 г. функции государственного совета были значительно сокращены; его участие в подготовке законодательных и иных актов перестало быть обязательным, и в марте он фактически прекратил свое существование. Государственный совет был восстановлен королевским указом от 12 января 1852 г. и в июле 1854 г. возобновил свою деятельность.

[2] Бисмарк имеет в виду прусское государственное министерство; если не считать министерства иностранных дел, соединенного с соответствующим имперским министерством, то всех министерств было восемь: финансов, торговли и промышленности; министерство по делам культа; народного образования и здравоохранения; внутренних дел; земледелия; военное; юстиции и министерство общественных работ.

[3] Совет народного хозяйства (Volkswirtschaftsrat) — совещательное учреждение, созданное в Пруссии указом Вильгельма I 17 ноября 1880 г. Совет состоял из 75 назначавшихся правительством членов и должен был обсуждать законопроекты в области торговли, промышленности и сельского хозяйства. Однако назначение членов совета народного хозяйства было произведено только через 10 лет после его создания (14 января 1890 г.).

[4] Провинциальными ландтагами назывались представительные собрания в провинциях Прусского королевства. Они избирались уездными собраниями.

[5] В 1884 г. Государственный совет подвергся некоторой реорганизации. Число его членов было увеличено, он был разделен на ряд отделений и т. д. Председателем был назначен кронпринц (будущий император Фридрих III).

[6] *Обер-президент* глава местного управления, административной коллегии в провинциях прусского королевства.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

ИМПЕРАТОР ВИЛЬГЕЛЬМ

I

К середине 70-х годов умственные способности императора стали слабеть, он с трудом усваивал чужие мысли и излагал свои; говоря и слушая, он порой терял нить беседы. Удивительно, что после покушения Нобилинга [1] в его здоровье произошло благоприятное изменение. Явления, подобные описанным, более не повторялись, император стал держать себя непринужденнее, живее и даже стал мягче. Выражение моей радости по поводу хорошего состояния его здоровья вызвало его шутку: «Нобилинг знал лучше врачей, что мне нужно было сильное кровопусканье». Последняя его болезнь была непродолжительна; она началась 4 марта 1888 г.; 8-го, в полдень, я в последний раз беседовал с императором; он был еще в сознании, и я получил у него полномочие на обнародование подписанного им уже 17 ноября 1887 г. приказа, по которому принцу Вильгельму [2] поручалось заместительство в тех случаях, когда его величество сочтет это необходимым. Император выразил надежду, что я останусь в своей должности и буду служить его преемникам; при этом его как будто заботила мысль, что между мною и императором Фридрихом не установится согласия. Я старался успокоить его, насколько вообще уместно было говорить с умирающим о том, что будут делать его преемники и я после его смерти. Затем, имея в виду болезнь сына, он потребовал от меня обещания отдать весь мой опыт его внуку и не оставлять его, если ему суждено, как казалось, вскоре стать во главе управления. Я выразил свою готовность служить его преемникам так же ревностно, как ему самому. Единственным его ответом на это было слабое рукопожатие; затем наступил бред, мысли императора до того были заняты внуком, что ему показалось, будто принц, который в сентябре месяце 1886 г. посетил царя в Брест-Литовске, сидел на моем месте возле его кровати; неожиданно обратившись ко мне на ты, он сказал: «С русским императором ты всегда должен поддерживать контакт, с ним нет надобности ссориться». Последовало

долгое молчание, галлюцинация исчезла, он отпустил меня со словами: «Я еще увшку вас». Он действительно еще видел меня у себя, когда я навестил его после полудня, и затем 9-го числа в 4 часа ночи, но вряд ли узнал среди многочисленных присутствовавших; 8-го числа, поздно вечером, к нему еще раз вернулась полная ясность сознания и способность внятно и связно говорить с лицами, окружившими его смертное ложе в тесной спальне. То был последний проблеск этого сильного и доблестного духа. В 8 часов 30 минут он испустил дыхание.

II

При Фридрихе-Вильгельме III только кронпринц получил продуманное воспитание, соответствовавшее наследнику престола; второму сыну[3] дано было исключительно военное образование. Естественно, что в течение всей его жизни, военные оказывали на него более сильное влияние, чем штатские. Я находил даже, что военный мундир, который я носил для того, чтобы не переодеваться по нескольку раз в день, придавал мне в его глазах больше веса. Среди лиц, которые могли оказывать влияние на его развитие, когда он был еще принцем Вильгельмом, на первом плане стояли военные, далекие от политической жизни, как генерал фон Герлах, который, временно отойдя от политики, много лет состоял его адъютантом. Это был самый способный из числа всех адъютантов принца, отнюдь не теоретизирующий фанатик в политике и религии, как его брат президент, но все же достаточный доктринер, чтобы не встретить у практически настроенного принца таких симпатий, как у остроумного короля Фридриха-Вильгельма. Набожность — вот то слово и то понятие, с которым связывалось имя Герлах ввиду роли, которую играли в политической жизни оба брата генерала — президент и проповедник, автор обширного труда о библии.

Связанный с именем Герлаха разговор, который произошел у меня с принцем в 1853 г. в Остенде[4], где я несколько сблизился с принцем, запомнился мне потому, что меня поразила неосведомленность принца о наших государственных учреждениях и о политической ситуации.

Однажды он с некоторым возбуждением говорил о генерале фон Герлахе, который ввиду отсутствия взаимного согласия и, повидимому, недовольный, оставил пост адъютанта. Принц назвал его пиетистом.

Я. Что понимает ваше высочество под словом пиетист?

Он. Человека, который лицемерит в религии, чтобы сделать карьеру.

Я. Герлах далек от таких мыслей; чем он может стать? Теперь под пиетистом понимается нечто совсем иное, а именно:

человек, ортодоксально верящий в христианское откровение и не делающий из своей веры тайны; многие из числа этих ортодоксов ничего общего не имеют с государством и о карьере не помышляют.

Он. Что вы понимаете под ортодоксом?

Я. Примерно, человека, который серьезно верит в то, что Иисус — сын бога и умер за нас как жертва, во искупление наших грехов. В данный момент я не могу определить это точнее, но это самое существенное в различии веры.

Он (вспыхнув). Неужели есть люди, настолько позабытые богом, что не верят в это!

Я. Если бы ваше высочество публично произнесли такую фразу, то и вас причислили бы к пиетистам.

Затем разговор перешел на обсуждавшееся тогда положение об округах и общинах. Принц сказал по этому поводу, примерно, следующее:

Он не враг дворянства, но не может согласиться с тем, «чтобы дворяне жестоко обращались с крестьянами».

Я возразил: Да могут ли они позволить себе это? Если бы я вздумал жестоко обойтись с шенгаузенскими[5] крестьянами, я все равно бессилен был бы осуществить это, и попытка кончилась бы тем, что меня самого побили либо крестьяне, либо законы.

Он (в ответ). Возможно, что в Шенгаузене это и так; но это исключение, а я не могу допустить, чтобы с простым человеком в деревне жестоко обращались.

Я попросил разрешить мне представить ему краткую записку о том, как создался нынешний аграрный уклад, как возникли нынешние взаимоотношения между помещиками и крестьянами. Он с признательностью согласился на мою просьбу, и затем я отдал весь свой досуг в Нордернее[6] на то, чтобы со ссылкой на соответствующие места законов разъяснить пятидесятишестилетнему наследнику престола правовое положение и взаимоотношения поместного дворянства и крестьян в 1853 г. Я послал ему свою работу не без опасения, что получу от принца короткий и иронический ответ, что я ничего такого ему не открыл, чего бы он не знал еще 30 лет назад. Он же, наоборот, тепло поблагодарил меня за интересное сопоставление новых для него фактов.

III

С момента учреждения регентства[7] принц Вильгельм так живо почувствовал недостатки своего образования, что работал день и ночь, только бы восполнить этот пробел. «Занимаясь государственными делами», он работал, действительно, в высшей степени серьезно и добросовестно. Он прочитывал *все* входящие

бумаги, а не только те, которые его интересовали, изучал трактаты и законы, чтобы выработать себе самостоятельное мнение. Не было такого развлечения, которое отвлекло бы его от государственных дел. Он никогда не читал романов и вообще книг, не имевших отношения к его монаршим обязанностям. Он не курил, не играл в карты. На охоте в Вюстергаузене, когда собравшееся общество переходило после обеда в комнату, где Фридрих-Вильгельм I собирал обычно «табачную коллегию»[8], [принц],не желая стеснять присутствующих,приказывал подать себе длинную голландскую глиняную трубку, затягивался несколько раз и, поморщившись, откладывал ее. Во Франкфурте, еще в бытность свою принцем Прусским, он, войдя однажды во время бала в комнату, где вели азартную игру, сказал мне: «Я тоже хочу хоть раз попробовать счастье, но не захватил с собою денег, одолжите мне». Так как и я не имел обыкновения носить при себе деньги, то его выручил граф Теодор Штольберг. Принц несколько раз ставил по талеру, каждый раз проигрывал и удалился. Единственным его отдыхом было — после трудового дня провести вечер в театре; но и тут я в качестве министра имел право в срочных случаях сделать ему доклад в комнатке перед его ложей или приносить бумаги на подпись. Хотя он очень нуждался в ночном отдыхе и жаловался на дурно проведенную ночь, если просыпался два раза, а на бессонницу, если просыпался три раза за ночь, но я ни разу не подметил в нем ни малейшего неудовольствия, когда случалось будить его среди ночи, часа в два или в три, чтобы испросить срочного решения.

Помимо прилежания, к которому побуждало его глубокое сознание долга, он обнаруживал при исполнении своих регентских обязанностей необычайно много природного здравого смысла, common sense, которого приобретенные знания не увеличивали и не уменьшали. Помехой для понимания дел было упрямство, с которым он придерживался монархических, военных и местных традиций; на каждое отступление от них, на каждый шаг к новому пути, который вынуждался ходом событий, он решался с трудом, легко усматривая в подобных уклонениях нечто непозволительное и недостойное. Так же прочно, как он был привязан к людям своего окружения и предметам своего обихода, он придерживался тех впечатлений и убеждений, которые были связаны с его отцом, и всегда думал о том, что бы сделал или как бы поступил в подобных случаях его отец. Особенно во время французской войны[9] он всегда проводил параллель между нею и освободительными войнами[10].

Король Вильгельм, укоризненно спросивший меня однажды во время шлезвиг-гольштейнского эпизода: «Разве вы не немец?» — потому что я возражал против его склонности, обусловленной домашними влияниями, создать в Киле великое

герцогство, которое выступало бы против Пруссии,—был тем же государем и тогда, когда, не затронутый политическими мыслями, он непринужденно следовал своим естественным чувствам. Он был одним из решительнейших партикуляристов среди немецких монархов, в духе патриотически и консервативно настроенных прусских офицеров времен его отца.

В более зрелом возрасте влияние его супруги привело его к оппозиции этому традиционному принципу, а неспособность его министров «новой эры» и торопливая неловкость парламентских либералов во время конфликта снова пробудили в нем старый темперамент прусского принца и офицера, тем более что он никогда не задавался вопросом, опасен ли путь, на который он вступал. Если он был убежден, что долг или честь или то и другое вместе повелевали ему вступить на этот путь, то он действовал не обращая внимания на опасности, которым мог подвергаться в политике точно так же, как и на поле битвы. Испугать его было невозможно. Но королева пугалась; и желание поддержать домашний мир было неподдающимся учету фактором; парламентские же грубость или угрозы приводили только к усилению его решимости сопротивляться. Эту особенность его характера министры новой эры и их парламентские сторонники и последователи никогда не учитывали. Граф Шверин до такой степени не понял характера этого бесстрашного офицера на троне, что считал возможным застращать его высокомерием и недостатком вежливости. Все это послужило поворотным пунктом для влияния министров новой эры, старо-либералов и партии Бетман-Гольвега; с этих пор движение пошло на убыль, руководство перешло в руки Роона и министр-президент, принц Гогенцоллерн, вместе со своим адъютантом Ауэрсвальдом пожелали, чтобы я вступил в министерство. Королева и Шлейниц еще мешали этому в то время, когда я находился весною 1860 г. в Берлине, но недоразумения, происходившие между королем и его министрами, настолько подорвали их взаимоотношения, что полностью восстановиться они уже более не могли.

IV

В царствование Фридриха-Вильгельма IV принцесса Августа держалась обычно взглядов, противоположных правительственной политике; новую эру в годы регентства она считала *своим* министерством, по крайней мере до отставки господина фон Шлейница[11]. Как до этого, так и позже она испытывала постоянную потребность противоречия любому поведению правительства своего деверя, а затем своего супруга. Направление ее влияния изменялось, но всегда таким образом, что до последних лет ее жизни противодействовало министрам. Если правительственная

политика была консервативной, то в домашнем кругу ее величества выдвигали и поощряли либералов них стремления; если императорское правительство в своих заботах об упрочении новой империи находилось на либеральном пути, то императрица начинала благоволить скорее консервативным и преимущественно католическим элементам; последние она поддерживала вообще очень охотно, так как в царствование протестантской династии католики часто, и, в известных пределах, постоянно, находились в оппозиции. В те периоды, когда наша внешняя политика позволяла итти рука об руку с Австрией, отношение [императрицы] к Австрии было недружелюбным и сдержанным; когда же наша политика вызывала столкновение с Австрией, то королева защищала интересы последней вплоть до начала войны 1866 г. В то время когда на границе Богемии уже начались бои, в Берлине, под покровительством ее величества и при посредстве фон Шлейница, продолжались еще сношения и переговоры весьма сомнительного свойства. С тех пор как я стал министром иностранных дел, а господин фон Шлейниц — министром королевского двора, он взял на себя роль как бы контрминистра королевы, который доставлял ее величеству материал для ее критической деятельности и воздействия на короля. С этой целью он воспользовался связями, которые успел завести посредством частной переписки в бытность моим предшественником, и сосредоточил в своих руках настоящую сеть дипломатических донесений. Доказательства этого я получил благодаря случайности: несколько таких донесений, из содержания которых явствовала непрерывность отчетов, были доставлены мне по ошибке фельдъегеря или почты. Они до такой степени походили на официальные донесения, что меня озадачили только некоторые ссылки в тексте; я разыскал в корзине для бумаг конверт, в котором прибыли донесения, и прочел на нем адрес господина фон Шлейница. К числу чиновников, с которыми Шлейниц поддерживал подобные сношения, принадлежал, между прочим, один консул; об этом консуле Роон писал мне 25 января 1864 г., что тот состоял на жалованье у Друэн-де-Люиса и писал под именем Зигфельда статьи для «Memorial diplomatique» [12]. В статьях, между прочим, защищалась оккупация рейнских провинций Наполеоном и проводилась параллель между нею и нашей оккупацией Шлезвига. Во времена «Reichsglocke» и злобных нападок на меня со стороны консервативной партии и «Kreuzzeitung» мне удалось узнать, что распространение «Reichsglocke» и тому подобных клеветнических произведений печати организуется канцелярией министерства двора. Посредником состоял чиновник по имени Бернгард, который чинил фрау фон Шлейниц перья и содержал в порядке ее письменный стол. По полученным мной отчетам он доставлял одним только высочайшим осо-

бам 13 номеров «Reichsglocke», из них два в императорский дворец, а остальные нескольким родственным дворам.

Когда мне пришлось однажды утром посетить разгневанного, и в связи с этим заболевшего, императора по неотложному при тогдашних обстоятельствах поводу о недопустимой демонстрации, устроенной при дворе в пользу центра, то я его застал в постели, а возле него сидела императрица в таком туалете, по которому ясно было, что она спустилась только после того, как было доложено о моем приходе. На мою просьбу позволить мне переговорить с императором с глазу на глаз она удалилась, но тут же за дверью, которая не была ею плотно притворена, села на стул и дала мне понять, что она все слышит. Эта, уже не первая с ее стороны, попытка застращать меня, не заставила меня отказаться от моего доклада императору. В тот же день вечером я был приглашен во дворец. Из того, как ее величество заговорила со мною, я заключил, что император отстаивал перед ней мою жалобу. Разговор принял такой оборот, что я просил императрицу пощадить пошатнувшееся здоровье ее супруга и не подвергать его противоречивым политическим влияниям. Этот, по придворным традициям, неожиданный намек с моей стороны произвел изумительное действие. За последнее десятилетие я никогда не видел императрицу Августу такой прекрасной, как в этот момент: она выпрямилась во весь рост; глаза ее загорелись таким блеском, как мне ни раньше, ни позднее не приходилось видеть. Она прервала разговор, оставила меня и сказала, как мне передавал один из придворных друзей: «Наш всемилостивейший имперский канцлер сегодня очень немилостив».

Многолетний опыт постепенно научил меня почти безошибочно определять, когда император оспаривал предложения, которые я считал логически необходимыми, руководствуясь собственным суждением, а когда — желанием поддержать семейный мир. В первом случае я, как правило, мог рассчитывать на соглашение, для этого надо было только выждать, пока ясный ум государя освоится с вопросом. Иногда он ссылался на министров. В таких случаях обсуждение между мной и его величеством всегда оставалось деловым. Иначе было, когда причина королевского противодействия мнениям министра заключалась в предварительном обсуждении, вызванном ее величеством за завтраком и закончившимся определенным обещанием. Если в такие моменты король под влиянием написанных ad hoc [для этой цели] писем и газетных статей был доведен до поспешных выводов в духе антиминистерской политики, то ее величество обыкновенно закрепляла одержанную ею победу, выражая сомнение, в состоянии ли будет император настоять на высказанном им намерении или мнении«по отношению к Бисмарку». Когда его величество возражал мне не по собственным убеждениям, а только подчиняясь женскому влиянию, то я мог узнать

это из того, что его доводы были неделовыми и нелогичными. В таких случаях, когда ему уж нечего было возразить мне, он заканчивал наш спор словами: «Тьфу, пропасть! так я вас просто прошу об этом». Я понимал тогда, что имею дело не с императором, а с его супругою.

Всех моих противников, которых я, естественно, приобрел в самых различных кругах на почве моей политической борьбы и защиты служебных интересов, объединяла столь дружная ненависть ко мне, что они на время забывали о взаимных антипатиях. Они отложили на время счеты между собой во имя служения более сильной вражде против меня. Центром кристаллизации этого согласия была императрица Августа, которая в силу своего темперамента далеко не всегда считалась с возрастом и здоровьем своего супруга, когда хотела добиться своего.

Во время осады Парижа, так же как часто до нее и после нее, императору не раз приходилось выдерживать борьбу между голосом собственного рассудка и чувством монаршего долга, с одной стороны, и потребностью в семейном мире и женском одобрении его политики — с другой. Рыцарские чувства, которые он питал к своей *супруге,* мистические чувства, которые вызывала в нем *королева,* его чувствительность к нарушению домашнего уклада и привычек повседневной жизни создавали мне такие помехи, которые порой труднее было преодолеть, чем препятствия, чинимые мне иностранными державами или враждебными партиями, и вследствие моей сердечной привязанности к особе императора значительно увеличивали утомительность борьбы, которую мне приходилось выдерживать при отстаивании моих взглядов на докладах государю.

Император понимал это и в последние годы жизни не скрывал от меня своих семейных отношений, советовался со мною, как и в какой форме действовать, чтобы сохранить домашнее спокойствие без ущерба для государственных интересов. «Горячая голова» — так император в порыве откровенности обычно, называл свою супругу, выражая этим и досаду, и уважение, и благорасположение, и сопровождал эти слова таким жестом, который как будто говорил: «Я ничего не могу изменить». Это определение я находил чрезвычайно метким. Королева была мужественной женщиной, пока не грозила физическая опасность, она повиновалась высокому чувству долга, но сознание королевского достоинства не позволяло ей признавать иных авторитетов, кроме собственного.

V

Удельный вес воли и убеждения принца Прусского после вступления его в регентство, а позже в качестве императора, не только в военной, но и в политической области был естествен-

ным следствием сильного и благородного характера, от природы присущего этому государю, независимо от полученного им воспитания. Выражение «королевское благородство» точно подходит к его особе. Тщеславие может служить монарху стимулом для действий и труда на благо своих подданных. Фридрих Великий не был чужд тщеславия; его первоначальная жажда деятельности возникла из желания прославиться в истории. Я не касаюсь вопроса, прекратилось ли, как говорят, действие этого побудительного фактора к концу его правления, или же король внутренне прислушивался к желанию дать потомкам почувствовать разницу между своим и последующим правлением. У него есть поэтические излияния, датированные днем накануне сражения; он послал их в письме с надписью: Pas trop mal a la veille d'une bataille [Не плохо для кануна битвы].

Император Вильгельм был совершенно чужд такого рода тщеславия; зато он чрезвычайно боялся *справедливой* критики современников и потомства. В этом смысле он был типичным прусским офицером, который по приказу свыше без колебания пойдет на верную смерть, но страх перед порицанием начальника или общественного мнения повергает его в отчаянную нерешительность, под влиянием которой он способен совершить опрометчивый поступок. Никто не осмелился бы сказать ему грубую лесть. В сознании своего королевского достоинства он подумал бы: если кто-либо осмеливается хвалить меня в глаза, то он имел бы право и порицать меня в глаза. Ни того, ни другого он не допускал.

За время тяжелой внутренней борьбы и монарх и парламент узнали и научились уважать друг друга; честность королевского достоинства и уверенное спокойствие короля в конце концов вынудили даже противников к уважению. Сам король благодаря высокоразвитому в нем чувству чести способен был справедливо оценить положение той и другой стороны. Преобладающею его чертою была справедливость не только по отношению к своим друзьям и слугам, но и в борьбе с врагами. Он был джентльменом на троне, человеком благородным в лучшем смысле этого слова, который никогда не чувствовал искушения воспользоваться полнотой своей власти для того, чтобы пренебречь правилом «noblesse oblige» [знатность обязывает]. Его образ действий в области внутренней, а также и внешней политики всегда подчинялся принципам кавалера старой школы и чувствам истого прусского офицера. Он соблюдал верность и честь по отношению не только к монархам, но и к своим слугам до камердинера включительно. Если ему случалось под влиянием минутного раздражения нарушить свое тонкое чувство королевского достоинства и долга, он умел быстро овладеть собою и оставался при этом «королем с головы до пят» [13], притом

справедливым и доброжелательным королем и офицером, исполненным чувства чести, которого одна *мысль об его прусской* porte-epee [портупея] смогла удержать на должном пути.

Император способен был вспылить, но во время спора раздражение спорившего не сообщалось ему; в таких случаях он со спокойным достоинством прекращал разговор. Такие вспышки, как в Версале, когда он отказывался от императорского титула, случались очень редко. Если он бывал резок с людьми, к которым благоволил, как, например, с графом Рооном или со мной, то это значило, что либо его волновал самый предмет разговора, либо в результате происходившего до этого постороннего неслужебного разговора он был связан взглядами, которые невозможно было защищать деловым образом. Граф Роон выслушивал подобные вспышки гнева, как военный перед фронтом выслушивает незаслуженный, по его мнению, выговор начальника, но это действовало на его нервы и косвенно на его здоровье. На меня же взрывы императорского гнева, которые мне приходилось переживать реже, чем Роону, не действовали заразительно, а скорее охлаждали. Я пришел к выводу, что монарх, удостаивавший меня таким доверием и благоволением, как Вильгельм I, представляет для меня в моменты своей несправедливости vis major [непреодолимую силу], с которой я не в состоянии бороться; это подобно грозе, морю или другому явлению природы, с которым надо мириться; если же мне это не удавалось, значит я неправильно выполнял свою задачу. Это мое впечатление было основано не на моем общем представлении об отношении короля милостью божьей к своему слуге, а на моей личной любви к императору Вильгельму I. По отношению к нему мне было очень далеко чувство личной обидчивости, он мог обращаться со мною довольно несправедливо, не вызывая во мне чувства возмущения. Чувство обиды точно так же не могло иметь места по отношению к нему, как и в родительском доме. Это не мешало тому, что, не встречая в некоторых политических и деловых вопросах понимания со стороны монарха или наталкиваясь на предвзятое мнение, исходившее от ее величества, или от религиозных либо франкмасонских придворных интриганов, я поддавался нервному возбуждению, вызванному непрестанной борьбою, и оказывал государю пассивное сопротивление, которое ныне, в более спокойном состоянии духа, я порицаю и в котором раскаиваюсь точно так же, как после смерти отца мы испытываем грусть при воспоминании о размолвках.

VI

Благодаря его чистосердечию, искреннему доброжелательству к окружающим и сердечной любезности ему легко удавались такие вещи, которые порой доставляют немало труда и

умственного напряжения конституционным монархам и министрам. Повторяющиеся из года в год обращения к народу тех монархов, конституционализм которых считается образцовым, содержат богатый запас красноречивых слов и оборотов для публичных выступлений, но Леопольд бельгийский и Людовик-Филипп при всем своем ораторском искусстве более или менее истощили конституционную фразеологию, и германский монарх едва ли мог бы расширить круг употребительных в этих случаях выражений. Мне самому ни одна работа не была так неприятна и трудна, как нанизывание фраз для тронных речей и тому подобных публичных выступлений. Когда император Вильгельм сам составлял обращения или собственноручно писал письма, то если они и были стилистически неправильными, то в них все же всегда было что-то подкупающее и часто воодушевляющее. Они трогали теплотой чувства и вселяли уверенность, что король не только требовал преданности к себе, но и сам отличался преданностью. Il etait de relation sure [на него можно было положиться]; он представлял собою одну из тех царственных душой и телом личностей, которые обладают более качествами сердца, нежели рассудка; этим объясняется та встречающаяся иногда в немецком характере преданность не на живот, а на смерть, какую выказывают им и слуги и приверженцы. Для монархических убеждений границы преданности не одни и те же по отношению к каждому государю, а различаются, смотря по тому, определяются они политическим пониманием или чувством. Известная мера преданности определяется законом, большая — политическими убеждениями; там, где она выходит за эти пределы, она нуждается в личных чувствах взаимности; этим вызывается то, что у верных государей — верные слуги, преданность которых превосходит юридические нормы.

Одна из особенностей роялистских убеждений состоит в том, что их носителя, даже если он сознает свое влияние на решения монарха, не оставляет чувство, что он — слуга монарха. Сам король похвалил однажды (в 1865 г.) моей жене искусство, с каким я умел угадывать его намерения и, как он присовокупил после короткой паузы, — *руководить* ими. Такое признание не лишало его сознания того, что он господин, а я его слуга, хотя и полезный, но почтительный и преданный. Это сознание не покинуло его и тогда, когда при возбужденном обсуждении моего прошения об отставке в 1877 г. он воскликнул: «Неужели же я должен оскандалиться на старости лет? Если вы меня покинете, это будет неверностью». Даже и при таких обстоятельствах он слишком высоко ценил свое королевское достоинство и был слишком справедлив, чтобы испытать ко мне малейшее чувство сауловой зависти[14]. Как монарх он не только не чувствовал себя униженным тем, что у него был слуга, пользо-

вавшийся уважением и властью, но это даже возвышало его. Он был слишком благороден для чувства дворянина, который не терпит в деревне богатого и независимого крестьянина. Радушие, с каким он не повелел и не предписал, но разрешил почести по случаю пятидесятилетия моей службы в 1885 г. и принял участие в них, в истинном свете показали этот благородный и королевский характер также и перед обществом и историей. Празднование состоялось не по его повелению, но с его дозволения и радостного содействия. Ни на одно мгновение ему не приходила в голову мысль о зависти к своему подданному и слуге, и ни на минуту его не покидало сознание, что он монарх, точно так же, как все, даже самые преувеличенные почести не подавили во мне сознания — и радостного сознания, — что я слуга этого монарха.

Эти отношения и моя привязанность имели принципиальную основу в моих твердых роялистских убеждениях, но такого рода роялизм возможен только под воздействием известной взаимности добрых чувств между государем и его слугой, точно так же, как наше ленное право [15] предполагает «верность» обеих сторон. Такого рода отношения, какие были у меня с императором Вильгельмом, не являются только правовыми отношениями государя и его подданного или суверена и его вассала, они носят личный характер и для своей плодотворности требуют, чтобы как государь, так и слуга приобрели их. Они легко переносятся скорее в личном порядке, чем на основании какой-либо логики на следующее поколение, но сообщать им длительный и принципиальный характер не соответствует в нынешней политической жизни германскому мировоззрению, а присуще скорее романскому; бурбонский porte-coton [16] в немецкие понятия не укладывается.

VII

Нижеследующие письма живее, чем мое описание, покажут характерные черты императора.

«Берлин, 13 января 1870 г.

К сожалению, я все еще позабыл передать вам медаль в честь победы, которая собственно должна была бы быть *прежде всего в ваших* руках, поэтому препровождаю ее вам как доказательство вашей всемирно-исторической деятельности.

Ваш Вильгельм».

Я написал королю в тот же день:

«Светлейший король,

всемилостивейший господин,

Приношу вашему величеству почтительнейшую и глубочайшую благодарность за милостивое пожалование мне медали

в честь победы и за почетное место, отведенное мне вашим величеством на этом историческом памятнике. Воспоминание о событии, которое этот отчеканенный документ сохранит потомству, приобретает для меня и для моих близких особое значение благодаря милостивым строкам, коими ваше величество сопроводили пожалование. Если мое самолюбие находит высокое удовлетворение в том, что я удостоен донести свое имя до потомков под крыльями королевского орла, указующего Германии ее пути, то для сердца моего еще более дорого сознание, что с божиим ясно зримым благословением я служу потомственному монарху, к которому питаю чувства искренней любви и преданности и заслужить одобрение которого составляет для меня в этой жизни самую желанную награду. Примите, ваше величество, выражение почтительной и неизменной верности до гроба

вашего величества покорный слуга *фон Бисмарк*».

«Берлин, 21 марта 1871 г.

С открытием сегодня, первого по восстановлении Германской империи, германского рейхстага, начинается государственная деятельность последнего. История и судьбы Пруссии издавна указывали уже на событие, которое совершилось ныне, когда она призвана стать во главе вновь основанной империи. Этим Пруссия не столько обязана размерам своей территории и своему могуществу, хотя и то и другое одинаково возросли, сколько своему духовному развитию и организации своей армии. В течение последних шести лет моя страна с изумительной быстротою достигла того блестящего состояния, каким она пользуется ныне. С этим периодом совпадает деятельность, к которой я призвал вас 10 лет тому назад. Весь мир убедился, насколько вы оправдали мое доверие, на основе которого я призвал вас к этой деятельности. Вашим советам, вашей предусмотрительности, вашей неутомимой деятельности обязаны Пруссия и Германия тем всемирно-историческим событием, которое сегодня воплощается в моей резиденции.

Хотя награда за подобные деяния живет в вашем собственном сознании, но все же я обязан публично выразить благодарность отечества и мою собственную. Возвожу вас поэтому в прусское княжеское достоинство, с тем, чтобы оно переходило по наследству к старшему мужскому потомку вашей семьи.

Я желал бы, чтобы вы увидели в этом отличии вечную признательность

вашего

императора и короля

Вильгельма».

«Берлин, 2 марта 1872 г.

Мы отмечаем сегодня первую годовщину заключения славного мира[17], одержанного нами ценою доблести и всяческих жертв, но только благодаря вашей дальновидности и энергии приведшего к таким результатам, которых никогда нельзя было ожидать! Еще раз от всего сердца повторяю вам сегодня искреннюю благодарность, которая уже публично была выражена мною ранее в *железе* и *благородных* металлах. Недостает однако еще одного металла — бронзы. Поэтому предоставляю сегодня в ваше disposition [распоряжение] сувенир из этого металла, притом в виде *того* предмета, который вы заставили *смолкнуть* год тому назад; я приказал предоставить вам, по вашему собственному выбору, несколько орудий, захваченных у неприятеля, с тем, чтобы вы поставили их в ваших поместьях на вечную память об оказанных мне и отечеству высоких услугах!

Ваш

искренно преданный и признательный вам

Вильгельм».

«Кобленц, 26 июля 1872 г.

28-го числа сего месяца вы будете справлять радостный семейный праздник[18], который всевышний, по своей милости, ниспослал вам. Я не могу и не должен остаться вдали от этого праздника, и прошу вас и княгиню, вашу супругу, принять мое искреннее и горячее поздравление по случаю этого радостного дня. За то, что при всех благах, излитых на вас провидением, семейное счастье было для вас всегда превыше всего, вы вознесете благодарственные молитвы ко всевышнему. Но благодарственные молитвы мои и всех нас идут далее; мы благодарим бога за то, что он послал вас в столь решающий час мне в помощь и тем открыл моему правлению такие пути, которые далеко превзошли все, что может предвидеть и постигнуть человеческий ум. Вы вознесете благодарность господу и за то, что он даровал вам возможность совершить столь выдающиеся дела. Во время и после ваших трудов вы в домашнем кругу находили всегда отдохновение и покой, и это поддерживало вас при исполнении вашего тяжкого призвания. Моя настоятельная просьба беречь и укреплять себя для этого последнего; я рад был увидеть из вашего письма, переданного мне графом Лендорфом, и услышать от него лично, что впредь вы будете думать более *о себе,* нежели о бумагах.

На память о вашей серебряной свадьбе вам вручат вазу, изображающую признательную Borussia, и, как ни хрупок материал, из которого ваза эта сделана, пусть даже каждый ее осколок со временем расскажет потомкам, чем Пруссия обя-

зана вам за то, что вы подняли ее на высоту, на которой она ныне стоит.

Ваш

искренно преданный и благодарный вам

король *Вильгельм*».

«Кобленц, 6 ноября 1878 г.

Вам суждено было за *три месяца* благодаря вашей мудрости, дальновидности и смелости отчасти возвратить Европе мир, отчасти сохранить его, а в Германии законным путем выступить против врага, который угрожал гибелью всему государственному порядку. Если оба эти всемирно-исторические события были поняты и оценены всеми благомыслящими людьми, которые воздали вам за них должное, и если и я имел возможность засвидетельствовать вам мою признательность за первое из помянутых событий — за Берлинский конгресс, то теперь я считаю долгом публично выразить вам мою благодарность также и за решительность, с которою вы защищали наши правовые устои. Закон *, который я имею в виду и возникновение которого вызвано было прискорбным для моего сердца и ума событием[19], призван сохранить и обеспечить германским государствам, в том числе и Пруссии, их теперешний правовой уклад.

В знак моей признательности за выдающиеся заслуги, оказанные вами моей Пруссии, я препровождаю вам при сем decoration, составленный из знаков ее могущества: короны, скипетра и меча; этот орден я велел присоединить к кресту ордена Красного орла, который вы постоянно носите.

Меч свидетельствует о смелости и мудрости, с какими вы поддерживаете и охраняете мой скипетр и корону.

Да ниспошлет вам провидение силы еще много лет посвятить ваш патриотизм на пользу моего правительства и на благо отечества.

Ваш

искренне преданный и признательный вам

Вильгельм».

«Берлин, 1 апреля 1879 г.

К сожалению, я не могу устно высказать вам мои пожелания к сегодняшнему дню, ибо, хотя я и должен выехать сегодня в первый раз, но еще не могу подниматься по лестницам.

Прежде всего желаю вам здоровья, так как от него зависит всякая деятельность, вы же проявляете ее ныне более, чем в прежнее время; это доказывает, что деятельность в свою

* Против общественно-опасных стремлений социал-демократов от 21 октября 1878 г.

очередь сохраняет *здоровье.* Да продолжится же она и впредь ко благу отечества как в узком, так и в более широком смысле!

Пользуюсь этим днем, чтобы назначить вашего зятя графа Ранцау советником миссии, так как полагаю, что это доставит вам удовольствие.

Посылаю вам в память об этом дне также copie [копию] портрета моего великого предка, великого курфюрста, изображенного в момент, когда он стоит на большом мосту; от души желаю, чтобы вы вместе с нами еще много лет праздновали этот день.

Ваш признательный

Вильгельм».

На рождество 1883 г. император подарил мне изображение памятника в Нидервальде; к нему был прикреплен листок следующего содержания:

«К рождеству

1883 г.

Заключительный камень возведенного вами политического здания; празднество, особенно близко касавшееся вас и на котором вы, к сожалению *, не могли присутствовать.

В.»

«Берлин, 1 апреля 1885 г.

Любезный князь! Если вся германская земля и народ испытывают искреннее пожелание показать вам в день вашего семидесятилетия, что память обо всем совершенном вами для величия отечества жива в столь многих благодарных сердцах, то я испытываю горячую потребность выразить вам сегодня, как глубоко радует меня, что нация охвачена этим порывом благодарности и уважения к вам. Я радуюсь за вас, ибо это признание поистине в высочайшей мере заслужено вами. Мне приятно видеть, что подобное настроение так широко распространено, ибо нацию украшает в настоящем и усиливает надежда на ее будущее, если она отдает дань уважения и прославляет заслуги своих государственных мужей. Принять участие в подобном празднестве составляет для меня и для моего дома истинную отраду; посылая вам прилагаемую картину (провозглашение империи в Версале)[20], мы хотим тем самым выразить вам чувства признательности, одушевляющие нас при этом, ибо она изображает один из величайших моментов в истории дома Гогенцоллернов, о котором нельзя и думать, не вспомнив, одновременно, и о ваших заслугах. Вы знаете, любезный князь, что я всегда буду питать к вам величайшее доверие, самое искреннее расположение и самую горячую

* Из-за болезни.

признательность! Этим я повторяю в настоящем письме лишь то, что я уже много раз говорил вам; картина же эта наглядно покажет отдаленнейшим вашим потомкам, что ваш император и король и его дом вполне понимали, чем они вам обязаны. С этими мыслями и чувствами я заканчиваю эти строки.

Благодарный и искренне преданный вам

император и король

Вильгельм».

«Вы празднуете, любезный князь, 23 сентября сего года день, в который 25 лет тому назад я призвал вас в мое государственное министерство и вскоре передал вам руководство им. Выдающиеся заслуги, оказанные вами отечеству еще ранее, при исполнении самых разнообразных и важных поручений, дали мне право поручить вам эту наивысшую должность. История последней четверти текущего столетия доказывает, что, остановив свой выбор на вас, я не ошибся.

Являя яркий пример истинной любви к отечеству и неутомимости в труде, часто пренебрегая своим здоровьем, вы как в военное, так и в мирное время неусыпно следили за трудностями, порой нагромождавшимися одна над другой, и всегда благоприятно разрешали их; вы привели Пруссию к почестям и славе и доставили ей такое место в мировой истории, о котором никто не мог и мечтать. Такого рода заслуги дают мне полное право начать день двадцатипятилетнего юбилея, 23 сентября, благодарственной молитвою к господу богу за то, что он послал мне вас в помощь, дабы совершить свою волю на земле.

Еще раз приношу вам за все это благодарность, которую я неоднократно высказывал вам на словах и на деле.

От всего преисполненного благодарностью сердца желаю вам счастья и от души желаю, чтобы вы надолго еще сохранили силы для служения на благо престола и отечества.

Ваш вечно благодарный король

и друг

Вильгельм.

Берлин, 23 сентября 1887 г.

P. S. В воспоминание об истекших 25 годах посылаю вам изображение того здания, в котором нам пришлось обсуждать и выполнять столь ответственные решения, служившие всегда к чести и благу Пруссии, а ныне, надо надеяться, и Германии».

Последнее письмо императора я получил 23 декабря 1887 г. По сравнению с предыдущими, по слогу и по почерку этого письма было заметно, что имгератору в последние три месяца стало гораздо труднее письменно излагать свои мысли и самому писать; но это не мешало ясности его суждений, проявлениям

отеческой чуткости к чувствам своего больного сына и монаршей заботливости о надлежащем образовании своего внука. Было бы несправедливо при воспроизведении этого письма что-либо улучшать в нем.

«Берлин, 23 декабря 1887 г.

Прилагаю при сем указ о назначении вашего сына действительным тайным советником с титулом «превосходительство»; прошу вас передать этот указ вашему сыну — радость, которой я не хочу лишать вас. Я думаю, что радость будет тройной: для вас, для вашего сына и для меня!

Пользуюсь случаем, чтобы объявить вам, почему я до сих пор ничего не ответил на ваше предложение ближе познакомить моего внука, принца Вильгельма, с государственными делами ввиду плохого состояния здоровья моего сына кронпринца!

В принципе я вполне согласен, что это необходимо, но осуществление этого весьма затруднительно. Вам известно, конечно, что принятое мною, по вашему совету, само по себе вполне естественное решение, чтобы мой внук В[ильгельм], в тех случаях, когда для меня самого это невозможно, подписывал текущие бумаги гражданского и военного кабинетов[21], ставя свою подпись под словами «по высочайшему повелению», что это решение чрезвычайно раздражало кронпринца, словно в Берлине уже думают о том, как заменить его! При более спокойном обсуждении мой сын, вероятно, успокоится. Труднее было бы ему примириться с этим, если он узнает, что его сыну разрешено еще большее участие в государственных делах и что к нему приставлен даже *Civil-Adjutant* [штатский адъютант], как я называл в свое время моих реферирующих советников. Но тогда дело обстояло совсем по-иному; так как у короля, отца моего, было основание назначить заместителя тогдашнему кронпринцу, и хотя уже давно можно было предположить, что я унаследую корону, но объявление о том последовало, лишь когда мне исполнилось 44 года и мой брат ввел меня в состав государственного министерства с титулом принца Прусского. Этот пост требовал, чтобы ко мне был приставлен опытный человек, который подготовлял бы меня к очередному заседанию государственного министерства. В то же время я получал ежедневно политические депеши после того, как последние, судя по наложенным на них печатям, проходили через 4—5—6 рук! Прикомандирование к моему внуку государственного сановника просто для *conversation* [беседы], как вы предлагаете, лишено того основания, которым у меня была подготовка к *определенной цели* и, без сомнения, еще больше раздражило бы моего сына, чего следует абсолютно избегать. Поэтому предлагаю вам сохранить прежний способ изучения дел и ознакомления

с государственным устройством, т. е. чтобы это было возложено на отдельные министерства; быть может эту обязанность можно будет распространить на два министерства, подобно тому как это было нынешней зимой, когда мой внук добровольно стал посещать ведомство иностранных дел и министерство финансов, а с нового года эти посещения можно сделать обязательными и присоединив еще пожалуй министерство внутренних дел, причем моему внуку можно было бы разрешить в отдельных sanglanten [22] случаях знакомиться с делами ведомства иностранных дел. *Это продолжение* уже установившегося порядка может менее раздражать моего сына, хотя, вы помните, что он и против этого резко возражает.

Прошу вас высказать ваше мнение по этому поводу.

Желаю всем вам приятных праздников.

Вам

признательный

Вильгельм.

Прилагаемый при сем Patent будьте любезны контрассигнировать прежде, чем передать его дальше по назначению.

В.»

От императрицы Августы я редко получал письма; ее последнее письмо, диктуя которое, она, вероятно, вспоминала о нашей борьбе, точно так же, как я при его чтении, было следующего содержания:

«Писано под диктовку.

Баден-Баден, 24 декабря 1888.

Любезный князь! Обращаясь к вам с этими строками, я хочу лишь выполнить долг признательности в последние часы уходящего серьезного года моей жизни. Вы верно служили нашему незабвенному императору и выполнили мою просьбу заботиться о его внуке. Вы выказали мне участие в тяжелые часы, поэтому перед наступлением нового года я считаю долгом еще раз поблагодарить вас и при том рассчитывать и впредь на вашу помощь при превратностях нашего тревожного времени. Я собираюсь тихо отпраздновать в семейном кругу наступление нового года и посылаю вам и вашей супруге дружеский привет.

Августа».

Подпись сделана собственноручно, но очень отличается от того уверенного почерка, который был свойственен императрице раньше.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Покушение Нобилинга на императора Вильгельма I было совершено 2 июня 1878 г. в Берлине. Император был ранен дробью.

2 Будущий император Вильгельм II, внук Вильгельма I.

3 Старшим сыном короля.Фридриха-Вильгельма III был Фридрих-Вильгельм IV (король с 1840 по 1861 г.). Вторым сыном Фридриха-Вильгельма III был Вильгельм I, король Пруссии с 1861 г. и император с 1871 г. по 1888 г;

4 *Остенде* — курорт в Бельгии, на берегу Северного моря.

5 *Шенгаузен* — родовое имение Бисмарка. .

6 *Нордерней* — курорт на острове того же названия в Северном море.

7 Ввиду душевного заболевания короля Фридриха-Вильгельма IV 23 октября 1857 г. было назначено регентство во главе с принцем Вильгельмом.

8 «Табачной коллегией» назывался узкий круг приближенных прусского короля Фридриха-Вильгельма I; они запросто, без соблюдения этикета, собирались у короля и проводили время в беседах и курении традиционных трубок.

9 Франко-прусская война 1870—1871 гг.

10 «Освободительные войны»—войны 1813—1814 гг. против французского владычества в Германии.

11 Шлейниц ушел в отставку в октябре 1861 г.

12 «Memorial Diplomatique» — политико-литературная газета, выходившая в Париже с 1859 г.

13 Цитата из Шекспира, «Король Лир», акт IV, сцена 6.

14 Саул, иудейский царь. Согласно библейскому сказанию, зависть Саула к Давиду была вызвана тем, что последний в тайне от Саула был помазан царем.

15 Ленное право — совокупность правовых норм, определявших отношения между сеньером и его ленником, т. е. между вышестоящим и нижестоящим феодалом. Леном назывался приносивший доход объект, пожалованный леннику при условии несения службы.

16 Следует так читать: вместо: португальский porteur du coton. При португальском дворе porte-coton был неизвестен. Он принадлежал к высшим ступеням придворной иерархии Бурбонов. *(Прим. нем. изд.)* Porte-coton — придворная должность, первоначально связанная с обслуживанием королевской уборной.

17 2 марта 1871 г. состоялся обмен ратификациями, оформившими предварительный мирный договор, подписанный 26 февраля в Версале Тьером и Фавром, с французской стороны, и Бисмарком, со стороны Германии. Окончательный договор был подписан в г. Франкфуртена-Майне 10 мая 1871 г.

18 Серебряную свадьбу. *(Прим. нем. изд.)*

19 Покушения Геделя (11 мая 1878 г.) и Нобилинга (2 июня 1878 г.) на жизнь императора Вильгельма I. Эти террористические акты, к которым социал-демократия не имела отношения, были использованы Бисмарком как предлог для издания закона против социалистов.

20 «Провозглашение империи в Версале» Антона Вернера; на этой картине центральной является фигура Бисмарка.

21 В Пруссии до конца существования монархии сохранилось старинное словоупотребление, понимающее под *кабинетом* собственную канцелярию короля. В Пруссии существовали гражданский и военный кабинеты; через них, по усмотрению короля, проходили дела, по поводу которых не может возникнуть вопроса об ответственности министров перед ландтагом.

22 Вильгельм хотел сказать eclatantes. *(Прим. нем. изд.)* По-французски sanglant—кровавый, eclatant—блестящий, выдающийся.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ИМПЕРАТОР ФРИДРИХ III

Было широко распространено заблуждение, что переход престола от императора Вильгельма к императору Фридриху должен быть связан со сменой министров и с назначением мне преемника. Летом 1848 г. я впервые имел случай познакомиться с 17-летним тогда принцем и получить с его стороны доказательство личного доверия. До 1866 г. доверие это, быть может, порой колебалось, но решительно и открыто проявилось в Гаштейне в 1863 г. при ликвидации Данцигского эпизода [1]. Во время войны 1866 г., в особенности в борьбе с королем и с высшими военными [чинами] по вопросу о своевременности заключения мира в Никольсбурге, кронпринц удостоил меня своего доверия, независимо от разногласия в наших политических принципах и взглядах. Попытки поколебать это доверие делались с разных сторон, не исключая крайней правой, и с этой целью пускались в ход всевозможные происки и измышления, не имевшие, впрочем, длительного успеха; начиная с 1866 г. для их устранения достаточно было личного объяснения между кронпринцем и мною.

Когда в 1885 г. состояние здоровья Вильгельма I дало повод к серьезным опасениям, кронпринц призвал меня в Потсдам и спросил, останусь ли я на службе в случае перехода престола к другому монарху. Я заявил, что готов на это при двух условиях: никакого парламентского правительства и никаких иностранных влияний в политике. «Об этом не может быть и речи!» — ответил кронпринц, сопровождая эти слова соответствующим жестом.

У его супруги я не мог предполагать такого же благоволения ко мне. Ее естественная и врожденная любовь к своей родине [2] сразу же выразилась в стремлении бросить всю тяжесть прусско-германского влияния в европейских группировках на чашу весов в пользу своего отечества, каковым она никогда не переставала считать Англию. Сознавая различие интересов обеих главных азиатских держав, Англии и России, она стреми-

лась, чтобы при наступлении разрыва между ними германская мощь была применена в интересах (im Sinne) Англии. Это разногласие, основанное на различии национальностей, не раз приводило к объяснениям между ее императорским высочеством и мною по восточному вопросу, включая и баттенбергский[3]. Ее влияние на мужа всегда было велико и с годами усиливалось, достигнув кульминационного пункта в период, когда он был императором. Однако и она была убеждена в том, что в интересах династии я должен остаться при перемене монарха.

В мои намерения не входит, да это было бы и невыполнимо, опровергать каждую легенду и злостное измышление. Так как [существует] рассказ, будто в 1887 г. по возвращении из Эмса кронпринц подписал акт, что в случае, если переживет отца, он отказывается от правления в пользу принца Вильгельма,—и этот рассказ включен в английскую книгу об императоре Вильгельме II, — я хочу констатировать, что в этой истории нет и тени правды. Является также басней и то, что наследник престола, страдающий неизлечимой физической болезнью[4], якобы не может по нашим законам наследовать престол, как об этом в одних кругах в 1887 г. утверждали, а в других — верили. Ни в законах о царствующем доме, ни в тексте прусской конституции нет предписания такого рода. Но был момент, когда вопрос государственно-правового характера вынудил меня вмешаться в лечение страдальца, история болезни которого касается, впрочем, медицинской науки. В конце мая 1887 г. лечившие врачи решили усыпить кронпринца и произвести экстирпацию гортани, не предупредив его о своих намерениях. Я запротестовал, потребовал, чтобы это было сделано не иначе, как с ведома пациента, и так как речь идет о наследнике престола, то также и с согласия главы семьи. Император, извещенный мною, запретил операцию без согласия его сына.

Из тех немногих споров, которые мне пришлось вести с императором Фридрихом во время его краткого царствования, я хотел бы упомянуть только об одном, связанном с размышлениями по поводу имперской конституции, которой я занимался при прежних ситуациях и снова в марте 1890 г.

Император Фридрих склонялся к тому, чтобы отказать в своем согласии продлить с трех до пяти лет срок действия законодательных органов в империи и в Пруссии. Что касается рейхстага, то я разъяснил ему, что император, как таковой, не является фактором законодательства и только в качестве короля Пруссии воздействует на Союзный совет посредством голосов прусских представителей. Имперская конституция не представляет ему права налагать вето на единодушные решения обоих законодательных органов. Этого разъяснения было достаточно, чтобы побудить его величество подписать доку-

мент, которым предписывалось опубликование [имперского] закона от 19 марта 1888 г.[5]

На вопрос его величества о том, что гласит по этому поводу прусская конституция, я мог только ответить, что король имеет такое же право принять или отклонить законопроект, как и каждая из палат ландтага. Тогда его величество временно отказался дать свою подпись, оставляя за собой решение. Возник, таким образом, вопрос, как должно вести себя государственное министерство, просившее короля об утверждении [закона]. Я настаивал и добился согласия пока отказаться от спора с королем, ибо он осуществляет свое бесспорное право, так как, помимо того, законопроект был внесен до перемены на троне и, наконец, мы должны избегать обострения министерским кризисом и без того тяжелого положения, вызванного болезнью монарха. Дело разрешилось тем, что 27 мая его величество по собственному побуждению прислал мне также и прусский закон со своей подписью.

На практике привыкли рассматривать канцлера как лицо, ответственное за все поведение имперского правительства. Об этой ответственности можно утверждать лишь в том случае, если признать его право путем отказа в контрассигновании приостановить сопроводительное послание императора, посредством которого законопроекты союзных правительств (ст. 16) передаются рейхстагу. Сам по себе канцлер, если он не является одновременно уполномоченным Пруссии в Союзном совете, согласно точному тексту конституции, не имеет даже права лично принимать участие в дебатах рейхстага. Если он, как до сих пор, является одновременно носителем прусского мандата в Союзном совете, то по статье 9 он имеет право явиться в рейхстаг и в любое время получить слово; рейхсканцлеру же, как таковому, право это не предоставляется ни по одной из статей конституции. Таким образом, если ни прусский король, ни другой член Союза не облекает канцлера полномочиями [представлять его] в Союзном совете, то у последнего нет законного основания для появления в рейхстаге; хотя согласно статье 15 [канцлер] председательствует в Союзном совете, но без права голоса, и прусские представители так же независимы от него, как и представители остальных союзных государств.

Ясно, что изменение существующих условий, в силу которых возлагаемая на канцлера ответственность ограничивается только действиями императорской исполнительной власти и которые лишают его права, не говоря уже об обязанности, появляться в рейхстаге и принимать участие в обсуждении, носило бы не только формальный характер, но существенно переместило бы и центр тяжести факторов нашей общественной жизни. Вопрос о том, рекомендуется ли затрагивать такие возможности, встал передо мной в период, когда в декабре

1884 г. я очутился лицом к лицу с большинством рейхстага, состоявшим из коалиции самых разнородных элементов — социал-демократии, поляков, вельфов, французских друзей из Эльзаса, свободомыслящих тайных республиканцев, а порой и недовольных консерваторов при дворе, в парламенте и в прессе,— коалиции, которая, например, не утвердила ассигнований для должности второго директора в ведомстве иностранных дел. Поддержка против оппозиции, которую я нашел при дворе, в парламенте и вне его, не была безусловной и не была свободной от воздействия недовольных и соперничающих карьеристов. Тогда я в течение ряда лет, при меняющихся взглядах относительно его срочности, обдумывал и обсуждал с другими вопрос, не нуждается ли достигнутая нами степень национального единства для своего обеспечения иной формы, чем ныне действующая, унаследованная от прошлого и развивавшаяся в результате событий и компромиссов с правительствами и парламентами. В то время я, насколько мне помнится, и в своих публичных речах намекал на то, что если рейхстаг сверх границ, допускаемых принципом монархического правления, затруднит прусскому королю осуществление его императорской власти, то король вынужден будет в большей степени опираться на тот фундамент, который предоставляет ему прусская корона и прусская конституция. При составлении имперской конституции я опасался, что нашему национальному объединению грозит прежде всего опасность со стороны династических сепаратистских устремлений. Поэтому я поставил себе задачей приобрести доверие династий честным и благожелательным соблюдением их конституционных прав в империи. Я получил удовлетворение и в том, что германские владетельные дома, в особенности наиболее влиятельные из них, чувствовали себя удовлетворенными и в своем национальном сознании и в своих частных требованиях. В уважении, которое император Вильгельм I питал к своим союзникам, я всегда усматривал понимание политической необходимости, в конце концов преобладавшее над сильным династическим чувством.

С другой стороны, я рассчитывал найти связующие средства в общих государственных учреждениях, в частности в рейхстаге, в финансах, основанных на косвенных налогах и на монополиях, доходы которых могли поступать только при длительной прочной спаянности. Я надеялся, что эти средства будут достаточно сильны, чтобы противостоять центробежным устремлениям отдельных союзных правительств. Уверенность, что в этом направлении я ошибся, что я недооценил национальное чувство династий и переоценил национальное чувство немецких избирателей или же рейхстага, еще окончательно не сложилась у меня к концу 70-х годов, как ни велика была проявляемая и рейхстагом, и двором, и консервативной партией с ее «декла-

рантами» злая воля, которую мне приходилось преодолевать. Ныне я вынужден просить прощения у династий; должны ли лидеры фракций сказать мне pater peccavi [отец, грешен], решит когда-нибудь история. Я могу лишь заявить, что приписываю парламентским фракциям — как пассивным их элементам, так и карьеристам, которые руководили своими последователями и их голосованием, — более тяжелую вину в нанесении вреда нашему будущему, чем они сами это сознают. «Get you home, you fragments» [«Убирайтесь домой, вы мелюзга»], — говорит Кориолан [6]. Лишь руководство центра я не могу назвать бездарным, но оно стремится к разрушению неприемлемой для него системы Германской империи, в которой императорская власть носит протестантский характер; оно принимает в моменты выборов и голосования поддержку любой фракции, которая сама по себе враждебна ей, но в данный момент действует в том же направлении [как и она], — не только поляков, вельфов, французов, но и свободомыслящих. Кто из членов сознательно действует в целях, враждебных империи, а кто — по ограниченности ума, об этом могут судить лишь лидеры. Виндгорста, в политическом отношении — latitudinarian [терпимого], в религиозном — неверующего, лишь случай и бюрократическая неповоротливость толкнули во враждебный лагерь. Несмотря на все это, я надеюсь, что во времена войны национальное чувство достигнет такой высоты, что прорвет сеть лжи, которой фракционные лидеры, карьеристские ораторы и партийные газеты умеют в мирные времена опутать массы.

Было время, когда центр обладал уверенным и властным большинством против императора и союзных правительств, опираясь не столько на папу, сколько на орден иезуитов, на вельфов, и не только ганноверских, на поляков, франкофильствующих эльзасцев, членов народной партии, социал-демократов, свободомыслящих и партикуляристов, объединенных лишь враждой к империи и ее династии под руководством того самого Виндгорста, который до и после своей смерти был причислен к национальным святым. Если припомнить это время, то каждый, кто только может со знанием дела оценить тогдашнюю ситуацию, с ее опасностями, грозившими с запада и востока, найдет естественным, что рейхсканцлер, ответственный за окончательные результаты, был озабочен мыслью о том, чтобы встретить возможные внешние осложнения, сопряженные с опасностями внутри страны, с тою же независимостью, с какой богемская война была предпринята не только без согласия, но даже в противоречии с политическими настроениями.

Из частных писем императора Фридриха привожу здесь одно, характерное для его мнений и стиля, а также разрушающее легенду, будто я был «врагом армии».

«Шарлоттенбург, 25 марта 1888 г.

Я отмечаю сегодня вместе с вами, любезный князь, пятидесятилетие с того дня, как Вы вступили в ряды армии, и искренне радуюсь, что тогдашний гвардейский егерь может с чувством полного удовлетворения оглянуться на истекшие полвека. Я не стану широко распространяться здесь о государственных заслугах, которые навсегда связали ваше имя с нашей историей. Но об одном не могу не упомянуть: всякий раз, когда дело шло о благоденствии армии, о ее боевой мощи и усовершенствовании ее боеспособности, вы всегда были на месте, чтобы начать и вести борьбу. Поэтому армия, во главе со своим военачальником, который всего несколько дней как призван занять этот пост после кончины того, кто неусыпно заботился о благе армии, благодарит вас за приобретенные ею блага и никогда не забудет их.

Ваш

всегда благосклонный к вам

Фридрих».

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В разгар «конституционного конфликта», 1 июня 1863 г., королем Вильгельмом I был издан указ о прессе, направленный против оппозиционной печати. По этому указу было достаточно двух предостережений, для того чтобы прекратить издание органа, неугодного правительству. Кронпринц Фридрих во время приема, устроенного в ратуше города Данцига 5 июня 1863 г., отвечая на приветственную речь, подверг критике королевский указ. Подробнее об этом эпизоде, получившем название Данцигского, см. XVI главу I тома «Мыслей и воспоминаний».

2 Т. е. к Англии. Жена Фридриха III была дочерью английской королевы Виктории.

3 Намек на желание императрицы Виктории (жена Фридриха III) добиться брака между бывшим болгарским князем Александром Баттенбергским и дочерью Фридриха III.

4 В 1887 г. кронпринц заболел серьезной болезнью горла. Вокруг вопроса о диагнозе и операции разгорелась борьба, объяснявшаяся желанием некоторых правительственных кругов устранить кронпринца от престола. Они ссылались на статью 56 прусской конституции, требовавшую назначения регента в случае наличия «длительной помехи», препятствовавшей исполнению королем своих обязанностей. По вступлении на престол 12 марта 1888 г. Фридрих III (скончавшийся после этого через 99 дней) успокоил своих противников заверением в том, что он будет править в духе своего отца, и в особом послании к Бисмарку выразил надежду на продолжение им службы империи.

5 19 марта 1888 г. был принят рейхстагом закон о продлении срока, на который избирается рейхстаг, с 3 лет до 5 лет.

6 Цитата из Шекспира, Кориолан, акт III.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕЧАНИЙ

ОГЛАВЛЕНИЕ*

ВТОРОЙ ТОМ

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

---

* Перевод с немецкого языка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ